

ТОМАС ГИФФОРД

Леденящий ветер

ТОМАС
ГИФФОРД
**Леденящий
ветер**

РОМАН

Перевод с английского
И. И. БАСАВИНОЙ

Предисловие доктора
философских наук
Д. А. ВОЛКОГОНОВА

ЛИЧНАЯ

БИБЛИОТЕКА

2272

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984

И (Англ)

Г51

THOMAS GIFFORD

THE WIND CHILE FACTOR

BALLANTINE BOOKS
NEW YORK

Гиффорд Т.

Г51 Леденящий ветер: Роман/Пер. с англ. И. И. Басавиной. Предисл. Д. А. Волкогонова. — М.: Воениздат, 1984. — 360 с.

В пер.: 2 р. 60 к.

В романе американского писателя показана опасность возрождения фашизма в послевоенный период, тесные связи монополистического капитала с фашиствующими элементами в государствах Западной Европы и Америки.

Сюжет романа, написанного в детективном жанре, отличается динамичностью и напряженностью.

Книга привлечет внимание широкого круга читателей.

ББК 84.7 США

И(Англ)

© Перевод на русский язык, Воениздат, 1984

© Copyright, 1975, by Thomas Gifford

ПРЕДИСЛОВИЕ

Минуло четыре десятилетия с тех пор, как на полях сражений отзвучали последние залпы второй мировой войны. Время успело неузнаваемо изменить арены минувших битв: затянулись шрамы окопов на земле, поднялись из пепелищ новые города, выросли молодые поколения, для которых война — история. И история не-близкая. Главный виновник второй мировой войны, как и всех других войн XX века, международный империализм не любит вспоминать, что фашизм родился в его недрах. Но от этого никуда не уйти: фашизм как политическое и идеологическое явление есть не что иное, как органическое порождение империализма. Именно в фашизме наиболее ярко проявляются реакция, мракобесие, террор, насилие капитала.

Многим казалось, что с крахом «тысячелетнего рейха», когда рукой советского солдата был водружен красный стяг над рейхстагом, фашизму пришел окончательный и бесславный конец. Но так только казалось. Уже в те дни мая 1945 года влиятельные силы в капиталистическом мире, и прежде всего на холме власти в Вашингтоне, делали все возможное, чтобы сохранить антикоммунистическую направленность фашизма, использовать часть его кадров, средства, методы подавления трудящихся. Фашизм как раньше, так и теперь был нужен империализму, особенно в моменты социальных кризисов, когда для спасения капиталистических устоев в той или иной стране требуется объединение самых реакционных сил. Фашизм не умер. В видоизмененной, закамуфлированной форме он продолжает жить в большинстве капиталистических государств, представляя собой потенциальную угрозу силам прогресса и демократии. О некоторых сторонах этого явления, именуемого неофашизмом и неонацизмом, повествует настоящая книга.

Американский писатель Томас Гиффорд в своем романе «Ледяной ветер», который предлагается читателю, показывает, как выглядит современный неофашизм изнутри. Роман Т. Гиффорда написан в детективном жанре, однако основу книги, ее политическую канву составляют реальные факты и события из жизни современного капиталистического мира — Соединенных Штатов Америки, Федеративной Республики Германии, Великобритании, некоторых стран Латинской Америки. Автор не вскрывает (да, видимо,

в силу своего буржуазного мировоззрения он на это и не способен) социально-политических причин активизации неонацизма и неофашизма, туманно говорит о прямой связи нынешней правящей верхушки буржуазных обществ с последователями коричневой чумы. Однако действия героев романа — деда и отца Куперов, Бренделя, Котмана, Рошлера и других — с большой художественной силой высвечивают моральный, а точнее, аморальный облик последователей Муссолини и Гитлера.

Сюжетная канва романа, несмотря на перенасыщенность драматическими поворотами, убийствами, превращениями и открытиями, довольно бесхитростна. Главный герой книги молодой американец Джон Купер по просьбе старшего брата Сирила едет на встречу с ним в город, где они оба родились, но, приехав, находит брата убитым в доме деда. За этим таинственным убийством следуют новые. Пытаясь выяснить причину гибели брата, Джон в конце концов устанавливает, что Сирила убили за то, что он обнаружил в ходе поисков своей сестры, исчезнувшей во время минувшей войны, важные документы международной фашистской организации. Сирил, лично зная некоторых из неофашистов, намеревался предать документы гласности. Об этом узнали руководители фашистской организации, и со сцены жизни стали исчезать все вольные или невольные свидетели — актеры разыгранной трагедии. Джоном Купером движут больше личные, чем общественные мотивы: розыск сестры, поиск убийц брата, стремление разгадать «загадку» своего деда, оказавшегося убежденным сторонником фашизма. Картина, открывшаяся перед Джоном в ходе поисков, метаний в Аргентину, Англию, Западную Германию, США, заставляет его содрогнуться. Он поражен размахом, организацией, фанатизмом замаскировавшихся фашистов, не потерявших надежды достичь того, к чему стремился фюрер.

Дед Джона — Остин Купер, американец-миллионер, был убежденным приверженцем фашистской идеологии и политики. В довоенные годы он был тесно связан с концерном Круппа в Германии, неоднократно встречался с Гитлером и другими главарями третьего рейха. Понятно, что в ходе второй мировой войны он был вынужден тщательно маскировать свои преступные связи. Однако в 1945 году Остину Куперу удалось вывезти из поверженной Германии переданные ему нацистскими единомышленниками важнейшие документы, которые представляли собой долгосрочные стратегические планы нацизма по завоеванию мирового господства. Их суть выражалась двумя вариантами.

Первый был рассчитан на достижение цели военным путем: захватом всех континентов и уничтожением миллионов людей из «неполноценных рас». Этот вариант плана пытался реализовать Гитлер, но потерпел сокрушительное поражение.

Второй вариант достижения мирового господства, согласно версии романа Т. Гиффорда, был связан со стремлением достичь этой цели изнутри, путем постепенного захвата власти и экономики сторонниками неофашизма. Этот вариант был рассчитан на несколько десятилетий. Троянский конь неофашизма должен был втаскиваться в Трою цивилизации осторожно и постепенно. По мысли его творцов, к 2000 году нацисты «будут безраздельно править всем миром». Именно эти чудовищные гегемонистские планы хранились у Остина Купера. Фашисты были готовы физически уничтожить каждого, кто случайно или умышленно попытается открыть их тайну. В романе вокруг них в сложном переплетении многих человеческих судеб и разворачиваются все события.

Из уст «охотника» за неофашистами Стейнза, детектива Питерсона, из рассказов английского журналиста Кемпбелла и некоторых других лиц, так или иначе оказавшихся в сфере деятельности современных фашистов, Джон узнает, сколь огромно и могущественно влияние в современном мире этой тайной, а иногда и не очень тайной политической силы террора и насилия. Писатель, опираясь на исторические факты, рассказывает, что германский фашизм смог сохранить огромные суммы в швейцарских банках, франкистском Мадриде, что, будучи сметен с поверхности земли очистительной силой справедливой антифашистской войны, он оставил в подполье разветвленную сеть своих организаций.

Давно известно, что многие фашистские функционеры не без помощи своих покровителей в США, Англии, Испании смогли бежать в Аргентину, Парагвай и другие страны Латинской Америки, а также притаиться до поры до времени в главных очагах фашизма — в Италии и Германии. Томас Гиффорд устами отставного английского полковника Стейнза повествует, как люди типа Сент-Джона и Бренделя организовывали операции по переправке нацистов — военных преступников из Европы в Южную Америку. Герой книги Джон Купер убедился, что тысячи нацистов и их последователей педурно устроились за океаном. Но главная их часть все же осталась в Европе, особенно в Федеративной Республике Германии. И это очень близко к истине.

В сегодняшнем политическом облике ФРГ коричневый цвет с различными оттенками занимает значительное место. По данным демократических источников ФРГ, сегодня в государстве существуют и действуют десятки организаций неофашистского и неонацистского толка. Это прежде всего национал-демократическая партия с ее филиалами «молодые национал-демократы», «викинг-югенд», «немецкий блок», «новые правые» и т. д. Только в последнее время в стране появились такие неофашистские группировки, как «национал-социалистическая демократическая рабочая партия» и «народно-социалистическое движение», исповедующие откровенно

милитаристские взгляды. Этому способствует то серьезное обстоятельство, что те группы монополистического капитала, которые привели Гитлера к власти, не только уцелели, но и процветают, всемерно помогая оживлению консервативных и реакционных сил, направляющих острие своих атак против демократии и социализма.

Эти многочисленные группировки неонацистов заимствуют свое место на крайнем правом фланге политической жизни ФРГ и других капиталистических стран. Они располагают значительными финансовыми средствами, оказывают политическое влияние, имеют свою печать. Например, издающаяся в Мюнхене неонацистская газета «Дойче национальцайтунг» уже одними своими заголовками говорит о реваншистском, фашистском содержании: «Ложь об Освенциме», «Миллионы убитых в концлагерях — выдумка», «Убийство миллионов немцев — преступление победителей» и т. д. Одна из выходящих в Гамбурге подобных газетенок — «Штурм» — даже осмелилась призывать к прямой реабилитации фашизма: «Свободу национал-социализму! Десятилетия запрета не умертвили национал-социализм. Мы, нацисты, тщательно готовимся к новому 1933 году!»

Роман Томаса Гиффорда, раскрывая некоторые стороны закулисной деятельности сегодняшних неонацистов, не претендует, конечно, на анатомию неонацизма и анализ его как идеологии или политического движения. Американский писатель, набрасывая эскиз пестрой картины бытия своих героев, тем не менее постоянно напоминает: фашизм жив, фашизм действует! Роман, возможно и помимо воли автора, предупреждает читателей: фашисты и новая их популяция не отказались от своих бредовых целей. Именно об этом говорится на страницах «Ледяного ветра»: придет время, считают нацисты, и фашизм может победить всюду. Но для этого нужно, чтобы фашизм победил в Америке. Согласно нацистским планам, писал автор, в конце семидесятых годов в США президентом станет скрытый фашист. Это выглядело прогнозом, так как роман, выпущенный издательством «Беллантайн букс», был написан в первой половине семидесятых годов, однако действия американского президента в конце этого десятилетия и в первой половине восьмидесятых годов не раз вызывали шумные аплодисменты и восторженные крики самой махровой реакции, среди которых были слышны и голоса неонацистов.

Это не случайно. В капиталистическом мире прокатилась волна консерватизма как философии и политического действия. Это, по существу, выражение классовой реакции империализма на разрядку, которую он пытается удушить, и злобный ответ на достижения реального социализма. Предтеча нынешних американских консерваторов президент Кулидж еще в 1927 году заявил: «Мы взяли на себя миссию отбить охоту к революциям!» Справедливости ради отметим, сегодня не все в Соединенных Штатах верят,

что такое возможно. Весьма симптоматично, что газета «Вашингтон пост» 11 марта 1984 года напечатала статью с красноречивым заголовком: «США должны научиться сосуществовать с революциями». Однако те, кто занимают сегодня высшие политические этажи власти в Америке и других натовских странах, весьма привержены идее консерватизма. Это стало реальностью, ведь на рубеже семидесятых и восьмидесятых годов в правящих эшелонах монополистического капитала произошел заметный сдвиг вправо. И это, конечно, не может не сказываться на усилении неофашизма — специфического, крайнего проявления социальной реакции буржуазии.

Философия американского консерватизма, представляющая интеллектуальную платформу «ястребов», которым весьма симпатизируют неофашисты, не очень оригинальна. Ее творцы считают, что нынешний консервативный ренессанс просто продолжает традицию, идущую от Фомы Аквинского, Ницше к сегодняшним реалиям. Основные постулаты, которым молятся «ястребы» (те, кто возглавляет совет директоров военно-промышленного концерна, те, кто в бункерах Пентагона выискивает пути к «победе» в ядерной войне, те, кто благословляет агрессию против социалистического, демократического и просто либерального разума), несложны. Их, например, довольно откровенно изложили авторы четырехтомного сборника «Мудрость консерватизма», изданного в Соединенных Штатах. Современные доктринальные выводы консерватизма исходят из необходимости решительного «отпора красным» как условия существования капиталистической системы. Продолжается рост консервативных убеждений, доходящих нередко до полюса крайней реакционности, — до утверждения Рейгана о «возможности отправить мировой коммунизм на свалку истории». Руководители государства, мыслящие в духе «новых правых» — духовных братьев неофашистов, цинично рассуждают о «факеле свободы, которым они освещают дорогу человечеству». Пора бы им заметить, что факел в их руке — напалмовый.

В книге «Что такое коммунизм?», подготовленной людьми, которые думают так же, как президент, утверждается, что «каждый американец должен помнить, что он платит коммунистам треть своих налогов. Ведь это из-за их угрозы мы должны содержать армию, создавать новые вооружения, чтобы спасти Америку от захвата красными». Так формируется дремучий антикоммунизм — социально-политическая суть не только консерватизма США, но и его духовного союзника — неофашизма.

Томас Гиффорд, рисуя портреты современных неофашистов, говорит об их зверином антикоммунизме и антисоветизме как о чем-то само собой разумеющемся. Убеждая Джона Купера в необходимости для США спастись фашизм, главарь фашистской организа-

ции в США доказывает, что в конечном счете главная задача американцев и неофашистов — «бороться против общего врага — России». И американцы, по его словам, должны благодарить фашистов, ведь без них они «не смогли бы сдержать коммунистов». Вот почему равноблагие неофашизма наших дней, его помыслы и планы срывает фарисейские покровы с тех, кто его защищает и маскирует. Неофашизм нашего времени — это по-прежнему ударный отряд империалистической реакции, милитаризма и буржуазного национализма. В романе Гиффорда социально-политические акценты, идеологические оценки выражены довольно аморфно, нерельефно. Буржуазный автор увлечен личностной, моральной и психологической стороной описания. Вот почему книга может произвести впечатление обычного детектива с политическим подтекстом. Но если попытаться выйти за круг непосредственных интересов героев, их страстей и помыслов, то можно обнаружить как бы второй план: действие реакционных групп, накапливающих силы для реванша.

Писатель, давая психологические характеристики действующих на страницах романа лиц, весьма выразительными фразами, суждениями, репликами помогает читателю получить представление о том, как неофашизм относится к самым жгучим проблемам нашей эпохи. И прежде всего — к проблеме войны и мира. Остин Купер, патриарх американских нацистов, весьма откровенно выразил свое отношение к войне. «Если национал-социализм... сулит войну, — говорил он, — значит, быть войне! Деньги переживут войну, разбукнут на войне. Войны были всегда. Человечество любит воевать. Задача состоит в том, чтобы заставить войны приносить доход». Таково кредо американского нациста, выраженное в циничном духе капиталистического предпринимательства. Таких дельцов последствия войны не пугают. Они думают только о прибыли.

Сегодня, конечно, говорить напрямую о том, что война — благо, трудно, но готовиться к войне, форсировать ее приближение считается в мире капитала признаком хорошего политического тона. В этом неофашисты не одиноки. Многие из тех, кто оказался в коридорах власти натовских стран, исходят из принципа: мир можно обеспечить лишь на основе превосходства. А для этого в топку вооружений бросаются ежегодно фантастические суммы. Буржуазный социолог Р. Билои в книге «Неонацисты», изданной в Париже в 1983 году, пишет, что «неонацисты потирают от удовольствия руки, ведь чем сильнее гонка вооружений — тем выше напряженность. А чем напряженнее ситуация — тем нужнее властям, обществу они — жрецы войны». Неонацисты и не скрывают, что гонка вооружений для них — надежда на исполнение своих чудовищных планов.

Автор романа, рисуя судьбы персонажей книги, не мог не ска-

вать о тех глубоких социально-экономических связях, которые объединяют нынешних неофашистов и заправил военно-промышленного комплекса, о глубинных истоках живучести империалистической реакции в форме нацизма. Еще Остин Купер, дед Джона, был тесно связан не только с мультимиллионерами Америки Рокфеллером, Фордом, Меллоном, но и с нацистскими промышленными магнатами Круппом, Тиссенем и другими воротилами военно-промышленного бизнеса. Подобные связи характеризуют международную сущность неофашизма, его классовые истоки. Поэтому сегодня, когда военные бюджеты США, их натовских союзников возвышаются как высоченные шпили над плоской равниной социальных программ, подобная «геометрия» отражает извечное стремление монополий к прибыли, сверхприбыли, суперприбыли. Для их получения, если пужно, используются любые реакционные силы, в том числе и неофашизм.

В книге фактически утверждается, что организованной борьбы с неофашизмом в капиталистическом мире не ведется. Фашистские недобитки и новая поросль нацистов нередко занимают влиятельные политические и финансовые посты. И в этом свете история отставного английского полковника Стейнза, который вместе со своим другом Даусоном выслеживает и «убирает» фашистских главарей по собственной инициативе, выглядит некоей аномалией. В реальность существования такого «мстителя» верится с трудом. А власти, будь то в США или ФРГ, не просто терпимо относятся к «племенн коричневым», но и, по существу, способствуют их политической и «деловой» активности.

Писатель акцентирует внимание читателя на взаимоотношениях нацистов, особенно их главарей. Детальные сцены, рассказывающие о коварстве, жестокости, садизме, беспринципности неофашистских бонз, которые одинаково легко лгут и убивают, занимают демагогией и конспирацией, дают достаточно полное представление о духовном облике тех, кто фанатично верит «плану возрождения национал-социализма». В этом отношении весьма показательна фигура главара фашистской организации в США. Этот гитлеровский последний способен не только пространно рассуждать о «концепциях движения», но и убить Сирила, Полу, поджечь здание, использовать агентов ЦРУ в своих интересах. Люди, подобные ему, — это политические перевертыши, террористы, насильники. Однако это не мешает им носить фраки, возвращаться в высшем свете, играть в демократию. Таковы сегодняшние неофашисты, которые действуют, говорят, думают на страницах романа.

В книге проводится важная мысль, которая не может не пасторожить честных людей. Неофашисты и те, кто им покровительствует, понимают, что возрождение нацизма в той форме, в какой он существовал четыре десятилетия назад, — невозможно. Чудо-

вишние преступления, кровь миллионов людей, страдания целых народов не могут быть забыты, хотя кое-кто очень хотел бы, чтобы океан забвения катил свои волны над бесчисленными жертвами. Память человечества — его история. Никому не дано ни права, ни возможности вырвать из нее целые страницы. Нацизм, фашизм, олицетворяющие насилие, жестокость, варварство, вандализм, на века пригвождены цивилизацией к позорной плите. Шквал истории навсегда уничтожил фашизм в том виде, в каком он существовал в тридцатые и сороковые годы. Это понимают и сегодняшние неонацисты. Понимают и соответственно действуют, маскируя как свои истинные намерения, так и названия своих группировок, партий, союзов и т. д. Недаром Бреннер рассуждает в книге по этому поводу: «Нацисты потерпели поражение... Им суждено было с позором исчезнуть с лица земли... Но умерло только название... Только название...» И это действительно так. Названия у большинства фашиствующих группировок ныне другие: «национальный фронт действий», «национальный союз борцов за порядок», «новая национальная ассоциация» и т. д. Но сущность идеологической концепции неонацистов осталась прежней: антикоммунизм, антидемократизм, антигуманизм. Чтобы люди в капиталистическом мире привыкали к возможности возрождения «нового национал-социализма», во многих странах, и особенно в ФРГ, происходит настоящая реабилитация гитлеровцев, оправдание их преступлений, планов, намерений.

В последние годы в Западной Германии, например, на гребне волны буржуазной пропаганды постоянно находится фашизм, его фюреры, которые, оказывается, были «не так плохи, как о них думали». С экранов кинотеатров и телевизоров, из газетных киосков и витрин книжных магазинов на сегодняшние поколения смотрят (и обращаются к ним!) фашистские преступники, олицетворяющие подлинное средоточие зла капиталистического мира. В Западной Германии не представляет труда приобрести дневники Геббельса, мемуары жены Риббентропа, дочери молодежного фюрера Шираха, пластинки с маршами СС, речами «вождей» третьего рейха, знаки с фашистской «свастикой» и т. д. Вся эта «реабилитирующая» продукция неонацизма хотела бы превратить правду истории в свою жертву. То, о чем пишет Т. Гиффорд, в капиталистическом мире распространено более широко, чем рисует нам американский писатель. Буржуазный мир неизлечимо болен: реакция, насилие, террор — вот симптомы этой болезни. А все это в концентрированной форме выражено в идеологии неонацизма.

Международная неонацистская организация, в которую по воле случая попал Джон Купер, не ограничивает свои ряды пассивными сторонниками, политическими единомышленниками. Особенность неонацистских организаций заключается, в частности, в том, что вокруг ядра такой структуры группируются милитаристские со-

язы. В ФРГ, например, существует немало подобных группировок типа «стальной шлем», «союз немецких солдат», «гренадеры СС», «группа Клейста» и т. д. В этом факте выражена одна из принципиальных особенностей современного неонацизма: он непременно запускает свои щупальца в военную сферу, возрождает дух реванша, завоевывает прочные позиции среди заправил военно-промышленного комплекса. Чем сильнее общество затянато в милитаристский мундир, тем вольготнее чувствуют себя неонацисты.

Сегодняшний неонацизм — не воскресший из мертвых политический феномен. Роман Т. Гиффорда, хотя и скупо, проливает свет на то, что фашизм был спасен и существует в современном виде благодаря прежде всего монополиям США, военно-промышленному комплексу, политическим «ястребам» на Белого дома. Ведь «Вашингтон и нацистское движение, — считает Артур Бреннер, — это одно и то же...» По истечении десятилетий с момента крушения фашистской империи продолжают вскрываться все новые и новые факты, свидетельствующие о прямом участии США в сохранении тех элементов фашистского движения, которые нужны новым претендентам на мировое господство. В романе подтверждается, что из Германии через Швейцарию, Северную Африку, Испанию тысячи нацистов расползлись по свету, чтобы спрятаться в политических лабиринтах буржуазного общества. Немало нацистов перебралось в Латинскую Америку на подводных лодках из Швеции. Советский Союз еще в конце войны неоднократно предупреждал союзников: вести двойную игру — порочно, а спасать нацистов — бесчестно. Опираясь на исторические факты, автор говорит устами своих героев, что Сталин догадывался об «утечке» фашистов по англо-американским каналам в безопасные места, но ему отвечали, что это не так; подобных лодок, мол, не существует. А в это самое время Брендель и англичанин Сент-Джон, сказано в книге, переправляли за океан Бормана, Эйхмана, Котмана и других лидеров фашистского рейха.

Роман, конечно, не юридический обвинительный документ. Но все, что говорится в романе о спасении Центральным разведывательным управлением, английскими спецслужбами нужных США и Англии нацистов, стократно подтверждено историческими фактами. Один из последних — доставка из Латинской Америки во Францию нациста, палача французского народа Барбье. И уже сейчас точно установлено, что туда он попал благодаря действиям американских разведывательных служб. И многие персонажи романа, типа Ганса Долдорфа, оказавшиеся за океаном, спаслись, как и Барбье, благодаря покровительству США фашистам.

Все это представлено в романе достаточно полно, хотя политические оценки Т. Гиффорда не только сдержанны, часто они просто отсутствуют. Это и понятно, ведь книга принадлежит перу ти-

пично буржуазного автора. И будучи таковым, он не удержался и в ряде мест воспользовался домыслами буржуазной пропаганды, повторив то, что никогда не соответствовало истине и правде истории. Томас Гиффорд, возмущаясь аморальностью фашизма и неофашизма, не понимает его социально-политической природы, его истоков, коренящихся в капиталистическом обществе. Для него империализм, так называемый «свободный мир», — иное, совершенно отличное от фашистского тоталитаризма общество. Ему, автору, якобы неведомы скрытые пружины социального неравенства, национализма, расизма, как и истоки, питавшие, вскармливавшие правые силы капиталистической системы. Для Т. Гиффорда фашизм и неофашизм находятся за рамками, границами «классического капитализма», что в принципе совершенно неверно.

Сегодняшний неофашизм — не просто резерв империализма на случай крутых поворотов, сдвигов в социальной структуре буржуазных обществ. Это и действующий отряд антикоммунизма, одобряющий ввоз американских ракет в Западную Европу, акции США, направленные на срыв разрядки, действия руководства НАТО по раскручиванию маховика гонки вооружений, усилия буржуазных партий по ужесточению психологической войны против социализма. Неофашизм борется против общественного прогресса, тянет руку к ядерному оружию, разрабатывает сценарий ядерного блицкрига. Зловещая тень свастики не исчезла. Люди должны быть бдительны. Леденящий ветер неофашизма дует в том же направлении, в каком движутся колонны крестоносцев, ведомых американским президентом.

Томас Гиффорд своим романом смог приоткрыть лишь некоторые страницы неофашистского движения. Сегодня неофашизм — прямой союзник тех сил мировой реакции, которые не отказались от своих намерений переиграть проигранные империализмом битвы XX века; сил, которые смотрят на весь мир лишь через перекрестие прицела. Леденящий ветер фашистского прошлого для них желаннее теплых ветров разрядки.

Доктор философских наук, профессор
Д. А. Волкогонов

ПРОЛОГ

На перроне безлюдно. Холодно, но от прохлады становится легче — она снимает боль. Прислоняюсь к столбу. Неподалеку дожидается поезда семья — средних лет пара, в твидовых пальто, и маленькая светловолосая девчурка, которая держит мать за руку и улыбается в ожидании поезда, возбужденная, как все малыши, когда они еще бодрствуют, хотя давно пора спать. Отпустив руку матери, она принимается семенить вокруг родителей и вскоре оказывается настолько близко от меня, что я вижу ее васильковые глаза. Она улыбается мне, и я улыбаюсь в ответ. На ней нарядное пальтишко с бархатным воротничком.

Неуверенно ступая, она подходит ближе, глядя на меня по-детски неотрывно, в упор, и вдруг ее улыбка гаснет. Я снова ловлю ее взгляд, преодолевая нахлынувшую боль и усталость, и пробую улыбнуться. Она напоминает мне мою маленькую сестренку Ли.

Несколько смущенный ее пристальным взглядом, я наклоняюсь вперед, хочу поздороваться. И тут она начинает пронзительно вопить, будто я на нее напал. Ноги мои подкашиваются, я чувствую, что валяюсь вперед, и хватаюсь за столб. Не могу понять, отчего она кричит. Ее рот — провал, в который, кажется, я вот-вот рухну, — напоминает мне зияющую рану.

Родители девочки оборачиваются на крик, отец бросается к ней, повторяя: «Я здесь, здесь», — и протягивает руки к дочери. Женщина подходит ближе, сердитая, негодующая, и вдруг останавливается как вкопанная, прикрывает рот рукой в перчатке, и я слышу ее слова: «О боже, Генри, взгляни на его лицо, оно все в крови».

Я провожу рукой по лицу. Рука становится липкой, и я начинаю испытывать тошноту: по пальцам у меня размазана кровь. Пытаюсь устоять на ногах, приникаю к столбу, все плывет перед глазами, голоса доносятся словно далекое эхо. Крик девочки обрывается, и я вижу, как стучащий по полотну дождь переходит в плавно оседающий снег.

Чей-то голос над самым ухом устало произносит: «Господи, Купер, что за вид, опять вы влипли в какую-то историю».

Голос мне знаком, но, когда я оборачиваюсь, чувствую, что начинаю терять зрение, и успеваю заметить лишь силуэт, колющий луч света, чье-то лицо на острие луча, а потом перед глазами только снег, опускающийся большими мягкими хлопьями, в ушах приглушенные звуки поездов, далекие-далекие, и я чувствую, что падаю, и мне уже попросту на всё наплевать...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Все началось с телеграммы...

Последние несколько лет после развода с Дигби я жил в Кембридже, штат Массачусетс, и пришел к выводу, что, хотя и не могу возродить в душе ощущение безмятежности студенческой жизни в Гарварде, все же в этом местечке я обрел некоторый покой. Я записался в библиотеку Уайднер, приучился удовлетворять свои потребности в промтоварах в местном универмаге, пользовался услугами находившихся поблизости нескольких книжных и писчебумажных магазинов, а также газетных киосков, приобретал табак в «Ливайт и Пирс»; читал за завтраком «Кримсон» и «Нью-Йорк таймс», совершал прогулки по Бойлстон-стрит мимо Элиот-хаус, где я когда-то обитал, и вдоль реки Чарлз, возле которой страстно влюбился в женщину, ставшую поначалу причиной моего развода, а затем покинувшую меня.

В Кембридже я чувствовал себя самым собой: здесь мне ничто не напоминало о Дигби. Этот город был полной противоположностью Нью-Йорку, где присутствие Дигби ощущалось на каждом шагу, поскольку у нее была масса друзей, и где она была более известна, чем я.

В то памятное январское утро я сидел за письменным столом у себя в кабинете, глядя на прошлогоднюю траву во дворе и серые пятна снега, похожие на проплешины. В глиняной кружке передо мной дымился кофе, в тарелке лежала поздраватая английская сдоба. Тут же, на столе, возвышалась стопка желтых линованных листов именного блок-

нота, исписанных моим неразборчивым мелким почерком. Работа над романом «Мятеж», начатая мною в Гарварде во время студенческих волнений, продвигалась быстро. Вот уже шесть месяцев я не употреблял спиртного и теперь был уверен, что с этим покончено навсегда. В тридцать четыре года я почти разорился, но средств еще оставалось достаточно, чтобы спокойно встретить завтрашний день.

Итак, весьма довольный собой, я наслаждался мыслью о том, что, собрав волю в кулак, все-таки сумел выжить.

И тогда-то, словно для того, чтобы сбить с меня спесь, зазвонил телефон.

— Говорят с телеграфа. Мистера Джона Купера, пожалуйста, — произнес женский голос.

— Купер у телефона.

— Вам телеграмма от... э-э-э... Сирила Купера.

— Прочтите, пожалуйста, — бодро сказал я, испытывая одновременно щемящее липкое чувство страха, которое неизменно вызывают слова «вам телеграмма».

И в ответ услышал:

— «Срочно будь Куперс-Фолсе двадцатого января. Бро-сай все. Семейному древу нужен уход. Выше голову, братишка. Сирил».

Голос любезно предложил повторить текст. Я с готовностью согласился и второй раз прослушал уже с облегчением: по крайней мере, никакой катастрофы. Уставившись в окно и размышляя о том, что бы все это могло значить, я спросил, откуда отправлена телеграмма.

— Из Буэнос-Айреса, — ответила телеграфистка голосом, интонация которого была профессионально отшлифована.

Поблагодарив, я машинально потянулся за жестяной с табаком, туго набил трубку душистым «Балкан собрани», поднес большую кухонную спичку и полной грудью втянул дым, ощущая аромат смеси и наблюдая, как тлеющие хлопья латакии¹ поднимаются над вересковой чашечкой трубки.

Первое, размышлял я, — никакой липы. Никто, кроме Сирила, не раскошелится бы в международной телеграмме на три лишних слова: «Выше голову, братишка».

Второе — «срочно» в обиходе Сирила было не просто словом. Оно сохраняло свое истинное значение.

Третье — двадцатое января отнюдь не приблизительная дата. Это точный срок, когда мне надлежало по вызову Сирила прибыть в Куперс-Фолс, причем явка обязательна и

¹ Крепкий сирийский табак. — Здесь и далее примечания редакции.

никакие уважительные причины с моей стороны не будут приняты во внимание.

Четвертое — телеграмма была не только загадочной, она была намеренно интригующей, тем более что суть дела в ней не сообщалась. Помимо всего этого, Сирил никогда ничего не делал просто так, и если в данном случае он о чем-то умалчивал, темнил, значит, на то имелись свои причины.

Пятое — Буэнос-Айрес. Буэнос-Айрес невообразимо далек от привычных Сирилу деловых районов, в основном европейских. И тем не менее у Сирила, очевидно, были веские причины для пребывания именно в Буэнос-Айресе.

Допив вторую кружку кофе, я взял чемодан, аккуратно сложил в него свои пожитки и направился в гараж к «линкольну».

2

«Линкольн» сохранился у меня еще с тех времен, когда денег было в изобилии. Даже оказавшись перед фактом нахлынувших личных и финансовых неурядиц, я холил и лелеял его, оберегая от порчи, цепляясь за него, как за своего рода талисман. Машина служила для меня источником радости. Мой «линкольн» образца 1966 года тихо рокотал, пожирая при этом массу горючего. В его боках цвета вороной стали отражалась серая картина мира, в салоне всегда поддерживалась нормальная температура, и я чувствовал себя очень уютно на его просторном кожаном сиденье. Мне и в голову не пришло добираться до дому каким-либо иным способом.

На заправочной станции тщательно проверили уровень бензина, масла, коробку передач, тормоза, аккумуляторы, и я отправился в дорогу.

За первый день я проехал всего лишь 380 жалких, насквозь провьюженных миль. Снег вихрем перелетал через шоссе и уносился, не успевая наместить сугробы. Мысли мои, естественно, сосредоточились на Сириле.

Мой брат Сирил Купер, двумя годами старше меня, и в юности, и позже, став зрелым мужчиной, обладал необычайным обаянием, целеустремленностью и, если называть вещи своими именами, самой что ни на есть откровенной алчностью. Эта алчность, этот неприкрытый восторг от того, что вся его деловая активность представляла реализацию теоре-

тических положений, полученных в Гарварде, помогли ему невероятно разбогатеть. Однако, благодаря врожденной порочности, Сирил не нажил себе врагов — явление весьма редкое для человека с таким капиталом. В сферу его деловых интересов входили: шотландское виски, многочисленные магазины модной одежды, оборудование для видеозаписи, специализированное издательство, реклама, торговое судоходство под либерийским флагом и застройка участков в Англии, Франции и Испании. Когда ему исполнилось двадцать лет, он взял у деда денег взаймы и с тех пор неуклонно, ступенька за ступенькой, поднимался по лестнице, ведущей к положению магната.

Я продолжал свой путь в сгущающихся сумерках и, попыхивая трубкой, невольно перешел в своих размышлениях о брате, всегда деятельном и жизнерадостном, к остальным членам семьи, в которой вырос не только он, но и я, совершенная ему противоположность — книжник и нелюдим, не говоря уже о нашей маленькой сестренке Ли, погибшей во время бомбежки в Лондоне.

Куперс-Фолс основал мой предок в северной части Миннесоты — в одной из самых живописных излучин реки Сент-Круа, в верхнем ее течении неподалеку от бурных, пенящихся водопадов, которые не замерзают даже в трескучие морозы. Этот первый из Куперов, мой тезка Джон, сколотил состояние на постройке железных дорог и торговле пшеницей, что в итоге породило нарядное количество миллионеров, а соответственно — и процветающий город Миннеаполис. Однако Куперы жили на удивление тихо, пока мой дед, «закусив удила», не принялся наверстывать упущенное предками время.

Остин Купер, мой дед, был деловым, целеустремленным человеком и с наступлением двадцатого века все больше и больше богател. Он водил дружбу с финансовыми магнатами, такими, как Карнеги, Рокфеллер, Форд, Меллон. И однажды им овладела навязчивая идея, требующая воплощения, подобно тому как застрявший в теле прапелельный осколок, образовав нарыв, в конце концов выходит наружу вместе с гноем и кровью. В двадцатые годы, часто бывая в Германии, он проникся сочувствием к судьбе немцев, изнывавших, как он выражался, под ярмом контрибуций, наложенных победителями в «большой войне»¹. Многие его современники разделяли эту точку зрения, да и позже некоторые историки придерживались мнения, что этот явно

¹ Имеется в виду первая мировая война.

несправедливый мирный договор привел лишь к новой «тридцатилетней войне», длившейся с 1914 по 1945 год.

Однако, по-своему воспринимая ход истории, Остин Купер не ограничился простой записью в своем дневнике. Во время последующих поездок в Германию дед начал выискивать со свойственными ему проникательностью и упорством людей, которым, по его убеждению, предстояло стать глашатаями новой, восставшей из пепла Германии. Он установил тесный финансовый контакт с фирмой Круппа и стал, таким образом, своего рода связующим звеном между немецкими и англо-американскими денежными тузами.

Остин Купер, увлекшись политикой, со временем почувствовал интерес к себе политических лидеров, которые, по его убеждению, обладали способностью направить Германию по пути, предначертанному ей судьбой. Как американец, он был полезен этим «новым людям», ибо беспрепятственно вращался в кругах, куда они не имели доступа в силу социальных условностей.

Так Остин Купер начал свое «послушничество» у двух очень озлобленных немцев, стремившихся к переделу мира. Один из них, «герой большой войны», импонировал ему чувством собственного величия; другой, ладить с которым было куда труднее, — своей гипнотической силой.

«Герман Геринг. Адольф Гитлер. Остин Купер. Сирил Купер. Буэнос-Айрес. Выше голову, братишка» — эти фамилии и слова продолжали вертеться у меня в голове, когда поздним вечером в мотеле я лежал на кровати, на высоко взбитых подушках, уставший до такой степени, что не мог ни думать, ни читать, ни даже смотреть телевизор. Но мне и не спалось — я испытывал напряжение во всем теле от многочасовой езды в непроглядной метели и продолжительных раздумий о судьбе нашей семьи, — и в душу закрадывалось неясное ощущение тревоги и чего-то неизвестного.

В Куперс-Фолсе, на своей родине, я не был несколько лет и даже не позволял себе предаваться воспоминаниям о семейной истории.

Надо беречь силы — впереди еще много миль, несколько часов пути. Может, стояло лететь самолетом? Но нет, всякий, кто хорошо знал меня, не задумываясь, сказал бы, что я предпочту «линкольн».

В конце концов я завернулся в одеяло и, прислушиваясь к завыванию ветра за окном, уснул.

А на следующий день меня хотели убить.

Этот день был такой же, как и предыдущий, только еще трудней и утомительней. Я ехал на запад в серой, крутящейся метельной пелене, сводившей до минимума видимость, а соответственно и скорость. В пути мой «линкольн» то и дело обгонял какие-то странной формы предметы, которые я совершенно не мог различить при тусклом свете фар. По радио безостановочно предупреждали о необходимости воздержаться от любых поездок, перечисляя временно закрытые школы и перенесенные мероприятия. Но мне и в голову не приходило переждать непогоду, я боялся опоздать: Сирил назначил встречу на двадцатое, значит, двадцатого я должен быть на месте.

В Индиане и Иллинойсе погода немного прояснилась, и я на какое-то время дал волю «линкольну». Судя по сводке погоды, сразу за Чикаго, после поворота на иллинойское шоссе, и на следующем перегоне в Висконсин меня поджидал буран. Сейчас же, пока светило мглистое солнце, я мог несколько расслабиться. Напряжение от многочасовой езды при нулевой видимости сильно утомило меня.

Может показаться странным, что только теперь, в 1972 году, проезжая по местам, откуда есть-пошла Америка, я предаюсь воспоминаниям о детстве, проведенном в Куперс-Фолсе у деда, имя которого в тридцатые годы — в период перевооружения Германии — стало синонимом американских приверженцев фашизма, тех, кто изъавлял солидарность с целями и задачами национал-социализма в Европе.

В середине тридцатых годов, еще до моего рождения, насаждавшийся в Германии антисемитизм как-то не прижился у нас, в восточных штатах, во всяком случае, он не являлся проблемой. С широко распространенной тогда точки зрения, этот вопрос всегда был, есть и будет, поэтому каждая страна, учитывая богатство, влияние и деловую хватку евреев, сама должна решать, как ей поступать с ними. По мнению моего деда, евреев следовало воспринимать только как партнеров по бизнесу, но, как любому бизнесмену, им нельзя полностью доверять. И конечно же, не было никаких оснований не ладить с ними. Их существование — реальный факт, и если дед не стал бы лезть из кожи вон, чтобы выручить из беды какого-нибудь еврея, то и портить кому-то из них жизнь он не видел смысла. Просто они — сами по себе, а как им решать свои проблемы — их личное дело. То же самое он говорил и о католиках.

Остин Купер не был ни махровым расистом, ни оголтелым фанатиком. Под маской колоритной личности, созданной падкими на сенсацию журналистами, скрывался хладнокровный реалист, глубоко убежденный в том, что Европа — этот недужный, шатающийся колосс — может возродить свое прежнее величие, что в конечном счете послужит прогрессу мировой экономики и личному благополучию Остина Купера. Он делал ставку или на новоявленного энергичного вождя, или на коллективное политическое руководство, которые возродят ее былую гордость и национальное достоинство. Годы кризиса, а также личная причастность к фашистскому движению в Германии, Италии, Испании и Англии убедили Остина Купера в том, что национал-социализм — единственно верная идеология, и, если она сулит войну, значит, быть войне! Деньги переживут войну, разбухнут на войне. Войны были всегда. Человечество любит воевать. Задача состоит в том, чтобы заставить войны приносить доход.

Меня, ребенка, не ведавшего, что такое политика, все это никак не касалось, за исключением одного обстоятельства: Остин Купер, «американский фашист номер один», как окрестили его «Либерти» и «Коллиерс», приходился мне дедом. У моего брата Сирила и у меня были с ним теплые, дружеские отношения. По молодости мы не испытывали стыда за его профашистские деяния. Для нас он был просто художавый, пожилой человек, исключительно элегантно одетый, многословный, но точный в высказываниях, который щедро снабжал нас деньгами, дарил книги и, при всей своей серьезности, был на удивление смешлив и до преклонных лет любил играть с нами в гольф на огромной лужайке перед домом.

Однако если нам, детям, он представлялся всего лишь величественным, доброжелательным старцем, то моего отца он ставил в невыносимо тяжелое положение. В глазах общественного мнения дед был главным американским нацистом, фотографии которого нередко появлялись на первых страницах газет: то он приветливо болтает с Адольфом Гитлером, то едет в огромном открытом лимузине с Герингом и Шпеером, то выходит после совещания с Адольфом Крупном и, улыбаясь, скрепляет рукопожатием бог знает какую дьявольскую сделку.

Все это было совершенно чуждо моему отцу, Эдварду Куперу, который в 1932 году окончил Гарвардский университет и помышлял стать художником. Бывая в Германии вместе с дедом в двадцатые годы, в период быстрого возрождения Берлина, потом в тридцатые — уже в совершенно

иной атмосфере, он встречался с великими мира сего, решавшими, как перекроить Европу, и горячо возненавидел все, за что ратовали нацисты вкупе с его родным отцом. Таким образом, в то время как Остин Купер, наш дед, был глашатаем нацистских идей в Америке, наш отец, Эдвард Купер, всю свою недолгую жизнь боролся с фашизмом всеми доступными ему средствами и в 1941 году, будучи офицером английских ВВС, сложил голову в воздушном бою над Ла-Маншем. Ни его тело, ни обломки его «спитфайра» отыскать так и не удалось.

Газеты писали тогда: один, живой, предал свою страну и ее идеалы, другой, его сын, погиб за свободу.

Восьмого декабря 1941 года по личному указанию президента около нашего огромного особняка, выходящего окнами к живописной реке и водопадам, носившим имя Остина Купера, была выставлена вооруженная охрана. Она была снята лишь через несколько месяцев после окончания войны. Так охраняли, оберегали Остина Купера от возмездия со стороны тех, у кого имелись причины желать ему смерти.

4

Чикаго лежал передо мной огромный, курящийся дымом, и в морозном небе над ним тучей нависал грязно-желтый индустриальный смог.

Как только я повернул на север, налетел сильный, порывистый ветер, хлестко ударил по ветровому стеклу. «Линкольн» содрогнулся, принимая напор ветра на свои мощные литые бока. Снег вихрем пелся по стылým полям, ветер со свистом взметал его вверх, превращая солнце в едва различимое тускло-серое пятно.

Я свернул с шоссе и, поставив автомобиль на стоянке, вошел в кафе фирмы «Фред Харви». В кафе не было ни души — стояла мертвая, неземная тишина, словно не кафе открыл здесь Фред Харви, а космическую станцию. На миг мне почудилось, будто я оказался единственным живым существом в царстве автоматов.

Наваждение рассеял приход официантки. Она, приветливо улыбаясь, заметила: «Надо же, еще день, а темно, как ночью», — и удалилась. Вскоре появились двое мужчин. Они сели за столик, заказали кофе. Один из них, высокий, лысеющий, в дубленке, подойдя ко мне, спросил, не одолжю ли я ему почитать газету «Трибюн», лежавшую около меня на стойке. Я ответил, что газета не моя и он может ее взять.

Мужчина улыбнулся, кивнул в сторону огромного, во всю стену, окна, за которым проносился снег, скрывая автостраду, и спросил с дружелюбной слабой улыбкой:

— На север едете?

— Да, до самой Миннесоты.

— Вы можете не доехать, — грустно сказал он, будто всем нам грозил один общий враг. — Погода мерзкая, а к северу, говорят, и того хуже.

— Похоже, что так, — согласился я.

— Да-а, не повезло. — Он закурил сигарету и стал длинными пальцами вертеть газету. Этот человек походил на ковбоя, перегоняющего стадо домой сквозь ветер и снегопад. — Спасибо за газету, — поблагодарил он и вернулся к своему спутнику.

Они еще мирно попивали кофе, когда я, натянув перчатки, вышел из кафе и направился к машине. На мне был мой любимый свитер с высоким воротом, плотный, связанный какой-то старушкой на Гебридах из толстой чистейшей шерсти и очень мягкий.

«Линкольн» завелся мгновенно, и я, убедившись, что все узлы работают нормально, медленно поехал по площадке мимо черного лимузина, стоявшего рядом с батареей zapравочных колонок. Те двое из кафе тоже вышли на улицу, и высокий, в дубленке, помахал мне на прощание, когда я начал осторожно спускаться в белесый провал, который и оказался шоссеиной магистралью.

Мною опять завладели воспоминания: сначала о Сириле, потом о Дигби, и я — уже в который раз — представил себе, как впервые везу ее в Куперс-Фолс... Мой отец беседует со мной так, как ему никогда не довелось при жизни, а дед медленно, расчетливо примеряется ударить по крокетному шару, и мне даже слышится гулкий удар молотка по шару...

Ранние сумерки окутали меня, пуще повалил снег, и видимость почти исчезла. Шоссе, покрывшись раскатанным снегом и ледяной коркой, стало скользким. За целый час мне попало всего с полдюжины машин, и я уже пересек границу штата Висконсин, как вдруг сбоку, слева, всего в нескольких футах от меня, неожиданно возник черный лимузин. Он начал съезжать в мою сторону, и, прежде чем я успел что-либо предпринять, раздался удар, от которого «линкольн» медленно сполз с дороги, не в состоянии удержаться на укатанном снегу.

Словно пара конькобежцев, мы плавно двигались сквозь пургу, все ниже сползая в бесконечное белое пространство, покрытое настом. Я крутанул руль и сбросил газ в надежде,

что зимние покрышки каким-то чудом затормозят движение. Черный лимузин наконец оторвался от меня, отъехал в сторону и остановился впереди у кромки кювета, в то время как я продолжал скользить вниз. Но вот я ощутил твердую опору под колесами, быстро перевел рычаг на первую скорость и резко нажал на педаль акселератора, стремясь вновь поймать управление. Как ни странно, маневр удался. «Линкольн» выровнялся, пропахал полосу рыхлого снега и с трудом выбрался на обочину, поднимая снежные шлейфы. По-видимому, с момента столкновения и до того, как я опять выехал на дорогу, прошло всего несколько секунд, но мне показалось, что минула целая вечность. От пережитого страха я весь дрожал, по телу струился пот. Я сидел, стиснув руками руль, судорожно глотая воздух.

Из снежной мглы вновь возник черный лимузин с тускло светящимися сквозь метель фарами. Он начал сигналить. Высокий человек в дубленке, сидящий в машине, махал руками, указывая на обочину. Лимузин проехал немного вперед и остановился. В свете фар я увидел, как распахнулись обе дверцы, те двое вылезли из машины и, пригибаясь от ветра, побежали ко мне. Открыв дверцу, которая жалобно скрипнула, я вышел из машины и сразу ощутил всю силу ветра и пронизывающий холод, который прохватывал через свитер, хотя, когда я покинул кафе, ни того, ни другого не чувствовалось. Человек в дубленке прокричал:

— Как вы, целы?

За воем ветра его едва было слышно. Снег щипал мне лицо и глаза.

— Да вроде бы цел, — ответил я.

— Как понесет, разве остановишь, — пробурчал его спутник, низкорослый крепыш в синем ратиновом пальто. — Виноват, друг, извини.

Мы стояли, осматривая повреждения: содрана краска, сильно помяты дверца и крыло.

— Проклятие! — выругался я.

— Пойду гляну сзади. — Высокий в дубленке спрятал лицо в овчину воротника и зашагал к тыльной части «линкольна».

Крепыш поманил меня к переднему колесу, тыча пальцем в крыло. Он стал на колени и схватился за него, оттягивая от колеса. Я опустился на снег рядом с ним. Но крыло не задевало за покрышку, и я повернулся, чтобы сказать ему об этом.

Однако я так и не успел вымолвить ни слова, потому что ощутил тупую боль в голове. Я услышал звук удара по

черепу, услышал, как кто-то глухо крикнул у меня над ухом, почувствовал холод, ткнувшись лицом в снег, и дальше — ничего.

5

Долго ли может человек оставаться в живых, лежа в снегу при температуре ниже нуля¹, не знаю. Но я выжил, хотя оцепенел от холода. Очнувшись, поднял голову и ударился о днище «линкольна»: каким-то непонятным образом я очутился наполовину под машиной. Уцелел же я благодаря тому, что удар, которым верзила угостил меня, был нанесен довольно неумело, а тепло огромного двигателя, сохранившееся, несмотря на мороз, не дало мне замерзнуть до смерти.

Постанывая от боли, я медленно выбрался из-под машины. Наши фильмы и телевидение притупили в нас понятие опасности реального физического насилия, ибо кино- и телегерои, оказываясь его жертвой, неизменно остаются в живых. Я всегда подозревал, что нас пичкают убогой полуправдой. Но лишь теперь, бессильно прислонившись к искалеченному боку «линкольна» и ощущая страшную боль в голове, я убедился в этом. Правда оказалась куда ужаснее, чем я мог себе представить. Ведь эти двое оставили меня на дороге, обрекая на смерть, на верную смерть. Мое спасение — чистая случайность. Внезапно вернулось ощущение холода. Я открыл дверцу и, с трудом забравшись на сиденье, повернул ключ зажигания. «Линкольн» ожил вместе со мной, обдав кожаное нутро потоком теплого воздуха, отморазживая ветровое стекло. «Линкольн» спасал мне жизнь.

Голова была липкой от крови и на всякое прикосновение пальцев отзывалась резкой болью. Я старался успокоиться и собраться с мыслями. Немного согревшись, я вылез из машины, отер снегом кровь с лица и рук, отметив при этом, что крыло не задевает переднего колеса.

Я продолжал свой путь. Ночь стояла темная. Видимость не позволяла ехать со скоростью более сорока миль. При мысленном воспроизведении, словно в замедленной съемке, одного из моментов сцены нападения мне вдруг пришло в голову, что черный лимузин может вернуться и эти неизвестные повторяют все сначала, пока не прикончат меня.

И только заметив сквозь вьюгу красные огни автоколон-

¹ Здесь и далее температура дается по шкале Фаренгейта.

ны, разгребавшей заносы на шоссе, я почувствовал себя в относительной безопасности: ведь эти люди, управлявшие большими машинами, — обыкновенные труженики, которые выполняют свою работу, и они в любую минуту смогут защитить меня от опасности. До самого Мэдисона я ехал медленно, упорно держась за колонной снегоочистителей, пока передо мной в светлом ореоле не возник город. Конечно, следовало бы заглянуть в какую-нибудь местную больницу, чтобы мне осмотрели голову... Но вместо этого я съехал с шоссе, повернул направо, пересек ответвление дороги, ведущей на юг, и, преодолев крутой подъем, подъехал к гостинице «Ховард Джонсон», оранжевую крышу которой можно было различить сквозь снегопад.

После нескольких вежливых, но слегка недоуменных взглядов по поводу моего помятого вида мне дали комнату окнами на автостоянку позади гостиницы. Эта автостоянка упиралась в смутно маячившую отвесную стену утеса, по высоте в несколько раз превышавшую саму гостиницу, и хорошо освещалась. Белый снежный круговорот был пронизан светом фонарей, на машинах лежал дюймов в шесть толщиной, а то и больше, снежный покров, намерзший на крышках, капотах, багажниках. Я стащил с заднего сиденья чемодан, поднялся в свой номер и увидел портье, включавшего повсюду свет. Его глаза улыбались из-за очков в роговой оправе, а стрижку под бобрик я не видел уже много-много лет.

— Вот решил зайти посмотреть, все ли здесь в порядке. — Он мотнул головой, точь-в-точь как тот тип в дубленке в кафе «Фред Харви». Я даже подумал, что сейчас последует замечание о погоде. — Что можно ожидать в такую почь, как эта? Весь день нам звонят коммивояжеры, застрявшие где-то из-за снега, отменяют заказы на номера. Впрочем, большинство из тех, кто здесь находится, остаются еще на сутки. Так что, собственно, мы ничего не теряем, — добавил он философски, увидев, как я швырнул чемодан на постель. — Отопление здесь, — указал он на циферблат в стене, — а тут туалет. Цветной телевизор, если желаете смотреть программу Карсона. Есть такие, что ни одной передачи не пропустят. — Он кивнул на сложенное на постели одеяло: — Вот принес вам еще одно, чтоб не мерзли.

— За одеяло спасибо. А у вас, случайно, нет экседрина? Мне определенно требуется экседрин от головной боли.

Портье удалился, а я встал у огромной, от пола до потолка, застекленной стены, пристально оглядывая стоянку, покрытую пушистым белым ковром. Прислушиваясь к сви-

сту ветра далеко внизу, я поймал себя на мысли о том, что среди автомашин боюсь увидеть черный лимузин с вмятиной на боку. Лимузина не было, зато появился улыбающийся портье, дал мне экседрин и заметил, что я что-то слишком бледен...

— Да, пожалуй, немного бледен, — согласился я, — но это из-за головной боли. И тело ломит.

— Тогда вам лучше сразу же лечь, — посоветовал портье. И, уже стоя в дверях, добавил с улыбкой: — У нас тут гуляет грипп. Не грипп, а настоящий убийца. Что ж, желаю хорошо выспаться.

«Настоящий убийца!» О боже!»

Приняв экседрин, я уснул не сразу. Перед глазами стоял тот верзила в дубленке, улыбался мне, а в ушах звучали его слова о том, что я могу и не доехать до Миннесоты. Но почему эти двое напали на меня? Садисты? Непохоже: таким наверняка доставляет наслаждение сам акт убийства — уж они-то довели бы дело до конца. Тогда, может, грабители? Но ведь они ничего не взяли: ни документы, ни деньги, ни кредитные карточки, — ничего. И все же они продуманно завлекали меня в ловушку, а потом пытались убить. Чем же можно объяснить их поведение?

За стеклянной стеной сыпал снег, и косые тени скользили по комнате. Постепенно мною овладел сон.

6

Когда двадцатого января рано утром я выехал из Мэдисона, направляясь на север, голова еще болела, кожа над левым ухом вздулась и до него нельзя было дотронуться. Учитывая то, что со мной произошло, я чувствовал себя вполне удовлетворительно, особенно после хорошего завтрака из яичницы с беконом.

Механик на автозаправочной станции «Тексако» поднял капот и, осмотрев двигатель, сказал, что все в порядке, если не считать вмятин и царапин на корпусе машины. «Линкольн» урчал по-прежнему ровно, явно демонстрируя свое полное пренебрежение к экономии топлива. С востока на студеное небо поднималось яркое солнце. Температура упала до десяти градусов.

Итак, двадцатое января. Сирил, должно быть, подъезжает к Куперс-Фолсу, возможно, уже сейчас приземляется в аэропорту Сент-Пол в Миннеаполисе. Сегодня вечером я на-

конец узнаю, чего он хочет, какова причина такой срочности.

Сейчас мне известно ничуть не больше, чем тогда, когда я выезжал из Кембриджа. Тревожил текст телеграммы, который прочно засел в голове: «Срочно будь Куперс-Фолсе двадцатого января. Бросай все. Семейному древу нужен уход. Выше голову, братишка. Сирил».

Но эти слова ни о чем мне не говорили, ни о чем, за что можно было бы уцепиться. Слова «семейное древо», надо полагать, относились к политической эксцентричности деда, но с какой стати ему вдруг «нужен уход»? Остин Купер тихо скончался в свои восемьдесят с лишним лет на руках давнишнего друга нашей семьи Артура Бреннера. Именно Артур и известил меня о его смерти несколько лет назад. Помнится, он написал, как мирно отошел Остин в небытие, и как он, Артур, стоял у его смертного одра. На правах адвоката деда и близкого друга моего отца, хотя он и был намного старше его, Артур оповестил меня не только о смерти деда, но и о гибели моего отца, матери и маленькой сестренки Ли.

В свое время он, используя личные связи в Гарвардском университете, устроил туда отца, а позже помог ему поступить на службу в Королевские военно-воздушные силы Англии. Я тоже попал в Гарвард не без его содействия. И сам же Артур Бреннер заметил после кончины Остина Купера, что теперь наконец-то репутация нашей семьи восстановлена. Пройдут годы, сказал он, и принадлежность деда к нацизму забудется, сотрется из памяти людей и героизм отца, семья рассеется по свету, и Куперс-Фолс останется лишь точкой на карте, без всяких ассоциаций с нашей фамилией.

Время подходило к полудню, я ехал дальше и дальше на север, приближаясь к дому. Солнце скрылось, небо стало серым — цвета моих замшевых перчаток. По радио передали, что на Дакоту и на западные районы Миннесоты надвигается снежная буря. Дорога на север пролегала вдоль реки — естественной границы между Висконсином и Миннесотой. Начинало темнеть. Тепло ощутимо уходило из кабины, и я перевел рычаг отопления на более интенсивный режим, но это не помогло. Остановился заправиться. Механик, по всей видимости, никогда прежде не занимавшийся ремонтом «линкольнов», не сумел найти причину поломки отопительной системы.

Я опять выехал на автостраду, которая здесь сужалась до двух полос. Она тянулась сквозь густой ельник, подсту-

павший почти к самой обочине. Я вновь подумал о человеке в дубленке, гадая, нет ли какой связи между двумя довольно странными событиями — телеграммой Сирила из Буэнос-Айреса и покушением на мою жизнь на завьюженной дороге в Висконсине. Да нет, ерунда. Наверняка я стал жертвой ошибки, нелепого совпадения, и только. Подобные акты насилия просто необъяснимы, когда вы начинаете анализировать их и приходите к выводу, что причину невозможно понять.

Приближаясь к городу, надо было сворачивать на местное шоссе, асфальтированное, но узкое и совсем не освещенное. Ночь была безлунная, на небе — ни одной звезды, дорога — пустынна. Я выключил радио. Оставалось проехать еще сорок миль, как вдруг вентиляторы совсем перестали работать. Тепло в салон не поступало, а то, что еще оставалось, быстро выветривалось. Я остановился, достал с заднего сиденья свою дубленку и с трудом натянул ее, не вылезая из кабины, боясь попасть под секущий ледяной ветер. Снежные вихри гнало по намерзшей поверх асфальта корке снега. Ощущение было такое, будто машину стремительно окутывал густой туман.

Я снова двинулся в путь. В «линкольне» становилось все холоднее и холоднее. У меня замерзли руки — вначале заочечнели, потом вовсе потеряли чувствительность. Я пробовал согреть ноги, топая о пол кабины. Дыхание инеем оседало на усах, нос замерз.

Минуя знакомые повороты, я знал, что ехать оставалось еще миль двадцать. Снова включил радио. Передавали, что температура очень низкая, что снежная буря надвигается и в Дулуте уже минус двадцать пять.

«Машина хочет прикончить меня», — подумал я. Вероятно, «линкольн», который вел себя так необычно, решил довершить то, чего не удалось тому бандиту в дубленке. Проклятие, что же все-таки случилось с отоплением? Я уставился на эмблему на капоте, будто надеясь, что каким-то чудом эта хромированная фигурка поможет машине пробиться сквозь стылую ночную тьму.

Но вот, находясь на грани отчаяния, я сделал последний поворот среди деревьев и сбавил газ. Наконец-то я увидел две каменные башни у въезда на аллею, ведущую к дому, — ворота моего детства, у которых мы с Сирилом столько раз поджидали школьный автобус. Я сидел в машине полузамерзший, но с победной улыбкой на лице: никто, ничто не убило меня. Сегодня все еще двадцатое января, и я наконец дома.

Тополя высились вдоль дороги, образуя естественную непроницаемую преграду между Куперами и остальным внешним миром. Справа у ворот стояла каменная сторожка с массивной дубовой дверью на длинных, старинных петлях.

В годы войны мы с Сирилом приходили сюда поиграть с солдатами, тоже молодыми, изнывавшими от скуки, но счастливыми оттого, что не надо участвовать в операции «Омаха бич» и пахать брюхом песчаные отмели в Нормандии. Мы трогали их винтовки «гаранд», залезали в их «виллис» и несколько раз, что особенно запомнилось, ездили вместе с солдатами в город по заданию, мчались с ветерком в «виллисе», хохоча от радости и восторга. В доме до сих пор хранились фотографии, запечатлевшие нас с Сирилом в защитного цвета летней солдатской форме, при галстуках, по-армейски аккуратно выровненных с помощью зажима, со всеми знаками отличия и в фуражках, — все это одолжили нам солдаты охраны в один из праздников — День независимости.

На подъезде к дому снег лежал ровным, гладким настилом. Ветер сровнял его с окружающей лужайкой, и лишь смутные очертания сугробов у перил вдоль дороги указывали направление. Я рискнул, надеясь на свои новые зимние покрышки, и вот «линкольн» стал медленно, но верно, вгрызаясь в снег, прокладывать себе путь вперед.

Спустя несколько минут показался дом в обрамлении дубов и вязов, затенявших лужайку в летнее время, с верандой и шестью квадратными каменными колоннами, которые поднимались во всю высоту трехэтажного особняка до самой крыши с ярусом башенок, куполов и частоколом дымоходов, выступавших над ней неясными тенями.

Дом был погружен в темноту. Если бы Сирил уже приехал, он непременно зажег бы для меня свет в одной из комнат. Он не лег бы спать, зная, что я в пути и буду с минуты на минуту. Значит, его еще нет. По-видимому, задержался где-то из-за пурги. Следовательно, дом пуст.

Не выключая мотора, я вылез из машины и, утоная по колено в снегу, двинулся по целине. Заночевать я решил во флигеле, рядом с нашим небольшим озерком, по которому мы детьми ходили летом на парусной яхте, а зимой гоняли на коньках. Этот флигель был моим излюбленным местом в усадьбе. Однако сначала, несмотря на то что я промерз до костей и отчаянно устал, мне хотелось заглянуть в наш огромный старый дом. Пять лет... Пять лет я не был здесь, но все эти годы ключ от парадной двери висел у меня на кольце с другими ключами. Повернувшись спиной к ветру,

гулявшему по веранде, я вставил ключ в замок, открыл дверь и вошел в холл.

Шаги гулко отдавались по паркету. Я потянулся к выключателю, повернул его. Тусклый желтоватый свет разлился по стенам. В свое время здесь горели старинные газовые рожки, которые впоследствии были заменены электролампами с желтыми плафонами. Хотя в доме давно никто не жил, существовала договоренность со сторожем, сорок лет прослужившим в нашей семье, что он и его жена будут приходить сюда раз в неделю наводить порядок.

Я стоял и смотрел в конец холла, где он расширялся и начиналась огромная пологая лестница. Во всю длину холла по обе стороны располагался целый ряд раздвижных дверей, открывавших взору обширные пространства затененных гостиных. Когда-то в детстве мы с Сирилом носились по этим комнатам, играя в салочки и прятки, поднимая порой такой невообразимый шум, что нашей няне или секретарю деда с трудом удавалось нас утихомирить. Я никогда не испытывал такого удручающего одиночества, как сейчас, стоя в этом пустом доме, среди гнетущей тишины, прислушиваясь к завыванию ветра и методичному лягу полуюторванной железяки где-то в задней части дома.

Я прошел через нервую гостиную, включив по пути свет, и оказался в библиотеке — моем прибежище в этом огромном доме еще с тех давних времен, когда я даже не умел читать. С разрешения деда я усаживался в огромное кожаное кресло, все потертое, потрескавшееся и невероятно древнее, и листал энциклопедии, исторические атласы и какие-то малоизвестные, забытые журналы, которые давным-давно перестали издавать.

Казалось, и теперь в библиотеке было тепло и уютно, словно дед только что поднялся по лестнице и ушел спать к себе в комнату. На холодной решетке камина, напротив его письменного стола с бронзовыми лампами, возвышались сложенные стопкой поленья. Книги и книжные полки во всю ширину стен были тщательно протерты от пыли. Между ними все так же висела карта второй мировой войны, испещренная цветными флажками, обозначающими положение на фронте. Подойдя к ней, я понял, что дед перед смертью повторю «провоевал» немецкий прорыв в Арденнах зимой 1944/45 года.

Еще одна цепочка флажков, но уже белого цвета, прочертила коридор, по которому предполагалось вывезти Гитлера в конце войны. Сохранявший трезвость мысли в любой обстановке, дед всегда называл тех, кто верил в возмож-

ность побега фюрера по этому маршруту, пустыми мечтателями. Гитлер умер, и, по мнению деда, он сам обрек себя на бесславный конец своими вопиющими крайностями, взбалмошностью, полным отсутствием чувства реальности и вполне заслужил смерть.

Несмотря на это, видное место на стене занимали фотографии деда в компании вершителей мировой политики, многие из них были с автографами. На одной он даже раскуривал символическую сигару с Уинстоном Черчиллем, проявившим в забвении и одиночестве в обстановке разнузданного политического авантюризма тридцатых годов. Будучи ярким политическим противником Черчилля, дед беспрдельно преклонялся перед ним как личностью. Однако большинство фотографий тех времен запечатлело деда в компании нацистских лидеров: вот он и Гитлер беседуют, сидя в плетеных садовых креслах на фоне цветника в косых лучах заходящего солнца; вот он, Гитлер и Ева Браун сидят за обеденным столом и весело болтают, две немецкие овчарки дремлют у их ног; вот дед устремил взгляд на бутылку вина, которую демонстрирует Риббентроп с выражением такого спесивого высокомерия, что это вызывает смех; вот он возле невероятных размеров «мерседес-бенца», с неуверенной улыбкой на лице, словно хочет понять, чем вызвана нарочитая веселость стоящего рядом Геринга.

Было немало и семейных фотографий, в том числе и моей персоны. На одной из них я стоял с бейсбольной битой в руках, в фуражке клуба «Чикаго-кабз», с улыбкой глядя на деда, как всегда, одетого в элегантный дорогой костюм и при галстукке. Рядом фотографии отца, молодого и внутренне собранного, и матери — она весело смеется, держа на руках мою маленькую сестренку Ли...

Дом стонал от порывов ветра. Не имело смысла оставаться в библиотеке, чтобы предаваться воспоминаниям. К тому же я страшно устал. С сервировочного столика у стены, рядом с огромным вращающимся глобусом, я взял бутылку коньяка «Наполеон», выключил повсюду свет, вышел на улицу и закрыл дверь.

«Линкольн» вновь медленно двинулся вдоль железных перил, едва видимых в снежном вихре. Внутри «линкольна», как и прежде, стоял собачий холод. Я остановился у флигеля под голыми, черными ветвями дуба, которые летом давали тень. Вытащил из багажника чемодан, занес внутрь. На обтянутую сеткой террасу павалило много снега, и при свете фар стало видно, что за флигелем уход был хуже, чем за особняком. Повсюду лежала печать некоторого

запустения, и, войдя в комнату, вдыхая слегка затхлый воздух, я понял, чего здесь недостает и что привлекло мое внимание в вестибюле и библиотеке. Запах сигар — в особняке по сию пору сохранялся этот аромат.

Мебель здесь была дачная — белая и плетеная, с цветистыми подушками сочного зеленого и желтого тонов. Флигель основательно промерз, и я положил поленья в камин гостиной, проверил, не забит ли снегом дымоход и нет ли в нем птичьих гнезд, разжег огонь, прислушиваясь к потрескиванию березовых и дубовых поленьев. Потом прошел в спальню, отметил с удовлетворением, что постель застелена, и здесь тоже разжег камин.

По мере того как становилось теплее, я ходил по дому, приоткрывая окна, чтобы освежить воздух в комнатах. Наведался в кухню, обнаружил необходимые съестные припасы и приготовил на газовой плите кофе в стеклянном кофейнике. После этого раскурил трубку, набитую «Балкан собрании», и аромат кофе и табака поплыл по дому, сменяясь с запахом горящей древесины, изгоняя затхлость нежилого помещения. Я налил в бокал коньяк и поднял тост за свое возвращение.

Далеко за полночь, прихватив чашку кофе, потрепанную, с загнутыми углами, книжку Вудхауза «Замок Блэндинга», которая лет сорок пролежала в книжном шкафу, коньяк и трубку, я прошел в спальню. Лег в кровать, навалив под спину гору подушек, и натянул одеяло до самого подбородка. Рядом тускло горела настольная лампа, а по стенам и потолку метались тени от потрескивающего огня в камине. Я читал, прислушиваясь к гудению ветра, потягивая кофе с коньяком, курил трубку и испытывал такое же чувство уверенности и безопасности, как когда-то в далеком детстве.

Меня уже не беспокоило, где сейчас Сирил, не мучили мысли о человеке в дубленке. «Все образуется, — думал я, — утро вечера мудренее, утром все выяснится».

Почувствовав изнеможение, я выключил лампу и заснул глубоко, без сновидений.

7

В то утро я чувствовал себя прекрасно, ощущая легкость и свежесть после хорошего отдыха. Голова, правда, слегка побаливала. Постояв минуту-другую возле камина и понаблюдав за тлеющими углями, я надел теплое белье, достал из шкафа носки, натянул вельветовые брюки, сапоги для

верховой езды с высокой шнуровкой, чистый, без следов крови, свитер и вышел на крыльцо.

Морозный воздух вызвал поток воспоминаний. Неестественно белесое небо сливалось с ландшафтом, и их разделяла лишь тонкая цепочка елей где-то вдалеке, как на абстрактной картине. Тишина стояла мертвая, ни единого звука, кроме свиста ветра, ни единого движения, только летящая по пасту снежная пыль. Термометр у двери показывал ноль градусов. Постояв с минуту, я вернулся в дом, надел дубленку и теплые рукавицы.

«Линкольн» спокойно сидел в снегу, изысканно красивый, величественный, израненный. Его колею и мои следы замело выпавшим за ночь снегом, который хрустел под ногами, когда я, стараясь по возможности идти по дорожке, огибал лужайку, проходя мимо беседки, мимо пруда.

Остановившись под елями, я оглянулся на дом. На мгновение мне почудилось, будто над крышей поднялось облачко дыма. Нет, должно быть, ветер сдул с шифера немного снега. Спустя некоторое время я снова обернулся, но уже не увидел никакого облачка — пелена снега, поднятого ветром, отделяла меня от здания. Я посмотрел на часы — девять утра. Было сухо и немного ветрено. Легко шагая по дороге, я решил, что дойду до города пешком. С обеих сторон поднимались могучие ели, образуя естественный коридор, высоко над головой кружился снег, ветер трепал верхушки деревьев. Быстро пройдя целую милю, я вскоре подошел к огромному прямоугольному парку на окраине города. За все это время мне не встретилось ни единой живой души, ни единой машины.

В этом парке проходили наши летние каникулы. Мы с Сирилом росли в духе почитания наших национальных героев и возвышенных идеалов. В центре парка на пьедестале высился бронзовый солдат-пехотинец «большой войны». Вскинув руку с зажатой в ней винтовкой, он звал в атаку своих бесчисленных невидимых товарищей. Впизу пьедестала на мемориальной таблице перечислялись фамилии ребят из Куперс-Фолса, погибших в самых различных местах.

Я шагал все дальше и дальше и вскоре вышел к той части парка, за которой начинался деловой квартал. Занесенный снегом, он казался необычно тихим и безлюдным. У тротуара стояло не более десятка машин, и лишь одна проехала мимо меня, осторожно прокладывая путь в снегу. На этом же углу был воздвигнут памятник американцу девятнадцатого века — высокая худощавая фигура со строгим бородатым лицом и книгой в руке. Первый Купер из Ку-

перс-Фолса, один из моих предков, на века застыл в бронзе, обреченный вечно созерцать сонный мирок городка с этого утопающего в зелени уголка городского парка.

Не вполне осознавая, куда и зачем иду, я миновал аптеку, кафе, внушительного вида мрачноватое здание городской гостиницы, которая была точно такой же, как и во времена моего детства: богатой, роскошной, скорее похожей на клуб, чем на гостиницу, олицетворявшей собой деньги — фетиш нашего достославного городка. Рядом с ней крохотная библиотека выглядела прянично-затейливым домиком, миниатюрной копией фестоно-витиеватой деревянной постройки, очень модной во времена моего детства. Стоя перед зданием библиотеки, я испытывал восторг от сказочного очарования этого домика.

Почти машинально я поднялся по ступенькам и открыл дверь. Внутри было душно: стоявший посреди комнаты газовый обогреватель работал на полную мощность. За конторкой никого не оказалось, но едва я успел снять пальто и перекинуть его через спинку стула, как со стороны, где виселись полки с подшивками нашей местной газеты «Лидер», начиная с самого первого номера, вышедшего на рубеже пятидесятих годов прошлого века, послышались какие-то звуки, а потом кто-то произнес:

— Здравствуй, Джон Купер. Как жизнь?

Я обернулся на голос — он показался мне знакомым — и увидел Полу Смитиз, прелестную женщину, у которой несколько лет назад был роман с моим братом Сирилом.

— Неужели это ты, Пола? Сколько лет, сколько зим! — сказал я, чувствуя, что невольно улыбаюсь, глядя на нее. Мы с Полой не виделись почти пятнадцать лет, и за это время она сделалась намного красивее. Но и тогда она была очень хороша собой. — Как ты поживаешь? И что ты здесь делаешь?

— Живу прекрасно, Джон, просто прекрасно. — Лицо у нее было бледное, нежное, волосы темные, длинные и прямые. Она носила очки в черной оправе квадратной формы, и они ей очень шли. — Поверишь или нет, но я теперь работаю библиотекарем. Как видишь, под старость потянуло на родину. — Она широко улыбнулась, глядя мне в глаза.

— А мне говорили, ты уехала в Калифорнию. Так ведь, кажется, в Калифорнию? Вышла замуж за журналиста... — Я всматривался в ее лицо.

Она взяла в руки кипу старых номеров «Нэшнл джеографикс»:

— Совершенно верно. Только он отправился во Вьетнам

снепкором от «Лос-Анджелес таймс» и в Лаосе напоролся на мину, хотя в это время ему полагалось отдыхать в Сайгоне. И я неожиданно стала вдовой. — Она положила журналы на упаковочный ящик и пальцем сдвинула очки на лоб. — Это случилось три года назад. После его гибели я некоторое время жила в Лос-Анджелесе, работала в филиале библиотеки. Но боже мой, ты когда-нибудь бывал в Калифорнии, Джон? Это какой-то современный Дантов ад: автомагистрали, путепроводы, подземные проезды, машины, машины, машины, солнце печет невыносимо, смог, орды болельщиков — кто за бейсбольную команду «Доджерс», кто за футбольную «Рэмс», кто за баскетболистов «Лейкерс», наркоманы и совершенно невообразимое одиночество. — Она на минуту задумалась, губы ее слегка дернулись в нервной улыбке. — Непостижимо. Люди совершают невероятные поступки только потому, что безумно одиноки. Поступки, за которые после становится жутко стыдно, которые, когда о них думаешь, точат твой мозг и способны свести с ума...

Она спросила, чем я занимался, и я ответил, что жил обыкновенно, как многие: женитьба, измена, создание книг, работа на телевидении, наша профессиональная болезнь — алкоголизм, развод, злоупотребление снотворным, потом долгое, мучительное возрождение. Словом, все как полагается. Она засмеялась, качая головой.

— Хочешь кофе? Здесь страшная жарница, правда? Эта проклятая штукавина не подчиняется мне. — Она бросила сердитый взгляд на калорифер. — Я пробовала открыть окна, когда ты вошел.

Я пробрался между ящиками с книгами и распахнул окна. В промежутке между зданием библиотеки и низкой каменной оградой намело высокие сугробы.

— Сливки, сахар?

— И то и другое, — ответил я. Мне было хорошо и уютно.

Мы с Полой усадились за ее столиком, подставив ящик под дверь, чтобы не закрывалась. Она закурила сигарету, жестом указала на ящики и стопки каталожных карточек.

— Я вернулась прошлой осенью, живу дома с мамой. Здесь так спокойно. Немного скучно, но в общем-то я довольна — это дает мне возможность не думать о том, о чем лучше забыть. На работу сюда я попала через историческое общество штата. Мамина приятельница узнала о моем приезде, и, я думаю, они решили подыскать для меня какое-нибудь полезное занятие, спокойное, но стоящее. А тут в течение многих лет не было библиотекаря. С тех самых

пор как умерла старушка Дарроу. Ты помнишь ее? И вот я здесь по уши в книгах и в пыли составляю картотеку. — Она пустила струйку дыма на стопки карточек. — Этим не занимались с двадцать пятого года! С ума сойти. — Она засмеялась. — У меня такое ощущение, что это труд всей моей оставшейся жизни, наказание за мои грехи, которых скопилось чересчур много. — Уголки ее широкого рта с бледными губами снова слегка дрогнули в усмешке.

На Поле была клетчатая юбочка, как у шотландцев, застегнутая большой золоченой английской булавкой, голубая, с глухим воротом, рубашка из оксфордской ткани, начищенные до блеска мокасины и синие гольфы. Такой была форменная одежда студентов университета Уэлсли в конце пятидесятых годов, когда она его окончила. Однако в библиотеке Куперс-Фолса этот наряд не казался старомодным, ибо время в нашем городке как будто замедлило свой бег. Так думал я, глядя на Полу, и вдруг понял, что эта мысль не покидала меня со вчерашнего вечера, с того момента, как я вошел в наш старый громадный дом. Все это утро время тоже стояло на месте, и, пока мы болтали с ней, я пришел к выводу, что Пола Смитиз — на редкость обаятельная женщина. Теперь меня не удивляло, почему она так нравилась Сирилу. Многие годы я не испытывал ни малейшего влечения к женщине, тем приятней было осознавать, что оно вновь рождается. Было что-то трогательное и в том, что она и по сию пору носила наряд прошлого десятилетия.

Выкурив трубку и допив кофе, я поднялся и сказал, что пойду домой на встречу с Сирилом. Я рассказал ей о телеграмме.

— Мне известно, почему ты приехал. — Она снова стала серьезной, и я не понял отчего.

— Ты знала, что я приезжаю?

— Да. Я знала об этом раньше тебя. Сирил сообщил мне, что свяжется с тобой, надо, чтобы ты приехал, потому что вам необходимо встретиться. — Она говорила спокойно, но потом заметно начала нервничать: встала, закурила сигарету, бросила спички на заваленный стол.

— Так вы с ним поддерживаете связь?

— О да. Мы не теряли друг друга из виду, даже когда я была замужем. После смерти мужа... Сирил был... очень добр ко мне, навещал меня в Лос-Анджелесе. — Она стояла ко мне спиной, делая вид, будто изучает корешки книг на полке. — А неделю назад здесь, в библиотеке, я обнаружила кое-какой материал, доставленный сюда в коробках после смерти вашего деда. Книжки, старые бумаги... С их помо-

щью можно восстановить некоторые пробелы в истории нашего города... Памятные вещи Остина Купера, словом, всякий безобидный хлам, который так и оставался нераспакованным, пока я не наткнулась на него на прошлой неделе. — Наконец она повернулась ко мне лицом. — Я просмотрела все это очень тщательно, но не сразу. Поначалу я их просто перелистывала, и вдруг что-то в них меня насторожило, я даже не поняла, что именно. — Она прошла мимо меня и остановилась по другую сторону стола.

У меня слегка запыло под ложечкой. Я выскреб из трубки пепел и снова набил ее табаком из кожаного кисета.

— Что же ты там нашла, Пола?

— Что я нашла? Во-первых, дневники вашего деда. Ты представляешь, что он мог там написать! Подный ежедневный отчет о своих поездках по Европе и о бесчисленных встречах с людьми, которые канули в вечность. Комментарии по адресу ряда нацистов, например итальянских — его очень занимал граф Чиано, — нескольких англичан. Кроме дневников пачка писем на немецком. — Она снова поглядела на меня. — Я не знаю немецкий. А ты?

— Нет. — Я раскурил трубку. — У меня никогда не вспыхивало особого желания тратить время на немецкий и вообще на немцев.

— А еще там оказались какие-то документы, по виду — официальные директивы, со сломанными печатями, насколько я могла понять, исходившие из Берлина. И небольшой металлический ящик, вполне заурядный... но он заперт, и я отложила его до лучших времен. — Она замолчала и взглянула на меня вопрошающе.

— Продолжай, Пола. Как Сирил узнал об этом?

— Ах да, Сирил. Сирил узнал об этом, поскольку он звонит мне каждую неделю, где бы ни был — в Европе ли, в Африке, отовсюду. Недели две назад звонок был из Каира, до этого — из Мюнхена, Глазго, Лондона... Каждую неделю вызывает междугородная, и это всегда — Сирил. На прошлой неделе он позвонил из Буэнос-Айреса, и я сообщила ему о своей находке...

— И как он реагировал на это? — Ее рассказ заинтересовал меня.

— Странно, — сказала она, припоминая. — Сначала он долго смеялся, а когда я спросила, почему он смеется, ответил, что просто очень забавно — жизнь сконструирована до мелочей, деталь за деталью. — Она задумчиво вспоминала свой разговор с Сирилом. — Так и сказал — «деталь за деталью». Потом велел никому об этом не говорить. Ни

одной живой душе. — Она села в скрипучее деревянное вращающееся кресло.

— Что он еще сказал?

— Ничего существенного. Сказал только, что свяжется с тобой и что придет сюда на этой неделе. Сказал, что хочет поговорить со мной лично, не по телефону. И сказал еще, что для него это не новость, а что именно «не новость» — не уточнил.

Я сидел, поныхивая трубкой, и Пола заметила, что мой вид с трубкой в зубах действует на нее успокаивающе. Я ответил, что у каждого есть своя слабость. Она рассмеялась, потом спросила:

— Как ты думаешь, что он имел в виду?

Городские куранты пробили двенадцать. Звук топул в сугробах снега.

— Жизнь сконструирована до мелочей, деталь за деталью... Ни черта не понимаю, — ответил я. — Ясно одно: то, что ты обнаружила — а что это такое, одному богу известно, — подтверждает какие-то соображения Сирила. Но каким ветром его занесло в Буэнос-Айрес? И почему он не приехал сюда двадцатого?

— Пурга, — сказала Пола. — Вполне логичное объяснение.

— Да-да, конечно. Пурга. — Я выколотил из трубки золу. — Слушай, бросай все — и пойдем перекусим.

— Не могу. Мне надо закончить намеченную на сегодня работу. Я очень добросовестная, — улыбнулась она.

— Тогда, если не возражаешь, я заберу тебя по дороге домой. Ты поедешь со мной. Устроим Сирилу сюрприз, нагрянем оба разом. Согласна?

— Согласна.

— Он ничего больше не говорил?

— Только то, что всегда.

— А именно?

— Что он любит меня, Джон.

8

Выйдя из библиотеки, я двинулся опять по Мейн-стрит. Ветер дул мне в лицо, и снег слепил глаза.

Голова немного болела в том месте, куда меня двинул тот тип в дубленке. От попытки разобраться во всем, что рассказала мне Пола Смитиз, головная боль усиливалась, поэтому я решил заглянуть к доктору Брэдли и стал подни-

маться по лестнице на второй этаж в приемную, размещавшуюся над аптекой. И дом, и приемная, и запах лекарств — все это опять напомнило мне о детстве.

Доктор Брэдли легонько надавил пальцами на нежную, податливую опухоль над моим ухом. Я поморщился.

— Ага, больно? — Он вел себя так, будто последний раз осматривал меня на прошлой неделе.

Доктор заметно постарел, и неудивительно: ему уже, пожалуй, за семьдесят, хотя он отлично выглядел — выше шести футов ростом, костюм с жилетом, золотые запонки, нос точно банан и проницательные, умные глаза за очками в золотой оправе. Дышал он ровно, говорил всегда с легкой улыбкой в уголках широкого, тонкогубого рта. Гарри Брэдли немало повидал на своем веку.

Он еще раз кончиками пальцев ощущал опухоль:

— Похоже, кто-то ударил тебя... э-э-э... уж не кочергой ли? Во всяком случае, чем-то тяжелым и острым, поскольку рассечена кожа. Дело дрянь, но, я думаю, все обойдется. Была тошнота? Позывы на рвоту? Ну-ка давай выкладывай все по порядку. Как это произошло?

Пока я рассказывал, он закончил обрабатывать рану, выписал рецепт и потом откинулся на спинку кресла.

Спег за окном повалил еще гуще. Брэдли слушал, не сводя с меня глаз, крепко сжав руками подлокотники кресла.

— Ты не сообщил об этом в полицию в Мэдисоне? — В голосе его слышалось недоумение.

— Нет, — покачал я головой. — Я знаю, мне надо было это сделать, но, боже мой, стояла ночь, я устал как собака! Все же кончилось благополучно, и я мечтал только об одном: как можно скорее лечь и заснуть. К тому же мне не хотелось рисковать — я мог застрять в больнице в Мэдисоне на несколько дней.

— Нетерпение, — произнес Брэдли тихо. — Прямо напасть какая-то. Я помню ту ночь, когда принимал роды у твоей матери у вас в доме. Твой дед был возбужден, места себе не находил от нетерпения. — Доктор Брэдли улыбнулся, поднялся с кресла. Годы ссутулили его. — Когда я наконец спустился по этой длинной лестнице, он стоял в холле: глаз не сомкнул, все ждал известий. Узнав, что родился мальчик, то есть ты, он потащил меня в библиотеку, растолкал твоего отца, спавшего на кушетке сном праведника, и мы вдвоем выпили за твое здоровье бутылку шампанского, которую дед целую неделю выдерживал на льду специально для этого случая.

Он ободряюще похлопал меня по руке, велел побольше спать, принимать таблетки, если головная боль усилится, и показаться снова дня через два. Доктор не поинтересовался даже, зачем после стольких лет отсутствия я вновь оказался дома. Вероятно, время в его возрасте уже не имело особого значения.

Часа в три я вновь зашел в библиотеку. Пола печатала каталожные карточки. Широко улыбнувшись, она сообщила, что на сегодня выполнила задание и через пять минут будет готова. Пока она занималась собой в задней комнате, я прошелся взглядом по полкам с детективами, отметил несколько небанальных вещей с броскими заголовками и стал что-то мурлыкать себе под нос. Мне и в голову не пришло попросить ее показать коробки с бумагами из нашего дома: не было до них никакого дела — все, что касалось фашизма, для меня являлось древней историей.

Мы отправились домой в ее автомобиле, шикарном желтом «мустанге» с откидным верхом. Пола называла его своим символом свободы. Она приобрела машину в Калифорнии и сама перегнала через всю страну в Куперс-Фолс. Понутно мы остановились у магазина, где я пополнил запас продуктов для кладовой во флигеле. Снег расходился не на шутку, покрыв дорогу толстым слоем. Сдутые ранее с верхушек деревьев шапки намело заново. Солдат в парке — теперь едва заметный — все так же шагал вперед, а мой предок все так же продолжал читать свою книгу.

На подъезде к дому снег стал глубже. Лужайка превратилась в каток. Чтобы добраться до флигеля, нам потребовалось несколько минут, но «мустанг», этот малорослый, но упорный шельмец, прошел таки. Пробраться сквозь такую метель — все равно что выиграть сражение, и мы с Полой обменялись торжествующими улыбками, стоя в передней и с шумом отряхивая снег.

— Похоже, что его еще нет, — заметила она. — Я готовлю кофе. Или ты предпочитаешь что-нибудь выпить?

— Только кофе. А пью я теперь исключительно коньяк и портвейн.

— У тебя есть все основания гордиться собой, Джон. — Она прошла на кухню, и, глядя на нее, я восхитился ее длинными, стройными ногами. Почувствовав мой взгляд, Пола обернулась. — А почему бы нам не разжечь камин? — предложила она.

Я чиркнул спичкой, разжег кучку поленьев в камине в библиотеке и стал греть над огнем руки.

За окнами сгущалась темнота. За раздвинутыми тяжелыми портьерами открывалась бесконечная снежная пустыня.

Пола принесла кофе.

— Знаешь, Пола, меня начинает беспокоить отсутствие Сирила. Почему он до сих пор не приехал?

— Послушай, а что, если позвонить на телефонную станцию и спросить, не было ли междугородного звонка? Потом на телеграф. Ты ведь отсутствовал, и никого не было, чтобы передать тебе, а он, возможно, пытался с тобой связаться.

Ни на телефонную станцию, ни на телеграф не поступало никаких сообщений или звонков. Оставалось одно: ждать и коротать вечер в пустых разговорах и случайных воспоминаниях. Мы сидели и пили горячий кофе. В камине потрескивали поленья.

Наконец, чтобы убить время, я решил подняться на второй этаж, чтобы взглянуть на свою старую комнату, полистать книги на полке и убедиться, все ли там осталось прежнему.

— Можно, я пойду с тобой? — попросила Пола. — Мне совсем не хочется оставаться здесь одной. Ты не против? А то этот ветер действует мне на нервы.

Я включил свет в вестибюле, щелкнул выключателем, зажигавшим лампы в коридоре второго этажа. Безрезультатно. Видно, лампочки наверху перегорели.

— Как-то странно снова оказаться здесь, — заметил я. — У меня прямо мурашки по коже бегают.

— Понимаю. Я не была тут с тех пор, как Сирил... привел меня однажды сюда давным-давно.

Она поднималась вслед за мной по лестнице — той самой, по которой тридцать четыре года назад спускался доктор Брэдли с радостной вестью о моем рождении. Лестница осталась прежней. Дом тоже совсем не изменился.

В коридоре мы остановились, давая глазам привыкнуть к мраку.

— Джон, посмотри, там горит свет.

Я оглянулся и увидел слабый отблеск и полоску света на полу и на стене. Что-то лязгало с задней стороны дома. Я нащупал выключатель, но он не работал.

Мы медленно двинулись на свет, я слышал за собой отрывистое дыхание Пола. Свет выбивался из-под двери бывшей дедушкиной спальни. Чем ближе мы подходили, тем больше мне становилось не по себе. Я нервно хихикнул:

— Просто смех, и только! С какой стати мы идем на цыпочках?

Мы оба с облегчением засмеялись, она взяла меня за руку и сжала ее холодными влажными пальцами. Мы вошли вместе.

Сирил сидел в одном из двух вольтеровских кресел возле окна. Глаза его были закрыты, а сам он как-то склонился в сторону, голова опустилась на плечо, левая рука неподвижно вытянулась вдоль подлокотника.

— Сирил! — невольно вскрикнул я.

Пола, не выпуская моей руки, закусила губу:

— О боже мой...

Не было никаких сомнений, что мой брат Сирил — мертв.

9

Доктор Брэдли приехал через полтора часа. Вынырнув из снежной круговерти, он вошел в прихожую и стал шумно отряхивать снег, сетуя на невыносимый мороз.

— Какое несчастье, — сказал он, когда я принимал у него тяжеловесное пальто «в елочку». — А тут еще машина не заводилась. Такой чертовский холод не может вынести ни человек, ни зверь, ни машина. Где Пола? Вначале надо заняться ею, а уж потом осмотреть покойного. — Последняя фраза прозвучала для меня дико: ведь он говорил о моем брате Сириле.

Пола сидела в библиотеке, уставившись на огонь. Она выжила немного копынку и перестала плакать. Все эти полтора часа, пока не было доктора Брэдли, мы с ней просидели в библиотеке, потрясенные, печальные, чувствуя себя отвратительно. Первой моей реакцией было скорее изумление, чем скорбь, вероятно, вследствие шока от неожиданности, что мы нашли Сирила в таком положении.

Я налил себе коньяку и вышел в гостиную, пока доктор Брэдли занимался Полой. Вскоре он появился. Выглядел он уставшим, лицо осунулось: годы брали свое.

— Она скоро придет в себя, — сказал он. — Стойкая женщина. Хотя для нее это тяжелый удар. Насколько близки они были с твоим братом?

— Довольно близки, очевидно, — ответил я.

— М-да, — произнес он, беря свой черный кожаный саквояж, так хорошо знакомый мне с детства, с ровными ря-

дами пузырьков, пиялуями, стетоскопом и прибором для измерения давления. — Да, в жизни все бывает. — Уже в холле доктор обернулся ко мне: — Где он?

Я кивнул в направлении лестницы. Доктор стал подниматься, жестом пригласив меня следовать за ним.

Наверху он некоторое время молча смотрел на мертвое тело моего брата. На Сириле были джинсы и белая рубашка с закатанными рукавами. С запястья свисал именной браслет, подаренный к его четырнадцатилетию. На столике между креслами стояла бутылка «курвуазье» и фужер с остатками коньяка на дне. Кровать была слегка примята, будто Сирил успел на ней вздремнуть.

Брэдли склонился над трупом, всматриваясь в мертвые глаза, оттянул веки. Дотрагиваясь до Сирила, он непрерывно покачивал головой. Я прошел к окну. Мой взгляд, блуждавший по комнате, остановился на камине: обугленные поленья, теперь уже холодные, почерневшие... Не от них ли я видел сегодня утром дымок перед тем, как отправиться в город?

— Сколько времени он мертв? — спросил я.

— Да уж порядочно, — ответил Брэдли, насупив брови и в упор посмотрев на меня из-за очков. — Может быть, сутки. Точнее сказать трудно, пока не произведем вскрытие.

Я туло кивнул.

— Джоп, — Брэдли задумчиво потер пальцем длинный бананообразный нос, глядя на тело Сирила, — тут кое-что такое... одним словом, по-моему, что-то тут неладно, но я не могу понять, что именно. Судя по всему, у него остановилось сердце, он упал в кресло и умер. — Он снова покачал головой: — Однако... ты, говоришь, понятия не имел, что он дома?

— Нет. Я думал, он еще не приехал. Вчера вечером я заходил в дом, но его не было.

— Почему ты так уверен?

— Потому что я его не видел и не слышал.

— Надо сообщить в полицию. Пожалуйста, не смотри на меня так. Мой долг — поставить власти в известность. Кроме того, следует выяснить, когда и отчего он умер, — доктор тронул меня за рукав, — хотя бы для собственного удовлетворения. Необходимо сделать вскрытие. Тебе придется согласиться, мой мальчик.

Я кивнул.

Пока доктор Брэдли звонил по телефону, я спустился в

библиотеку, подбросил дров в камин и передал Поле наш разговор.

— Значит, доктор Брэдли считает, что здесь что-то нечисто?

Она сидела, поджав под себя ноги, припикнув к спинке кресла, и дрожала. На улице завывал ветер.

— Кто знает, — ответил я.

— Интересно, что его привело сюда? Какая жестокая ирония: проделать путь из Буэнос-Айреса, чтобы поговорить с тобой и со мной... и вот мы здесь, а он мертв. Просто абсурд, какая-то бессмыслица...

От ее слов мне сделалось не по себе. Я положил руку ей на плечо.

В дверях остановился доктор Брэдли, достал из жилетного кармана часы на золотой цепочке:

— Я позвонил Олафу Питерсону. Он у нас человек новый, при тебе его здесь не было. Теперь он шеф нашей немногочисленной полиции. Раньше служил в уголовном розыске в крупных городах. Приобрел известность, раскрыв несколько сложных дел, связанных с преднамеренным убийством, женился на богатой женщине и, благодаря тестю, стал членом яхт-клуба «Белый медведь» в Миннеаполисе. Тогда же он оставил тяжкую работу в полиции. Сюда он приехал на свою ферму, чтобы отдохнуть в тиши нашего захолустья, а мы упросили его в качестве консультанта помочь нам наладить дело в местной полиции. И теперь платим ему номинальную зарплату — доллар в год, чтобы он оставался начальником полиции. Похоже, это ему нравится.

— И что он сказал?

— Сказал, что подъедет посмотреть, если удастся вытащить машину из снега. Метель-то усиливается.

Я поставил граммофонную пластинку с одной из сонат Бетховена. Мы сидели в библиотеке молчаливые, не в состоянии отделаться от мысли, что там наверху в кресле лежит Сирил, недвижимый, мертвый... Со стен библиотеки на нас взирали именитые нацисты и дед. Но вот сквозь рев метели донесся звук подъезжавшей машины, свет фар пропизал снежные вихри. Теперь у подъезда стояли уже три автомобиля, и снег все сильнее и сильнее заносил их. Открыв дверь, я увидел черный «кадиллак», а за рулем человека с сигарой. Не выпуская сигары изо рта, хозяин машины поспешил к дому.

— Здравствуйте, меня зовут Олаф Питерсон.

Мы обменялись рукопожатиями.

Олаф Питерсон приехал сюда в такую пургу не затем, чтобы стоять и вести пустые разговоры о погоде в Миннесоте. С ходу спросив Брэдли, где находится труп, он стал быстро подниматься по лестнице. Мы с доктором последовали за ним, а Пола осталась в библиотеке. Питерсон был среднего роста, в аlegantном замшевом пальто цвета ржавчины, с симметричными лацканами на пуговицах, смуглый, почти брюнет. Он казался скорее выходцем с Ближнего Востока, чем скандинавом с берегов какого-нибудь фиорда. Густые черные усы спускались вниз по углам рта. Словом, выглядел он совсем не таким, каким я его представлял.

Снова оказавшись в спальне деда, я наблюдал за Олафом Питерсоном. Он внимательно осматривал место происшествия, зажав подбородок смуглой волосатой рукой. Ногти на его лопатообразных пальцах были тщательно ухожены. Он расстегнул пальто, и под ним оказался темно-синий рыбацкий свитер, надетый поверх желтой сорочки. Ее воротничок поднимался до подбородка: у Питерсона была очень короткая шея.

— Ваш брат? — спросил он.

Я кивнул.

— Труп обнаружили вы? Ничего здесь не трогали?

Я опять кивнул.

— Мисс Смитиз... — Он помолчал, перевел глаза на Брэдли: — Как фамилия ее покойного мужа? Филлипс?

Брэдли в свою очередь кивнул.

Питерсон приблизился к столу, уставился на фужер и закрытую бутылку «курвуазье», потом опустил на колени, осмотрел ее в свете лампы. Поджав губы, стал размышлять вслух — к этой его особенности мне пришлось привыкать.

— В порядке предположения допустим, что бутылка была непечатой и он сам откупорил ее. В доме нет постоянных обитателей, которые могли бы прикладываться к пей время от времени, и тем не менее осталось только полбутылки. — Он посмотрел на нас спизу вверх и широко улыбнулся, как посредственный клоун, довольный своей плоской, избитой остротой и смехом публики. — Таким образом, либо Сирил Купер сам хватил изрядно, либо... — он помолчал для большего эффекта и выпалил: — либо кто-то еще пил вместе с ним! А коль скоро тут был кто-то еще, не мешало бы с ним потолковать. — Физиономия Питерсона снова засияла, но в ту же секунду улыбка исчезла, и он серьезно посмотрел на меня: — Это та сторона детективной

работы, мистер Купер, которую я обожаю. Самая легкая ее часть, мистер Купер. Надо думать, для вас смерть брата была большим потрясением. Кстати, а сами вы не убивали его? Нет, вряд ли.

— Я проделал весь этот путь сюда из Бостона по его вызову, — ответил я. — Он хотел встретиться здесь со мной двадцатого.

— И вы опоздали, мистер Купер. — Он больше не смотрел на меня, а энергично помешивал кочергой золу в камине.

— Нет, к вашему сведению, я не опоздал. Я приехал вечером. Поздно вечером.

— Тогда почему же вы его не обнаружили сразу, позвольте вас спросить?

— Потому что его здесь не было. По крайней мере...

— Значит, вы заходили в эту комнату?

— Нет, я...

— Но вы были в доме? Вы ночевали здесь?

— Нет.

— Нет? Мне показалось, вы сказали, что приехали вчера вечером. Должно быть, я ослышался... — Он продолжал стоять ко мне спиной.

Брэдли тем временем достал из золотого портсигара сигарету, постучал концом о крышку.

— Я действительно приехал вчера вечером. Зашел в дом около одиннадцати, походил внизу какое-то время, потом взял бутылку коньяка и поехал во флигель у озера, там и заночевал.

— И брата вы не видели?

— Естественно, нет.

— Здорово мело, мистер Купер?

— Да, здорово.

— И вы не заметили следов машины, ведущих к дому?

— Нет. Был совершенно ровный наст. И сугробы.

— Но очень темно?

— Да, очень. Ни луны, ни электрического света.

— Та-ак. — Он наконец-то соблаговолил повернуться ко мне лицом. — Значит, вы не заметили никаких следов, которые говорили бы о приезде вашего брата, потому что, как я полагаю, он приехал раньше вас, мистер Купер, и все следы, которые он оставил, к тому времени замело. — Он снова расплылся в улыбке. — Пожалуйста, поймите, это только догадки, одни догадки, мистер Купер. — Улыбка исчезла с его лица. — Но готов руку дать на отсечение, что я прав. — Он повернулся к Брэдли, слушавшему его

с легкой усмешкой. — Я повидал на своем веку чертовски много трупов, доктор, и сказал бы, что этот человек мертв уже по крайней мере целые сутки. — Он посмотрел на свои малепькие, изящные, квадратной формы золотые часики. — Вы же, мистер Купер, тоже находитесь здесь около суток. Странное совпадение, не так ли? Вы проделали весь этот путь сквозь пургу и приехали сюда, возможно, за несколько минут до смерти своего брата. — Он покачал головой. — Откуда прибыл ваш брат, мистер Купер? Насколько мне известно, здесь давненько не появлялся. Откуда он взялся?

— Из Буэнос-Айреса, — ответил я. — Во всяком случае, телеграмма пришла оттуда.

— С ума сойти, из Буэнос-Айреса! — удивился он. — Стоило мчаться бог весть откуда, чтобы в родном доме умереть. Глупо, не правда ли?

Мы спустились вслед за ним по лестнице, когда Брэдли поинтересовался, как моя голова. Прежде чем я успел ответить, Питерсон спросил не останавливаясь:

— А что с вашей головой, мистер Купер?

— Кто-то пытался убить его прямо на дороге, — ответил за меня Брэдли.

— Вы шутите! — Питерсон застыл на нижней ступеньке с выражением неподдельного изумления на смуглом лице и слабой, неуверенной улыбкой под густыми черными усами. — Вы определенно шутите!

— Нет, мистер Питерсон, — ответил я раздраженно, — какие уж тут шутки?! Мне очень приятно, что это забавляет вас, и тем не менее это правда.

Питерсон хохотнул и прошел через гостиную в библиотеку, где сидела Пола, склонившись над толстым томом из полного собрания сочинений Диккенса. Он улыбнулся ей, бросил на ходу какую-то фразу, которую я не расслышал, и плюхнулся в кожаное кресло перед камином.

— Я полагаю, друзья мои, у вас найдется пара свободных минут? — Теперь он стал олицетворением смирения. — Все это ужасно интересно. А посему мне хотелось бы задать вам несколько вопросов. Думаю, часам к двенадцати мы закончим. Идет? — Сейчас он был полон дружеской теплоты. Перемена в поведении Олафа Питерсона наступила так неожиданно быстро, что у меня от этого снова разболелась голова.

— Могу приготовить кофе, — предложила Пола и слабо улыбнулась мне. — Я чемпион мира по варке кофе. Похоже, я только и делаю, что готовлю его.

— Прекрасная мысль, мисс Смитиз. — Питерсон погля-

дол на меня, на Брэдли, потом на нее. — Приготовьте кофе, пожалуйста. Нам он сейчас, ей-богу, не повредит. — Пола вышла. — Вы говорите, она близкий друг вашего брата?

— Да.

— Очень близкий?

Я кивнул.

— Даже так. — Он закурил до смешного тонкую сигару. — Теперь расскажите мне все по порядку о покушении на вашу жизнь, мистер Купер.

Я рассказал.

— И вы не обратились в полицию или в больницу, а прямехонько отправились в гостиницу, нырнули в постельку и на том успокоились? — Его темные кустистые брови поползли на лоб.

— Совершенно верно, — ответил я. — Я устал, инцидент был исчерпан, а если бы наутро мне стало хуже, я обратился бы к врачу.

— Однако, мистер Купер, речь идет не просто о вашем здоровье. На вас совершено покушение. Вы видели тех, кто покушался на вас, знаете их машину и заметили повреждения у нее на корпусе после неудачной попытки столкнуть вас в кювет. — Он смотрел на меня мрачно, исподлобья. — И все же вы не удосужились сообщить об этом в полицию. Или хотя бы патрульному на дороге. — Он скривил губы под щеткой усов. — Ваш поступок, мистер Купер, в данном случае граничит с преступной глупостью.

Я сидел, уставившись на отблески огня в камине.

— А между тем вы далеко не глупый человек, мистер Купер, не правда ли? Верно я говорю?

— Послушайте, Питерсон, у меня голова была занята совсем другим. Я остался жив и мог двигаться, мог снова вести машину. К тому же в ту ночь была страшная метель... Не знаю, попятно ли я объясняю, но в такую пургу все казалось нереальным, не таким, как всегда. В другое время я, вероятно, именно так бы и поступил, как вы говорите. Но в ту ночь — нет. И если вы считаете, что ваше участие в расследовании этого дела заключается в том, чтобы выговаривать мне, что я преступно глуп, то не лучше ли нам расстаться, Питерсон? Собирайте свои манатки, свои пидотские тонкие сигары, свое замшевое пальто и этот ваш драгоценный парик и катитесь отсюда ко всем чертям! — Голос у меня дрожал, и я замолчал, чтобы перевести дух.

— Неужели вы заметили? — поразился Питерсон. Лицо его выразило явное беспокойство.

— Что заметил?
— Да парик... Разве так заметно?
— Пусть это вас не беспокоит. Я когда-то работал в Нью-Йорке на телевидении. Там быстро начинаешь безошибочно разбираться в таких вещах. Впрочем, ваш парик хоть куда, Питерсон.

— Двенадцать сотен зелененьких отвалил, а он — на-те вам, враз разглядел. — Олаф Питерсон щелкнул пальцами. — В один миг! Ну и ну! Так на чем мы остановились? — продолжил он как ни в чем не бывало. — Ах да, что же вас тогда занимало? О чем это вы размышляли так напряженно, что оставили полицию в неведении относительно двух молодцов, которые хотели вас укокошить?

Впервые за этот вечер Питерсон прошелся взглядом по стене, всматриваясь в развешенные на ней фотографии. Гиммлер, Геринг и Гитлер взирали на нас сверху со снисходительной улыбкой.

— Я думал о своей семье.

— Вот это мне понятно, — сказал он, скорчив гримасу. — Ну-ну, и что же вы думали о своем семействе?

— Ничего конкретного. Это были просто воспоминания. Признаться, я редко думаю о семье, давно уже выкинул ее из головы. Но по дороге сюда у меня было достаточно времени, чтобы предаться воспоминаниям. Я думал о брате. Гадал, для чего он вызвал меня, зачем ему понадобилось со мной встретиться. — Я стал нервно вертеть в руках трубку. В это время в комнату вошла Пола с чашками кофе.

— Значит, вам даже неизвестно зачем? — удивился Питерсон. — Вы проделали весь этот путь, даже не ведая зачем? Ну знаете, мистер Купер, с вами не соскучишься.

Когда Пола подавала мне чашку, я взглянул на нее. Она едва заметно покачала головой. «Ладно, — подумал я, — наверное, не стоит упоминать о найденных ею в библиотеке бумагах. Хотя со временем, конечно, об этом придется кому-то рассказать».

— Нет, он ни словом не обмолвился о причине. Просто написал, что нам надо встретиться здесь двадцатого, я и приехал.

Питерсон отхлебнул кофе, улыбнулся Поле.

— Таковы у нас с Сирилом отношения, — пояснил я.

— Были, — уточнил Питерсон.

— Были, — повторил я.

— Как его голова, доктор?

— Все обойдется, но кто-то здорово саданул его, Олаф. Надо признаться, ему очень повезло.

Питерсон встал и, не говоря ни слова, исчез в коридоре, ведущем в кухню.

Доктор Брэдли смял сигарету в пепельнице, другой рукой удерживая чашку с кофе на подлокотнике кресла. Пола закрыла глаза. Лицо ее осунулось, но было спокойным.

— Нужно кое-что сделать, Джон, — сказал Брэдли. — Надо доставить Сирила в город, чтобы утром произвести вскрытие. Думаю, необходимо сообщить Артуру Бреннеру. Уж кому-кому, а ему следует позвонить не откладывая. Он при вас, Куперах, от рождения до гробовой доски, почти что родственник.

— Вы полагаете, что надо позвонить сейчас? — спросил я, взглянув на часы. — Уже почти двенадцать.

— Полагаю. Артур наверняка еще не лег: либо возится со своим фарфором, либо читает. Позвони, это твой долг перед ним.

11

Артура Бреннера мучила простуда. Его голос, обычно басовитый, глубокий, звучал гнусаво и то и дело прерывался кашлем или чиханием. Я слышал, как он шмыгал носом. Артур был человеком уравновешенным, осмотрительным. Первоклассный юрист, до войны он какое-то время был дипломатом, а во время войны — офицером разведки. Теперь же, слушая меня и сопя в трубку, он повторял: «Ясно... ясно... понимаю», — и одновременно задавал четкие и точные вопросы.

Я рассказал ему о приезде Олафа Питерсона, о том, что вскрытие произведут утром, что никто из нас представления не имеет, почему и когда умер Сирил. В течение всего разговора Артур шумно потягивал свой любимый пунш.

— Я-ас-но, — медленно произнес он. — Надо все делать так, как считают нужным Олаф и Брэдли. Ну а нам с тобой тоже необходимо кое-что обсудить. Например, вопрос о наследстве Сирила, между прочим, весьма значительном. Главное, чтобы его смерть не выбила тебя из колеи. Тебе хорошо известно, что смерть — неизбежный финал жизни, порог, который рано или поздно каждому из нас суждено переступить. Поэтому не падай духом и приезжай ко мне утром. Я вначале загляну к Брэдли за пеницилли-

ном, потом буду у себя в конторе. Да, Джон, я рад, что ты снова дома. Спасибо за звонок.

Артур Бреннер принадлежал к категории людей, незаменимых в кризисных ситуациях. Пожалуй, это был человек самый методичный и невозмутимый из всех, кого мне приходилось встречать на своем веку. Цельный, чуткий, здравомыслящий как в практическом, так и в философском смысле, непоколебимый как скала. На него всегда можно было опереться в трудную минуту.

Питерсон возился в кухне, хлопал дверцами шкафов, гремел посудой, шелестел бумагой. Брэдли стал надевать пальто:

— Пора домой. — Он зевнул, ободряюще стиснул мне руку. — Завтра вызовем кого-нибудь из похоронного бюро. Сегодня больше ничего нельзя сделать. Все, что можно, сделано. — Он пожелал Поле спокойной ночи, и я пошел проводить его до дверей. — Я дал ей слабое успокоительное, она быстро уснет, — сказал он и снова похлопал меня по руке, потом сел в машину, несколько минут возился с двигателем, который никак не заводился, но затем все-таки ожил, и машина двинулась сквозь сугробы.

Когда я вернулся в библиотеку, Питерсон сидел в кресле, посасывая очередную тонкую сигарку.

— Ну что ж, мистер Купер, пожалуй, сегодня я отнял у вас достаточно много времени. — Сейчас он показался мне очень рассудительным и не таким назойливым. — Однако, прежде чем уйти, мне хотелось бы кое-что уточнить... Когда вы приехали вчера вечером, то заходили в кухню?

— Нет. Я заглянул в гостиную, прошел в библиотеку, постоял минуту-другую в холле и вышел. Никуда больше не заходил. — Голова у меня снова болела, в глазах была какая-то резь от усталости.

— Вы не курили сигару? — Он взглянул на столбик пепла на конце своей паящной сигарки.

— Нет.

— И не пили коньяк, пока находились в доме?

— Нет.

— Пройдемте со мной в кухню на минуту, пожалуйста. Извините, мисс Смитиз.

Я двинулся за ним по коридору.

Он указал на фужер на столе. Дверца шкафа над ним была распахнута.

— Не дотрагивайтесь до него, но посмотрите внимательно... Прекрасно, мистер Купер. Теперь подойдите к краю стола и нажмите на педаль мусорного бачка.

В бачке оказались какие-то отбросы, окурок сигары, пепел.

— Что дальше? — спросил я.

— Спасибо, мистер Купер. — Он расплылся в широкой белозубой улыбке. — Ровно ничего. Но, пожалуйста, запомните, что вы там видели. Завтра, возможно, мы поговорим об этом. О, не беспокойтесь! Это игра. Всего лишь игра.

В прихожей он энергично напялил свое замшевое пальто:

— Загляните завтра ко мне в контору. Все станет более или менее ясно, получим результаты вскрытия, прояснится картина этого печального события. Вы собираетесь ночевать здесь?

— Нет, я буду ночевать во флигеле.

— О да, разумеется. Что ж, пожелайте от меня спокойной ночи мисс Смитиз. — Он остановился в открытых дверях, и холл мгновенно наполнился леденящим холодом. — И постарайтесь хорошенько выспаться. На вас лица нет.

Когда я вернулся в библиотеку, Пола внимательно разглядывала фотографии на стенах.

— Боже мой, Джон, — произнесла она, как только я плюхнулся в кресло за столом своего деда. — Это просто непостижимо. Музей какой-то. Я слышала о политических связях вашего деда, знала, что он был фашистом, но, когда смотришь на эти фото, начинаешь с ужасом понимать, что все это слишком реально, точно в документальных киножурналах. — Я кивнул и осушил чашку остывшего кофе. Она продолжала возбужденно: — Остин Купер с Гитлером, Остин Купер с Риббентропом, Остин Купер со Шпеером, Остин Купер с Герингом, Остин Купер с Муссолини, Остин Купер бог знает с кем! Удивительно, почему нет фотографии Остина Купера, пожимающего руку самому дьяволу?

— О, она, должно быть, где-нибудь все же есть, — ответил я.

Пола вновь повернулась ко мне:

— Это беспокоит тебя?

— Нет, ничуть. Я никогда не задумывался над этим.

Она снова опустилась в кресло, уставившись на меня остекленелым взглядом:

— Как тебе Питерсон?

— Хитрый, дьявол. К тому же самовлюбленный и немножко сумасшедший. — Я зевнул. На улице продолжал свистеть ветер, снег тихонько постукивал в окна, но я уже привык и не реагировал на это.

— Интересно, какие у него мысли? Зачем он повел тебя в кухню? — Она тоже зевнула, покачала головой.

— По-видимому, чтобы порисоваться. — Я сам не был уверен, действительно ли я так думаю или мне только хочется так думать. — Произвел наверху маленький подсчет, сколько осталось коньяка в бутылке, ну прямо Шерлок Холмс. В кухне ткнул меня носом в фужер, потом в мусорный бачок. Не знаю, зачем ему это понадобилось, но комедиант он настоящий. Ничего, завтра ему так или иначе придется мне все объяснить.

Пробило час ночи. Я направился в кухню, проглотил таблетку от головной боли. Пола, услышав журчание воды из крана, пришла ко мне и вышла успокоительное.

— Мне пора домой, — сказала она.

— Хорошо. — Помогая ей надеть пальто, я спросил: — Пола, а как пасчет документов, которые ты нашла? Я полагаю, рано или поздно Питерсон все равно узнает о них.

— Совсем не обязательно. — Она застегнула пальто, взяла сумку, перчатки. — Какое отношение они имеют к Питерсону?

— Никакого, если Сирил умер естественной смертью. Однако, судя по реакции Брэдли, когда он осматривал тело, и по тому, как рыскал повсюду Питерсон... Право, не знаю, Пола, но если в смерти Сирила есть что-то подозрительное, тогда Питерсон захочет получить ответы на кучу вопросов. Наверняка он спросит, с какой стати Сирил решил приехать сюда из самого Буэнос-Айреса. — Мы стояли в холле, глядя друг на друга. И опять мне подумалось, что Пола очень привлекательна и что Сирил знал толк в женщинах. — Ладно, поговорим об этом утром. Артур скажет, как нам лучше поступить.

Мы вышли на улицу и попробовали завести ее машину. На ней лежал толстый слой снега, и я начал сгребать его ладонью. Снег был сухим, мягким, точно пух, и ужасно холодным. Пола села за руль, включила зажигание. Раздался неприятный скрежет, потом еще и еще. Я обошел машину, чтобы очистить заднее стекло. Скрежет становился все тише. Я вновь подошел к Поле. Она поглядела на меня со слабой улыбкой:

— Еще один сюрприз.

— Слишком холодно, — заметил я. — Она не заведется. Бросай это дело. Придется ночевать здесь.

Наше дыхание стыло в воздухе. От мороза потрескивали голые ветви деревьев, склопавшиеся над нашими головами, ветер швырял снежную пыль нам в лицо.

Содрогнувшись, Пола сказала:

— Я не в состоянии оставаться одна в доме с Сирилом. Пойми, Джон, я просто не могу.

— Не беспокойся, мы переночуем во флигеле.

Тропинку к флигелю совсем замело. Нередко в газетах читаешь, что в такие ночи люди сбиваются с пути в двадцати ярдах от собственного дома и замерзают в снегу.

Проваливаясь по колено в сугробы, мы прокладывали путь вперед. Пола шла за мной, стараясь ступить след в след. Луна едва проглядывала, никакого освещения не было. Наконец мы с трудом взобрались на крыльцо.

— Боже, — выдохнула Пола, — неужели пришли?

Все вокруг становилось каким-то нереальным. Казалось, будто мы в другом мире, полном холодного мрака, тающего смерти и угрозы. Мы безумно устали.

Первым делом я разжег камин в гостиной и спальне, налил себе и Поле по рюмке коньяка, проверил запоры на дверях.

— Ты можешь лечь в спальне, — сказал я, когда огонь в каминах разгорелся. — Я устроюсь здесь на диване.

— Хорошо, — вяло произнесла Пола. — Кажется, успокоительное начинает действовать. От него у меня ползают мурашки по спине, вверх-вниз, вверх-вниз, — хихикнула она. — Ты должен простить меня. Я немного расклеилась. — Она помолчала. — Прошло всего несколько часов, как мы нашли Сирила. — По щекам ее потекли слезы.

Мы стояли на пороге спальни. Я обнял ее, прижал к себе.

— Все образуется, — сказал я. — Утром снегопад, даст бог, прекратится, мы поедем в город и тогда хоть что-то прояснится.

— Надеюсь. — Она повернула ко мне лицо, и я поцеловал ее. Губы у нее были сухие, и она прильнула ко мне, словно дитя. Я погладил ее по волосам и велел лечь спать, а сам вернулся в гостиную. Диван стоял напротив камина, от которого по комнате распространялось приятное тепло. Я достал из стенного шкафа одеяло, бросил его на диван. Потом отпер дверь, высунул голову и взглянул на термометр. Он показывал минус двадцать восемь. Впрочем, когда я шел к флигелю, мне показалось, что было гораздо холоднее: градусов шестьдесят — семьдесят. Видимо, таково было воздействие фактора холодного ветра.

Я снова запер дверь и вернулся в спальню. Пола лежала в кровати, натянув одеяло до подбородка, и улыбалась мне.

— У тебя все в порядке?

— Да, — медленно кивнула она, — все в порядке. Спасибо тебе, ты очень славный. — Голос ее звучал тихо, едва слышно. — Завтра мы еще поговорим.

Я подошел к стулу, взял свой халат. Она высунула руку из-под одеяла, дотронулась до меня и невнятно пробормотала:

— Поцелуй меня на ночь.

Я наклонился и коснулся губами ее щеки, а она улыбалась и выглядела совсем юной и ужасно беззащитной — женщина, которая столько пережила за свою жизнь, но сумела справиться со всеми невзгодами и сохранить чистоту и непосредственность. Недаром мой брат Сирил любил ее.

— Утром мы обо всем расскажем Артуру, — проговорил я, стоя в дверях, — уж он-то знает, как нам дальше быть. Артур обо всем позаботится.

Но Пола уже спала и не слышала меня.

12

Мы с Полой стояли в снегу в чистой морозной дымке серого утра, глядя, как люди из похоронного бюро выносят из дома тело Сирила и вкатывают носилки в черный катафалк. Молодые ребята, выносившие гроб, поскользнулись, упали в снег вместе со своей ношей и вполголоса выругались. От мороза и ветра их щеки пылали здоровым румянцем. Один из них подошел ко мне, буркнул что-то и протянул бумагу, которую я должен был подписать. Ручку пришлось долго встряхивать: чернила застыли и не поступали в перо. Катафалк вскоре уехал.

Мой «линкольн» завелся только со второй попытки, потому что температура упала до сорока. Я дал возможность двигателю поработать вхолостую несколько минут, и, пока мотор прогревался, мы вернулись во флигель, чтобы выпить кофе с гренками. Мы почти не разговаривали. Пола изредка застенчиво улыбалась мне, точно вспоминала наши вчерашние поцелуи, а не смерть Сирила.

Мы уселись на переднее сиденье, и я плавно нажал педаль акселератора. «Линкольн» слегка пораскачивался в снегу, затем двинулся вперед. Это был долгий путь по глубокому снегу, но, поскольку я ехал на малой скорости, машина продолжала пробиваться все дальше и дальше, мимо деревьев, по широкой дуге к шоссе. На нем уже успели проложить колею, и я прибавил газу.

Вся жизнь Артура Бреннера делилась на две части, причем обе они доставляли ему огромное, неиссякаемое удовольствие: адвокатские дела в конторе на втором этаже гостиницы в Куперс-Фолсе, где он, кроме того, писал статьи и давал советы тем, кому пужна была его консультация, и домашнее увлечение искусством изготовления фарфора: он лепил фигурки, расписывал их, обжигал. Мне приходилось слышать, как он отвечал на вопрос о своем хобби: человек, обладающий терпением, крепкими нервами и твердой рукой, чтобы работать с фарфором, вполне подходит для деятельности адвоката, в которой приходится преодолевать все те юридические ловушки и опасности, которые зачастую представляет собой закон.

И вот теперь он стоял перед нами, придерживая распахнутую дверь. Он выглядел таким же, каким я помнил его и каким надеялся увидеть: высокий, крупный, с поредшими седыми волосами над выпуклым лбом, с ясной улыбкой на широком добром лице, которая делала его намного моложе своих семидесяти лет; порой он казался непоколебимым и неподвластным времени. Сейчас Артур улыбался, пожимая руки Поле, потом мне. В конторе было уютно: раздвинутые портьеры пропускали в комнату яркий, хотя и сероватый утренний свет; потолок высокий, футов четырнадцать, широкое окно с видом на Мейн-стрит.

Он подвел нас к трем стоявшим у окна мягким креслам, обитым ярким ситцем, и, когда мы уселись, опустился сам всем своим грузным телом весом в двести пятьдесят фунтов.

— Вначале позволь мне выразить соболезнования по поводу смерти Сирида. Печальное возвращение домой. Страшное дело. — Он вскинул свою массивную голову и внимательно поглядел на меня из-под тяжелых век. — Ты-то как? Выглядишь прекрасно, хотя Брэдли сказал, что на тебя напали бандиты и бросили умирать посреди дороги. Неужели такое могло быть?

Я повторил ему загадочную историю, происшедшую со мной. Он сидел, поглаживая тщательно выбритый подбородок, покачивая головой и в наиболее драматические моменты поглядывая на меня. Чиркнул спичкой, начал неторопливо раскуривать сигару, катая ее во рту языком. Когда я кончил свое повествование, он подался вперед и, глядя поочередно то на меня, то на Полу, удивленно поднял кустистые брови.

— Неужели такое могло быть? — повторил он и вздохнул: — Конечно, могло. В жизни полно случаев насилия,

бессмысленных, жестоких, психопатических. И все же... Даже мысль об этом неприятна мне... Ты чувствуешь себя лучше? Прекрасно. Тебе повезло, что эти подонки оказались такими неумелыми. — Он прищурился, словно вглядывался куда-то в даль, мимо меня: — Просто непостижимо, что после такого невероятного приключения ты все-таки здесь.

Мне вдруг вспомнилось это нападение в деталях. На секунду показалось, будто все повторяется: я ощутил удар, почувствовал, как «линкольн» скользит под откос в сугроб...

Артур продолжал говорить, но я его не слышал...

— Вы что-то сказали, Артур?

— Я спросил, почему Сирил назначил тебе встречу здесь? В чем причина?

— Именно об этом нам и хотелось поговорить с вами. Понимаете ли, я не имею представления, ни малейшего. — Пола смотрела в это время в окно, погруженная в свои собственные мысли, в свою скорбь. Я подумал, не сломит ли ее такой удар, ведь для нее это тяжелое, невыносимое горе, и продолжал: — Я бы вообще ничего не узнал, если бы вчера вечером не заглянул в библиотеку. По чистой случайности. Я зашел в библиотеку и там встретился с Полой.

Пола мгновенно очнулась от своих дум. Оказывается, все это время она внимательно слушала.

— Я сообщила Джону две вещи относительно Сирила. Я сказала, что мы много лет были любовниками и Сирил звонил мне каждую неделю, независимо от того, где находился. И еще сказала, почему Сирил просил его приехать домой.

Артур Бреннер с удовлетворением откинулся назад, в ситцевое раздолье своего кресла. Положил правую ногу на расшитую узорами скамеечку. Нос у него покраснел от насморка, и он вытащил из рукава джемпера пачку бумажных салфеток. На нем был толстый джемпер с кожаными пуговицами, рубашка в яркую клетку и вязаный коричневый галстук. Сморкаясь, он содрогался всем своим могучим телом, и, глядя на него, я вновь почувствовал себя мальчишкой.

— Так почему же, Пола? — спросил он тихо, ободряюще. — Почему Сирил просил Джона приехать домой?

— Из-за того, что я нашла в коробках, — ответила она, — в тех коробках, которые были доставлены из имени Остина Купера. Понимаете ли, они пролежали там лет двадцать, если не все тридцать, и хранились, по-видимому, где-то на чердаке... или в подвале, это неважно. — Она откашлялась, играя тонким серебряным браслетом. — Потом

эти коробки переправили в библиотеку, чтобы библиотекарь рассортировал их. На первый взгляд там не было ничего интересного: старые журналы, книги. Но поскольку библиотекарь работал временно, их, не разбирая, просто поставили в хранилище в подвале библиотеки. Никто не удосужился заглянуть в них, пока я не спустилась туда недели две назад.

— Но, моя милая, — терпеливо сказал Артур слегка хриплым от простуды голосом, — что именно вы обнаружили в этих коробках? Надеюсь, не любовные письма Остипа? — Хохотнув, он взял Полу за руку, которая потонула в его огромной ладони. — Вряд ли они стояли того, чтобы из-за них приезжать домой.

— Там были дневники, мистер Бреннер, дневники, которые Остин Купер вел во время поездок по Германии, Франции, Испании, Англии и Скандинавии в двадцатые — тридцатые годы.

Артур покачал головой, как бы говоря: недостаточно убедительно.

— Что нового можно еще узнать? Все давным-давно известно. — Он достал огромную черную сигару. — Большие ничего?

— Нет, еще кое-что.

— А именно, милочка?

— Документы на немецком. Я, конечно, не могла их прочитать, но там есть имена, очень известные имена — некоторые, правда, мне встретились впервые. И эти бумаги адресованы Остину Куперу. Несколько конвертов с печатями, но без марок, словно они никогда не предназначались для пересылки по почте. Все они... как бы это сказать... выглядели очень... очень официально, что ли. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

Артур медленно поднялся с кресла, осторожно ступая, подошел к окну и уставился на улицу. Порывы ветра поднимали тучи снега, отчего свет становился неровным, колеблющимся, но, однако, было довольно светло. Вокруг головы Артура клубился густой сигарный дым.

Пола вопросительно посмотрела на меня.

— Да, я понимаю, что вы имеете в виду, — промолвил наконец Артур, — но при чем тут эти документы? Вы утверждаете, будто именно из-за них Сирил просил Джона приехать домой? Странно, я бы даже сказал, очень, очень странно.

— Сирил рассмеялся, когда я сообщила ему о них, а потом сказал, что это очень забавно: жизнь сконструиро-

вана до мелочей, деталь за деталью. Он просил никому об этом не говорить, ни одной живой душе, и добавил, что свяжется с Джоном и сам прилетит сюда на этой неделе, чтобы поговорить со мной лично, а не по телефону. — Она слабо улыбнулась. — Он казался таким счастливым, что мы снова увидимся... Много месяцев мы общались только по телефону.

Бреннер обернулся, выжидательно глядя на нее.

— Он звонил мне каждую неделю, — пояснила Пола, — отовсюду: из Каира, Мюнхена, Глазго, Лондона. А последний звонок был из Вуэнос-Айреса.

Артур хлопнул ладонью по спинке кресла:

— Никак не пойму, какого черта ему понадобилось ехать сюда с другого конца света, вызывать Джона из Кембриджа — тоже не ближний конец — ради найденной вами связки каких-то старых нацистских бумаг Остина? Никому теперь нет никакого дела до нацистов, между прочим. — Он чихнул, держа наготове бумажную салфетку. — А эта его торжественно-высокопарная телеграмма: «Семейному древу пужен уход...» Какого дьявола он хотел этим сказать? Потом он тайно приезжает домой, поднимается наверх, выпивает коньяк и умирает. Ей-богу, будь он сейчас здесь, я выдал бы ему по первое число. К чему вся эта таинственность?!

— Дело в том, — заметил я, — что мы не знаем, зачем он решил приехать и зачем вызвал меня. Нам известны лишь кое-какие факты, но неизвестно главное: зачем.

Упираясь руками в подлокотники, Артур медленно опустился в кресло. Если не считать моментов, когда его мучили приступы подагры, Артур Бреннер вовсе не казался стариком.

— Вам известно не хуже меня, Артур, что Сирил Купер никогда не был вбалмошным. И если он хотел, чтобы я приехал, значит, у него были на то веские основания. Весь вопрос в том, что мы не знаем, какие именно.

Пола поглядела на меня, потом на Бреннера, провела рукой по большой английской булавке на юбке и сказала:

— Надо полагать, Сирил знал что-то такое, чего не знаем мы.

— Разумеется, милочка, — согласился Артур. — Он наверняка знал, ради чего он приехал, а это сейчас самое главное. Кстати, он оставил завещание, — продолжал Артур, меняя тему разговора. — В общем-то довольно справедливое, Джон. Ты наследуешь все, то есть почти все. Несколько

миллионов долларов, мой мальчик. Что ты на это скажешь? — Его широкое лицо расплылось в улыбке, глаза заблестели. — А вам, моя душечка, — уставился он на Полу своими бледно-голубыми глазами, — он оставил четверть миллиона. — Я заметил, как у него на глазах выступили слезы. Он быстро зашмыгал носом, высморкался, украдкой смахнул их с уголков глаз. Куперы были его семьей, его родными.

Пола тихо заплакала, теребя подол юбки. Я же как-то не вполне еще осознал, что вдруг стал мультимиллионером. Все это казалось мне в какой-то степени абсурдом. Это были личные деньги Сирила. Наши семейные капиталы были вложены целиком в различные благотворительные фонды.

— Что ж, я думаю, нам не мешает взглянуть на эти документы, будь они неладны, — сказал Артур мрачно. — Сущая ерунда и пустая трата времени. Но ничего другого нам не остается, как по-твоему, Джон?

— Думаю, что так. Придется взглянуть на эти чертовы бумаги.

Уже одна мысль о том, что предстоит копаться в нацистском прошлом Остина Купера, казалась невыносимой, но я даже не представлял, насколько мне ненавистно все это. Только сейчас, сидя в мягком, обитом ярким ситцем кресле, я осознал это, и на меня нахлынуло чувство отвращения. Какое мне, в конце концов, дело до политических чудачеств Остина Купера? Но тут, оказывается, ничего не поделаешь. От прошлого не уйти. До поры до времени оно таится, дожидаясь своего часа, и в какой-то момент дает о себе знать.

Артур посмотрел на часы, медленно подошел к столу, взглянул на календарь:

— В час у меня деловое свидание, после этого надо непременно вздремнуть. Что, если часов в пять, Пола? Джон, ты можешь зайти сюда, скажем, в четыре тридцать, и мы отправимся в библиотеку вместе. Как вы, Пола?

— Хорошо, в пять я буду на месте... Я уверена, Сирил хотел бы, чтобы в такую минуту мы обратились именно к вам. — Она вытерла слезы. Меня радовало, что Сирил оставил ей какую-то сумму. По крайней мере, отныне Поле не придется больше ни в чем нуждаться.

Мы вышли от Артура вместе, и уже в холле я услышал, как кто-то громко произнес мое имя. Обернувшись, я увидел за стойкой клерка, который, подобострастно улыбаясь мне, одному из Куперов, сказал, что меня просят к телефону.

Звонил Олаф Питерсон.

— Как ваша голова, мистер Купер?

— Неплохо, — ответил я безразличным тоном.

— Рад слышать. Нам было бы очень неприятно потеть еще одного Купера. Вы ведь последний Купер, если не ошибаюсь, самый что ни на есть последний...

— Вам что-нибудь от меня нужно, мистер Питерсон?

— О да, нужно. Вы могли бы заглянуть ко мне в контору? Она находится в здании суда. Мы получили результаты вскрытия, и я думаю, они покажутся вам... э-э-э... занятными. — В его голосе почувствовалась усмешка. Этот человек был абсолютно лишен чувства такта.

— Занятными, мистер Питерсон?

— Даже очень. Почему бы вам не зайти сейчас? Я накормил бы вас обедом. Что вы на это скажете?

— Хорошо, сейчас буду.

Мы с Полой спустились по ступенькам к «линкольну», стоявшему, как я только сейчас заметил, в зоне с указателем: «Стоянка запрещена». Я пересказал ей разговор с Питерсоном. Пола ахнула:

— Убийство!

— Не будем спешить с выводами, — неуверенно сказал я.

Я медленно вел машину сквозь снежную завесу, пока не остановился перед библиотекой.

В необъяснимом порыве я наклонился к Поле, повернул ее лицом к себе и поцеловал. Она не отстранилась.

— Мне нравится целовать тебя, — сказал я.

— Это все из-за моих денег, — ответила она.

— Нет, нет, неправда!

— В таком случае, мне тоже приятно тебя целовать. Должно быть, причина этому — обаяние Куперов. Я прошла полный курс, Джек. — Она отодвинулась, чтобы вылезти из машины. — Очень странно целоваться с тобой так. Как во сне.

— Я понимаю. И тем не менее это явь.

— Знаешь, когда мы пытались сообразить, зачем приехал Сирил... там, у Артура...

— Ну?

— У меня была своя теория на этот счет. — Она сдержанно рассмеялась. — Я подумала, может, он приехал из-за меня.

Я не знал, что ответить. Она сжала мою руку:

— Встретимся в пять.

Хлопнула дверца, и Полу поглотила метель.

Контора Питерсона располагалась на втором этаже в старом здании суда. Громко поскрипывал под ногами рассохшийся деревянный пол, шипели и булькали радиаторы. На вешалке в прихожей висели мокрые от растаявшего снега пальто. Из-за двери, ведущей в архив, слышался дробный стук пишущей машинки. Оказавшись в коридоре, я почувствовал себя как в склепе.

В приемной Питерсона сидела пожилая женщина. На столе перед ней, рядом с пишущей машинкой, на вощенной бумаге лежал недоеденный бутерброд. Чувствовался запах кофе. Как и многие другие обитатели Куперс-Фолса, женщина показалась мне знакомой.

— А, мистер Купер, — сказала она. — Мистер Питерсон ждет вас. Он поручил мне выяснить, с чем вам приготовить бутерброд — с индейкой или ростбифом — и какой вы предпочитаете кофе... — Она выжидательно улыбалась, как та добросердечная дама, которая много лет назад учила меня и Сирила танцевать.

— Индейка, сливки и сахар! — выпалил я и прошел в кабинет Питерсона. Он сидел за столом на вращающемся стуле, положив ноги на подоконник. В комнате было душно — бурлил радиатор. На Питерсоне был темно-синий свитер с глухим воротом, и из-за своей приверженности моде он обливался потом. Он смотрел в окно на падавший снег, на колесах его лежал открытый роман Дэшиелла Хэммета «Стеклянный ключ».

— Знаете, Купер, — сказал он, не глядя на меня, — от такой пурги, от такой вот по-настоящему дикой пурги в моей голове происходят странные вещи. Вам ясно, о чем я говорю? — Он поднял на меня взгляд, усмехнулся и тут же снова стал серьезным. — Я смотрю на весь этот снег и начинаю понимать, насколько ничтожны люди перед стихией. Я сидел и думал, действительно ли так важно найти того человека, который убил вашего брата... Какая, собственно, разница, черт возьми?! Что от этого изменится? Так или иначе, все мы когда-нибудь умрем.

— Но его-то убили, — заметил я.

Он кивнул. Поискал в карманах сигару, но не нашел.

— Элис, — позвал он, — у вас не осталось моих сигар?

— Нет! — крикнула она в ответ.

— О боже, — вздохнул он, — Вы сказали Элис, что будете есть?

— Да. Но мне показалось, вы пригласили меня в ресторан?

— Не в такую погоду, Купер, — ответил он, потирая глубоко сидящие глаза и одновременно поворачиваясь к столу, на котором громоздились папки, конверты, письма. — Надо быть ненормальным, чтобы выйти на улицу в такую пургу.

— Вы говорили что-то об убийстве.

— Точно, говорил. Вашего брата отравили каким-то производным никотина. Я плохо разбираюсь в судебной медицине. Просто принимаю на веру слова специалистов. Но кто-то сделал это, причем перед самым вашим приездом. — Он поворошил бумаги на столе. — Я оказался совершенно прав в отношении коньяка. — Он поймал мой взгляд, провел пальцем вокруг ворота. — Ваш брат выпил очень мало. Следовательно, большую часть выпил кто-то другой.

Я сидел онемевший.

— Забавная маленькая деталь... — продолжал размышлять вслух Питерсон. — Проклятие! Хоть бы одна сигара осталась. У вас, случаем... да нет, вы курите трубку, верно?.. Таким образом, очень похоже, что тот, кто отравил вашего брата, — впрочем, не исключено, он мог отравиться и сам, хотя это мало вероятно, — пил коньяк вместе с ним, всыпал ему яд и потом все убрал со стола.

В дверях появилась Элис с подносом в руках и, поставив его на грудку бумаг между нами, неслышно удалилась.

— Вы помните нашу вчерашнюю маленькую экскурсию в кухню?

Я кивнул.

— И что я вам показал там?

— Фужер и какой-то мусор, — ответил я, с трудом сдерживая раздражение от его невыносимого самодовольства, и уставился на фотографию на стене, изображавшую команду «Викинги Миннесоты». На другом фото был портрет негра-футболиста: огромная голова и обтянутые белой спортивной майкой широкие плечи. Надпись на фото гласила: «Олафу Питерсону от его друга Алана Пейджа».

— Совершенно верно, фужер и какой-то мусор. Так вот... вы давайте ешьте свой бутерброд, он вам не повредит. Может, не очень-то вкусный, но, во всяком случае, не отравленный. Так вот... Я обратил внимание на фужер, когда заглянул в шкаф, поскольку все остальные бокалы были покрыты пылью. Ясно? Только один тот фужер оказался чистым — кто-то, очевидно, вымыл его. Это и навело меня на мысль, что ваш брат пил коньяк не один.

Он вонзил зубы в бутерброд с индейкой и листочками салата и шумно отхлебнул кофе.

— Как я уже сказал, мистер Купер, подобного рода предположения — что могло быть и чего не могло — самая увлекательная сторона дела. Ненавижу охотиться за людьми, стрелять в них, сажать за решетку. Фу! Отвратительное занятие для человека... А теперь в отношении мусора, окурка сигары и пепла. Сигары обнаружены у вашего брата в кармане пиджака, так что они нам ни о чем не говорят. Но ясно одно: он не мог выкурить две сигары, сбегать вниз и выбросить окурки в мусорный бачок. В это трудно поверить, вы согласны? Следовательно, в спальне с вашим братом находился кто-то еще, кто тоже пил коньяк и потом постарался скрыть факт своего пребывания, спрятав свой фужер в буфет, предварительно стерев уличающие его отпечатки пальцев, а также выкинул содержимое пепельницы в бачок — две довольно жалкие попытки замести следы. Однако у этого второго, кто бы он ни был, не возникло, по-видимому, мысли, что кому-то придет в голову сомневаться в причине смерти.

Питерсон был прав. Бутерброд с индейкой по вкусу напоминал картон, но это было неважно. Меня больше занимало, как бы во рту не вскочили пузыри от чересчур горячего кофе. Манера Питерсона говорить заставляла меня забывать, что речь идет о моем брате. Я выудил из кармана пузырек с таблетками от головной боли, которые прописал мне доктор Брэдли, и попросил воды. Питерсон тут же позвал Элис.

— Голова все еще беспокоит?

— Да, немного.

— Это от напряжения. Но не мешает сделать рентген, так, на всякий случай. Эти проклятые травмы головы могут сказаться позже, спустя несколько дней, недель, а то и месяцев. Однажды меня ранили в голову, так потом целый год мучили приступы тошноты.

Элис принесла воду в картонном стаканчике, который тут же потек.

— Пейте скорее, — посоветовала она, — а то обольетесь.

Вода, как и следовало ожидать, оказалась тепловатой.

— Я только что разговаривал с Бреннером, — продолжал Питерсон. — Он сказал, что вы стали миллионером. — Ухмылка тронула его губы.

— Насколько я понимаю, вам это чувство знакомо, — заметил я не без ехидства.

— Ай да Купер! Один — ноль в вашу пользу. Впрочем,

существует некоторая разница между моим повоприобретенным состоянием и вашим.

— Какая же?

— Мое не делало меня потенциальным убийцей.

Я поморщился:

— Не забывайте про мою голову и собственную теорию, что напряжение усиливает боль.

— Я говорю серьезно.

— А мне наплевать, серьезно вы говорите или нет, Питерсон. В высшей степени наплевать!

— Вы сказали, что не убивали своего брата. Теперь мне придется кое над чем задуматься.

— Держу пари, вы сейчас этим со мной поделитесь.

— Вы любите врать?

Я засмеялся, поскольку ничего другого мне не оставалось.

— Встаньте на мое место. Я не имею ни малейшего представления о ваших отношениях с братом. Может быть, вы его ненавидели, может, он был сукиным сыном, откуда я знаю? Но у меня есть точные сведения, что в вашей семейке была куча нацистов, и одному богу известно, что еще спрятано у вас в чулане.

— Не куча, а один нацист, — поправил я.

— Я также знаю, что вы находились в доме в то самое время, когда, по всей вероятности, был убит ваш брат. Теперь оказывается, что по завещанию вы после его смерти получаете целое состояние, что, вполне логично, ставит вас в положение первого подозреваемого в убийстве.

— Не могу с этим спорить, но повторяю: я Сирила не убивал.

— Да верю, верю. Должно быть, так оно и есть. Но вам ясно, в каком затруднительном положении оказался я? Вы понимаете, какая теперь передо мной стоит дилемма?

Я отложил бутерброд, оставил недопитый кофе и поднялся.

— Сядьте, сядьте, — примирительно сказал Питерсон. — Я должен выложить, что меня волнует. Мне это просто необходимо. Никогда не обращался к психиатру, но всегда был несдержан, крайне импульсивен. Не могу не выложить все, что на уме. Мою жену это приводит в бешенство. Она у меня психолог. Ну ладно, садитесь и не напускайте на себя такой оскорбленный вид. Будет только хуже.

Он порывлся в ящиках стола, нашел одну из своих тонких сигарок, щелкнул золотой зажигалкой «Данхилл», затянулся и откинулся на спинку кресла.

— Есть, конечно, и другие предположения. Как в отношении тех двоих, что подстерегали вас на шоссе? Пока я не вижу никакой связи между покушением на вас и убийством вашего брата, за исключением одного: вы — братья и оба стали жертвами насилия в течение суток, плюс-минус пару часов. Однако тут перед нами возникают большие «но»... Например, кто мог знать о вашем приезде и о приезде вашего брата? Из-за чего кому-то потребовалось убрать вас обоих? Я крепко над этим думал, но ничего не придумал. Ничего. Слишком много неизвестных. — Он сокрушенно покачал головой, видимо удрученный тем, что впустую затратил столько усилий. — Прежде всего, почему приехал ваш брат? Вот что меня бесит! Неясно также, зачем ему понадобилось вызывать вас сюда. Не знаем мы, и ради чего он летал в Буэнос-Айрес. Я спрашивал об этом Бреннера. Он ответил, что, насколько ему известно, у вашего брата нет никаких деловых интересов в Буэнос-Айресе, да и вообще нигде в Южной Америке.

— Не имею ни малейшего представления об этом, — ответил я. — Я не в курсе его дел. Знаю только, что он много ездил по свету.

— Где же он побывал, например?

— В Каире, Мюнхене, Глазго, Лондоне. Всюду проворачивал массу сделок. Работа для него была радостью, праздником. Это была интересная жизнь, и он прожил ее хорошо.

— Каир, Мюнхен, Глазго, Лондон. — Лицо Питерсона выразило отвращение. — Элис, — заорал он, — уберите, пожалуйста, весь этот хлам отсюда!

Из конторы мы вышли вместе. Молча спустились по лестнице. У двери он остановился и улыбнулся мне:

— Да, должен вас предупредить. Не уезжайте из города. Мы имеем убийство и покушение на убийство. Я уже сообщил в полицию в Висконсине, дал с ваших слов описание тех двух бандитов, а также их машины. Возможно, их взяли на заметку, тогда можно будет начать реализацию всех этих занимательных предположений.

Он натянул свое замшевое пальто, и мы вышли на крыльцо здания суда. После жары в конторе дышать холодным воздухом было особенно легко и приятно.

— Мне уже сорок три, — сказал Питерсон, натягивая перчатки, которые плотно облегали его кисти и имели небольшие дырочки на уровне суставов, что, на мой взгляд, было вовсе не по погоде. — Когда-то меня считали вундеркиндом в полицейском управлении в Миннеаполисе. Был вундеркиндом, почитай, пятнадцать лет — слишком долгий

срок. Большинство полицейских недолюбливало меня, и, если честно, я был довольно никудышный полицейский. Но у меня был нюх на убийства. Раскрыл пару крупных преступлений и несколько преступлений поменьше — из тех, что обычно остаются нераскрытыми, поскольку всем наплевать либо на убитых, либо на убийц. Мне же было не наплевать, Купер, причем не из высокоморальных соображений. Вовсе нет. А потому, что убийство — это самый отчаянный, безумный шаг, единственный выход для людей, доведенных до крайности сложившимися обстоятельствами. Расследование убийств — моя страсть, только и всего. Расследование любого случая убийства, — продолжал он, — похоже на работу компьютера, который действует по собственной схеме и просто отказывается работать, пока в него не заложат нужную программу. Но стоит только сделать это, как компьютер оживает, начинает корчиться, клясть тебя на чем свет стоит и трести кулаком перед твоей мордой. — Все это время Питерсон смотрел вниз на снег и вдруг вскинул голову с характерной для него стремительностью. — О, вы, должно быть, поняли, что я просто перефразировал стариннейшее клише детективной литературы: любое преступление — это складная картинка, надо лишь правильно совместить ее разрозненные части. Вспомните, с каким азартом восклицал Шерлок Холмс: «Что ж, Уотсон, игра началась!» И Шерлок Холмс был абсолютно прав. Только моя аналогия с компьютером более современна, а я гораздо откровеннее Холмса, когда открыто признаюсь, что получаю удовлетворение, раскрывая убийства.

Его «кадиллак» стоял у обочины, покрытый снегом. Питерсон отворил дверцу.

— Хочу повидать миссис Смитиз, вернее, мисс Смитиз. Боже, — сказал он, глядя на крутящийся снег, — кто способен размотать этот клубок? Может, она сообщит мне что-нибудь, чего я не знаю. А я не знаю почти ничего. — Он помахал мне рукой в перчатке и захлопнул дверцу.

Я стоял и наблюдал за ним. Двигатель не заводился. После нескольких тщетных попыток Питерсон вылез из машины, что-то бормоча себе под нос.

— Перестаньте улыбаться, — наконец расслышал я. — Лучше идите и сделайте рентген своей черепной коробки.

Доктор Брэдли провел меня в стерильно чистую маленькую клинику постройки сороковых годов, сделал мне снимок, и после этого мы отправились в кафе выпить по чашке

кофе. В кафе было пусто и тихо. Только из кухни доносились какие-то звуки. Одна из официанток сидела в конце стойки и курила сигарету.

— Поскольку я патологоанатом округа, — начал Брэдли, — именно мне пришлось делать вскрытие трупа Сирила. Питерсон сообщил тебе о результатах. Люди считают, будто врачи перестают реагировать на подобные вещи, но это неправда. Я производил вскрытие трупа человека, которого принимал при рождении, и поверь, это было очень печально. — Он вздохнул и покачал головой. — Кто-то убил его, и я полагаю, что нам долг узнать, кто это сделал. Но, как ни странно, мне кажется, я не получу большого удовлетворения, когда мы найдем этого убийцу.

— Почти то же самое недавно говорил Питерсон.

— А именно?

— Он сказал: какая, собственно, разница...

— Странное высказывание для полицейского.

— Питерсон вообще довольно странный человек.

— Ты его недооцениваешь.

Пробираясь к машине, я гадал, почему все-таки Сирил оказался в Буэнос-Айресе. Уже подойдя к «линкольну», я передумал ехать, пересек пустынную скользкую улицу и направился к зданию суда, окна которого желтыми пятнами тускло светились сквозь падающий снег. У меня в ушах от ветра появилась боль — хорошо известное жителям Миннесоты явление.

Элис что-то печатала на официальном бланке.

— Он у себя? — спросил я.

— А, добро пожаловать снова, — улыбнулась она. — Да, у себя. Сейчас доложу.

Дверь в кабинет Питерсона была закрыта. Когда я вошел, Питерсон, прикрыв глаза, говорил по телефону.

— Вот как? — услышал я. — «Дженсен-интерсентор»? Да-а... ничего себе.

Я сел.

— Нет, пока никаких корреспондентов. Я не сообщал в газеты. Я не обязан докладывать в Миннеаполис, когда что-то происходит здесь, в Куперс-Фолсе. Ты знаешь это не хуже меня. Убийство мое, Дэнни, и боже тебя упаси проболтаться. К тому же не хватало еще, чтобы эти безмозглые идиоты заблудились и замерзли где-нибудь. Так-то вот, Дэнни, пока. — Он открыл глаза: — У меня чересчур рьяный помощник, Купер, просто спасу нет от его бесконечных дурацких идей. Между прочим, снимая отпечатки пальцев в нашем доме, он заглянул в гараж и обнаружил, каким обра-

вом ваш брат добрался сюда. На шикарном маленьком темно-коричневом «дженсен-интерсепторе», вот как! — Он хлопнул рукой по столу и расплылся в улыбке. — Извините за мои слова, Купер, но ваш брат понимал толк в вещах. «Дженсен»! На ладони поместится, а двадцать две тысячи вынь да положь! — Лицо его помрачнело. — Надо понимать, машина тоже отойдет вам.

— По-видимому.

— Кстати, что, собственно говоря, вы делаете тут?

— Мне пришла в голову одна мысль.

— Вот как, Купер? И какая же?

— Почему бы не проследить весь путь Сирила? Почему бы не узнать, когда он прилетел из Буэнос-Айреса, что он делал там, с кем виделся, откуда прибыл туда...

Питерсон сидел, закинув руки за голову, и с улыбкой смотрел на меня.

— Признайтесь, я, вероятно, произвел на вас впечатление полного тупицы? Не стесняйтесь, говорите откровенно, я переживу... И сомнения у меня хоть отбавляй, верно?

— Нет, вовсе нет. Для полицейского, во всяком случае.

— А если так, то как по-вашему, чем я занимался весь сегодняшний день, Купер? Плевал в потолок, может быть? Или гонялся за Элис вокруг стола?

— От вашего остроумия, Питерсон, я глупею.

— Это заметно. Но будьте уверены: мы стараемся найти ответы на все ваши вопросы.

— Похвально.

— Видите ли, я тут разработал отличнейшую версию. Хотите послушать?

— Полагаю, у меня нет другого выбора.

— Я считаю, причину, по которой ваш брат примчался сюда, надо искать в Буэнос-Айресе. Какова она, я не знаю. Но если, сидя здесь, все равно невозможно выяснить, зачем он приехал домой, остается шанс узнать, с какой целью он летал в Буэнос-Айрес. Вот почему и ради чего я превышаю смету на служебные телефонные разговоры. С минуты на минуту меня должны соединить с полицией в Буэнос-Айресе, и будем надеяться, они говорят по-английски.

— Будем надеяться.

— А теперь идите, Купер, идите с богом. Я свяжусь с вами.

Я остановился в дверях, возле которых Элис добросовестно подслушивала.

— Вы разговаривали с Полой? — спросил я Питерсона.

— Моя машина не желала заводиться, помните? На улице было слишком холодно. Телефона в библиотеке нет. Стало быть, я не разговаривал с мисс Смитиз и, откровенно говоря, еще не знаю, о чем ее спрашивать.

Я пожал плечами и вышел. Было только четыре часа, а на дворе уже сгустились сумерки. Еще раньше я заметил огонь в гараже Джонсона и решил заехать, чтобы Арни Джонсон быстренько проверил, что случилось с отоплением в моей машине. Окна в конторе Артура Бреннера, выходившие на улицу, светились. Я подумал, что он, должно быть, уже успел вздремнуть, но решил к нему не ходить: пришлось бы пропустить рюмку-другую, а мне не хотелось начинать пить. При такой напряженной обстановке ничего не стоило опять покатиться по наклонной.

Я забрался в машину. Она не заводилась. Я вылез, несколько раз выругался по поводу погоды и направился в гараж пешком.

Арни возился с автофургоном.

— Какое несчастье, — сказал он после того, как мы поздоровались. — Просто ужасно, как вышло с вашим братом, мистер Купер. Конечно, смерть не спрашивает, но, бог мой, ведь убийство!

— Да, действительно ужасно. Но откуда ты узнал об этом, Арни?

— Спрашиваете! Вы должны знать этот городишко. Всем уже известно, я думаю. У нас это быстро делается: барышни на коммутаторе в гостинице — они ведь не могут не подслушать, сестры в поликлинике, секретарши в суде. Такие вещи просто невозможно утаить. Еще хорошо, дороги замело, а то нам не отбиться бы от газетчиков из Миннеаполиса. Черт побери, впервые со времени второй мировой войны дороги непроходимы. Что верно, то верно — начисто выведены из строя. В автодорожном департаменте только руками разводят: черт, мол, с ними, все равно погода ожидается еще хуже, а не лучше. Магистрали просто забиты брошенными машинами. Так что, я полагаю, только пам, местным жителям, известно о случившемся. Но в Куперс-Фолсе, будьте уверены, каждый знает об этом.

Я сказал Арни о своей машине, он сел в тягач, и я видел, как он подъехал к «линкольну», подцепил его крюком и притащил в гараж. Когда он закрыл двери гаража, я поведал ему, как по пути сюда попал в аварию. Еще я сказал, что нужно починить отопление. Арни заверил меня, что все будет сделано, и я вышел на улицу. Из-за встречного ветра дорога до гостиницы показалась мне в полтысячи миль.

«Интересно, какая сейчас погода в Буэнос-Айресе, — думал я, — и говорят ли тамошние полицейские по-английски?»

Мы с Артуром Бреннером пробирались по заснеженным улицам. Вокруг не было ни души. Артур выглядел громадным и неуклюжим в своем сером подпоясанном пальто, которое наверняка было пошито еще в двадцатых годах. Ветер несколько утих, но Артур всю дорогу ворчал и шмыгал носом.

— У вас совсем больной вид, — заметил я. — Вам следовало оставаться в постели и пить горячий пунш.

Он кивнул и хмыкнул:

— Я просто слишком стар, Джон. Мне уже семьдесят, хотя даже не верится. Когда ты начнешь жалеть себя, вспомни обо мне, одиноком семидесятилетнем старике, оставшемся с глазу на глаз со своей старостью. Это в самом деле грустно, но ничего не поделаешь. А теперь еще на меня свалилась эта нелепая история. Как по-твоему, Сирил мог покончить с собой? Допустим, из-за какой-нибудь неизлечимой болезни?

— Не думаю. Тогда остался бы какой-нибудь сосуд или пузырек, что-то, где хранился этот яд, но ведь ничего подобного не обнаружено. И потом вся эта странная история с фужерами...

— Питерсон рассказывал, — снова проворчал он. — Она мне кажется малоправдоподобной. Хотя, пожалуй, в ней есть кое-какой смысл. Питерсон — человек неприятный, но далеко не глупый, в этом надо отдать ему должное. Но зачем мы с тобой тащимся в эту пургу из-за каких-то дурацких бумаг, которых, возможно, вообще не существует? Я заранее знаю, что там может быть: связка личных писем от Геббельса, Гимmlера, Геринга. Не исключено, что и от самого Гитлера. Они представляют интерес разве только для собирателей автографов. С исторической точки зрения там нет ничего заслуживающего внимания, раскрывающего сомнительное прошлое твоего деда. Одним словом, это ненужный бумажный хлам, который Остин просто не успел выбросить много лет назад.

— У вас есть какие-нибудь соображения по поводу случившегося с Сирилом? Что все-таки произошло?

— Я не имею ни малейшего представления, зачем он приехал домой, и ни малейшего понятия, почему кто-то убил его. Мне вообще не ясно, кому и зачем потребовалось убивать его. Все это для меня лишено здравого смысла. Впрочем, я уже не так молод, как раньше, возможно, я просто дряхлею, — продолжал брюзжать он. — В моем возрасте ко всему начинаешь относиться с безразличием.

Изящное старое здание библиотеки в конце улицы казалось теплым и дружелюбным пристанищем. Окна ярко светились, и мне вспомнилось, как там было тепло, когда я накануне вошел туда с холодной улицы и неожиданно-негаданно увидел Полу Смитиз. И сейчас, поднимаясь по лестнице и открывая дверь, я думал о ее губах, о том, как целовал ее.

Я вошел первым, Артур следом за мной.

Пола сидела за своим столом, положив голову на руку, вытянутую поперек блокнота для записей, и, похоже, дремала. Предыдущая ночь, длинная и тяжелая, надо полагать, измотала ее вконец.

— Пола, — позвал я. — Пола, проснись.

Слыша за собой простуженное сиплое дыхание Артура, я взял ее за плечо, чувствуя, как у меня волосы поднимаются на затылке. Что-то было не так.

— Пола, — повторил я, тряся ее за плечо.

Никакого ответа, ни малейшего движения.

Артур наклонился над моим плечом:

— Что, обморок?

Глаза у нее были закрыты, лицо спокойное, и каким-то седьмым чувством, каким обычно угадывается худшее, что случается в жизни, я понял: Пола Смитиз мертва.

— Артур, — мой голос звучал, словно чужой, откуда-то издалека, — она мертва.

Артур взял меня за руку и усадил в кресло. Меня тошнило. Ноги дрожали. Внезапно до моего сознания дошло, какая в библиотеке стоит жарница. Я весь взмок от пота.

Артур склонился над Полой, оттянул веки, пощупал пульс. Потом долго стоял, не сводя с нее пристального взгляда.

— Ты совершенно прав. Девочка мертва.

Он извлек из кармана пальто помятую серебряную фляжку и протянул мне. Я сделал глоток коньяка и почувствовал, как он возвращает меня к жизни. Артур присел на край стола, расстегнул пальто. Выражение сетующего на жизнь старца теперь исчезло с его лица, оно стало напряженным.

— Дай-ка и мне, — сказал он, беря фляжку. Глотнул, вытер рот огромной ладонью.

— Что нам дальше делать? — спросил я спустя некоторое время.

— Не знаю. Телефона здесь нет, а надо бы сообщить Питерсону. Так положено. Он тот человек в Куперс-Фолсе, который в первую очередь должен узнавать о событиях подобного рода.

— Я думаю, нам следует взглянуть на те коробки, которые она собиралась нам показать. Убедиться, на месте ли они. — Я замолчал. Мысли мои путались, я с трудом соображал. — Если их там нет, если они исчезли...

— Ну-ну, Джон, — хрипло сказал Артур, — не будем забегать вперед.

— Если их там нет, — повторил я, — тогда станет ясно, почему убили Полу. Понимаете?

— Если ее убили. Если! — Артур говорил очень уверенно. — Не надо торопиться с выводами.

— А по-вашему, у нее случился инфаркт?

— Я думаю, можно обойтись без грубостей.

— Простите, — извинился я, искренне огорченный, — но все-таки давайте поищем эти коробки.

Вдвоем мы быстро осмотрели весь первый этаж, однако ничего достойного внимания не нашли.

— Совсем забыл, они на складе в подвале, — вспомнил я. — Она говорила, что обнаружила их в подвале.

Нам никак не удавалось найти дверь, ведущую в хранилище. Мы были разочарованы.

— Где же, черт побери...

И тут я увидел дверь. Восьмифутовый стеллаж с газетными подшивками отходил от стены дюйма на два. Я потянул его на себя, и перед нами открылся проход в стене куда-то в темноту. В проходе болтался шнур освещения. Я дернул за него, и тут же загорелись две тусклые лампочки: одна над лестницей со ступенями из узких каменных плит, другая — внизу в подвале.

— Идемте вместе, Артур, прошу вас. Мне не хочется лезть туда одному.

Низко пригнувшись, он начал спускаться со мной по ступенькам. Держаться приходилось за монолитную каменную стену хранилища. Над нашими головами, всего в каких-нибудь шести футах от земляного пола, нависали балки. Согнувшись, мы остановились посреди слабо освещенной комнаты, без окон, с запахом сырого грунта и очень холодной. Артур чихнул и выругался:

— Проклятие!

Вдоль двух стен высилась груда коробок, одинаково запечатанных клейкой лентой. В одном углу стоял табурет, несколько пустых старых деревянных книжных шкафов, а посреди — три картонные коробки, потрепанные от времени, с откинутыми крышками. Разрезанная клейкая лента свисала по сторонам. На каждой коробке черным фломастером печатными буквами было выведено: «Остин Купер».

— Ага, вот они! — Артур отогнул посильнее крышку и заглянул внутрь коробки.

И тут где-то в темном углу послышался шорох. Я испуганно вздрогнул.

— Нервы, — заметил Артур, доставая из коробки роман «Унесенные ветром». — Это крыса, Джон, всего лишь крыса или мышь.

— Коробки наполовину разобраны, — сказал я. Откуда-то потянуло сквозняком, и я услышал, как порывы ветра сотрясают старое здание.

— Да, — согласился Артур.

Мы просмотрели все коробки, но обнаружили только книги и несколько альбомов с семейными фотографиями.

— Никаких нацистских документов, никакой дипломатической переписки. — Артур с сомнением поглядел на меня: — Было ли вообще что-нибудь? Может, это просто игра ее воображения?

Я отрицательно помотал головой.

— Понимаю, понимаю, — сказал он примирительно. — Но нет смысла действовать вслепую.

— Почему вслепую? — Я указал на третью коробку. В ней под пустыми папками, почти незаметный, лежал небольшой серый металлический ящик. — Я уверен, именно его она имела в виду.

— По-моему, она не упоминала ни о каком металлическом ящике, — заметил Артур, кашляя в кулак.

— Она рассказала мне о нем при нашей первой встрече. Да-да, о металлическом ящике она говорила весьма определенно. Держу пари, это тот самый и есть. — Я вынул ящик из коробки, надавил на замок. Ящик оказался плотно закрытым и запертым на ключ.

Артур в растерянности взглянул на меня:

— Ну, тогда я просто не знаю...

Над нашими головами скрипнули половицы. Сначала я подумал, что это ветер. Но скрип повторился, послышались шаги. Кто-то остановился у стола около Полы.

— Нам лучше подняться паверх, — спокойно сказал Артур.

— Там кто-то есть.

— Тем более. Кроме того, не можем же мы торчать здесь вечно. Наверное, кто-нибудь из читателей зашел взять книги.

Осторожно ступая, мы поднялись по каменной лестнице.

Когда мы спускались в подвал, газетный стеллаж сам по себе задвинулся за нами, и теперь, как только мы начали отодвигать его, послышался спокойный мужской голос:

— Выходите очень медленно. Иначе я могу пристрелить вас.

Осторожно отодвинув панель, мы увидели футах в десяти от себя Олафа Питерсона с револьвером в вытянутой руке, направленным прямо в необъятную грудь Артура Бреннера.

Бесстрастное выражение лица Питерсона сменилось чем-то вроде легкого раздражения и удивления. Он опустил револьвер. Бреннер шагнул в помещение, а за ним я, прижимая к груди металлический ящичек.

— Просто абсурд какой-то, — сказал Питерсон, обращаясь скорее к самому себе. — Машина с грехом пополам завелась, я отправляюсь в библиотеку в надежде застать мисс Смитиз. Еду к ней без особых причин, просто рассчитывая узпать еще что-нибудь. И что же? Открываю дверь и попадаю в аттракцион «хижина сюрпризов»: мисс Смитиз сидит за столом мертвая, по всем признакам, задушенная, а Эббот и Костейло¹ рыскают в подвале... — Он поднял руку. — Ладно, извиняюсь. В отношении Эббота и Костелло я, конечно, малость переборщил: само вырвалось. Сегодня выдался такой долгий и трудный день. — Он повернулся к нам спиной, подошел к обогревателю, потом к столу, за которым в прежнем положении находилась Пола.

— Вы понимаете, господа, здесь, в Куперс-Фолсе, за последние сорок лет не было ни одного убийства. В течение сорока лет! Но вот Джон Купер возвращается домой, и стоит ему повернуться, как он тут же натывается на очередной труп. Ну и дела-а... нечего сказать. — Он понизил голос, глядя на Полу. — Что же случилось на этот раз?

— У нас с Полой была здесь назначена встреча, — ответил я. — Мы приехали сюда полчаса назад и нашли ее в таком положении.

— И что вы делали эти полчаса, Купер? Что? Чем вы занимались в подвале? А вы, Бреннер? Почему вы не вер-

¹ Американские киноактеры-комики.

нулись к себе в контору? Что, что, что здесь происходит, черт побери?! Объясните же мне, господа, объясните!

— Это довольно длинная история, — ответил я.

— В этом я не сомневаюсь.

— Потребуется немало времени, чтобы...

— Боже мой! — Питерсон сокрушенно покачал головой и сжал пальцы в кулак. — Здесь даже телефона нет. Кто бы мог поверить, что в библиотеке нет телефона! Вы, друзья, присаживайтесь — на стул, на ящик, на что придется, а я схожу позвоню Дэнни, чтобы он пришел сюда, зайдя предварительно за Брэдли. — В дверях он остановился, засопел, что-то обдумывая. Затем неожиданно на его лице появилась типичная для него ухмылка, коварная и хищная. — Дело осложняется, Купер! — С этими словами он скрылся за дверью.

— Придется ему сказать, — заметил я.

Артур кивнул, под подбородком и на щеках заколыхалась дряблая кожа.

— Другого выхода нет, — согласился он. — Надеюсь, у него достаточно здравого смысла не разглашать это.

Питерсон скоро вернулся, похлопывая руками, чтобы согреться:

— Опять повалил снег. Итак, хотите начать свой маленький рассказ сейчас, или подождем, когда приедем ко мне в контору?

— Лучше подождем. Это длинная история, и надо рассказать все по порядку.

Мы просидели в молчании, пока не появились доктор Брэдли и Дэнни, помощник Питерсона. Брэдли выглядел печальным и утомленным. Поймав мой взгляд, он устало улыбнулся и пробормотал:

— Приношу вам свои соболезнования, Джон.

Дэнни, у которого были густые кудрявые волосы и ясные голубые глаза, казалось, получал огромное удовольствие от всех последних событий. Питерсон велел ему во всем подчиняться доктору, а затем мы втроем укатили на его «кадиллаке».

В здании суда свет не горел. Мы поднимались вслед за Питерсоном по скрипучей лестнице. В помещении по-прежнему было нестерпимо жарко. Войдя к себе, Питерсон щелкнул выключателем, бросил пальто на стул и отворил окно,

выходившее на улицу. Тотчас же в комнату ворвался снег, мелкий, но твердый. Он стучал по подоконнику и с шипением таял на радиаторе.

— Теперь нам никто не помешает, — терпеливо сказал Питерсон. — Я вас слушаю.

— Пола знала, зачем Сирил приезжает домой, — начал я, — и почему он хотел, чтобы я приехал. В коробках Остина Купера, доставленных в библиотеку, она обнаружила какие-то странные бумаги. Она сказала об этом Сирилу, когда он звонил ей на прошлой неделе, и на это он ответил, что собирается домой и хочет, чтобы я тоже приехал.

— Странные бумаги? Вы ведь писатель, Купер, могли бы выразиться более определенно, чем просто «странные бумаги»?

— Это были письма, документы. Пола сама не была уверена, что они имели какое-то отношение к политической деятельности моего деда, к его нацистскому прошлому... Ей удалось разобрать кое-какие имена, во всяком случае, так она мне сказала, но все эти бумаги были написаны по-немецки, поэтому она не могла их прочитать. Но когда она рассказала о них Сирилу, он решил приехать домой.

— Письма, документы?..

— Не только. Еще и дневники деда. А кроме того, металлический ящик, который оказался запертым.

— Тот самый, что у вас в руках? — заметил Питерсон.

Я протянул ему ящик, и он положил его на стол, постучав по замку.

— Мы откроем его. А вам что известно об этом, мистер Бреннер?

— Только то, что рассказал Джон.

— Вы не разговаривали с Полой Смитиз?

— Почему же, я беседовал с Джоном и Полой в гостинице.

— Значит, именно тогда вы видели ее в последний раз?

— Да, именно тогда я видел ее в последний раз.

Битый час Питерсон расспрашивал меня о каждом моем шаге с момента возвращения в Куперс-Фолс: в котором часу прибыл, о чем говорил с Полой при первой встрече в библиотеке, каким образом мы обнаружили тело Сирила, о чем беседовали в ночь убийства, как нанесли визит Бреннеру. Он то и дело задавал встречные вопросы, проверяя и перепроверя мои ответы, после чего переключился на Артура. Затем он попросил кратко рассказать о фашистской деятельности моего деда, потом о моем отце: его карьере, женитьбе, взглядах, героической гибели. И так снова и

снова. Что мы делали, войдя в библиотеку? Кто из нас первый увидел Полу? Обыскали ли мы как следует помещение библиотеки? Не нашли ли чего-нибудь еще кроме металлического ящика?

— Вы понимаете, что это означает, джентльмены? — Питерсон сел и сунул в рот сигару. — Это означает, что перед нами встает проблема, вот что это означает! Это означает, что моя жена будет очень недовольна, поскольку мне придется сегодня работать всю ночь. Это означает, что в нашем городе действует убийца, который за пару дней уже отправил на тот свет двоих. Я хочу сказать, нет смысла притворяться, будто нет никакой связи между этими двумя убийствами. Верно я говорю? Верно. Таким образом, мы имеем дело либо с каким-то психопатом, либо с человеком, у которого имеются на это весьма веские мотивы. — Он сделал эффектную паузу, раскурил сигару, глядя на нее, как на давнего друга, имя которого никак не мог вспомнить. — Лично я не думаю, что это какой-то психопат. Любой, кто придет к подобному заключению, сам должен быть идиотом. Нет, у кого-то были вполне основательные причины убить двоих, казалось бы, безобидных людей. Выходит, для того, кто их убил, они не были такими уж безобидными, верно я говорю?

В этой обыденной обстановке все происходящее казалось нереальным, действовало на нервы: убийство — настолько невероятная вещь, что рассудок просто отказывался его воспринимать. Сирил мертв. Пола мертва. Бред, да и только!

— Дальше. Что может означать пропажа документов? — продолжал Питерсон.

— Я устал, — сказал Бреннер. — Обязательно строить ваши гипотезы в моем присутствии?

— Мне нужен ваш совет как адвоката. Потерпите немного.

Артур в ответ только тяжело вздохнул.

Взглянув на меня, Питерсон повторил вопрос.

— Тот, кто убил Полу, забрал и документы, — ответил я.

— Выходит, ее убили из-за них? Из-за этих документов?

— Надо полагать, да.

— Значит, кое-что нам уже становится ясным? — спросил Питерсон.

— Пожалуй, — согласился я.

— Итак, мы пришли к выводу, что Полу Смитиз убили, потому что кому-то понадобилось заполучить какие-то старые нацистские документы. Ее убили, потому что, не ис-

ключено, ей стало известно содержание этих бумаг. Ее убили, потому что... для кого-то было выгоднее, чтобы она была мертва.

— Послушайте, Питерсон, все это напоминает странный вид психотерапии. Меня тошнит от нее.

— Купер, кто-то оборвал жизнь вашего брата и Полы Смитиз. Лучше уж пусть вас тошнит, но мы должны докопаться до истины, просто обязаны! — Он стряхнул с сигары в стеклянную пепельницу столбик пепла. — Почему убили Сирила?

— Понятия не имею, — ответил я.

— Потому что ему было известно об этих бумагах. Именно из-за них он и приехал домой. Поэтому и вас вызвал. Помните: «Семейному древу нужен уход»? Но его убили, прежде чем он успел встретиться с вами, прежде чем он успел поговорить с Полой. Тот, кто выпивал с ним, тот и убил его. Кое-кто знал о его приезде. Вы знали. Пола знала. Теперь Полы не стало. Сирила тоже, и вы, судя по всему, также должны были сейчас лежать мертвым в снегу на висконсинском шоссе. Ага, наконец-то это вызвало у вас интерес, не так ли? Кто бы ни был тот, кто покушался на вашу жизнь, он является соучастником в этом паскудном деле, и ставлю на карту все деньги моей жены, что я прав.

Наконец допрос закончился. Артур устало пожелал нам спокойной ночи и, сгорбившись, с поникшей головой, шагнул в снежную пучину. Питерсон проводил меня до двери:

— Будьте осторожны. Я хочу, чтобы вы дожили до конца всей этой историй.

Я кивнул.

— Завтра предстоит тяжелый день. Возможно, мы получим какие-нибудь сведения из Буэнос-Айреса. Завтра же вскрыем этот ящик. — Он хлопнул меня по спине. — Seriously, Купер... Я очень огорчен смертью Сирила и Полы. Я тоже не совсем бесчувственный. Но это вызывает у меня азарт, и я ничего не могу с собой поделать. Такой уж характер. И вас мне жалко. Жалко, что вам приходится пройти через все это. Честное слово. Хотите, я отвезу вас домой? А может, вам лучше переночевать в гостинице?

— Нет, поеду домой. Возьму в гараже свою машину и вернусь к себе.

— Тогда увидимся утром. Надо организовать похороны. Надеюсь, Дэнни хоть как-то сумел утешить мать Полы. Боже, мне предстоит долгая ночь!

Я действительно зашел в гараж взять машину. Арни стал объяснять, что случилось с отопительной системой, но

это больше не интересовало меня. Мне хотелось одного: поскорее добраться до дому.

Меня тянуло в наш большой дом. Я стоял за столом деда, глядя на кресла, в которых еще вчера вечером мы сидели с Полой.

«Чего она ждала от жизни? — думал я. — Как собиралась ее устроить? Должно быть, ей хотелось выйти замуж за Сирила: наверняка таковой ей виделась конечная цель. Муж погибает в Лаосе, а в лице моего брата она находит великодушного спасителя — первая любовь, юношеская мечта каким-то образом становится реальностью. И вдруг жизнь Сирила обрывается внезапно, бессмысленно и жестоко, и Поле предстоит пережить этот новый удар судьбы. Успела ли она по-настоящему осознать эту потерю, чтобы снова начать искать какой-то выход? Я обнимал ее и целовал, зная, что она в отчаянии. Мне хотелось утешить ее, дать понять, что есть человек, на которого она может положиться в горестный час».

Мне вспомнилась ее шотландская юбочка с огромной английской булавкой. Я испытывал к Поле теплое чувство. Благодаря ей я понял, что для меня еще не все потеряно. И вот кто-то задушил Полу, закрыл ее глаза и устроил так, чтобы именно я обнаружил труп. Это была безумная жестокость, и она вызывала боль в груди, растерянность, гнев и ненависть, но к кому?

На глаза у меня навернулись слезы. Я оплакивал Сирила, Полу, себя...

Пройдя на кухню, я приготовил кофе. Какая-то железяка по-прежнему колотилась о заднюю стену дома. Вернувшись в библиотеку, я уселся в кресло деда. Снаружи завывал ветер. Я снова поднялся, прошел гостиную и огромный гулкий коридор, по пути заглядывая в каждую комнату, всюду включая свет... Общая столовая, вторая гостиная, музыкальный зал, оружейная. Я постоял в музыкальном зале, разглядывая фотографии, расставленные на застекленных шкафчиках...

Мой отец в теннисном костюме: белые полотняные брюки, теннисный свитер с завязанными на шее рукавами, белая рубашка, распахнутая на груди. Он пожимает руку звезде немецкого тенниса фон Грамму, необычайно красиво-му блондину, голубоглазому арийцу.

Мать... На мой взгляд, она была самой очаровательной женщиной из тех, кого мне когда-либо приходилось встре-

чать. В музыкальной комнате висело бесчисленное множество ее фотографий. Мне было всего шесть лет, когда она погибла во время бомбежки. Я даже не уверен, помнил ли я ее вообще. Не по этим ли фотографиям складывалось мое представление о ней? У нее был крупный, тонкий и прямой нос, волнистые светлые волосы и несколько угловатая фигура. На фото, сделанных на пляже в Каннах, видно, что у нее были длинные стройные ноги, плоский живот и упругие маленькие груди. Взгляд дружелюбный, и она смотрела прямо в камеру без всякого стеснения, без какого-либо самолюбования. На другой стене висел ее огромный портрет, написанный маслом моим отцом. Она была изображена в лиловом вечернем платье с глубоким вырезом. На лице обычное, характерное для нее выражение отрешенности, будто она смотрит куда-то поверх отца, на кого-то, кто стоит в дверях. Мой отец был очень талантлив как художник, и его любовь к ней выразилась в этой картине.

Ни отца, ни матери уже не было в живых. Хрупкая белокурая девчушка на фотографиях: то веселая, то тихая и серьезная, иногда сосредоточенно глядящая на маленького терьера у ее ног, — моя сестренка Ли, вылитая мать. Ее тоже нет. И только я, горестный неудачник, остался доживать свой век в одиночестве.

Я снова вернулся в библиотеку.

Раздался телефонный звонок. Звонил Артур Бреннер.

— Я подумал, а вдруг ты уже дома и еще не лег спать. — Судя по голосу, он чувствовал себя еще хуже. — Я вожусь со своим фарфором и по твоему совету пью горячий пунш. Сейчас тружусь над тем, что должно увенчать всю мою работу в этой области: создаю копию «Атаки Флауэрдью». Ты знаешь эту историю? — Он явно хотел отвлечь меня от моих мыслей.

— Нет. — Я снова уселся в дедовское кресло. — И что же это за история, Артур?

— Атака Флауэрдью, — повторил он, — это пример необычайной храбрости, хотя абсолютно безрассудной, чистое донкихотство. Последняя атака английской кавалерии во время «большой войны», разумеется. С саблями наголо англичане атаковали немецкие позиции, прорвали их, развернулись и поскакали назад. Сам Флауэрдью выполнил то, что задумал, и погиб смертью, уготованной ему судьбой. Всем нам суждено умереть, Джон.

— Я знаю, Артур.

— Как ты там?

— Держусь. Потрясен, понятно. Столько погибло людей вокруг меня.

— Все мы довольно скоро умрем, — пробормотал Артур. — Важно продержаться до конца, во что-то веря. Сложность, конечно, заключается в том, что нет ни черта, во что действительно стоило бы верить. Во всяком случае, мне так кажется. Дела оставляют желать лучшего... — Казалось, он хватил лишку пунша и мысли у него путались.

— Вам следует лечь спать.

— Да и я так считаю. Я старик, к тому же простуженный, и мне надо лечь спать. Ты совершенно прав.

— Завтра увидимся.

— Береги себя, — сказал он устало. — И не забудь прочитать молитву на ночь.

— Какую молитву, Артур?

— А ту самую:

Пока почию я на бренном ложе,
Ты душу грешную храни, о боже.
Но коль умру до утренней зари,
К себе на небо душу прибери.

— Хорошо. Я обязательно скажу ее перед сном.

— Тогда спокойной ночи, Джон.

— Доброй ночи, Артур.

16

Я сидел за столом, стараясь припомнить все, что произошло со дня моего приезда в Куперс-Фолс, пытаюсь найти какое-то объяснение. Все в конечном счете сводилось к документам Остина Купера, сложенным в коробках, находящихся в хранилище библиотеки. Именно они заставили Сирила возвратиться домой, где он и был убит, прежде чем успел добраться до документов. Именно из-за них он срочно вызвал меня телеграммой, и только по чистой случайности я остался жив после покушения на меня на шоссе. И кто бы ни был тот, кто задушил Полу Смитиз, именно он выкрал документы, выкрал все, за исключением того металлического ящичка, который теперь намеревался открыть Питерсон.

Зачем и кому понадобились эти документы? Они касаются периода, который сейчас стал достоянием истории, касаются дела, похороненного под обломками третьего рейха. И тем не менее из-за них по-прежнему гибнут люди.

Не знаю, сколько времени я подсознательно различал какой-то звук, доносившийся снаружи. И вдруг он исчез, и в

море других звуков образовался провал. Я обратил внимание не на сам звук, а на то, что его не стало слышно.

Я подошел к окну. Из-за света в доме что-либо разглядеть во дворе было невозможно. Вглядываясь в темень, я вначале уловил лишь треск оконной рамы. Осколки стекла брызнули мне в лицо, а уж только после этого я услышал короткий гулкий щелчок выстрела, увидел, как расщепилась деревянная обшивка на противоположной стене у камина.

Я машинально бросился на пол, на четвереньках пополз к столу, протянул руку и погасил свет. И хотя особых усилий для этого не потребовалось, через пять секунд я буквально задыхался, скованный страхом: кто-то только что стрелял в меня. И вот, стоя на коленях у стола, я наконец со всей ясностью понял — собственно, мне давно следовало догадаться, а Петерсон об этом должен был знать, — что, поскольку их первая попытка убить меня не удалась, это вовсе не означает, что они отказались от своего намерения. Какой бы ни была причина, они хотели убрать меня, как убрали Сирила и Полу. По всей видимости, они считали, что я, пока жив, каким-то образом представляю для них опасность.

И вот теперь я был у них в руках. Нашарив телефон на столе, я снял трубку, заранее зная, что услышу безмолвие. Они оборвали телефонный провод сразу после моего разговора с Артуром. Я остался совсем один, отрезанный от мира. Меня трясло от страха, и я с трудом держал себя в руках.

Снаружи не доносилось ни звука, только выл ветер. Во рту ощущался гадостный кислый привкус, и, как ни странно, меня вдруг охватило чувство стыда. И чем дольше я лежал у стола, вспоминая погибших дорогих мне людей, тем острее оно становилось. Сирил. Пола. Отец. Мать. Маленькая Ли... «Ты прав, Артур, — думал я, — всех нас ожидает смерть. И моя затаилась среди сугробов совсем близко, во дворе».

Вряд ли то, что я испытывал, можно было назвать мужеством. Я далеко не храбрец. Однако, распластавшись на полу библиотеки, я почувствовал, как во мне нарастает ярость. Мне все это осточертело, я устал от того, что умирают мои близкие, что какие-то негодяи бьют меня по черепу, стреляют в меня, убивают хороших, порядочных людей. Я думал о том, что во дворе в снегу прячется какая-то презренная сволочь, которая хочет уничтожить меня, считая, что я идиот, тупая мишень, цуцик, наложивший в штаны от страха,

которого достаточно отсечь от его покровителей, чтобы спокойно и методично добить.

Эта ярость заставила меня импульсивно сжать кулаки. Все, кроме меня, были мертвы, и мне не оставалось ничего другого, как заставить этого сукина сына попотеть, прежде чем он добьется своего.

Приняв такое решение, я ползком, словно ребенок, добрался до гостиной, дотянулся до выключателя и погасил свет. Комната погрузилась в темноту. Подобно шахматисту, я начал продумывать ходы вперед. Скрытый темнотой, я мог проползти по всем этажам из комнаты в комнату, повсюду выключая свет. Так я и поступил: из гостиной пробрался в холл, затем по паркетному полу в столовую, во вторую гостиную, в музыкальный зал, в оружейную...

Оружейная!

По-прежнему снаружи не доносилось ни звука. Теперь, когда в доме стало абсолютно темно, я увидел из окна просветы между облаками, сквозь которые пробивался лунный свет. Держась поближе к стене, я осторожно подкрался к тому окну, из которого лучше всего был виден двор. Вначале я различал только отдельные черные силуэты и темные группы елей, скелеты деревьев повыше да белоснежное пространство. Не было ничего, что напоминало бы человека. Но наконец я увидел его.

Высокая фигура, точно призрак, возникла из-за каких-то кустов в сотне ярдов от дома, и я тотчас понял, что за звук слышал недавно. Оказалось, кусты — это вовсе не кусты, а снегоход, и звук — рокот его двигателя.

Я затрясся от злости: это долговязое пугало на своем снегоходе собирается убить меня! Мне остается либо смириться, прочитав молитву, как советовал Артур, и уйти в небытие, либо отправить на тот свет самого убийцу. На миг в голове пронеслась мысль бежать, но я был так зол и разъярен, что тут же отверг ее. Что это изменит? Не сейчас, так потом он все равно уничтожит меня, как уничтожил Сирила и Полу. Выхода нет. А поскольку мне нечего терять, по крайней мере, я хотя бы попытаюсь убить его.

Положение само собой упростилось. Я приблизился к стеллажу с охотничьими ружьями, вынул двуствольный «браунинг» со светлым прикладом, поскольку он сразу бросился мне в глаза в тусклом лунном свете, выдвинул ящик, где хранились патроны, взял горсть и вернулся к окну.

Человек продолжал стоять в снегу. Я представлял себе его замешательство. Видя мой четкий силуэт в окне, он был уверен, что не промахнется при первом же выстреле.

Наверняка винтовка у него с оптическим прицелом. И тем не менее он промазал. Теперь же он понимал, что я предупрежден, что я на чеку, но не знал моих намерений. Может, я ранен, может, забился от страха под кровать. Он и попятиться не имел, что я полон решимости убить его.

Он внимательно наблюдал за домом, а я напряг зрение, чтобы лучше видеть его фигуру сквозь мечущийся на ветру снег. Вернувшись в вестибюль, я натянул дубленку. Когда я снова глянул в окно, он уже забрался в свой снегоход, включил двигатель и стал медленно приближаться к дому по слегка изломанной линии, оставляя позади снежный шлейф. Ярдах в пятидесяти от крыльца он снова остановил снегоход, вылез, повозился с винтовкой и прицелился в сторону дома, ведя стволом вдоль фасада. Опять послышался звон разбитого вдребезги стекла, и снова глухой хлопок, тут же поглощенный ветром. Верзила был явно озадачен. Он не знал, что делать дальше.

Я медленно приоткрыл парадную дверь, прячась за нее, осознавая каким-то непонятным, десятым чувством, что хозяин положения — я. Сердце бешено колотилось.

Следующая пуля ударила в лестницу, и вновь раздался такой звук, точно хлопнули бичом.

Я опустился на колени и выполз на улицу. Мне хотелось быть снаружи вместе с ним. Пусть знает, что я решил принять его вызов. Мой «линкольн» стоял как раз между нами, и трудно было сказать, видел ли долговязый меня. Но мне хотелось, чтобы он меня видел, чтобы он знал, что я здесь. До одной из массивных квадратных колонн было футов десять, поэтому я поднялся на ноги, глядя прямо на него, тогда как он, прижимая приклад к плечу, разглядывал дом сквозь оптический прицел винтовки. Как только он меня увидел, я шагнул за колонну и осторожно выглянул из-за нее. Снег летел мне прямо в лицо. Не отрывая от плеча приклад, человек выстрелил, и от колонны отвалился большой кусок. Услышав выстрел, я рванулся в другую сторону, к другой колонне. Он опустил винтовку. Я сошел с крыльца, стоял и разглядывал его: долговязый и тощий, с прямоугольными плечами. Он, в свою очередь, тоже пристально вглядывался в меня, вполне возможно, раздумывая, не бросить ли все это и уйти прочь. Я же отчаянно хотел, чтобы он остался, чтобы начал охотиться за мной: стоит ему начать преследование, и я, нет сомнения, перехитрю его. Но главное, мне невыносима была мысль, что он все равно впрямь будет искать подходящий момент, чтобы прикончить меня,

будет ждать, когда наступит вот такая же ночь и я останусь совсем один.

Он снова залез в снегоход и включил мотор. Я стоял совершенно неподвижно, спрятав двустволку за спину. Снегоход внезапно, точно от электрического шока, рванулся вперед: верзила решил на меня напасть. Я прыгнул с крыльца в сугроб, прямо в кусты рядом с домом. В какой-то миг промелькнула ужасная мысль, что я не смогу пробраться по такому глубокому снегу, однако мне все же удалось это сделать. Подгоняемый урчанием двигателя снегохода, который, вспарывая целину, преследовал меня по пятам, я прокладывал путь вдоль кустарника. Повернув за угол, я оказался позади дома.

У меня не было никакого конкретного плана. Мне просто хотелось запутать его: не имело смысла стрелять в него. Я мог промахнуться, и он потом задавил бы меня. Он не должен знать, что у меня есть ружье. Я собирался воспользоваться им в самый последний момент.

Я стоял в темноте, пока он разворачивался ярдах в двадцати от меня по огромной дуге, огибая группу деревьев далеко за домом. Небо на минуту расчистилось, ветер ненадолго стих, в лунном свете заискрился снег. Я бросился под укрытие елей, что росли вдоль дорожки, ведущей к флигелю.

Машина развернулась, заскользила по насту, изредка зарываясь носом в снег и вздымая при этом причудливой формы снежный вал.

Пробираясь по сугробам, я глубоко дышал, втягивая холодный воздух, вдыхая колкие снежинки. Слыша рев машины, нагонявшей меня, я ринулся сквозь кустарник, едва заметный, поднимавшийся всего на несколько дюймов выше железных перил у проезжей части дороги. Задышавшись, совсем выбившись из сил, не в состоянии дальше бежать по снегу, я остановился. Он тоже затормозил, оставаясь в тени дома. Я слишком неожиданно скрылся из поля его зрения, и он пытался разглядеть меня среди всех этих причудливых теней и мечущегося по насту снега.

Взглянув в сторону флигеля, я заметил, что ветер сдул почти весь снег с дороги, разделявшей нас, и уровень ее понизился. У железных же перил, скрывая их, высились сугробы около фута высотой. Они громоздились по обе стороны дороги.

— Ну ты, сволочь! — заорал я. Встав во весь рост, я вышел из-за елей, пряча двустволку за спиной. — Ну, двигай сюда, стреляй! — Шатаясь, падая на колени, снова

поднимаясь, я с трудом побежал вперед, удаляясь в сторону от изгиба дороги под углом сорок пять градусов.

Позади меня опять взревел мотор, и, обернувшись, я увидел, как лыжи врезались в снег и снегоход двинулся ко мне. Я специально выходил на открытое пространство, где верзила мог легко нагнать и убить меня. Но для этого ему оставалось пересечь дорогу...

Я стоял, судорожно глотая воздух, весь обледенелый, точно снежный человек. Глаза, казалось, замерзли, веки задубели от мороза. Но верзила поддался на мою уловку, он ехал прямо на меня, а я тем временем нащупал приклад ружья, прижимая его к телу.

Снегоход по мере приближения ко мне прибавлял скорость. Долговязый ехал стоя, крепко сжимая руль. Спускаясь в придорожную канаву, он наклонился вместе с машиной, а затем я увидел, как он плавно, даже грациозно начал отклоняться назад, чтобы вскинуть нос снегохода и перебраться через сугроб на дорогу.

И тут раздался ужасный треск, скрежет металла о металл — лыжи снегохода попали под железные перила и отлетели от него. Какую-то секунду машина еще скользила вдоль перил, затем опрокинулась через них. Двигатель продолжал работать, поднимая бешено крутящееся снежное облако. Но верзила уже исчез, разбив ветровое стекло, которое, должно быть, распорол пальто, а сквозь него и плоть этого скелета. Он кувырнулся в порыве метели, издав короткий вопль, тут же заглушенный ветром.

Мотор заглох, наступила полная тишина, нарушаемая лишь воем ветра и шуршанием снежинок по насту.

Он лежал бесформенной массой ярдах в пятнадцати от меня — темная фигура, точно тень на снегу. Я поднял ружье на уровень пояса, направил на него. Эта темная масса вызывала у меня ужас, во рту и в горле так пересохло, что даже невозможно было сглотнуть: а что, если фигура поднимется?..

И действительно, масса шевельнулась, издала сдавленный звук, подняла руку, изрыгнула что-то на снег. Поднялась голова и откинулась назад, затем начал подниматься торс, с которого посыпался снег; и вот уже вся фигура, коленопреклоненная, точно пьяная, заколыхалась в снегу, как Нептун, выходящий из морской пучины.

— Помогите... — Масса еще раз сплюнула, рука потянулась к лицу. — Мое лицо... — Голос звучал глухо, невнятно, точно журчание воды в сточной трубе. — Что-то... с

моим лицом... — Слова с трудом проталкивались сквозь бульканье, выходили с невероятным усилием.

Словно парализованный, я застыл на месте, глядя, как затрепетали руки на груди и фигура выпрямилась во весь свой высокий рост. И тогда я нажал на спусковой крючок. Грохнуло так, будто где-то рядом взорвалась бомба. Отдача была настолько сильной, что двустволка чуть не вылетела у меня из рук. Первым выстрелом снесло большую часть левой стороны того, что раньше было головой. Второй выстрел пришелся несколько ниже. Тело подбросило вверх, потом оно осело на блестящую под луной ледяную корку и естественно изогнулось.

Когда меня перестало трести, я ощутил чудовищную усталость. Бросив ружье в снег, я побрел к дому через огромное белое поле, чувствуя себя песчинкой в этой снежной вселенной. Мне ничего не хотелось, кроме одного — спать. Я даже не взглянул на ту тварь, которую убил.

17

Олаф Питерсон с сигарой в зубах, с кончика которой струился голубой дымок, стоял надо мной, вглядываясь в мое лицо. С минуту я не мог очнуться от сна. Я лежал на диване в библиотеке, а на улице все так же бушевала выюга. Из разбитого окна тянуло сквозняком. Отчаянно болел затылок, и, когда я поднял руку, чтобы дотронуться до головы, на пол свалилась пустая бутылка из-под виски. Я вспомнил, что вчера напился до бесчувствия, до потери сознания.

— Какой час? — спросил я. Язык у меня словно разбух и покрылся шерстью.

— Почти половина шестого, — проворчал Питерсон, покачивая головой. Он поднял с пола пустую бутылку, повернул ее вверх дном. — Что тут, черт побери, стряслось, Купер? Почему разбито окно? Почему не заперта входная дверь? Почему у вас не работает телефон? — Он остановился у разбитого окна. На нем было темно-синее пальто из плотной ткани, серый свитер. Во рту чернела сигара, на парике медленно таяли снежинки.

— Телефонный провод перерезали после моего разговора с Бреннером, — ответил я. — На это потребовалось совсем мало времени... — Я сел. — Зачем вы приехали?

— Я беспокоился за вас, Купер. Беспокоиться начал уже вчера вечером, когда наконец-то вернулся домой. Я сказал

жене, что меня беспокоит этот недотепа, этот сукия сын, а она спрашивает: «Какой такой недотепа, какой сукий сын?» А я и отвечаю: «Какой, какой! Купер, конечно». А она и говорит: «Тогда возьми и позвони ему». И тут выяснилось, что телефон у вас не в порядке. Я имею в виду, всех поубивали, то есть всех, кто был с вами связан, остались только вы... да Артур Бреннер. Звоню Бреннеру, велю ему проверить запоры на дверях, принять другие меры предосторожности... Он, естественно, спросонья туго соображал после своих пуншей, но все-таки я немного успокоился. Что же касалось вас, Купер, то тут я не мог рисковать. Мне следовало предвидеть это. — Он посмотрел на меня и сделал кислую мину.

Я рассказал ему о событиях минувшей ночи. Все это навалилось на меня с неожиданной отчетливостью, папоподобие ночного кошмара, который не перестает мучить вас, пока вы утром принимаете душ: телефонный звонок, выстрел, страх, ползание по полу на коленях, оружейная комната, преследование, фигура, приподнимающаяся из снега, грехот двустволки...

Еще долгое время после того, как я окончил свой рассказ, Питерсон сидел, уставившись на меня. Просто сидел, курил свою сигару и не отрывал от меня взгляда.

Я встал и подошел к окну. Небо на востоке стало чуточку светлее, хотя всюду вокруг по-прежнему стояла непроглядная тьма. Луна пряталась за тучами, свирепствовал ветер. Меня тошнило, желудок сводило судорогой.

Наконец Питерсон вздохнул, поднялся:

— Идемте посмотрим, что осталось от того типа, которого вы убили. — И, когда я уже застегивал дубленку, добавил: — Черт возьми, надеюсь, его еще не замело полностью.

Говорят, что, если на улице стужа, трудно определить, когда становится еще холоднее. Чуть собачья. Было минус сорок, скорость ветра достигала тридцати миль в час, и я не припомню, чтобы мне когда-либо в жизни случалось выходить в такую погоду. Наступило утро, и по мере того, как становилось светлее, открывалась непривычная картина... Точно это не Земля, а другая планета, давным-давно безжизненная. Выстроившиеся в ряд деревья, обсыпанные снегом, скрываются в метельной дымке. Лужайка покрыта ровным настом, который потрескивает и ломается под ногами...

Хвостовая часть сломанного снегохода уныло торчала из-под снега подобно останкам самолета, тридцать лет на-

зад потерпевшего аварию в Ливийской пустыне. Гонимая по насту поземка завивалась вихрями вокруг его остова и мчалась дальше.

Убитый превратился в один из снежных бугров, но я хорошо знал, где искать. Питерсон принялся за работу и начал разгребать снег, пока не показалась рука, синюшная, ломкая. Снег теперь был цвета ржавчины, и Питерсон продолжал с остервенением копать дальше. Я стал помогать ему, чтобы не замерзнуть. Мы как бы разворачивали завернутый во много слоев бумаги какой-то жуткий подарок. Убитый не вызывал у меня никакого интереса. Однако я продолжал отбрасывать снег. Питерсон что-то бормотал себе под нос. Когда мы наконец откопали труп, небо стало совсем серым.

Человек лежал на спине, обе ноги были переломаны и неестественно вывернуты. Полголовы было снесено моим первым выстрелом, а лицо так сильно обезображено в результате удара о ветровое стекло, что убитого с трудом можно было узнать. Толстую дубленку разодрало в клочья моим вторым выстрелом; на ней запеклась кровь, и обрывки мышц прилипли к меху изнутри. На снегу вокруг была кровь — замерзшие рубиновые кристаллы — и кусочки плоти.

— Невероятно! — выпрямляясь, прокричал Питерсон, стараясь перекрыть свист ветра. — Просто невероятное месиво.

— Это тот верзила, который пытался убить меня на шоссе. Я узнал его, можете мне поверить.

Питерсон посмотрел на меня, словно хотел сказать, что он слышал все, ничего не пропустил. Потом взял винтовку убийцы, которую тот, по-видимому, сжимал в руках до последнего момента. Я нашел и поднял свою двустволку. Мы направились обратно к дому.

— Купер, — прокричал Питерсон через плечо, — от вас дьявольски много неприятностей! Господи, — он вошел в дом, — ума не приложу, черт побери, как мы затащим похоронные дроги сюда в такой снег. На всех четырех колесах моего «кадиллака» зимние покрышки, и все равно мне потребовалось целых два часа, чтобы добраться к вам. Вот незадача.

Мы пили кофе. Я нашел аспирин. В желудке все еще было отвратительно после выпитого вчера виски. Я уже отвык от виски и теперь боялся, как бы не вернуться к старому.

Вместе с Питерсоном мы перебрали одно за другим события прошедшей ночи, которые завершились гибелью того верзилы. Питерсон заверил меня, что с моей стороны — это чистейший случай самозащиты и мне не о чем беспокоиться, но, конечно, придется написать официальное объяснение. Для опознания убитого, если при нем не окажется никаких документов, потребуется некоторое время, впрочем, об этом пока рано думать.

Питерсона больше всего занимал вопрос, имел ли человек, чей замерзший труп сейчас лежал в снегу, какое-либо отношение к убийству Сирила и Полы. Есть ли тут вообще какая-то связь? А если есть, то какая? Что было общего у Сирила, Полы и у меня? Почему кто-то так стремится убрать нас? Кто они, эти люди? Естественно, что теперь уже покушение на меня на шоссе нельзя считать единичным, случайным актом насилия. Это было намеренное преследование с целью прикончить меня.

— Они не успокоятся, Купер, — сказал Питерсон, дуя на кофе и поигрывая массивным золотым перстнем с печатью, — потому что, насколько я понимаю, это люди весьма решительные, а вам до сих пор удавалось от них ускользнуть. Надо полагать, они крайне раздражены, что не сумели разделаться с вами.

— И что же мне теперь делать? — спросил я устало.

— Прежде всего покинуть этот дом. Переезжайте в город или поживите у Бреннера... Можете?

— Какое-то время, — ответил я.

— До тех пор пока мы что-нибудь не придумаем, Купер.

Он вышел на улицу к своему «кадиллаку» и связался по радио со «скорой помощью». Там ответили, что попытаются пробиться к нам.

Вернулся он с кислым видом. Это был уже совсем не тот прежний веселый старина Питерсон, которому все ни по чем... Он опустил в кресло возле стола деда.

— Вчера вечером мы вскрыли этот металлический ящик. Там оказались бумаги со столбцами цифр, множество буд-то бы совсем невинных страниц с немецким текстом, листки с цифрами и отдельными словами на немецком, несколько схем, похоже, организационного порядка, вроде бы что-то военное, списки американских городов, списки крупных фирм, графики. Лично мне это ни о чем не говорит. И тем не менее мы совершенно уверены, точнее, почти уверены, что Пола погибла именно из-за них, из-за этого старого хлама. — В голосе Питерсона чувствовалось возмущение, чего до сих пор я не слышал. Углы его губ опустились,

черные усы поникли. — Я начинаю приходить в бешенство от всего этого, Купер, — от того, что убивают граждан под самым моим носом, от того, что эти гады, кто бы они ни были, плевать на меня хотели. Я уже говорил вам: иногда происшествия доставляют мне удовольствие, они напоминают мне, что я все еще живу и надо шевелить мозгами. Но в данном случае это не так. Дело приняло нешуточный оборот. Вы согласны со мной?

Я не понял, был ли его вопрос просто риторическим, и на всякий случай ответил:

— Лично мне все это с самого начала не казалось шуткой.

Он откашлялся, кивнул:

— Конечно. Я понимаю. Какие уж тут шутки, когда дело непосредственно касается тебя. Я что? Я не был причастен. Мне представился любопытный случай, и было интересно. Теперь же я тоже вовлечен в это дело. Я знаю всех вас — вы для меня уже не просто какие-то актеры в этом маленьком представлении для моего развлечения. — Он сжал пальцы в кулак и стукнул себя по подбородку. — Вы понимаете, о чем я говорю, Купер? — Он прошелся по комнате, постоял, греясь у камина и глядя в огонь, перевел взгляд на отверстие в панели стены, сделанное пулей. Взял винтовку, из которой стрелял в меня долговязый. Некоторое время изучал ее, вертя в руках, читая все, что было на ней написано, и проворчал:

— Маузер, калибр 7,65. Отличное оружие, хорошо ухоженное. Изготовлено на «Маузер верке» в Оберидорфе на Неккаре. Винтовка что надо. — Он вновь отошел к стене, оглядел еще раз отверстие, провел по нему кончиком пальца, потом посмотрел в прицел. — Оптический прицел фирмы Цейс, пуля... пуля почти 11 граммов, летит со скоростью около 2700 футов в секунду. Как говорится, при такой скорости палкой от нее не отмахнешься, Купер.

Он вернулся к столу и погрузился в кресло. В жуткой тишине дома оно оглушительно скрипнуло. Потрескивал огонь, дробно стучал в стекло снег.

— Такая пуля убивает двумя способами. Если она попадает в какой-нибудь жизненно важный орган — мозг, позвоночник или в область сердца, — объекту каюк. Если же она не заденет ни один из этих органов, но поразит достаточно живой ткани, — объекту все равно каюк. Однако в первом случае вероятность попадания невелика. Чтобы она увеличилась, требуется оружие помощнее, пуля с еще большей скоростью полета, обеспечивающая широкое пора-

жение... Вы следите за ходом моей мысли, Купер? Так вот. Сигналы от разорванных нервов вызовут короткое замыкание в вашем мозгу — и прости-прощай. Это один из видов шока. Есть и другой. Например, такой, при котором от удара пули лопаются вены и артерии, ведущие к вашему головному мозгу, — и все, конец... Так вот, наш покойный друг исключил всякий риск. На случай промаха, если не будет задет ни один ваш жизненно важный орган, он использовал мягкую пулю в тонкой оболочке, которая, взорвавшись у вас внутри, повредила бы значительную часть живой ткани и убила бы вас даже при попадании в плечо или бедро. Кроме того, скорость полета у нее такова, что при любом попадании пуля почти наверняка вызвала бы шок.

От монотонной речи Питерсона меня затопило еще больше.

— Откуда вам, черт побери, все это известно? — спросил я.

— Жизненный опыт, — ответил он. — Ужасно, не правда ли?

Пока он рассказывал безразличным тоном, что этот убийца намеревался сделать со мной, я слушал и думал о том, что с верзилой сделал я сам: первым выстрелом ему, выходит, снесло солидную часть мозга, то есть жизненно важного органа, в результате чего наступила мгновенная смерть. Второй выстрел должен был повредить обширную часть живой ткани и вызвать шок, но к тому времени этот человек был уже мертв.

Питерсон, восседая за столом, делал какие-то записи. Я догадался, какие именно, прежде чем он заговорил об этом.

— Ну ладно, поскольку мы все равно сидим на приколе, Купер, давайте подытожим, что мы имеем. — Его голос вновь обрел утраченную было решительность и настойчивость. — Нам предстоит задать себе ряд вопросов. Вам не надоело меня слушать, а, Купер?

— Нет, просто я устал. — Мне не хотелось ему возражать. У меня не было на это сил. — И потом, я думаю над тем, о чем вы только что говорили. Я человек любознательный, Питерсон.

— Итак, мог ли этот тип, который покушался на вас, оказаться убийцей Сирила? И Полы? Одну минутку, я не утверждаю, что это именно он, я просто ставлю вопрос. Не исключено, что он мог продолжить свой путь после того, как они бросили вас умирать на дороге, приехать в

Куперс-Фолс раньше вас и убить Сирила до вашего прибытия. Мог, Купер, а посему нам следует начать думать, что все эти события взаимосвязаны. С таким же успехом он мог убить Полу вчера днем, забрать коробки, спрятать их где-нибудь или передать своему сообщнику, тому корытшке в синем ратиновом пальто, а вечером приехать сюда, чтобы укокошить вас. Теперь возникают вопросы: почему, каковы мотивы, что было общего у Сирила и Полу?

— И он и она знали о коробках, — ответил я. — Только им двоим было известно об этих коробках, когда убили Сирила, если его убили точно двадцатого. Потом я встретился с Полой, и она рассказала о коробках мне.

— Однако, если именно это было общим для Сирила и Полу, тогда при чем тут вы — третья жертва по счету и первая по времени? Что общего у вас с Сирилом и Полой? Что знаете вы, о чем было бы известно им? Ничего, Купер, абсолютно ничего. Во всяком случае, относительно коробок. Вы не видели содержимого ни одной из них, а потому не представляете для них никакой угрозы, так ведь?

— Откуда я знаю? Спросите об этом того парня, что валяется там в снегу, — ответил я с деланно циничным безразличием заматерелого в передрягах бойца.

Питерсон встал, потянулся, отправился на кухню и вскоре вернулся с кофейником. Налил нам обоим по чашке и отнес кофейник обратно на кухню. Когда он снова вошел в комнату, его взгляд привлекла карта второй мировой войны, принадлежавшая когда-то деду. С минуту он внимательно разглядывал флажки, обозначающие положение на фронтах, потом задумчиво спросил:

— Интересно, у войн вообще бывает конец?

— Не знаю, — сказал я. — Трудно поверить, но для некоторых они длятся всю жизнь. То и дело кого-нибудь обнаруживают: или несчастного идиота, который скрывается на чердаке в одном из домов в Берлине, или япошку на необитаемом атолле в Тихом океане. И они думают, что война все еще продолжается. Люди — странные существа.

Питерсон стоял у окна и маленькими глотками пил кофе.

— Однако те, кто хочет убрать вас с дороги, не знают, что вы ни о чем не имеете ни малейшего представления... повторяю, ни малейшего. Но они знают, что вы брат Сирила, а ему-то было известно об этих коробках. По крайней мере, ради этого он прилетел сюда из Буэнос-Айреса. Поставьте себя на их место. Раз Сирил знал о них — а что там такого особенного, для нас по сию пору тайна, — он вполне мог сообщить о них вам. А поскольку такая вероятность

существует, они считают, что вас тоже надо обезвредить, то есть прикончить. Сирил мог уведомить вас о них телеграммой. Мог позвонить вам по телефону из Буэнос-Айреса. Мог каким-либо другим путем дать вам знать о них. Эти коробки, столько лет пролежавшие в библиотеке, представляют для кого-то огромный интерес, Купер. Догадывалась Пола, что в них, или нет, — неважно. Коробки находились у нее, и, чтобы заполучить их, ее убили. Таким образом, как ни крути, все упирается в эти коробки. Что в них? Что в том металлическом ящике? Кто этот покушавшийся на вас тип? Кому еще, кроме вас, грозит опасность? Всякому, кто общался с вами. Доктору Брэдли? Бреннеру? Мне, будь я неладен? Чертов ящик у меня, значит, я вполне могу быть следующим на очереди в том проклятом списке. И уверяю вас, Купер, тот замерзший бифштекс во дворе, что сейчас лежит в снегу, орудовал не один, это как пить дать.

На лбу у Питерсона выступил пот, и он вытер лицо платком. Впервые я видел доказательство того, что у него тоже есть нервы. В то время как он говорил все это, стараясь убедить меня, какая мне грозит опасность, я думаю, ему самому открылись какие-то новые истины. Надо полагать, только сейчас он начал представлять себе масштабность всего происходящего, начал понимать то, чего я не мог осознать в силу своей безумной усталости, скорби и негодования по поводу случившегося.

До приезда «скорой помощи» мы больше почти не разговаривали, а когда санитары прибыли, чтобы забрать труп, я слышал, как Питерсон отдавал распоряжения.

— Осторожней, не разбейте его, — предупреждал он. Труп, должно быть, стал очень хрупким от мороза.

Прошло не менее часа, прежде чем нам удалось завести мой «линкольн» и «кадиллак» Питерсона и выехать на дорогу, ведущую в город. Температура воздуха была минус двадцать пять градусов, и снег мело со всех сторон. Стоило отвести взгляд от красных задних огней идущей впереди машины — и только снег, снег, снег... Это было двадцать третьего января. Часы показывали половину второго.

Пока мы добрались до города, нападение на Артура Бреннера совершилось. Осада началась около двенадцати,

продолжалась беспрерывно до часа дня, затем прекратилась.

В такую пургу, когда передвижение казалось почти невозможным, мы, ничего не зная о покушении на Бреннера, пожалуй, ехали бы еще медленнее, не начни Питерсон тревожиться о нем еще до нашего отъезда. Он позвонил к нему домой — никакого ответа. Позвонил в контору, расположенную в гостинице, — тоже никакого ответа. Выяснилось, что Бреннера никто не видел все утро. Питерсон с беспокойством посмотрел на меня, и мы поехали к Артуру. Его дом стоял на окраине, фасадом к реке, невидимый с дороги из-за холма, поросшего пихтами и елями. Узкий подъезд к дому, рассчитанный всего на одну машину, сегодня уже явно расчищали, но снегопад был настолько сильным, что дорогу вновь почти полностью замело мелкой снежной пылью.

За весь наш путь мы не обменялись ни словом. Меня мучила чудовищная изжога. Колени дрожали. «Кадиллак» со своими четырьмя зимними покрышками застрял на одном из узких поворотов, уткнувшись носом в сугроб, поднявшийся выше крыши машины. Мне приходилось слышать о таких снежных лавинах, которые, обрушившись с гор, хоронили под собой машины и тех, кто находился в них, обрекая людей на гибель, поскольку двери открыть было невозможно и смерть наступала либо вследствие отравления углекислым газом, если двигатель продолжал работать, либо от мороза, если двигатель выключали. Питерсон стал раскачивать машину взад-вперед, взад-вперед, пока не высвободил ее окончательно, однако часть снежного сугроба все же обвалилась и рухнула на капот с такой силой, что даже мы, сидя внутри, ощутили, как содрогнулся почти трехтонный «кадиллак».

Сделав последний поворот, сквозь снежную пелену мы различили дом — бесформенную громаду, сливавшуюся с серой метельной массой, нависшей над рекой внизу. Медленно, с невероятным трудом мы приблизились к дому и не увидели в окнах ни одного огня.

— О господи! — произнес Питерсон. В голосе его сквозил ужас.

Взрывом пробило брешь в фасаде здания, где обитал Артур Бреннер. Вместо двери зиял черный проем с рваными краями. Окна по фасаду были выбиты.

Питерсон остановил машину, и мы со всех ног бросились по снегу, проваливаясь по колено через ледяную кор-

ку, которая впивалась нам в ноги острыми краями, точно осколками стекла.

— Бреннер, — позвал Питерсон. — Бреннер! — В его крике звучали отчаяние, скорбь, страх и безнадежность.

Дверь, сорванная с петель, все еще дымящаяся, валялась в прихожей. Пол, припорошенный снегом, был усыпан осколками вдребезги разбитого зеркала и разлетевшейся на куски фарфоровой вазы с цветами.

Напротив двери и пробитой стены, на покрытой ковром лестнице, лицом вниз лежал Артур в такой позе, словно он пытался заползти наверх. На нем был толстый шерстяной халат. Никаких повреждений, похоже, он не получил, хотя лежал совершенно неподвижно.

Непостижимым образом Артур Бреннер не только остался жив, но даже почти не был задет — только ссадина на щеке. Отброшенный взрывной волной, он потерял сознание и всем своим массивным телом распростерся на ступеньках. Но вот его тяжелые веки дрогнули, он открыл глаза, посмотрел на нас и беззвучно медленно зашевелил губами.

— Они поставили на дверь мину-ловушку, — заметил Питерсон. — Дайте ему немного коньяка.

Коньяк, похоже, воскресил Бреннера: глотнув, он замотал головой.

— Я услышал колокольчик на дверях, открыл, и вдруг рвануло. Больше ничего не помню. Прихожу в себя, а вы тут.

— Слов нет, вам здорово повезло.

— Знаю, знаю. Они хотели убить меня.

Судя по всему, обошлось без неприятных последствий. Через несколько минут Артур уже был на ногах и, покачивая своей огромной головой, провел нас к себе в кабинет. Пока он, оставив нас, спустился в подвал, в мастерскую, посмотреть, в целости ли его фарфоровые фигурки, Питерсон быстро разжег камин, и, когда старик вернулся, огонь уже горел вовсю. Щека у Артура была заклеена пластырем. Он улыбался довольный: ни одна из его фигурок не разбилась.

Дав Артуру подробный отчет о том, что произошло со мной после того, как, пожелав мне спокойной ночи, он посоветовал прочесть молитву, Питерсон откинулся на спинку кресла, обитого ситцем, и наконец раскурил сигару.

— Все сводится к довольно удивительному факту, которому почти невозможно поверить. Мы — в осаде. Это война, и мы, отрезанные стихией, подвергаемся нападениям

со стороны неизвестных нам сил. Мы уничтожили одного из них. Они убили у нас двоих и пытались ликвидировать еще двоих. Они атакуют нас в наших собственных домах, применяя огнестрельное оружие и взрывчатку.

Питерсон взглянул на нас. У меня было ощущение полной нереальности, хорошо знакомое любителям детективных фильмов, где опасность — всего лишь выдумка режиссера, не имеющая никакого отношения к вашей собственной жизни. Однако я ошибался. Это было не кино.

— Но почему? — тихо спросил Артур.

— Им нужен тот ящик, — ответил Питерсон.

— Не только, — добавил я, преодолевая смертельную усталость. — Они хотят убить всех, кто мог видеть содержимое коробок. Всех, кто мог знать о них.

— Они напуганы, — вставил Питерсон.

— Я — тоже, — признался Артур.

К вечеру мы втроем сели в «кадиллак», пробрались через узкую дорогу и с огромным трудом доехали до города. Мы приняли вызов.

Когда мы наконец вошли в контору Питерсона в здании суда, нас уже дожидался мэр городка Куперс-Фолс Рихард Ахо. Он был финн по происхождению. Этот сорока-четырёхлетний бледный человек, владелец страховой компании, был одет в пурпурный спортивный костюм буеристов команды «Викинги Миннесоты». В руке он держал такого же цвета картуз с длинным козырьком. Именно ему принадлежал и тот пурпурный снегоход, что стоял сейчас у крыльца здания.

— Питерсон, — сказал мэр, когда мы остановились в приемной и Элис пожирала нас глазами. Сильно нахло крепким кофе. Шипел радиатор. Было пять часов вечера. — Питерсон, — повторил он, — что происходит в этом городе? Я приехал сюда, чтобы испытать свой новый снегоход, рождественский подарок Филлис, и слышу всякие идиотские истории.

— Какие идиотские истории, Рихард? — Питерсон снял пальто, повесил его на крючок. — Бутерброды, Элис! — крикнул он. — Со всякой всячиной! И вы, Элис, просто душечка! — Он прошел к себе в кабинет. — Какие же идиотские истории вы слышали, Рихард?

Мы все собрались в кабинете. Сразу стало невыносимо душно.

— Будто кто-то погиб... вот какие. — Ахо пристально смотрел на Питерсона. — Прежде всего, один из Куперов,

затем библиотекарьша... Пола... э-э-э... Смитиз. Они действительно погибли? Убиты? — Он расстегнул стеганую куртку. — Боже, ну и жарница здесь у вас!

— Да, убиты. А этот вот парень, — указал Питерсон на меня, — это другой Купер, Джон Купер. На него тоже покушались, уже дважды, а прошлой ночью он подстрелил одного из них у себя перед домом. Сегодня днем кто-то подложил бомбу в доме Артура Бреннера. Взрывом разнесло весь фасад.

Ахо выслушал все это молча, с выражением недоумения на лице. Мне никогда не приходилось слышать об этом человеке, хотя он тоже родился в Куперс-Фолсе. Время от времени он поглядывал на меня и наконец заметил:

— Мистер Купер, похоже, несчастья следуют за вами по пятам.

Питерсон широко улыбнулся. Ахо сверлил меня своими угольно-черными глазами.

Я зевнул:

— Выходит, так.

Пока мы ели бутерброды, выяснилось, что наша телефонная связь с внешним миром прервана: бурей повалило телеграфные столбы по берегам Сент-Круа и во многих других важных пунктах нашего штата. Можно было связаться с Миннеаполисом по коротковолновой радиосвязи, но, поскольку эта маленькая война касалась только нас, мы не сделали этого. Питерсон заявил, что заниматься этим нет никакого смысла, ведь все равно к нам невозможно добраться: дороги занесены, самолеты не летают. Снегоходы могли бы пробыть, но только теоретически, а практически — вряд ли. Слишком большая стужа, а видимость при такой пурге равна нулю. Как это ни неприятно, мы полностью отрезаны от мира. Ахо согласно кивнул.

Из Буэнос-Айреса, куда Питерсон послал запрос, ответа пока не поступило.

Ящик лежал посреди стола. Питерсон слегка подтолкнул его локтем:

— Весь сыр-бор вот из-за этой штуковины. Она все еще у нас. И они все еще хотят ее заполучить. Для нас она не представляет никакого интереса, поскольку мы не знаем, что там.

— Не собираются же они уничтожить всех нас? — Ахо скривил губы.

Питерсон покачал головой:

— Не знаю.

— По их мнению, Артур убит, — заметил я. — Они, вероятно, думали, что он видел содержимое ящика и понял, что все это значит.

Бреннер высморкался, закашлялся. Чувствовал он себя еще хуже, чем прежде. Сидя в углу в кресле, поникший, с замотанным вокруг горла толстым шарфом, он выглядел на все свои семьдесят лет. Питерсон вытащил из стола флягу с коньяком и протянул ему.

— Им неизвестно, где сейчас находится ящик, — сказал он. — Почему вы не идете домой, Элис? — спросил он, когда Элис принесла еще бутерброды и свежий кофе. — Уже поздно.

— Я боюсь выходить на улицу, — ответила она. — Мороз, и повсюду шатаются бандиты. Я никуда не пойду. Останусь здесь, пока не кончится этот буран, — закончила она решительным тоном.

— В таком случае снимите номер в гостинице, — сказал Питерсон. — За счет городской казны.

— Вот это замечательно. Я так и сделаю, но некоторое время все же побуду здесь. Возможно, я вам понадоблюсь. — С этими словами она удалилась в приемную. Мы слышали, как она разговаривала с женщинами, работавшими в этом же здании, которые теперь собрались вокруг ее стола.

— Приятная секретарша, — заметил Бреннер.

— Итак, никто из них не знает, где находится этот проклятый ящик, — продолжал Питерсон. — Я считаю, нам лучше оставить его здесь, закрыть в моем сейфе, а самим отправиться в гостиницу и, как говаривал Джон Уэйн¹ в своих ковбойских фильмах, там и окопаться.

Никто из нас не смог предложить ничего лучшего, поэтому мы, заперев здание суда на ключ, двинулись, прокладывая себе путь сквозь пургу, через улицу в гостиницу.

Мы с Артуром поселились в одном номере. Пили коньяк, и так все вместе просидели до полуночи. Разговор не клеился. Мы изрядно утомились. В полночь, когда у меня уже слипались глаза, Питерсон настоял, чтобы мы легли спать.

Артур захрапел почти мгновенно. В душной атмосфере номера стоял аромат лимонного пунша, который он выщип перед сном. Я устал до такой степени, что ни о чем не мог думать.

¹ Известный американский киноактер.

Посреди ночи раздался оглушительный взрыв. Я открыл глаза. Пот струился по мне ручьями: в комнате было на-топлено немилосердно. Бреннер спал сном праведника, глубоко дыша. Меня бил озноб. С минуту я не мог сообразить, отчего проснулся. Потом услышал новый взрыв. Значит, это не во сне, а наяву. Действительно, взрыв. Я выбрался из-под одеяла, подошел к окну. Слышался натужный вой снегоходов. Уличные фонари отбрасывали желтоватый свет сквозь валивший снег, и за этим снегопадом горело здание суда. Пламя вырывалось рваными языками из окон. Последовал еще один взрыв, и в темноту выплеснулись новые потоки огня. Окно, перед которым я стоял, задребезжало.

Бреннер зашегелился. Я выбежал в коридор и забарабанил в дверь к Питерсону. Услышал отклик: «Войдите!»

Питерсон сидел в кресле у окна, устремив взгляд на улицу. Перед ним в ночи полыхал пожар. Ахо стоял в дверях ванной комнаты, на белых кафельных стенах которой играли яркие отблески пламени.

Питерсон даже не обернулся ко мне.

— Итак, Купер, как вам это нравится? Они только что взорвали мою паршивую контору. — Он мрачно хохотнул. — Настоячивые, сволочи, надо отдать им должное. Появляются среди ночи, в такой мороз, сдохнуть можно, сорок ниже нуля, и знай себе прут в темноте на своих снегоходах, а ради чего? Ради какого-то ящика. И поднимают на воздух целое здание.

Ахо чихнул и выругался, а я не знал, что ответить.

Вспыхнула спичка, запахло сигарой, которую закурил Питерсон.

Я взглянул на часы — четверть четвертого. Все тело ныло, голова болела. Меня по-прежнему калотил озноб. Послышались чьи-то голоса: это горожане, застигнутые пургой и вынужденные заночевать в гостинице, стали выползать из своих номеров в коридоры, разбуженные взрывом.

— Да входите же, не торчите в дверях, бога ради, — сказал Питерсон.

Бреннер тоже проснулся. Он стоял позади меня, закутавшись в свое толстое пальто, и шмыгал носом. Не говоря ни слова, он проследовал за мной в комнату.

Мы молча вчетвером смотрели сквозь вьюгу на разгоравшийся пожар. Пламя пожирало здание. Стена, поврежденная взрывом изнутри, с треском обвалилась. Нашему

взору открылся кратер вулкана, пылающий желтым и оранжевым пламенем, полыхавшим в ночи.

— Интересно, забрали они этот ящик? — задумчиво произнес Питерсон. — Я положил его в сейф у себя в кабинете. Хотелось бы знать, взломали ли они вначале сейф, взяли ящик, а потом рванули здание — своего рода устрашающий жест. Или сразу устроили взрыв, полагая, что ящик в любом случае будет у них в руках? Любопытно...

Ахо сказал:

— Просто не могу поверить. Уничтожают Куперс-Фолс. Этой постройке более сотни лет.

— К сожалению, мы ничего не можем поделать, — ответил Питерсон. — Мы даже не видим их. Они пользуются непогодой. Делают свое дело и исчезают, а снег заметает следы. Как бы то ни было, их несколько человек, по меньшей мере двое, не считая убитого вами, Купер. — Он выпустил струю дыма. Мы молчали. Пожар полыхал во всю. — Боюсь, нам так никогда их и не найти. Они совершают нападение и тут же исчезают — в этом весь смысл их действий.

Откуда-то издалека донесся еще один глухой удар, похожий на взрыв.

— Это еще что? — спросил Ахо. Задор мэра несколько утих, он начал воспринимать события спокойнее. — Вы слышали?

— Надо полагать, это библиотека. — Питерсон встал, потянулся. — Держу пари, они только что подорвали нашу чудесную маленькую библиотеку. Да, чисто работают, ничего не скажешь.

— Что же нам делать, черт побери? — спросил меня Ахо.

— Лично я сейчас оденусь и пойду взгляну, что там происходит. Город, должно быть, от этих проклятых фейерверков выглядит как в День независимости.

Артур Бреннер благоразумно решил вернуться в постель. Простуда совсем одолела старика, да и спина побаливала от удара при падении во время взрыва в его доме.

— Ты ничем не можешь помочь, Джон, — сказал он, натягивая одеяло до подбородка. — Ложись-ка лучше тоже.

— Да нет, Артур, любопытно, чем все это кончится.

— По-моему, мир просто сошел с ума, — просипел он. — Это чистое безумие, дьявольское наваждение.

В общем-то ничего особенного на пожаре я не увидел. Резкий ветер хлестал нам с Питерсоном в лицо. От мороза

перехватывало дыхание. Три стены здания суда рухнули, горящие внутри лестницы создали настоящую геенну огненную. Улица между гостиницей и судом была усыпана обломками, снег почернел от сажи и пепла, в воздухе стоял густой, едкий дым, повсюду валялся мусор. Ревущее пламя полыхало на ветру, вспарывая стылое пространство точно ножом. В конце улицы отблеск пожара окрашивал снег розовым цветом. Вся картина сильно напоминала фотографию времен второй мировой войны.

Мы подпрыгивали, хлопали себя по бокам в тщетной попытке согреться. Питерсон оказался прав: наша маленькая, изящная, сказочно прекрасная библиотека была разрушена до основания, ее разметало по снежному насту, а то, что осталось, горело негасимым пламенем. Сгорели книги, газеты, журналы — все, что оставила после себя Пола. Правда, некоторые книги валялись на снегу нетронутые — хоть что-то уцелело. Куски лепнины вогнало в снег, и они торчали из наста как скорбные вехи.

Мы молчали, не в силах перекрыть свист ветра.

На рассвете снегопад прекратился. Небо висело над городом ясное, серовато-голубое, и ослепительно ярко светило солнце. Обледенелая снежная поверхность блестела, точно отполированный гранит. Мы собрались в гостинице за завтраком. Ресторан был переполнен: мир, казалось, сразу ожил. По улицам бежали машины, население Куперс-Фолса сгрудилось в горестном оцепенении, изумленно взирая на тлеющие остатки того, что некогда было зданием суда, на черный кратер подвала на месте библиотеки, где горки книг вспыхивали случайным пламенем в тот или иной непредсказуемый миг.

Помощник Питерсона завтракал вместе с нами. Он разинув рот выслушал наш рассказ о событиях, происшедших вчера, пока он лечился от гриппа. У всех нас, похоже, было одинаковое ощущение, что осада кончилась. Кто бы ни были те люди, они заполучили свой ящик, если смогли найти его в этих дымящихся руинах, а может, просто уничтожили его. Днем несколько пожарников по собственной инициативе сделали попытку погасить огонь, но тщетно. Вода из городского водопровода замерзала в шлангах, а несколько шлангов вообще лопнули с треском, будто поленья в костре, — резина мгновенно дубела и становилась очень хрупкой. В утреннем свете над автомобилями поднимались клубы выхлопных газов: водители не выключали моторы, так как не было никакой гарантии, что заглухнувшие двигатели удастся завести снова.

Питерсон со свойственной ему энергией развил бурную деятельность. Ветер и снег поутихли, и аварийные команды, выйдя на трассу, быстро восстановили телефонные линии. Питерсон тотчас связался с отделением ФБР в Миннеаполисе, с полицией штата и одному богу известно с какими еще органами охраны порядка. Он накатал серию отчетов для репортеров телевидения и прессы, которые вот-вот должны были нагрянуть сюда, записал показания Артура Бреннера, Рихарда Ахо и мои.

Питерсон не прекращал попыток выяснить через полицию Буэнос-Айреса, чем занимался Сирил в то время, пока находился там. Он вызвал доктора Брэдли освидетельствовать трупы, выписал разрешение на изъятие тел Сирила и Пола для погребения, навестил мать Пола, сообщил сотрудникам висконсинской полиции о покушении на меня на автостраде в этом штате. Одним словом, принялся переводить разгул ужаса и насилия в дни пурги на язык конкретных фактов, занесенных на официальные бланки, в официальные досье. Элис едва успевала поворачиваться: то лихорадочно печатала на машинке, то звонила по телефону, то бросалась к полкам с картотекой. Все это происходило в номере гостиницы.

К концу дня стали прибывать официальные лица из Миннеаполиса. На вертолете прилетел губернатор Миннесоты с несколькими помощниками. Прибыли репортеры на автомобилях и вертолетах, за ними — работники телевидения с передвижной телеустановкой. Этот поток разнообразных личностей, в мгновение ока заполнивших собой пустой, брошенный на произвол судьбы, промерзший до основания мир последних дней, на время вырвал Питерсона из наших рядов. Однако, прежде чем отдаться на растерзание общественно-бюрократического аппарата, он сумел устроить меня в конторе Артура Бреннера, которая размещалась в гостиничном номере. Когда он ушел, мы с Артуром усадились в нише у окна, в те самые кресла, в которые он усадил нас с Полой в тот день, когда мы пришли к нему за советом, и принялись созерцать панораму запруженной народом улицы, там, внизу под нами. Мы разговаривали, курили, потягивали херес. Еду нам приносили из ресторана. Здесь был совсем иной мирок, теплый и уютный, и нам потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к покою, к окончанию «войны». Стало ясно: с возобновлением контакта с внешним миром мы, пережив пургу, осаду, словом, массированную атаку на Куперс-Фолс, вновь вышли из тьмы на яркий солнечный свет.

Вскоре после ужина к нам на чашку кофе заглянул доктор Брэдли, чтобы проверить наше самочувствие, и заметил не без сарказма, что, по всей вероятности, мы выживем; однако, когда мы принялись за кофе, я начал неудержимо зевать.

— Самое лучшее для тебя сейчас, — сказал он, потягивая кофе, — это лечь спать. Ты истощен физически. Последнее время ты находился в страшном напряжении и физически, и эмоционально, Джон, поэтому для тебя единственное средство привести себя в божеское состояние — это отдохнуть.

В конце концов я забрался под одеяло на одной из двухспальных кроватей Артура и закрыл глаза, прислушиваясь к журчанию голосов в соседней комнате. Два старых друга пили кофе, мирно беседовали, наверняка перебирая те неслыханные события прошедших дней, которые всколыхнули наш заштатный городок. Я лежал совсем тихо, но заснуть не мог. Зрела уверенность: я должен что-то сделать, что-то предпринять. Не оставалось сомнений: тот убийца был не единственным, возможно, он вообще не убийца и никого не убивал, а лишь предпринял неудачное покушение на меня. Здесь крылось, я был твердо убежден в этом, нечто гораздо большее, чем могло показаться на первый взгляд. Щупальца прошлого тянулись ко мне, но, к счастью, сон наконец-то сморил меня, и я забыл об этом прошлом. Было в нем что-то и утешительное, и угрожающее, но что из того? Теперь — всему конец. Засыная под мерный гул голосов из соседней комнаты, я знал, что лично мне прошлого бояться нечего.

20

Могила пришлось выдалбливать отбойными молотками. Панихида была короткой: никто не мог долго выстоять на таком холоде, даже несмотря на натянутые над могилами палатки, которые обогревались электрическими калориферами, привезенными из похоронного бюро. Солнце ярко светило. Резкий ветер сек лица, точно косой. Людей пришло мало. На дорожке стояли автомобили с включенными двигателями. Сирила и Полу погребли на высоком утесе над самыми водопадами.

Мы приехали на кладбище прямо из церкви после очень короткой панихиды и, не в силах терпеть резь в легких,

обжигаемых ледяным ветром, вскоре отправились обратно в город.

Над развалинами здания суда и библиотеки все еще клубился дым. Стоя на кладбище, мы видели, как он поднимался над городом подобно туману. Кто-то заметил, что гореть будет еще несколько дней. Всюду, даже на кладбище, ощущался запах гари.

Питерсон не отрываясь глядел на могилы. Щеки у него стали пунцовыми от мороза и ветра. На нем были огромные темные очки, предохранявшие глаза от слепящей белизны снега. Он попросил меня заглянуть к нему в его импровизированную контору.

Позже мы вместе пошли в ресторан при гостинице. Питерсон только отрицательно помотал головой, когда двое репортеров ринулись через вестибюль нам навстречу. Мы сели, заказали кофе.

— Каковы ваши дальнейшие планы? — спросил он.

— У меня нет никакой ясности, — сказал я. — Понимаете, это похоже на швейцарский сыр... Множество дыр, связанных цепью насильственных актов. Должно же существовать какое-то объяснение.

— Бесспорно, — согласился он и кивнул. — Но пусть этим теперь занимаются другие. А что вы собираетесь делать?

— Полечу в Буэнос-Айрес.

— Зачем? — Он поиграл чайной ложечкой.

— Видите ли, у меня появились кое-какие довольно существенные соображения, — ответил я. — По поводу этого ящика, этих бумаг, обнаруженных Полой, по поводу тех людей, которые стремились их получить.

— А точнее? Расскажите, что вы думаете обо всем этом?

— Я не могу понять, каким образом эти люди, эти убийцы... узнали о коробках. Это самое главное. Пола рассказала о них только Сирилу, одному Сирилу. Он не успел мне сказать о них. Пола тоже никому об этом не говорила, пока не приехал я. Однако меня не покидала мысль, что эти коробки являются как бы ключом... ко всему... — Я испытующе посмотрел ему в лицо, и он медленно кивнул, нахмурил брови. — Меня они пытались убить не из-за ящиков. Им стало известно о моем возвращении домой, а узнать об этом они могли только из телеграммы. Пронюхать же о ней они могли лишь в том случае, если следили за Сирилом. Сирил в то время находился в Буэнос-Айресе. В Аргентине, черт побери! Почему он там оказался, не-

ясно, но он был там, и они знали об этом. Они прочитали телеграмму. А коробки и ящик тут ни при чем, они стали фигурировать позже... Думаю, телефонные разговоры Сирила прослушивались, и эти убийцы знали все, о чем сообщила ему Пола. К ее телефону они вряд ли подключались. Она для них не представляла никакого интереса — невинный человек, случайно попавший в эту историю.

Таким образом, с какой бы точки зрения я ни смотрел на последние события, я все время возвращаюсь к пребыванию Сирила в Буэнос-Айресе. Надо полагать, все началось там, а потом коснулось и нас. И я очень хочу знать, что все это значит, Питерсон. Мне просто необходимо это знать. Другой возможности докопаться до истины я не вижу, а посему еду в Аргентину. Я узнаю, что Сирил делал там. Я должен узнать о его прошлом.

— Это неразумно, — сказал Питерсон.

— Зато правильно.

— Возможно, и правильно, но не лучше ли плюнуть на все это и забыть?

— Почему?

— Это страшные люди. Они чуть не уничтожили весь город в центре самой могущественной мировой державы, убивали, выкрали, что им надо... а вы... вы хотите выяснить причину. — Он покачал головой. — Смело, но неразумно.

— Но ведь я прав.

— О да, я полагаю, вы правы.

Кофе давно был выпит.

С тех пор как у меня зародилась идея ехать в Буэнос-Айрес, мне даже в голову не могло прийти отказаться от этой поездки. Все случившееся так подействовало на меня, что я готов был снова приняться за алкоголь. И все же это было не самое худшее. Мне казалось, самое худшее, что я мог сделать, — это сесть в «линкольн», отправиться обратно в Кембридж и попытаться жить так, как жил раньше. Этого я боялся больше всего. Я был уверен, что не смогу вот так просто забыть то, что произошло в Куперс-Фолсе. Я представить себе не мог, что останусь наедине со своими страшными мыслями. Нет, я должен действовать! Должен ехать в Буэнос-Айрес и постараться спокойно выяснить, чем занимался там мой брат. Пока что дальше этого мои планы не шли. Мною двигало простое любопытство.

Таинственность событий, происшедших в последние дни, ставила меня в тупик. Сам я совершил нечто ужасное: своими руками убил человека. Этот факт, вкупе с гибелью Сирила и Пола, лежал на моей душе тяжким грузом. Я ока-

зался втянутым в круговорот невероятных событий, открыл в себе такую черту характера, о которой даже не подозревал, и обязан был во всем разобраться. Меня преследовала жуткая картина: поднявшаяся во весь рост фигура того человека, его широкие плечи, с которых ветер сдувает снег... громкое эхо выстрелов моей двустволки... заостенелый от мороза труп, торчащие из шеи мышцы и сухожилия... И это учинил с ним я. Такое забыть невозможно.

Питерсон сказал мне, что установить личность этого субъекта не удалось. Черный «кадиллак» исчез, испарился. Не обнаружено ничего: ни снегоходов, ни колеи от лыж, ни места их стоянки, ничего... за исключением трех трупов, сорванной взрывом двери дома и сожженных дотла зданий суда и библиотеки.

Мне хотелось получить ответы на многие вопросы, вот почему я и собрался лететь в Буэнос-Айрес. Возможно, там я получу их. Это было единственное место, откуда я мог начать розыски.

Свой последний вечер в Куперс-Фолсе я провел в обществе Артура Бреннера. Пурга наконец кончилась. Ночной воздух был прозрачным и морозным. На сильном холодном ветру казалось, что температура опустилась градусов до семидесяти ниже нуля, но «линкольн», побывавший в руках Арни Джонсона, ровно урчал, несмотря на леденящий холод. Плотники обшивали тесом фасад дома Артура. Обугленные края когда-то белого фасада здания проглядывали из-под положенных на скорую руку фанерных заплат. Вставили временную дверь, и Артур встретил меня на пороге в просторной клетчатой рубашке и рабочих брюках из грубой ткани. Улыбающийся, спокойный, он усадил меня на мягкий диван перед камином, в котором потрескивали березовые поленья. Вспыхивая, закручивалась их белая кора. Он щедро подливал в рюмки свой лучший херес. Откровенно говоря, другого он вообще не держал. До моего прихода он работал в мастерской над «Атакой Флауэрдью» и тут же с жаром принялся описывать различные этапы работы с фарфором. Тепло комнаты убаюкивало, к тому же Артур сам приготовил жаркое с овощами и попотчевал меня вкусной и обильной едой со свежееиспеченным хлебом и красным бургундским вином. За трапезой мы почти не говорили о тех ужасах, свидетелями которых стали на минувшей неделе. Так, случайные глубокомысленные замечания, и только. Оба мы страшно устали. Однако, слушая Артура, я осознавал, что он какой-то отрешенный, что трагические события последних дней будто вовсе не трогают его. По-видимому, он

был слишком стар, а смерть для него почти ничего не значила. Или, возможно, стоя у последней черты, он вообще сомневался в смысле жизни.

Было поздно. Мы слышали, как ветер раскачивал временно поставленную дверь и заплату на фасаде. Херес согрел меня и прояснил голову.

Когда я сообщил Артуру о своем намерении ехать в Буэнос-Айрес, он искоса поглядел на меня:

— Ты не должен туда ехать, ты совершаешь ошибку.

Я пояснил: хочу разобраться, в чем тут дело, зачем Сирил приехал домой, почему его убили. Я сказал ему о своих подозрениях, что за Сирилом следили, иначе они никак не могли узнать о коробках.

— Опять эти проклятые коробки, — проговорил он угрюмо, с неодобрением. — Лучше бы их совсем не нашли, пусть бы себе лежали, покрывались пылью и плесенью, пока мы все не умерли... Пусть бы никто никогда не узнал о них. Что бы в них ни было, черт побери! — Он чиркнул спичкой о каминный кирпич, раскурил сигару и бросил спичку в огонь. — Это означает смерть, — промолвил он. — Коробки — это смерть, Джон, надеюсь, ты это понимаешь... Держись от них подальше. Эти люди, я имею в виду этих убийц, скрылись. Они заполучили то, что хотели, и уехали. Брось все это, Джон. Пускай Питерсон делает то, что считает нужным. Пусть этим занимается Федеральное бюро расследований. А ты не вмешивайся. Я говорю серьезно, поверь мне.

Он подбросил полено в огонь, подлил в мой бокал хереса. Мы сидели молча. Часы на камине пробили полночь. Артур начал рассказывать о моем дед, о днях, проведенных вместе с ним в Германии в двадцатых и тридцатых годах. Остин был человек практичный, говорил он, прагматик, а не политик и не теоретик.

Меня и раньше и теперь очень интересовало, что в действительности думал мой дед о фашистах. Конечно, мне хотелось услышать от Артура, что Остин Купер презирал их, хотя я отлично знал, что дед был человеком далеко не эмоциональным и не способным презирать кого-либо или что-либо. Столкнувшись с необычным явлением, он всегда задавал единственный вопрос: «Что это даст?» Его больше всего интересовал конечный результат. Тут все было просто и ясно. Но вот об отношении Артура Бреннера к фашистам я не имел ни малейшего представления.

Во дворе по-прежнему гудел ветер, по стенам прыгали

тени от пылавшего в камине огня. Наконец я все-таки решился спросить его.

— Никакой особой любви ни к кому из них в отдельности я не испытывал. Твой дед тоже рассматривал их в целом, а не в смысле интереса к отдельным личностям. Для него они были политики, такие же, как все другие, не хуже, не лучше, разве только, пожалуй, более деятельные и решительные. Бесспорно, они производили довольно сильное впечатление... Естественно, твоему отцу приходилось на многое закрывать глаза. Это была для него настоящая трагедия. Что касается меня... Что касается меня, — повторил он, — я невольно восхищался ими. Не с точки зрения морали, конечно, а совсем в другом смысле. Я пытался смотреть на них объективно, можно даже сказать, перспективно, то есть в историческом плане — с дальновидной точки зрения выходящих умов того времени.

Артур продолжал в том же духе. Мне никогда не доводилось слышать, чтобы он так свободно и откровенно говорил о прошлом. Я мог представить его себе молодым человеком: массивный, с крупными чертами лица, он, прищурив глаза, дает безжалостную оценку людям типа Гитлера и Геринга, как бы взвешивая их на весах исторической целесообразности, заноса результаты своих наблюдений в записную книжку... Благодаря такой способности рассматривать нацистских деятелей в их сущности, а не через призму лицемерной морали, Бреннер, должно быть, принес огромную пользу союзникам во время войны. Я вспомнил, что время от времени видел его в Куперс-Фолсе. Бывая в городе, он непременно навещал деда. И однажды «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью, в которой выражалось недоумение по поводу странной дружбы между высокопоставленным сотрудником разведывательных органов и известным американским приверженцем фашизма. Действительно, связь эта казалась довольно странной. Но исходила она от умения Артура четко разграничивать служение высоким идеалам и дружескую привязанность.

— Победители всегда одержимы в оценке моральной стороны действий побежденных, — сказал он, вертя в руках бокал с хересом и неотрывно глядя в камин. — В результате огромная часть сентиментальной ерунды получает широкое хождение. Война, однако, никогда не считалась аморальным явлением даже на самом высоком уровне ответственности. Ее только считали разумной или неразумной в случае поражения или если поставленные цели не достигнуты. Война, развязанная Гитлером, тоже не была амораль-

ной. Его стремление поставить Европу на колени — божьей, это же абсолютно рациональная мысль, если принять во внимание политико-экономическую реальность, и психологически здравая, если учитывать национальные черты германских народов. — Он поймал мой удивленный взгляд. — Нацистская идея своего превосходства вовсе не нова и не так уж необоснованна, Джон. Почитай нашу собственную историю... — Он повернулся к огню спиной. — Гитлер являлся олицетворением определенных устремлений немецкой нации, вызванных Версальским мирным договором. Но с чем я никогда не мог согласиться — так это с тем, что в его далеко идущих планах полностью отсутствует мораль. Вопрос нравственности был поднят в связи с евреями, цыганами — словом, со всеми теми народами, которые, по мнению Гитлера, подлежали уничтожению. Именно этот факт, вообще говоря, заслуживающий морального порицания, и есть величайшая стратегическая ошибка в его рассчитанном на тысячу лет вперед плане. Как он мог, почти обладая властью над миром, совершить столь грубый просчет? Невероятное недомыслие, Джон! Совершенно очевидно, ему следовало использовать евреев с их несметным богатством, умом и практической жилкой. Вобрав их в орбиту рейха, он мог тем самым объединить Европу и создать самый могущественный политико-экономический альянс из всех, какие знала история нашей планеты. Не смог он обойтись и без некоторых элементов мистики: например, он любил повторять легенду о погруженном в сон молодом Зигфриде¹, который восстанет с карающим мечом в руках, когда пробьет его час. К подобным вещам твой дед оставался равнодушным. — Артур улыбнулся, удовлетворенно кивнул. — Миф, музыка, мишура, торжественные марши во время массовых митингов не производили на него ни малейшего впечатления. Они вызывали у него только недоумение. Он считал их «дешевым представлением, вульгарной показухой». Меня же все это занимало гораздо больше. Особенно поражала сила и энергия, с какой нацисты овладевали душами людей, подчиняли их себе. Потенциальная возможность достичь цели была просто колоссальной. Есть что-то удивительное в фанатизме, Джон, не устаешь восхищаться теми людьми, которые глубоко убеждены в своей правоте и готовы пойти на все ради ее торжества. — Он засопел, высморкал свой багровый нос. — Не то что у нас, конечно. У нас черта с два добьешься от кого-нибудь покорности и повиновения.

¹ Герой древнегерманской мифологии.

— Но боже мой, Артур! Ведь все они были ненормальными! — заметил я.

— О нет, Джон, — ответил он спокойно, с улыбкой. — Они не были ненормальными. Они, правда, позволяли себе переступить нормы общепринятой морали, но сумасшедшими их никак не назовешь. Это были волевые, сильные люди с некоторыми отклонениями, но в иные времена они паверняка правили бы миром. Они не были полоумными, Джон, можешь мне поверить, и понимали простые истины. Они, например, понимали, что смерть в конечном счете ничего не значит, и знали, я подчеркиваю, знали, что в их своеобразном социальном дарвинизме есть рациональное зерно. Я провел в их обществе достаточно времени, долгие годы своей жизни посвятил тому, чтобы уничтожить их. Мне многое о них известно... и поверь, Джон, со многими положениями, которые они выдвигали, трудно не согласиться.

Прежде чем мы с Артуром расстались, он еще раз попробовал отговорить меня от поездки в Буэнос-Айрес. Но я твердо стоял на своем.

— Не исключено, что эти люди продолжают следить за тобой, — сказал он, но уже без прежнего пыла.

— С какой стати? Они получили свои коробки. А тот железный ящик, если он не погиб во время взрыва, могли забрать с собой.

— Возможно, ты и прав, Джон, кто знает...

— Артур, вы — самый близкий друг и советчик деда. Как по-вашему, что могло быть в тех коробках? Почему кто-то заинтересовался ими?

— Не знаю. И в этом вся тайна, верно? Впрочем, как ты верно заметил, теперь коробки в их руках.

Когда я отъезжал от дома, Артур стоял у окна и махал мне рукой. «Сердечный человек. Надеюсь, мне еще доведется встретиться с ним», — подумал я.

Питерсон отвез меня в международный аэропорт, находившийся чуть южнее Миннеаполиса, дал мне письмо к капитану полиции Буэнос-Айреса, с которым был в контакте. До самого моего отъезда не поступило никаких дополнительных сведений: нападавших и след простыл; убитого мною так никто и не опознал; о его винтовке не было ни малейшей информации. Дом Куперов еще раз тщательно осмотрели снизу доверху — тоже не нашли ничего нового, что проливало бы свет на то, как погиб мой брат.

Когда мы преодолевали высокий холм, выезжая из Куперс-Фолса, позади нас открылся печальный вид тлеющих руин библиотеки и бывшего здания суда, черневших на снежной поверхности.

Мы ехали молча. Да и о чем говорить? Все уже было переговорено.

В аэропорту мы зашли в буфет и выпили по чашке кофе, сидя за стойкой и из широких окон наблюдая, как вырывают к взлетным полосам самолеты. Значительно потеплело. Взлетные полосы скрывались в густом сыром тумане, поэтому создавалось впечатление, будто громадные машины материализовались из ничего, неожиданно возникали перед нами, можно сказать, ниоткуда.

— Вы не знаете, что все-таки было в том металлическом ящике? — поинтересовался я.

— Нет.

— Значит, мы так никогда и не узнаем этого.

— О, я полагаю, узнаем... со временем.

— Как это понимать?

— А вот как. В ту ночь я оставил ящик у себя в конторе, Купер. Но он уже был пуст, потому что я раньше достал оттуда бумаги и сунул их в карман пальто. Хочу сам отвезти их шифровальщикам в Вашингтон. Люди из ФБР очень заинтересовались этим делом. Поводом к этому послужило одно лишь упоминание об Остине Купере. В ФБР не забыли о нем.

— Итак, ящик был пуст, — повторил я.

— Да, пуст, — усмехнулся Питерсон.

— Значит, наши «друзья» не получили эти бумаги. Значит, им известно, что бумаги не сгорели...

— Боюсь, что так, Купер. После пожара мы отыскиали в пепле и развалинах мой сейф. Дверца была сорвана. Ящик исчез.

— Выходит, они знают...

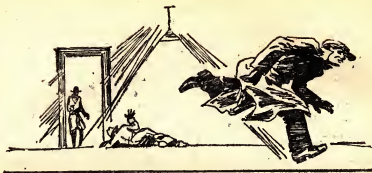
— Знают.

Питерсон проводил меня до выхода на поле. Пожимая мне руку, он улыбнулся.

Самолет поднялся и вошел в полосу тумана, скрывающую от глаз аэровокзал. И только капли влаги оседали на стекла иллюминатора и стекали ручейками, оставляя мокрые полосы.

Стюардессы засуетились, принялись разносить обед.

«До скорой встречи» — это были последние слова Питерсона, когда мы прощались. Но одна мысль не покидала меня: они знают,

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БУЭНОС-АЙРЕС

Гостиница «Плаза», в которой я поселился, располагалась на авениде Флорида. Я сидел, устремив взгляд вдаль поверх изумрудного парка с яркими красочными цветниками, поверх верхушек джакаранды, ощущая легкое дыхание ласкового летнего ветерка. Внизу подо мной зеленым ковром расстился Буэнос-Айрес.

Дожидаясь, пока коллега Питерсона вернется к себе в контору, я подвел итог событиям минувших дней: итак, им известно, что железный ящик в конторе Питерсона был пуст. Несмотря на свои жестокие действия, они остались с носом.

«Не исключено, что эти люди продолжают следить за тобой», — вспомнил я слова Артура.

Кто бы ни были те типы, они стремились к коробкам Остина Купера не ради того, чтобы выяснить, что в них находится. Об их содержимом они великолепно знали, в этом я не сомневался. Они хотели, чтобы мы не узнали об этом.

Сейчас мною руководили не эмоции, а тот импульс, который зародился и рос у меня в душе с того дня, когда я убил верзилу около своего дома. Все последующее произошло так стремительно и было таким жестоким, что я потерял ощущение реальности. Мое решение ехать в Буэнос-Айрес и заняться расследованием, вместо того чтобы вернуться в Кембридж и продолжать работать над романом, окончательно подтвердило это.

Раздался телефонный звонок.

Рамон Рока своей манерой держаться с невозмутимым достоинством напоминал дежурного администратора какого-нибудь крупного магазина из фильмов тридцатых годов, и тем не менее он был капитаном полиции в Буэнос-Айресе и работал в уголовном розыске. Его контора помещалась на улице Морено, но мы договорились с ним встретиться в девять часов вечера в ресторане отеля «Кларидж» на Тукумане, где, как он заверил меня по телефону, можно отлично поужинать и спокойно побеседовать. Там никто не помешает нам.

Выходя из «Плазы», я увидел на табло, показывавшем температуру и влажность воздуха, две одинаковые цифры — 94. Полное затишье, ни малейшего ветерка. Я буквально истек потом, пока наконец поймал такси. Жизнь в Буэнос-Айресе кипела: двигались нарядные красивые люди, пестрели всеми цветами радуги цветочные киоски. Ну прямо рай. Деревья джакаранды, пурпурные и желтые, обрамляли улицы. Я специально вышел пораньше, чтобы не спеша проехать по авениде Девятого июля, самой широкой, в десять полос, магистрали в мире.

Рока уже ожидал за столиком в укромном углу и поднялся, когда официант подвел меня к нему. На Рамоне был темный костюм и очки в золотой оправе. Он протянул мне маленькую тонкую руку, которую я пожал осторожно, опасаясь, как бы не сломать. На вид ему было около шестидесяти. Шелковистые седые волосы, довольно длинные, были гладко зачесаны назад. Он пил виски и говорил тихо, но отчетливо, как человек, привыкший, чтобы его слушали.

— Мистер Купер, рад с вами познакомиться. Ваш друг мистер Питерсон поставил перед нами весьма интересную задачу, и мне особенно приятно встретиться с человеком, имеющим к этому делу непосредственное отношение. — Под его изящными седыми усиками промелькнула слабая официальная улыбка. Он осторожно выпустил струйку дыма, словно опасаясь, как бы она не обеспокоила собеседника.

Я попросил принести виски. Он заказал на ужин бифштекс а-ля Эдуард VII. Этот бифштекс оказался смесью паштета из гусиной печенки, ветчины и вырезки. Пока мы ели и пили, он рассказывал:

— Ваш брат пробыл в Буэнос-Айресе целую неделю, до семнадцатого января, а затем вылетел в Лос-Анджелес рейсом «Пан Америкен». По просьбе мистера Питерсона мы попытались выяснить как можно точнее, чем он здесь занимался. — Рока вытер салфеткой тонкие губы и добавил: — Кстати, позвольте мне выразить вам свое соболезнование.

Он вынул из черного портфеля желтую папку и, не открывая, положил ее на стол.

— Все, о чем я могу сообщить вам, описано здесь в досье, мистер Купер. Но, если вы не возражаете, я попробую сделать резюме. — Он открыл папку, как дирижер открывает партитуру. — Нам известно, когда и откуда прибыл сюда ваш брат. Он прилетел из Каира, из Египта, где пробыл какое-то время. Из Буэнос-Айреса он вылетел в Лос-Анджелес. Здесь — это точно установлено — он встречался с неким Мартином Сент-Джоном. Их видели вместе, когда они ужинали в Жокей-клубе — самом шикарном нашем заведении подобного рода, членом которого мистер Сент-Джон состоит, что само по себе довольно странно. — Он помолчал немного и продолжал: — Мистер Сент-Джон — личность крайне удивительная. Это своего рода чудо, если речь касается какой-либо информации. Он знает всех политиков и тех, кто стоит у власти. Власть и политика, — Рока пожал плечами, вскинул брови, — можно сказать, его страсть. По происхождению он англичанин, но живет здесь, в Буэнос-Айресе, с незапамятных времен, пожалуй, лет тридцать, с начала диктатуры Перона. Мы не совсем точно знаем, чем он занимался до того, как начал служить Перону. Говорят, он учился в Кембридже. Есть сведения, что до войны и во время войны его встречали в Индии, Гонконге и Египте. Прошное мистера Сент-Джона весьма таинственно. Когда он поселился в Буэнос-Айресе, ему было лет двадцать семь, не больше. Кто и почему рекомендовал его Перону, для меня загадка. Я довольно хорошо осведомлен о его карьере. После свержения Перона он, лишившись, можно сказать, надежного покровительства, в какой-то степени стал более уязвимым, чем раньше. — Рока допил вино и, сцепив тонкие пальцы, сложил руки на узкой, обтянутой жилетом груди.

— Почему у вас к нему такой интерес? — спросил я. — Разве он был преступником или вызывал подозрения? И чего добивался от него Сирил?

— Сент-Джон наблюдал режим Перона изнутри, мистер Купер. Нет, преступником он не был. Насколько мы можем судить, он был специалистом по вопросам безопасности — своего рода неофициальный, но незаменимый контрразведчик. К тому же хамелеон — вышел сухим из воды после свержения Перона. Вероятно, он оказывал услуги еще кому-то, и, полагаю, немаловажные, был слишком полезен, а посему избежал позорной смерти и безымянной могилы, что нередко случалось в те дни. — На секунду на лице Роки по-

явилась грустная улыбка и тут же исчезла. Он опустил глаза, глянул на бумаги.

— Единственное, о чем всем абсолютно точно известно, так это о его активном участии в переправке в Аргентину в конце второй мировой войны и вскоре после ее окончания большого числа немцев — в основном нацистов, конечно. Сент-Джон, однако, всегда казался мне человеком исключительно аполитичным, но вот его шеф Перон восхищался Муссолини и другими господами такого же толка. — Рока еще раз пробежал взглядом досье, взял пижнюю стравицу и положил ее сверху. — Сент-Джон рассматривал бежавших немцев как существенный источник дохода... но для кого? — Он развел руками, держа ладони вверх. — Прежде всего для себя лично, затем для самого Перона и, я твердо убежден, для государственной казны. Что ни говори, речь шла об огромных суммах, а режим Перона не добился успехов в экономике. Он нуждался в деньгах и не гнушался никакими средствами для их добывания.

С едой было покончено. Официант убрал со стола и подал кофе с коньяком. Рока попросил принести сигары, и мы молча закурили в уютной тишине. Было начало двенадцатого вечера.

— Как мы можем узнать, — спросил я наконец, — что нужно было моему брату от Сент-Джона? Ведь все, о чем вы сейчас рассказали, — далекое прошлое.

— Я думаю, вы можете узнать об этом, спросив самого Сент-Джона. Пока же нам надо обсудить еще ряд вопросов, которые касаются пребывания вашего брата в Буэнос-Айресе и довольно прочно связывают его с прошлым Сент-Джона. — Он полистал бумаги, сделал какую-то пометку на полях шариковой ручкой. — Ваш брат вылетел из Буэнос-Айреса, пробыв здесь всего неделю. Установить его перемещения оказалось задачей далеко не простой, но нам неожиданно повезло — отыскался водитель такси, который в основном обслуживает тех, кто останавливается в гостинице «Клэридж». Дважды он возил вашего брата в длительные поездки. — Рока внимательно глянул на бумаги поверх очков. — Один раз в парк Палермо, где проходил матч игры в поло, и другой — в поместье Альфреда Котмана.

— Котман — немец?

— Не просто немец, а один из ведущих деятелей нашей немецкой общины, к тому же классный игрок в поло, несмотря на преклонный возраст. Котман приехал сюда в 1948 году, а точнее — двадцать пятого декабря, в первый день рождества, и с тех пор так и живет здесь. Он сказочно

богат. Пожалуй, это самая крупная добыча Сент-Джона. Перон тогда еще не пришел к власти, но представлял собой весьма влиятельную фигуру в закулисной борьбе, и Сент-Джон был его ближайшим соратником.

В июне 1943 года Рамон Кастильо был свергнут военной хунтой. Армия уже в тридцатые годы находилась под сильным влиянием нацистов, понимаете, и прилагала все усилия — решительно все, мистер Купер, стремясь вовлечь Аргентину в орбиту стран «оси», как их стали называть впоследствии. Ей отводилась роль плацдарма. Она должна была стать своего рода «Германией» Южной и Северной Америки, провозвестницей «нового порядка» в Новом свете. Эта попытка в конечном счете так никогда и не увенчалась успехом, но что касается армии, тут фашисты значительно преуспели. Армия представляла собой сугубо пронемецкую, чисто тевтонскую организацию, вплоть до обмундирования, знаков различия, не говоря уж о ее организационной структуре и мировоззрении военнослужащих.

Однако, устранив Кастильо, армейские генералы не поделили власть. Раусон — первый президент из военных — пробыл на своем посту всего один день. Генерал Рамирес, сменивший его, продержался девять месяцев. Именно в этот период Сент-Джон организовал приезд сюда Котмана. Место Рамиреса занял Фаррель и правил до 1946 года. После него на арену вышли полковник Хуан Доминго Перон и его жена — актриса Ева. Они вместе властвовали девять лет. За эти девять лет, мистер Купер, Хуан и Ева Перон перекраивали страну на свой лад, как во благо ей, так и во зло, и лишь теперь мы с грехом пополам выползаем на свет из-под мрачной сени перонизма. — Некоторое время он задумчиво смаковал коньяк, потом продолжал: — Перон сейчас сбегал в Испанию, но кое-кто не прочь был бы его вернуть. В годы господства Перона Мартин Сент-Джон неизменно вертелся около него. А поскольку Перон преклонялся перед фашизмом, то принимал немецких эмигрантов, многие из которых обладали несметным богатством, с распростертыми объятиями. Перон разбогател на этом деле, Сент-Джон получил свою долю, а немцы обрели тихую обитель в раздираемом войной мире, в котором многие относились к ним далеко не доброжелательно. — Он стряхнул пепел с сигары в пустой бокал. — Что касается Котмана, он был крупным промышленником в Германии. Когда пришло время, он эмигрировал и живет здесь вот уже четверть века, тихо, ни во что не вмешиваясь. Как говорится, абсолютно безупречен, мистер Купер, никаких компрометирующих свя-

зей с нацистами... во всяком случае, ничего подобного не было замечено.

Ужин закончился, коньяк был допит, сигары догорали. Рока захлопнул папку, снял очки в золотой оправе, аккуратно сложил их и сунул в черный кожаный футляр.

— Все, о чем я вам только что рассказал, вы найдете в этом досье. — Он улыбнулся, подписал счет, и мы вышли из ресторана. После помещения с кондиционером душный влажный воздух на улице, будто кулаком, ударил нам в лицо.

Из темноты вынырнул низкорослый бледнолицый человек и распахнул перед нами дверцу черного четырехместного «шевроле». Мы забрались на заднее сиденье, а маленький человечек уселся за руль.

— Мне кажется, — сказал Рока, когда машина скользила по ночным улицам города, — у вас нет особой необходимости впутываться во все сложности и хитросплетения жизни Буэнос-Айреса. Ведите себя осторожно и осмотрительно, и все будет хорошо. Аргентина — это загадка, мистер Купер. Не судите нас слишком строго. Вы сойдете с ума, пытаясь во всем разобраться. Просто занимайтесь своими делами, удовлетворяйте свою любознательность и наслаждайтесь нашим чудесным летом. И все будет прекрасно.

Рока мне нравился: невозмутимый, умудренный опытом, гостеприимный, щедрый на добрые советы. Но он явно меня запугивал.

— Я уже договорился с мистером Сент-Джоном. Завтра утром вы встретитесь с ним. В досье все указано. И пожалуйста, давайте увидимся еще раз до вашего отъезда из Буэнос-Айреса.

— Обязательно, — ответил я. — Буду искренне рад. — Это было правдой. Я долго смотрел ему вслед, пока черный «шевроле» не растворился в потоке машин.

Духота стояла невероятная. Я весь взмок.

— Мое имя Sinjin, мистер Купер. — Он засмеялся, в груди его забулькало, заклокотало — результат неумеренного курения и употребления крепких напитков. — Произносится Син-Джин. Американцы зовут меня Сент-Джон¹. Ну прямо тебе библейский святой, не так ли? А это ко мне никак не подходит, вы не находите?

¹ Saint John — Иоанн креститель (биб.).

Передо мной сидел широкоплечий человек в мятом засаленном белом костюме с цветком в петлице. На колене он держал широкополую соломенную шляпу с яркой лентой и плоским верхом. Морщинки густой сеточкой собирались в уголках приветливых карих глаз. Из-за неряшливости он казался старше своих лет, хотя, по словам Роки, ему еще не было и шестидесяти.

— Надеюсь, это вполне подходящее место для встречи, дружище. Когда Рока позвонил, я уже назначил заседание попечительского совета здесь, в опере, рано утром, а идти на попятный было уже неудобно, правда ведь? Во всяком случае, вы хоть побываете в оперном театре. — Он с гордостью обвел глазами пустой зал: — Красиво, правда?

Я в свою очередь оглядел зал:

— Да, великолепно. Грандиозно.

Улыбка на его лице сменилась горестной миной.

— Рока сообщил мне о вашей семейной трагедии, мистер Купер. Единственное, как я мог проявить свое сочувствие, это уделить вам какое-то время.

Здание оперного театра «Колон» было построено в греческом стиле — эlegantное, изысканное. Внутри все обито красным бархатом. Мы устроились посреди зала, куда Сент-Джон провел меня из фойе. Очевидно, он либо входил в совет управляющих, либо был одним из попечителей театра, то есть лицом важным.

— Меня чертовски огорчило известие о несчастье с вашим братом. Правда, когда мы с ним виделись, у него был такой вид, будто он чем-то очень обеспокоен. Остерегался, сильно остерегался... меня, возможно. Он рассказал мне весьма странную, я бы даже сказал, интригующую историю. Показал мне вырезку из газеты с фотографией поразительно красивой молодой дамы и мужчины гораздо старше нее. — Глаза Сент-Джона бегали на широком добродушном лице, точно две мышки на большом куске сыра. — Он спросил, знаю ли я, кто они, но я никогда ни того, ни другого и в глаза не видел. Потом ваш брат выразил желание встретиться с Альфредом Котманом. Я, естественно, заинтересовался, с какой целью он хочет его видеть и почему обратился именно ко мне. Он уклонился от ответа, заметив только, что мне и без того прекрасно известно, почему он обратился именно ко мне.

Тогда я начал размышлять над его словами. Кто он такой? Откуда ему известно обо мне и Котмане? Разумеется, особой тайны в этом нет, но мне вдруг пришла в голову мысль, а не один ли он из тех молодчиков, приверженцев

Симона Визентая, одержимых жаждой мести, которые идут по горячему следу Мартина Бормана или какого-нибудь Эйхмана? Вы даже не представляете, сколько таких парней я угощал обедом, за которым они допрашивали меня так, словно я был своего рода нацистским прихлебателем. — Он нахмурился. — В подобных случаях я стараюсь вести себя спокойно, не раздражаться. В конце концов они просто выполняют свое задание, но почему крохи информации, полученные там и сям, зачастую приводят их к старому Мартину Сент-Джону в Буэнос-Айресе? Обычно я пробую убедить их, что далеко не все немцы обязательно военные преступники, после чего мы немного гуляем по городу, а потом они отправляются восвояси. — Он поудобней развалился в красном бархатном кресле и скрестил короткие толстые ноги перед объемистым чревом, отчего костюм его смялся еще больше.

— И тут ваш брат назвал имя вашего деда, о котором, естественно, я слышал немало, как любой человек моего возраста, и тогда я понял, что ваш брат вовсе не из израильтян, горящих местью. — Сент-Джон сдвинул кустистые брови. — Он так и не объяснил мне прямо, зачем ему понадобилось видеть Котмана, но, похоже, удивился, когда я ответил ему, что это не представляет никакой проблемы, что я позвоню Альфреду и договорюсь об их встрече.

Сент-Джон держался очень свободно, как актер, хорошо знающий свою роль. Он чувствовал себя как дома в этом богато декорированном театральном зале.

— Мы встречались с ним несколько раз. Настойчивый был, дьявол, ваш брат, — сказал он и расплылся в улыбке. — Задавал массу вопросов о старых временах, о Пероне, о Еве, и у меня даже возникла мысль, не пишет ли он книгу. О своем деде, может быть, или о фашистском движении в нашем полушарии. Ему хотелось знать о нацистах буквально все. Однако боюсь, я его несколько разочаровал. В конечном счете ему пришлось удовлетвориться тем, что я устроил ему свидание с Альфредом Котманом.

Мы направились к двери по проходу между рядами красных бархатных кресел и вышли на солнечный свет и во влажную духоту. Сент-Джон предложил пообедать вместе, и я охотно согласился. Шагая по многолюдному проспекту, мы вскоре набрели на небольшой ресторанчик на открытом воздухе. Сели, заказали джин с холодным лимонным соком. Я очень устал. Надо полагать, от жары. Меня обуревало желание услышать продолжение его рассказа.

— Так вот, — начал он, сняв свою живописную шляпу

и подставив ветерку седины, — я действительно принимал участие в переправке некоторых немцев в Аргентину — факт небезызвестный всем, кого это интересует. В свое время я довольно тесно был связан с полковником Пероном, а он всегда восхищался немецким образом жизни и самой нацистской доктриной. Нет смысла скрывать это. Однако с тех пор нацизм стал олицетворять собой многое другое: истребление евреев, например, рабский труд, концлагеря и прочее. Перону же нацизм тем не менее представлялся в несколько ином свете. Для Перона он означал действенность, эффективное руководство, дисциплину, а самое главное — национализм. Нацизм, фашизм — как ни называй — проповедовал гордость за свой народ, все подчинялось единой цели — процветанию нации. Вот что прежде всего поражало Перона в нацистах. Он даже изобрел свой собственный термин для этой доктрины — *справедлизм*.

Сент-Джон жестом попросил официанта принести еще джина, а я вспомнил Бреннера, который при нашей последней встрече говорил приблизительно то же самое.

— Перон считал, что было бы чертовски здорово переселить дюжину-другую немцев в Аргентину, а мне он отводил при этом роль проводника. Я был тогда молод, энергичен, стремился к наживе. — На губах у него появилась лукавая и вместе с тем чистосердечная улыбка.

— Ну а Котман? — спросил я. — Какова роль Альфреда Котмана во всем этом?

— Альфред Котман был одним из первых и самых богатых. В 1943 году он распустил слух в определенных кругах о своем намерении выехать из Германии. В общем-то я не удивлюсь, если окажется, что он был «разведчиком», получившим задание выяснить, хорошо ли и четко ли работает механизм переброски и где всего радушней примут таких, как он. — Снова мелькнула короткая улыбка, опять в уголках глаз собралась сеточка морщин. Он как бы говорил: мы с вами, мол, люди светские, искушенные, понимаем, что к чему. — И естественно, во что им это обойдется. С самого начала Аргентина представлялась наиболее подходящей страной из-за популярности нацистов среди широких масс населения в тридцатые годы и потому, что армия сохраняла свою приверженность фашизму вплоть до пятидесятых. Перон согласился пойти на сделку, и я начал вести переговоры, поскольку, надо заметить, пользовался его доверием. В итоге Котман был доставлен в Буэнос-Айрес. Дело сочли стоящим, и это положило начало успешному развитию маленького предприятия по переселению немцев. Впро-

чем, — он неодобрительно усмехнулся, — как я говорил вашему брату, мистер Купер, все это — древняя история. Забава молодых людей в далеком прошлом. — Он смочил губы лимонным соком.

— Выходит, Котман не увлекался политикой? — спросил я.

— Такие люди, как правило, всегда стоят вне политики. Скорее, они нужны политикам, а не наоборот, поэтому им нет необходимости заниматься ею. Гитлеры приходят и уходят, а котманы остаются. Таков закон истории. Котманы используют гитлеров.

Шум машин, движущихся по авениде, казалось, доносился до нас откуда-то издалека. На небо набежали облака, и солнце поблекло. Стало значительно прохладней, хотя влажность оставалась почти прежней. Официант принес бутерброды. Ветерок перебирал лепестки желтого цветка в петлице Сент-Джона.

— Мы никогда не говорили с Котманом о политике. Политика! — Он выпалил это слово с презрением. — Истеричная, пасквильная фальшивая балада. Бог и справедливость, не говоря уже о силе, всегда на стороне победителей, которые, как только кончается война, с места в карьер спешат вешать побежденных на каждом фонаре. Политика — мразь, пошлость, словоблудие, когда дело касается власти, мистер Купер. Сухая ерундистика. — Он изобразил на лице улыбку, но на этот раз она получилась холодной. — Перон пал жертвой подобных суждений еще до его изгнания, однако это было глупостью. Что-то он делал правильно, что-то неправильно, он был далеко не безгрешен, но вся эта мораль, по которой судили о нем, пустая и лживая. — Сент-Джон выпятил нижнюю губу и глубокомысленно посмотрел на меня.

— Конечно, я согласен, — заметил я. — Такое случается. Однако нормы морали определяют поведение людей...

Он нетерпеливо прервал меня жестом мясистой ладони, покачал головой и коротко подытожил:

— Победители и побежденные, мистер Купер, и только. Ни во что другое я не верю. — Пальцы его сжались в кулак. — В конечном счете Перон, этот великий деятель, пострадал в результате, можно так сказать, народной революции. Страна раскололась почти пополам, но большинство пошло против него. Перевес был незначительным... однако этого оказалось достаточно. — Он возвел глаза к небу, и на этом наш обед закончился.

Мы стояли у бровки тротуара. Мартин Сент-Джон заключил мою руку в свою. На его белом костюме проступала россыпь прелестных свежих пятнышек от лимонного сока. Он ловко вздел соломенную шляпу на свою массивную голову.

— До свидания, мистер Купер. Надеюсь, мне хоть чем-то удалось вам помочь. Ваш брат, надо заметить, не пришел на последнюю нашу встречу. С Котманом он повидался, но проститься со стариком Сент-Джоном так и не зашел. Между прочим, та газетная вырезка все еще у меня. Я договорюсь с Котманом о свидании и позвоню вам в отель «Плаза», так ведь, если не ошибаюсь?

— Да, «Плаза», — ответил я. — Кстати, об этой вырезке... Мне хотелось бы взглянуть на нее.

— Конечно, что за вопрос... Мы ведь еще встретимся с вами, не так ли?

Я кивнул. Он сел в такси и уехал.

Надвигалась гроза. Загромыhalo. Облака подернулись багрянцем. Чувствуя себя совсем утомленным, я решил поймать такси...

Проходя через вестибюль «Плазы», я купил местный «Геральд» и доставленную авиапочтой «Нью-Йорк таймс», а затем нырнул в ультрасовременный шикарный бар в американском стиле выпить чего-нибудь холодного.

На одной из внутренних полос «Геральда» я с некоторым удивлением обнаружил короткую заметку об осаде маленького городка в Миннесоте, переданную в газету по телеграфу. Заметка была небольшой, но основные факты приводились: совершены два убийства, взорваны здания суда и библиотеки, один из нападавших уничтожен. Ни моего имени, ни чьего-либо другого, за исключением Рихарда Ахо, который, вероятно, и сообщил обо всем газетчикам, не было. Надо полагать, сам факт осады явился сенсацией для всех и всюду.

Я с любопытством внимательно просмотрел «Нью-Йорк таймс». Просто непостижимо, невероятно: непосредственно перед рубрикой культурной хроники я нашел статью под заголовком: «Смерть и разрушение в маленьком городке в Миннесоте». В ней сообщалось, что нападение ничем не мотивировано, произошло оно во время сильнейшего бурана, из-за которого городок оказался полностью изолированным от мира. Имя Сирида упоминалось, а также должным образом говорилось о связях нашего деда, впрочем, надо признаться, довольно объективно. Были названы Ахо и Питерсон. Последний находится сейчас в Вашингтоне, и взять у него интервью пока нет возможности. Ахо же, судя по все-

му, получил твердые указания Питерсона держать язык за зубами, и я представил себе, как разочарованные и злые репортеры толпами рыскают по городу.

Донив бокал, я поднялся к себе в номер, распахнул окна, разделся, погрузился в ванной в чуть теплую воду и попытался свести воедино все услышанное от Роки и Сент-Джона с тем, что мне было известно о Сириле и происшествиях в Куперс-Фолсе. Рока просто-напросто умело разыгрывал свои козыри, поэтому пережил несколько режимов и теперь мог спокойно проповедовать благоразумие любознательным молодым американцам. И тем не менее, он вывел меня на Сент-Джона...

Сент-Джон, в свою очередь, с большой готовностью рассказал свою историю. А почему бы не рассказать? Ведь все это происходило давным-давно. Он говорил о нацизме так, словно его уже облекли в бронзу. И все же, как я ни крутил, это было единственным, что связывало воедино Сирила, его пребывание в Буэнос-Айресе и события, происшедшие в Куперс-Фолсе.

К реальности меня вернул телефонный звонок. Я выбрался из ванны и, шлепая мокрыми ногами, подошел к телефону. Мельком взглянул на часы: половина девятого. Звонил Сент-Джон. Откуда-то издали доносились звуки квартета Бетховена.

— Котман готов встретиться с вами за завтраком, — сообщил Сент-Джон. — Машина будет ждать у подъезда «Плазы», если для вас приемлемо шесть часов утра.

— Вполне, — ответил я, глядя вниз, на Буэнос-Айрес, освещенный косыми лучами заходящего солнца, пробивавшимися сквозь тучи на горизонте. — Вполне приемлемо.

Едва он повесил трубку, как тут же раздался щелчок, похожий на электронное эхо, потом все стихло.

Прибывший за мной «мерседес» оливкового цвета, покрытый дождевыми каплями, был длиннее обычных моделей этой машины. Выйдя на улицу, я почувствовал на своем лице прохладное прикосновение омытого дождем утреннего воздуха. Джакаранды и весь сад казались выписанными кистью талантливого художника.

Проезжая по мокрым, еще свежим в такой ранний час улицам Буэнос-Айреса, я гадал, вернулся ли Питерсон из Вашингтона в Куперс-Фолс. Интересно, каковы результаты дешифровки документов, находившихся в железном ящике. Все это казалось мне сейчас непостижимо далеким: жизнь

моя явно разделилась на две части — то, что было до моего полета в Буэнос-Айрес, и то, что происходило со мной сейчас в этом городе.

Мы свернули на север в сторону Эль-Тигре. Первые солнечные лучи начинали робко пробиваться сквозь просветы в дождевых тучах, наплывавших с Южной Атлантики. С другой стороны поднималась зеленая завеса, плотная и густая. Где-то вдалеке, за рекой Ла-Платой, лежал Монтевидео. Солнце то появлялось, то исчезало. Капли дождя разбивались о ветровое стекло.

К поместью Котмана мы подъехали в семь тридцать. Свернув с основной дороги, преодолели крутой подъем, въехали в зеленый тоннель и внезапно очутились перед огромными, уходящими ввысь железными воротами со сторожевыми будками по обеим сторонам. Как только «мерседес» приблизился, створки ворот стали медленно раздвигаться. Когда мы въезжали, один из охранников кивнул моему водителю.

По обе стороны узкого проезда, посыпанного мелким серым гравием, яркими красками переливались необыкновенной красоты цветники. Я вышел из машины. «Мерседес» бесшумно отъехал, а я пошел следом за провожатым по дорожке между клумбами, через крытую галерею и оказался в гулком вестибюле. На стенах в роскошных темных рамах висели гигантских размеров картины с изображением лошадей и средневековых замков на Рейне. Пол был выложен мрамором. Мебель — европейская, старинная, обтянутая шелком.

— Прошу следовать за мной. — Сопровождавший меня дворецкий был гораздо старше, чем мне показалось на первый взгляд. Он шел подчеркнуто прямо. — Герр Котман примет вас на заднем дворе, если вы не возражаете. — Голос у него был сухим и надтреснутым.

Я прошел за ним через французские двери, потом через веранду, по другой серой дорожке между цветниками.

Рядом с бассейном за большим белым столом из кованого железа сидели человек пять-шесть в пляжных халатах. Горничная в черном платье, вышедшем из моды лет двадцать назад, подавала им завтрак. Никто из сидевших даже не взглянул на меня, когда я проходил мимо: ни пожилая женщина, ни мужчина и женщина помоложе — обоим, пожалуй, было около тридцати, — ни дети. Все они негромко разговаривали. Ложки мелодично постукивали по фарфору.

Дворецкий привел меня на площадку в тени большого дерева. Вытащил из кармана полотенце, стер дождевые капли с другого кованого стола и таких же стульев.

— Герр Котман подойдет к вам сюда, если вы будете так любезны подождать. — Он подержал стул для меня, и, когда я уселся, мне почудилось, будто он слегка щелкнул каблуками. — Кофе сейчас принесут. — Он удалился, чуть припадая на правую ногу, однако держась прямо, словно теша себя иллюзией, что все еще молод. Интересно, как давно он служит у Котмана?

Через непомерно огромное поле, поросшее изумрудной травой, густой и влажной, в переменчивом солнечном свете скакал какой-то человек на палевой лошади. На голове у него был шлем. Человек находился далеко, на другом конце поля, но даже отсюда видно было — держится он отлично. Вот он пригнулся, чтобы ударить по шару, единым плавным движением оторвался от седла и описал молотком изящную дугу во влажном утреннем мареве. Чуть позже донесся звук удара, но человек уже пустил лошадь за шаром, догоняя его, по лужайке. Когда он подскочил ближе, стало заметно, как летят из-под копыт клочья дерна, послышался храп лошади, в то время как она резко развернулась и перешла в галоп. Наконец всадник, приблизившись ко мне ярдов на двадцать, натянул поводья и, все еще сидя верхом, любовно похлопал лошадь по холке, что-то нашептывая ей. Потом слез, стянул шлем, сунул его под мышку, и в ту же минуту появился грум, чтобы увести лошадь. Мужчина решительным шагом направился прямо ко мне.

— Мистер Купер, — сказал он, протягивая руку, — будем знакомы. Альфред Котман. — Он улыбнулся тонкими губами, сверкнув белыми зубами. Пригладил прямые черные волосы. Кожа на его лице была натянутой, загорелой, чистой. Он повернулся ко мне своим орлиным профилем. — А вот и кофе, — заметил он.

Служанка в старомодном черном платье, с волосами, собранными на затылке в характерный тевтонский пучок, несла поднос с серебряным кофейным сервизом.

— Я налью сам, Хильда, — сказал Котман. — Благодарю вас.

Он аккуратно добавил мне в чашку сливки и положил чайную ложечку сахара. Кофе оказался густым и горьким, бодрящим.

— Вы хорошо доехали?

— Да, просто прекрасно.

— Я склонен назначать встречи на такой ранний час,

поскольку привык подниматься ни свет ни заря. Как правило, по утрам я прогуливаю лошадь, наслаждаюсь чудной природой у себя в поместье, люблюсь моими цветами, пью кофе, принимаю душ и чувствую, что получил заряд бодрости на весь день. — Он откинулся на спинку стула, скрестил ноги, придерживая чашечку с блюдцем на колене. На нем были бриджи и высокие коричневые сапоги для верховой езды, красная рубашка для игры в поло. Сапоги были сморщенные и потемневшие от чистки, а сейчас на них еще налипли комья земли и мокрой травы.

— Меня крайне огорчило известие о безвременной кончине вашего брата, мистер Купер. Казалось бы, мы виделись с ним совсем недавно, и вот теперь, так неожиданно, я узнаю, что он умер.

— Он не умер. Его убили.

Ветер шевелит листву деревьев и доносит голоса людей, окруживших бассейн. Ребенок прыгнул в воду с громким всплеском, послышались дикующие возгласы детей. Последние дни я не думал о смерти Сирила, и сейчас, не знаю почему, до меня как будто только что дошло, словно удар: ведь его больше нет в живых!

— Ваш брат заезжал ко мне сюда, мистер Купер, в это же самое время, мы сидели с ним на этих же самых стульях... Моя жизнь мало чем изменилась, я по-прежнему каждое утро езжу на лошади и пью кофе... а ваш брат мертв. — Он сокрушенно покачал головой. — В самом расцвете лет, да, мистер Купер? Никогда не знаешь, что тебя ждет. — Он уставился на тыльную сторону кисти. — Я стараюсь держаться в форме, стараюсь как можно больше бывать на свежем воздухе. И все равно на руках появились эти желтые пятна. Мне уже шестьдесят восемь, и время не обманешь, не так ли?

— Вы выглядите моложе, — возразил я.

— Это благодаря моей молодой жене. — Он коротко усмехнулся, жестом указав через плечо на группу людей у бассейна.

Мне казалось, что там его жена, его дети и внуки, но, стало быть, я ошибся.

— Ладно, как бы там ни было, мистер Купер, насколько я понимаю, вас интересует, чем занимался ваш брат в Буэнос-Айресе. Мистер Сент-Джон устроил ему свидание со мной. Поначалу я не видел оснований для встречи с ним, но любопытство взяло верх. Я человек довольно необщительный. Живу тихо, замкнуто, вижу только со старыми друзьями. Однако я решил, что должен повидаться с вашим

братом. Возможно, причиной явилось то, что Сент-Джон сообщил мне, кто такой Сирил Купер на самом деле, то есть что он внук Остипа Купера. Естественно, мне известно о дружбе Остина Купера с Гитлером и его сподвижниками. Немцы никогда не считали вашего деда американским лазутчиком в Германии... Наоборот, по всеобщему мнению, он был другом Германии, дальновидным и проникательным, который рассматривал сильную, восстановленную Германию как символ возрождения европейского могущества. Многие прозорливые немцы считали, что ваш дед — это один из столпов, на которых зиждилась наша надежда нейтрализовать русских, вы понимаете... совершенно независимо от исхода второй мировой войны.

— Чего же хотел от вас мой брат? — спросил я.

— Вот я с ним и встретился, — невозмутимо продолжал Котман, — чтобы это выяснить. Но это оказалось не так-то просто сделать. Я пришел к выводу, что он не был со мной вполне откровенен. Ваш брат заявил, что он журналист, интересуется жизнью немецкой общины в Буэнос-Айресе и тем, как мы здесь оказались, как нам удалось смыть с себя позорное пятно нацизма... — Он отпил глоток кофе, двумя пальцами снял клочок дерна с сапога. Поймал мой взгляд, но, казалось, смотрел сквозь меня. — Я счел своим долгом сообщить ему, что, по-моему, никакого нацистского пятна на нас нет, а посему и смывать нам нечего. Что Германия и Аргентина с давних пор поддерживали близкие отношения, а если и существует какое-то позорное пятно, которое необходимо смыть, то оно лежит только на латиноамериканцах за бесчеловечное обращение и преследования, которым они подвергали здесь всех немцев без разбору в конце тридцатых и начале сороковых годов. Такова жестокая правда тех лет, мистер Купер, факт довольно неприятный, и ваша страна пытается его игнорировать. На немцев в то время смотрели как на агентов Гитлера, независимо от их личных убеждений. Достаточно было того, что ты — немец. Гитлер, видите ли, объявил, что, если в твоих жилах течет хотя бы четверть немецкой крови, ты уже истинный немец, нацист, и должен вести себя подобающим образом, то есть подняться с оружием в руках за дело фашизма, где бы ты ни жил. В 1942 году он утверждал, будто в Аргентине насчитывается триста тысяч немцев и каждый из них сочувствует национал-социализму. И самое удивительное — мир поверил ему. Он заявил, что в Южной Америке сформировалась структурная основа для создания нацистского государства в масштабе всего континента, дав повод распро-

странению слухов, которые подхватила и нередко муссировала пресса. Даже «Пренса» здесь, в Буэнос-Айресе, частично проглотила эту ложь, и тогда началось: секретные аэродромы в Андах, сверхмощные радиостанции в джунглях, нацисты на высоких постах в различных правительствах. Дошло до того, что в Монтевидео, коль скоро ты немец, считалось, что тебе крупно повезло, если тебя не упрятали в тюрьму только из принципа.

В действительности же, — он отломил кусочек слоеного рогалика и обмакнул его в кофе, — существовала всего лишь горстка спесивых болванов, так называемых эсэсовцев и гестаповцев, которые шатались по кафе и орали во всю глотку, что они — немецкие агенты, и обсуждали в общих чертах всякие нелепости вроде захвата Панамского канала с секретных баз в Колумбии и объявления войны Соединенным Штатам. — Он усмехнулся с оттенком печали и проглотил размякший кусочек рогалика. — Можете себе вообразить? И такие законченные недоумки представляли собой нацистскую угрозу в Южной Америке. — Он покачал головой.

— Зачем же тогда вы приехали сюда, если знали, что это такое неблагонадежное место? — Я почувствовал себя увереннее, понимая, что он лжет или, по крайней мере, представляет правду в выгодном для себя свете.

— О да, мистер Купер, я несколько преувеличил опасность, хотя, впрочем, к рождеству 1943 года страсти в значительной степени улеглись. Аргентина все еще оставалась нейтральной, однако спустя три недели Соединенные Штаты потребовали, чтобы она отказалась от нейтралитета и вступила в войну на стороне союзников... причем оппозиция оказалась слабой. Аргентина поступила как ей было сказано, и народ в большинстве своем осознал, что нацистская угроза, если таковая вообще существовала, миновала.

Убедившись, что война проиграна, я решил покинуть Германию. Достаточно хорошо зная историю, я понимал, что меня вполне могут счесть за военного преступника в тот необычайно неустойчивый, непредсказуемый период всеобщего озлобления, который, как правило, следует за воцарением мира. А мне вовсе не хотелось разделить участь военных преступников. Как-то раз мне довелось, правда весьма косвенно, обсуждать этот вопрос с Круппом, но Крупп отнесся к такой перспективе крайне высокомерно. «Кто бы ни выиграл войну, — сказал он, — я буду им нужен... и не за решеткой, а на свободе». И что же, история дала свой ответ Круппу.

Ветер раскачивал верхушки деревьев, солнце просвечивало сквозь листву. Котман отпил немного кофе, подержал его некоторое время во рту, смакуя, потом проглотил.

— Таким образом, я стал обдумывать, как выехать, прихватив по возможности побольше денег. Последнее оказалось самым трудным, уверяю вас. Но я кое-что наскреб и исподволь навел некоторые справки. Вскоре меня вполне серьезно заинтересовал полковник Перон, с которым я познакомился за несколько лет до этого, когда он был военным атташе в Риме. — Котман достал из кармана дымчатые авиационные очки, надел их и посмотрел в сторону бассейна. Там плакал ребенок. Женщина постарше принялась утешать его. — Мать моей жены, — заметил Котман. — Она моложе меня, и все же, как ни странно, она моя теща. Жизнь, — продолжал он, — вещь крайне любопытная. — Он с удовольствием отщипнул еще кусочек слоеного рогалика. — Перон... Да, я действительно сообщил вашему брату кое-что, на мой взгляд, представляющее для него интерес. Возможно, для вас тоже, если вам не наскучила вся эта древняя история. Однажды я имел удовольствие встретиться с вашим дедом и вашим отцом... и, что довольно интересно, Перон тоже был там. — Котман замолчал, наблюдая за моей реакцией. — Для вас это сюрприз, мистер Купер?

— Вы хотите сказать, что мой дед и мой отец знали полковника Перона и вас? — Почувствовав, что бледнею, я глотнул кофе, чтобы прийти в себя, и попробовал улыбнуться. — Мир тесен.

— Знали... нет, это слишком сильно сказано. Они могли знать Перона, тут я не ручаюсь, но меня они не знали. Мы случайно встретились на приеме, и тогда-то фрау Геринг представила меня всем трем.

— Мой отец погиб в битве за Британию, — сказал я. — Он был военным летчиком. В нашей семье не все нацисты.

Он улыбнулся, кивнул. Я видел свое отражение в его дымчатых очках — сплюснутая крошечная физиономия.

— Судьба вашего отца мне хорошо известна, мистер Купер. На редкость храбрый человек, без всякого сомнения. Тем не менее, особый интерес у меня вызывал ваш прославленный дед. Должен заметить, на вид он показался мне довольно строгим и сдержанным. Геринг то и дело хлопал его по спине и хохотал, но, судя по всему, ваш дед не разделял такую веселость и фамильярность Геринга. — Тонкие губы Котмана снова дрогнули в улыбке. — Помню, я даже подумал, что ваш дед скорее похож на прусского юнкера, чем на людей, которых обычно встречаешь на подобных

сборищах. Но вот Пероп по-настоящему заинтриговал меня. Он производил впечатление человека умного, энергичного. Ему тогда, по-видимому, было около сорока, и он казался мне, как бы это выразиться... хитрым, что ли, изворотливым. Потому-то в 1943 году, учтя именно это его качество, эту его изворотливость, я и остановил на нем свой выбор. Я чувствовал, что он благожелательно относится к немцам, сообразителен и не отказывается от ваяток. Вскоре после этого в мою жизнь вошел Мартин Септ-Джон — вот уж кто не подходит ни под одну категорию — и организовал переезд, оплату, и вот... — он вздохнул, — теперь я здесь.

— То есть вы не были нацистом, насколько я понимаю?

— О нет, боже упаси! — сказал он с легким удивлением, которое мгновенно исчезло. — Правда, я довольно сочувственно относился к их военным устремлениям и на первом этапе считал их людьми весьма компетентными. К тому же сначала все шло гладко, и я очень преуспел, а точнее говоря, значительно расширилась благодаря кое-каким преобразованиям фирма моего отца и, естественно, моя по праву наследования. Но постепенно война приобрела затяжной характер. Она начала казаться мне не таким уж хорошим делом, а наши вожди потеряли свой непререкаемый авторитет в моих глазах. — Теперь в его словах звучала ирония. — Внезапно у каждого из них оказалась довольно сомнительная репутация, и уже не оставалось сомнений, что войну они проиграют... Ну а я, знаете ли, не привык к подобным вещам. Потом мне стали доставлять вполне достоверные сведения о лагерях смерти... Такая неосмотрительность, такое нарушение всяких общечеловеческих норм, такая дикая злоба, недостойная взрослых людей... Я понял, что наступило время скрыться...

Через зеленую лужайку к нам подбежал мальчуган лет шести, мокрый, с полотенцем в руках.

— Извините, — сказал он не по годам серьезно. — Папа, когда я могу покататься на лошадке? Ты же обещал, папа. Мама велела спросить твоего разрешения.

Котман любовно похлопал сына по ручке:

— Очень скоро, Ганс, очень скоро. Еще раз быстренько искупайся, а потом... — Он поднялся, худощавый, крепкий, мускулистый. — Простите, но мое семейство требует моего внимания. — Он жестом пригласил меня идти вперед по тропинке и сам пошел следом. Гравий похрустывал у нас под ногами. — Что еще я могу вам рассказать? Дайте вспомнить... Боюсь, у вашего брата были довольно нешу-

точные представления о нацистах. Он приписывал им какие-то невероятные грандиозные замыслы, за каждым деревом Джакарнды ему мерещился фашист. Говорил он очень любезно обо всем этом, толковал о молодом Зигфриде, который пока-де спит, но ждет своего часа, чтобы восстать с карающим мечом в руке. Сказал, что, по его мнению, Аргентина станет родиной четвертого рейха. — Он широко развел руками и пожал плечами. — Я не знал, что ему ответить.

Мы пересекли веранду и вышли в вестибюль. Из скрытых динамиков лилась тихая музыка. Во второй раз за последние два дня я слышал звуки квартета Бетховена. Я узнал его. Это был тот же самый квартет.

— Есть какие-либо шансы, что Перон может вернуться? — спросил я.

Альфред Котман удивленно взглянул на меня:

— Хуану Перону сейчас семьдесят семь лет, мистер Купер. Он живет в Испании, у него молодая жена, третья по счету, и состояние в полмиллиарда долларов, неважно каким путем приобретенное. Так что, помилуйте, с какой стати ему возвращаться в Буэнос-Айрес?

Мы стояли перед фронтоном громадного особняка. Оливковый «мерседес» дожидался у входа. Небо опять затянуло тучами, явно собирался дождь.

— Простите, если ничем больше не смог помочь, — сказал Котман. — Я рассказал вам все, что касается моей встречи с вашим братом.

Дверца машины была распахнута, шофер ждал.

— Еще один, последний вопрос, — сказал я. — Брат показывал вам вырезку из газеты?

Лицо Котмана сразу изменилось, будто он скинул маску радушия.

— Да, — ответил он сухо.

— И вы узнали тех людей?

— Нет, не узнал. — Он слегка поклонился: — Теперь я должен идти. Прощайте, мистер Купер. — Он застучал подковками сапог по камням.

Я опустил на заднее сиденье. Всю дорогу до Буэнос-Айреса шел проливной дождь.

Когда я вылез из «мерседеса» у подъезда своей гостиницы, воздух был тяжелым, душным и влажным. Я прошел в бар, наскоро проглотил джинс с тоником, мысленно поздравив себя с тем, как здорово я решил проблему употребления алкоголя, и снова вышел на улицу. Висел плотный туман, однако на площади Сан-Мартин было полно народу. Люди

медленно прогуливались. Голуби па площади были потрепанными и мокрыми. Они едва бродили, спотыкаясь и покачиваясь. Я присел на скамейку, обернулся и посмотрел вдоль улицы, туда, где пачинался район магазинов. Днем движение транспорта там запрещалось, и парод заполнял всю проезжую часть.

Я попытался собраться с мыслями, ослабил галстук. Значит, Сент-Джон соврал мне относительно своей встречи с Котманом уже после разговора со мной, так как на самом деле находился у него, когда звонил мне. Я вспомнил, как в телефонной трубке раздавался какой-то щелчок после того, как он повесил трубку. Кто еще слушал? Котман? Если он, то зачем? Вообще, какой был смысл лгать? Возможно, чтобы не раскрыть свои взаимоотношения? И почему мой вопрос о газетной вырезке вызвал такую реакцию Котмана?

Я так и не понял до сих пор, что вынудило Сирила приехать в Буэнос-Айрес.

Снова прогремел гром. Какая-то девчушка задумчиво примерилась, хотела носком туфельки поддеть голубя, но промахнулась. Мостовая была сырой, моросил дождь. От нависших туч полумрак сгустился. Свет в вестибюле гостиницы показался особенно ярким после грозового сумрака улицы.

Я сидел у окна и размышлял, глядя на струи дождя, вслушиваясь в завывания нагонявшего его ветра. Сирил интересовался нацистами, немцами в Аргентине, и Котманом в частности. Что могло быть еще? Если не нацисты, то что другое привело его сюда? Рассматривая различные варианты, я заходил в тупик. Все снисходительно посмеивались, стояло только кому-нибудь упомянуть о нацизме. Сент-Джон назвал это древней историей. Бреннер тоже. Все считают, что это, мол, романтическая чепуха, плод усталой фантазии, одержимость прошлым своего деда: нацизм — это эксцентричное явление, столь же незначительное перед лицом гораздо более грозных опасностей атомно-компьютерного века, сколь любое другое в минувшем столетии, — стал уже частью истории.

Газетная вырезка Сирила не давала мне покоя. Я хотел ее видеть. Сент-Джону придется показать ее мне.

Зазвонил телефон. Это был Рамон Рока. Я поблагодарил его за то, что он устроил мне встречу с Сент-Джоном, и рассказал о своем визите к Котману.

- Значит, разговор с Котманом прошел не без пользы?
- Не знаю, — ответил я. — К сожалению, я не знаю.
- Могу вас обрадовать. Мы нащупали еще одну

нить. — Говорил он сдержанно, очень тихо, слегка пришептывая. — Ваш брат виделся еще кое с кем в Буэнос-Айресе. Это доктор Ганс Долдорф, профессор экономики в отставке, живет здесь, в городе. — Рока продиктовал мне адрес. — Возможно, вы захотите с ним связаться. — Я записал еще и телефон и поблагодарил Року.

Новый многоквартирный жилой дом оказался очень высоким, и квартиры в нем, видимо, стоили недешево. Я взглянул на список жильцов: Долдорф обитал на девятнадцатом этаже, но на мой звонок никто не ответил. Тогда я осведомился у швейцара, может, он видел, не выходил ли профессор Долдорф. Тот уставился на меня с идиотской ухмылкой и ответил, что профессор... в каком-то смысле... вроде бы выходил. Он говорил с неясным средневропейским акцентом, и в голосе его явно звучала хорошо отработанная издевка.

— В каком-то смысле, — повторил я. — Как это понимать?

— Как я сказал. — И, не обращая больше на меня внимания, он отвернулся и полез в шкаф со множеством ящичков и массой ключей.

— Слушай, ты, тупое рыло, — произнес я тихо, поскольку в вестибюле показались две пожилые дамы, — потрудись объяснить, не то я сверну тебе шею, можешь в этом не сомневаться. — Он отпрянул к выходу, но я шагнул и приблизился к нему вплотную. Дамы прошли мимо. Я затолкал его в угол: — Говори, ну!

Он воззрился на меня так, словно перед ним был сумасшедший. Я тоже в упор глядел на него.

— Он вышел ногами вперед. На носилках, под простыней.

— Когда?

— Позавчера.

— Проводи меня в его квартиру! — прошипел я.

Он поспешил выполнить мой приказ. Дверь нам открыла молодая женщина, видимо дочь профессора.

Ее глаза — огромные, темные — смотрели на меня из-под густых черных бровей. Длинные каштановые волосы спадали на плечи. Она покусывала губу. На белом зубе остался розовый след помады. На ней было черное платье без рукавов. Шторы на окнах позади нее были задернуты. Запинаясь, я промямлил что-то невразумительное по поводу своего появления. Меня волновал и смущал взгляд ее

чудесных глаз. На одной щеке у нее я заметил влажный след слезы.

— Недели две назад к вашему отцу приходил мой брат, Сирил Купер, американец, — проговорил я. — Мне хотелось бы лишь узнать, зачем он приходил, вот и все. А минуту назад мне сказали, что ваш отец скончался. Я очень вам сочувствую. Моего брата тоже больше нет...

Она повернулась и прошла в глубь комнаты. Высокая, крепкая женщина. Звали ее Мария Долдорф. Остановилась в тени у окна. Вдоль стен стояли полки с книгами, повсюду лежали бумаги и журналы.

— Я только что вернулась с похорон, — произнесла она официальным тоном. — Я не ждала посетителей.

— Простите. Я не знал об этом.

— Ничего. Я страшно впечатлительная, просто до глупости. Мы, аргентинцы, чересчур бурно переживаем собственные горести. — Она дрожала, но пыталась улыбнуться. — Вы проделали дальний путь, чтобы получить ответы на свои вопросы. Позвольте спросить, почему для вас это так важно, мистер Купер?

— Я вас почти не вижу. Здесь так темно.

— Извините, но я приняла успокоительное. От света у меня режет глаза. Присаживайтесь, пожалуйста.

Мы сели в хромированные кресла.

— Так почему же? — повторила она.

— Моего брата убили, и мне кажется, эта смерть каким-то образом связана с его пребыванием в Буэнос-Айресе. Кто убил, неизвестно. — Я почувствовал себя несколько глупо: вся эта история стала такой длинной. Мария сидела, сложив на коленях загорелые руки с ненакрашенными ногтями. — Поэтому я хочу выяснить, что он здесь делал и с кем встречался до возвращения домой, где его и убили. Вы меня понимаете?

— Да, ваш брат был у нас, разговаривал с моим отцом. Папа говорил мне о нем. Его приход сильно взволновал папу. Просто ужасно.

— Почему?

— Здоровье отца ухудшалось, развивалась слепота. Он стал нервным, всего боялся... буквально всего. Я приходила с работы, и мы вместе ужинали или ехали в парк Палермо погреться на вечернем солнышке. Болтали о том о сем, иногда я читала ему. В тот вечер, после ухода вашего брата, отец был встревожен до крайности, не мог заснуть, руки тряслись. Все пил коньяк и что-то бормотал об американце, который заходил к нему... — Она нервничала, вертела на

пальцах кольца. — Я поинтересовалась, чем он так обеспокоен, и он ответил, что этот человек задал ему множество вопросов о прошлом... о Пероне, о нацистах, об Альфреде Котмане. — Она прикрыла глаза, с трудом произнесла последние слова.

— Почему это должно было так его взволновать?

— В свое время отец был советником Перона, одним из нескольких интеллигентов, которым тот доверял. Отец — экономист, к тому же немец, и Перон прислушивался к его словам. Он развалил экономику страны, а отец, по крайней мере, мог подсказать ему, в чем его просчеты. Они с Пероном были очень близкими друзьями. Ходили слухи... — она помолчала, повернулась, внимательно поглядела мне в лицо, — ходили слухи, будто отец спал с Евой Перон, поскольку сам Перон... не мог ее удовлетворить. Не знаю, так оно или нет, это не имеет значения. Дело в том, что мой отец хорошо знал всех его сподвижников, и то, что какой-то незнакомый американец стал вдруг поднимать старое из мрака прошлого, испугало его. После падения Перона отцу было нелегко. Нашлись люди, которые хотели помешать ему по достоинству занять университетский пост. Помог Альфред Котман. Но с годами отец становился все слабее и все грустнее. Он вообще был очень печальным человеком...

По щекам ее побежали слезы. Она извинилась и вышла. Послышалось журчание воды из крана. Когда Мария вернулась, я стоял у окна, приподняв гардину. На улице вновь проглянуло солнце.

— Если хотите продолжить разговор, давайте уйдем отсюда. Все здесь напоминает о нем. Я ни о чем не могу думать, кроме него. — Она взглянула на заваленный бумагами стол. — Я не в состоянии сейчас заниматься всем этим. Лучше поедem в парк.

...Она вела свой дорогой небесно-голубого цвета «мерседес» с откидным верхом. Очевидно, какие бы невзгоды ни обрушились на голову профессора Долдорфа, бедность не была одной из них. Мария довольно лихо лавировала в плотном потоке машин в часы пик после окончания рабочего дня.

Зеленый, омытый дождем парк Палермо вплотную подступал к серым застекленным небоскреbam Буэнос-Айреса, высившимся в дымке над верхушками деревьев. Дорога была Марии хорошо знакома: именно сюда она возила своего отца. Мы сели за столик, заказали джип с тоником, стали наблюдать за игрой в гольф. Шары под ударами игроков

взлетали, описывая дугу, шлепались на зеленую площадку вокруг лунки. Парк, скорее, напоминал загородный клуб, и тем не менее мы сидели в самом центре огромного города. Здесь было уединенно и тихо. Наконец она произнесла:

— Моего отца убили.

— Простите, не понял?

— Вы сказали, что кто-то убил вашего брата, — проговорила она ровным, монотонным голосом, продолжая следить за игроками. — Моего отца тоже. Три дня назад... Кто-то пришел к нему в дом, вытащил его прямо в халате на лестничную площадку, разможил голову и сбросил его вниз в пролет на цементные ступеньки. Его обнаружил привратник. Руки отца были связаны за спиной поясом от его же халата. Он умер в больнице, не приходя в сознание. — Она закурила сигарету из черной с золотым тиснением пачки. — Кто-то разделался так со старым человеком, совсем немощным и почти слепым. И невероятно печальным.

С зеленого поля донеслись сдержанные крики восторга — кому-то удалось загнать шар в лунку с большого расстояния. Мария взяла в рот дольку лимона и начала сосать.

— Будьте любезны, инспектора Року из уголовного розыска.

Послышалось несколько щелчков, потом наступило молчание, после чего ответил вкрадчивый, слегка шепелявый голос.

— Говорит Джон Купер, — сказал я.

— А-а, мистер Купер...

— Я виделся с дочерью Ганса Долдорфа, Рока. Мне не удалось встретиться с профессором, потому что позавчера кто-то выволок его из собственной квартиры, избил до полусмерти и сбросил с лестницы. Он умер, не приходя в сознание. Сегодня состоялись похороны.

После длинной паузы Рока проговорил:

— Ясно.

— Сейчас вы начнете уверять меня, будто ничего не знали. Послали меня беседовать с трупом по чистой случайности. Не так ли? — Во мне закипало бешенство, как в ту ночь, когда я застрелил того верзилу: больше не оставалось терпения.

— Ну зачем же так, мистер Купер? Вы просто расстроенны. Уверяю вас, я действительно ничего не знал о несча-

стве с профессором Долдорфом. Я выясню это. Вы свободны сегодня вечером?

— Да, конечно, — ответил я. — Абсолютно свободен.

— На крыше «Плазы» есть сад. Встретимся там через два часа. В девять...

Солнце еще не село, но тени уже удлинились, ложась на тщательно подстриженную траву. Вдалеке, высоко на крыше, в лучах заходящего солнца ослепительно сверкала эмблема фирмы «Мерседес-Бенц», отбрасывая мерцающие золотистые отблески на окна зданий. Внизу под нами кипела ночная жизнь.

— Я разузнал все, что касается гибели профессора Долдорфа, — начал Рока. — То, что вы рассказали мне, подтвердилось, мистер Купер. Он действительно был избит до полусмерти неизвестным лицом или лицами. Похоже, не осталось никаких следов, нет никаких улик, никаких свидетелей. Кто бы ни были эти люди, они пришли, сделали свое грязное дело и исчезли. Мотив пока не установлен... то есть конкретный мотив. Враги у него были. Он был ветераном-перонистом, ключевой фигурой, представлял собой силу за тронем. Нажил в свое время приличное состояние... Об этом можно судить по тому, как он жил впоследствии. Правда, он мог, после того как удалился от дел, получать от кого-то значительную сумму... — Рока вынул сигарету из черного кожаного портсигара, не спеша закурил, выпустил струйку дыма. — Все это мы можем проверить.

— Вас это интересует? — спросил я.

— Конечно, особенно интересует потому... как бы вам объяснить... потому, что убийства... следуют за вами вплоть до Буэнос-Айреса.

— Но его убили еще до моего приезда.

— Так-то оно так. Однако у него побывал ваш брат. И прежде чем вы смогли повидаться с профессором, его убрали.

— Значит, вы видите в этом какую-то связь?

— Думаю, для этого есть основания, мистер Купер.

Мы прогуливались по саду. Узнав, как сильно обеспокоил Долдорфа визит моего брата, Рока вскинул брови. Потом сказал:

— Я все-таки навел кое-какие справки. Альфред Котман и Мартин Сент-Джон присутствовали сегодня на похоронах. Котман сказал вам об этом утром?

— Нет. Он сказал, что собирается на верховую прогулку с сыном.

— Понятно. Что ж, мистер Купер, вы должны понять,

что это дело весьма деликатного характера. — Он слегка развел руки. — Обычно люди типа Котмана не любят, чтобы кто-то вмешивался в их жизнь... Люди типа Долдорфа — тоже. Мы стараемся их не трогать. Они, можно сказать, в каком-то отношении уже принадлежат истории, и, если они иногда все еще пытаются плести какие-то интриги, уходящие корнями в прошлое, мы предпочитаем просто не вмешиваться. В конце концов, они варятся в собственном соку, вы понимаете меня?

— Нет, не понимаю. Убийство Долдорфа — не исторический эпизод. Оно произошло сейчас, в наши дни. Это преступление.

— Постарайтесь взглянуть на все с моей позиции. Не знаю, удастся вам это или нет, но мой совет: принимайте обычаи нашей страны такими, какие они есть. — Казалось, настроение у него никогда не меняется, однако я понимал: несмотря на свой спокойный, невозмутимый вид, Рока напряженно думает, взвешивает, сопоставляет.

— Что вы хотите сказать? Вы говорите загадками.

— Я говорю о том, что прошлое отбрасывает очень длинные тени, мистер Купер, и нам приходится действовать с большой осторожностью. Мы не можем позволить себе поступать опрометчиво или бестактно. Мы имеем дело с людьми, которых трудно загнать в угол.

— Ответьте мне на один вопрос, — попросил я.

— Если смогу.

— Какое ко всему этому имеет отношение Перон? Ведь он покинул страну давным-давно.

— Но он не забыт. В этом все дело.

— Чуть ли какая-то! Это нереально. Куда ни сунься, все возвращается к нацистам и Перону. С ума можно сойти. Сейчас 1972 год, и я не понимаю, как мы можем стоять с вами здесь и всерьез обсуждать нацистов и Хуана Перона.

— Согласен. — Под седыми усами Роки появилась легкая усмешка. — Ситуация действительно странная.

— Ну хорошо, — вздохнул я. — Что, они в самом деле собираются вернуть Перона?

— «Они»? Кто «они»?

— Да кто угодно.

— Господь с вами, мистер Купер, о чем вы говорите... — Улыбка Роки потускнела.

Я лежал в постели полусонный, когда позвонила Мария Долдорф. Было около полуночи.

— Вы не могли бы со мной встретиться? Сейчас... — Она тяжело дышала.

— Право, я...

— Я кое-что обнаружила, — продолжала она настойчиво. — Просматривала вечером бумаги отца и кое-что нашла. Связано с вашим братом. Не могу понять, что это может значить, но мне страшно. — Голос у нее был хриплым. Мне представился ее чувственный рот и очаровательные глаза. Тут же я вспомнил Полу Смитиз: она тоже нашла что-то среди других бумаг и погибла.

— Хорошо, — сказал я. — Давайте встретимся.

— Тогда слушайте. Вы знаете книжный магазин Митчелла?

— Нет.

— В таком случае возьмите такси. Скажите водителю, что вам нужен магазин Митчелла. Адрес — пятьсот семьдесят, улица Кангало. Она тянется с востока на запад. Найти нетрудно. Это самый большой магазин английской книги во всей Южной Америке. Ждите меня у входа. Я подъеду к вам, и вы быстро сядете в машину, — сказала она и повесила трубку.

Голубой «мерседес» уже ждал меня у магазина. Такси остановилось, и я моментально пересел. Машина тронулась по лабиринту переулков, сворачивая то вправо, то влево.

— Куда мы едем?

— Ко мне домой, — ответила она. Верх автомобиля был откинут, и Мария, чтобы ветер не трепал ее волосы, перехватила их ленточкой. На ней было то же самое черное платье.

«Мерседес» свернул на дорожку, ведущую к дому. У ворот, высунув руку из машины, она нажала на какую-то кнопку, и дверь гаража плавно открылась. Машина тихо въехала внутрь, дверь так же мягко опустилась, когда Мария нажала на другую кнопку. Из гаража мы по лестнице поднялись в дом.

Мария распахнула окна, задернула гардины, и они заколыхались, затрепетали от ветерка. Тускло светилась настольная лампа. Мария предложила мне сесть, сказала, что сейчас что-то покажет. Я слышал, как звякнул лед о стенки бокалов. Потом она вернулась, принесла джин с топиком, села рядом со мной и положила на стол книжку в черном переплете:

— Папин дневник. Я нашла его сегодня вечером у него на квартире. Возможно, это не очень хорошо, не знаю, но я

начала листать его, читая на выбор то там, то сям. Абсолютно ничего значительного не нашла, пока не добралась почти до конца. До того дня, когда его посетил ваш брат... — Она сунула палец туда, где лежала закладка, и открыла нужную страницу. Потягивая джин, я некоторое время смотрел на дневник, потом признался:

— Я не знаю немецкого.

Она поджала губы, провела по ним кончиком языка и начала переводить:

— «Я стар, немощен и безумно устал от жизни, а меня все никак не оставляют в покое. Сегодня боль в груди усилилась после посещения какого-то человека, и весь день с момента его ухода я чувствую себя совсем больным. Никогда прежде я его не встречал. И конечно, сегодня мог различить только его силуэт. С каждым днем зрение все хуже. Этот молодой американец сказал, что он внук Остина Купера. Мог ли я ему верить? Кто он на самом деле? Он задал мне массу вопросов о прошлом, о бывших днях. Мне невыносимо вспоминать о них. И это навалилось на меня почти сразу после моей встречи на прошлой неделе с Зигфридом. П. является ко мне, точно привидение, но деться некуда. А теперь еще Зигфрид твердит, что настал срок операции «Катаклизм». «Катаклизм»! Я пытался убедить его, что это не так. Я сказал, что стар и болен, однако все бесполезно. Зигфрид ответил, что поворачивать назад уже поздно. Я возразил, что еще могу все остановить. Лучше бы мне промолчать. Он заявил: Барбаросса считает, что время пришло. Они не могут больше ждать. Боятся. Не знаю почему... может, из-за...»

— Пойдите минутку, — попросил я.

— На этом запись обрывается. Больше ничего нет. — Она пытливо взглянула на меня. — Фраза не закончена.

— Дьявольщина! Что все это значит? — Во мне опять закипало нетерпение. — Кто те люди, о которых он пишет? Кто такой Зигфрид? Что за Барбаросса?

Она покачала головой:

— Не знаю. Он никогда словом не обмолвился об этом. — Она повторила имена из дневника: — Зигфрид, Барбаросса, П.

— Должно быть, кодовые имена, — заметил я. — Или он просто бредил, нес околесицу...

— Нет! — перебила она с жаром. — Нет, он был не из тех, кто несет околесицу. Он отлично соображал, схватывал на лету. Здоровье у него было неважное, но ум ясный, острый, он понимал все быстро, с первого слова, как и раньше.

— В таком случае, это действительно кодовые имена. Невероятно...

— Меня страшит все это: ваш брат, дневник, их встреча, их гибель... Теперь вы появились. — Она закурила. — Нетрудно предугадать дальнейшие события, не правда ли? — Рука у нее дрожала, и она крепко сжала голое колено.

— Да. Полагаю, что да. Только трудно предусмотреть...

Некоторое время я ходил по компате. Тишину нарушал лишь ветер за окном. Был час ночи.

— Могу я забрать дневник?

— Для чего?

— Хочу показать его одному своему другу из уголовного розыска здесь, в Буэнос-Айресе. Не исключено, ему что-то станет ясно. К тому же именно он будет вести следствие по делу об убийстве вашего отца. Это его работа, Мария.

— Полиция? — Она рассмеялась деланно, горько. — Полиции наплевать на моего отца. Подумаешь, не стало еще одного старого немца-перониста. Они и пальцем не пошевелинут. Скажут: пусть эти старые вырождающиеся убивают друг друга, нам-то что? Они боятся совать нос в дела подобного рода, уверяю вас, мистер Купер.

— И все-таки позвольте мне взять его, — попросил я.

— Пожалуйста. Теперь уже все равно. — Она пожала плечами. Похоже, страх ее прошел. Лицо Марии осунулось, было мрачным и усталым. — Теперь уже все равно, — повторила она.

Утром я позвонил Роке и сообщил о дневнике профессора Доллорфа. Он невозмутимо отдал распоряжение одному из своих людей поехать и забрать его. Мою новость Рока выслушал без особого восторга, но заинтересованно.

Потом я позвонил Мартину Сент-Джону по номеру, который он дал мне при встрече. Сент-Джон предложил встретиться у него в конторе не позже чем через час. Я спросил, у него ли все еще та вырезка, которую оставил Сирил. Он ответил, что она у него.

Кабинет Сент-Джона мог бы выглядеть хуже разве что после пожара. А поскольку пожара не было, кабинет оставался на своем месте, в нем столбом стоял сигарный дым, аромат спиртного, запах человеческого пота и крепкий дух плесени и пыли от стеллажей с книгами и бумагами. Древний крутящийся вентилятор, состоящий из огромных лопастей, заключенных в клетку из черной проволоки, разносил эти запахи по всей комнате. Сент-Джон сидел за письменным столом. На нем был тот же самый белый костюм с попикшим желтым цветком в петлице. Я узнал пятна на ко-

стюме. Надо полагать, и несчастный цветок тоже был тем же самым. Шляпа Сент-Джона покоилась на деревянном шкафу с картотекой.

Он с трудом поднялся, снял очки с полусферическими стеклами, вздетые на кончик курного, пуговицей, носа, и жестом указал мне на кресло, обтянутое потрескавшейся кожей.

— Извините за беспорядок, мистер Купер. Беспорядок — моя стихия: беспорядок в кабинете, чертовский беспорядок в моей старческой башке. Но я все помню, точно знаю, куда что сунул, понимаете? Да вы присаживайтесь, присаживайтесь.

— Надеюсь, не доставлю вам особых хлопот, — сказал я, убрав кисту раздутых напок с ручки кресла на пол, на протертый до дыр ковер.

Контора была не из больших. Само здание, когда-то достаточно красивое, сильно обветшало, и его давно уже переплюнули по оформлению и комфорту современные небоскребы Буэнос-Айреса, новомодные всплески модерна.

Впрочем, Сент-Джон и сам был далеко не современен. Он откинул назад свисавшие на лоб длинные седые волосы.

— Насколько туго здесь пришлось Котману? — спросил я. — Потому что он немец, я хочу сказать.

— А-а, вы о преследованиях? — хохотнул он. На лбу у него набухли капли пота. — Такие, как Котман, им не по зубам, вы согласны? Богатые немцы, приехавшие в Аргентину по нашему маленькому секретному каналу, вряд ли вообще пострадали. Кто осмелился бы преследовать их? Массы, чернь, могли, конечно, устроить несколько погромов там, где поселились простые немцы, но как это отразилось бы на людях типа Котмана? Прежде всего, их класс в своей основе противостоит массам и любой форме демократии. Толпа даже представления не имеет, кто они. Они недосыгаемы, мистер Купер, ибо так устроен наш мир.

В маленьком кабинете было страшно жарко. Единственное окно, надо полагать, наглухо заклинила скопившаяся десятилетиями грязь и копоть. Сент-Джон вытер лицо лянным красным платком в горошек, сунул его в карман. На книжном шкафу тикал старенький будильник.

— Распространяется ли эта самая недосыгаемость... ну, скажем, на какого-нибудь немецкого профессора? Преподавателя института...

— На это нелегко ответить. — Прищулив глаза, он уставился на золотой карандаш в своих толстых пальцах. — Это зависит, надо думать, от того профессора.

— Ну а если говорить гипотетически, может ли тот факт, что ты немец по национальности, да еще перонист, стоить человеку академической должности? Стоить ему карьеры?

— Все возможно, дорогой мой. Абсолютно все. Таково убеждение старого Сент-Джона. — Он вздохнул, медленно следя глазами за кружившей по комнате мухой. — Мистер Купер, вы становитесь недоверчивым. Ну прямо как ваш брат. — Сент-Джон улыбнулся почти ласково. Он явно читал мои мысли. — Последнее время я редко виделся с профессором Долдорфом. Но когда-то, много лет назад, мы были хорошо знакомы, и, услышав о его кончине, я не мог не отдать ему последний долг. Все очень просто. — Он встал, отдуваясь, снова откинул со лба длинные седые волосы и направился к одному из книжных шкафов. — А теперь перейдем к вырезке. — Он начал рыться в папках, в кипе бумаг, толстыми пальцами перебирая страницы. — Хм, где же, где же?.. Знаю, она здесь... где-то, где-то...

Я чихнул от поднявшейся пыли, весь вспотел, рубашка прилипла к спине.

— Ага, нашел, — сказал он, вернулся к столу, промокнул взмокшее лицо своим ситцевым платком. Между его пальцами свисала газетная вырезка. Он снова погрузился в кресло и воззрился на нее. — Не знаю, почему ваш брат показал мне ее, просто понятия не имею... Какие-то супруги Брендель на странице Глазговской газеты за октябрь прошлого года. Не откуда-то, а прямо из самого Глазго. Ни словом не обмолвился, как она к нему попала, только заявил, что ему необходимо видеть Альфреда Котмана. Сказал... дайте-ка вспомнить... сказал, что все началось с этой фотографии, а что такое это «все» — одному богу ведомо. — Он покачал головой и протянул вырезку мне.

Через секунду вся моя жизнь перевернулась. Я глядел на снимок, и руки у меня дрожали.

На снимке были запечатлены мужчина и женщина на дипломатическом приеме. Женщина была намного моложе мужчины. Она смотрела на кого-то вне кадра, сдержанно улыбаясь. Мужчина, красивый, веселый, слегка склонил голову набок, будто вслушивался в слова не попавшего в кадр собеседника.

— Может, вам дать воды, дружище? На вас лица нет. Я говорю...

— Да нет, все нормально.

— Я взял на себя смелость показать эту фотографию герру Котману после отъезда вашего брата. Альфред сказал,

что он никогда прежде не видел эту даму, но в свое время знал семейство Бренделей. По его словам, Гюнтеру сейчас лет пятьдесят. Отца Гюнтера судили как военного преступника, и он умер в тюрьме. Гюнтер же оказался парнем стойким, собрал по кусочкам все, что уцелело, и возродил семейное благосостояние с помощью кое-каких деловых авантур. Однако все это опять-таки прошлое, не правда ли? По моему, будет более мудро там его и оставить. Может, пусть прошлое само о себе позаботится, пусть прах своих мертвецов они погребают сами, а?

— Но разве это прошлое? — Голос мой дрожал, в горле пересохло.

— Да, в этом-то вся и загвоздка: всегда ли прошлое есть прошлое?

Точечное изображение шрифта расплзлось, вновь сливалось, оно как бы двигалось и оживало. Я разглядывал снимок весь день.

С первого взгляда мне почудилось, что это фото моей матери. Время словно не коснулось ее, и она осталась такой, как на том портрете, который много лет назад писал отец. Действительно, дама на снимке поразительно походила на мою мать. Однако были и некоторые отличия: углы ее широкого рта резко опускались вниз, хотя она и улыбалась; верхняя губа была тоньше, чем у матери, а нижняя слишком полная, будто несколько искаженная плохим газетным изображением. Волосы, кажется, были темнее и длиннее, а брови менее изогнуты. Но вот лоб точь-в-точь — широкий и плоский. Весь ее облик был настолько мне знаком и близок, словно всю свою жизнь я ожидал увидеть ее именно такой.

Это была моя маленькая сестренка Ли.

Теперь я знал, ради чего Сирил совершил это длинное путешествие, которое привело его в утонувший в сугробах Куперс-Фолс и закончилось смертью.

Он держал в руках эту вырезку. И я уверен, она так же прыгала у него в руках, которые наверняка дрожали, как у меня. Он узнал Ли и решил разыскать ее. Теперь найти ее предстояло мне, это я знал твердо.

Итак, начало и конец известны. Но что происходило между ними?

Буэнос-Айрес. Но не только он. Пола перечислила мне много городов. Глазго... теперь понятно, что увидел Сирил в глазговской газете. Из Глазго он отправился в Мюнхен. В глубь Германии, в глубь Баварии.

— Стояла жарница, но при мысли о Ли меня начинало знобить. Зазвонил телефон. Я снял трубку.

— Мне страшно!

Говорила Мария Долдорф.

— Мне страшно, — повторила она, — что-то происходит. Не знаю что, но что-то нехорошее... — Ее голос, тихий, полный горечи, слегка дрожал.

— А именно?

— Сегодня мне звонили сюда, на работу. Какой-то мужчина, его голос я не узнала. Сказал, что за мной следят ежедневно. Сказал, что мне следует быть осмотрительной, знать, с кем встречаться, о чем говорить, и спросил, понимаю ли я, о чем идет речь.

— А вы?

— Я ответила, что не понимаю, и тогда он заявил, что старые друзья всегда лучше и я должна выбирать новых знакомых с осторожностью. Он имел в виду вас, Джон. Больше некого. Фактически, кроме вас, я ни с кем не встречалась уже давно. Только по работе. И им это известно. — Голос ее дрожал все сильнее. Она замолчала, откашлялась. Она нервничала, никак не могла взять себя в руки. — Джон?

— Да?

— За вами тоже следят. Я думаю об этом весь день. Только так они могли узнать обо мне... До вас я не представляла для них ни малейшего интереса. Следить за мной просто не имело смысла.

— Но был же какой-то смысл убивать вашего отца?

— Ваш брат...

— На каком языке говорил этот человек? — перебил я ее, заранее зная ответ.

— На немецком.

— Послушайте, вы не боитесь встретиться со мной?

— Не знаю... Я просто ничего уже не соображаю.

— Тогда приезжайте сюда. Выьем чего-нибудь и спокойно во всем разберемся...

Во время легкого ужина мы вновь тщательно проанализировали обстоятельства смерти ее отца, его дневник и полученное ею предупреждение, но не пришли ни к какому выводу. Она поджала губы, потупила свои огромные глаза. Ее беспокоило, провожу ли я ее домой. Я подумал, что, если бы кто-нибудь тогда поехал вместе с Полой Смитиз в библиотеку, она осталась бы жива...

Ощущения нахлынули разом, прибитые к земле тяже-

лым, пропитанным влагой воздухом: сирены пожарных машин, запах гари, густой дым над верхушками деревьев.

— О боже, — тихо произнесла Мария, и «мерседес» рванулся вперед. Улицу заблокировали две пожарные машины, пытаюсь развернуться в узком проезде, ведущем к ее дому. Мария подогнала машину к ним вплотную, мы выскочили, и я бросился вслед за ней по дорожке. Из соседних домов сбежался народ, собралась толпа. Языки пламени взметались над деревьями, ярко-оранжевые и желтые в густой темноте ночи.

На полдороге к дому Марию остановил пожарник. В следующий момент она уже разговаривала с пожилым человеком в тепниске.

— Горело вовсю, когда я заметил огонь, — сказал человек. Он говорил по-английски. — Я вызвал пожарных, да, видно, слишком поздно.

Зрелище представляло собой страшную картину. Жар расходился волнами, в воздухе носились искры и хлопья золы.

Пожилый человек обратился ко мне:

— Я владеец того дома, где живет Мария. — Он кивнул на дом, который пожарные поливали с крыши.

Мария вцепилась в мое плечо.

— Мои книги, — прошептала она. — Все мои книги сгорят.

Она стояла, не отрывая глаз от пламени. По щекам ее катились слезы. Вместе с ними с ресниц текла тушь. Не приди я к Марии в тот день, ничего подобного с ней не случилось бы. Тут целиком моя вина.

По стенам дома плясали тени. Я ощущал запах горящих цветов в ящиках под окнами Марии. Ленестки жимолости съезживались, закручивались и чернели, превращаясь в пепел.

— Не знаете, кто-нибудь заходил в дом?

Хозяин дома с недоумением уставился на меня:

— Нет, не знаю.

Потушить пожар было уже невозможно. Единственное, что еще можно было сделать, — это не дать огню перекинуться дальше. Тени от деревьев и кустов беспорядочно метались по лужайке, а языки пламени вырывались из окон. Ветер дул в нашу сторону, и я почувствовал запах бензина, слабый, но отчетливый. Сомневаться не приходилось. Совершенно очевидно, они хотели, чтобы сначала Мария, а потом и я поняли, что они могут сделать с нами все, что пожелают. Пожар был устроен с целью устрашить нас.

Обратно в «Плазу» машину вел я. Мария, съезжившись,

сидела рядом и указывала мне путь. Ее все еще трясло, когда мы вошли ко мне в номер. Я уложил ее в постель, накрыл одеялом.

Было почти два часа ночи. Ей угрожали, ее отца убили, дом сожгли дотла. От усталости и потрясения у нее слипались глаза. Волосы разметались по подушке. Она облизала сухие губы, я дал ей фужер воды со льдом.

— Джон, мне придется покупать всю одежду заново...

Смочив полотенце, я вытер ей лицо со следами высохших слез. Она задышала ровно и глубоко.

Я откинулся в кресле. Попробовал заснуть, но ничего не получилось. Долго, внимательно разглядывал газетную вырезку. «Неужели это правда, — думал я. — Могло ли так случиться, что маленькая Ли каким-то образом осталась жива? Или я уже рехнулся? В конце концов, это всего лишь посредственное газетное фото. К тому же бесчисленное множество людей в мире очень похожи один на другого. Не ошибаюсь ли я?» Прежняя уверенность угасала... Голова просто разламывалась, в висках стучало. Боль начиналась у основания черепа и растекалась, давя на глаза.

Но ведь Сирил тоже видел эту фотографию. И возил ее из города в город, пока не показал Мартину Сент-Джону и Альфреду Котману здесь, в Буэнос-Айресе. Я снова развернул вырезку и разложил ее на столе. Сирил своими руками держал этот клочок бумаги... Должно быть, он узнал в этой женщине Ли так же, как узнал я.

«Гюнтер Брендель с супругой на приеме по поводу подписания новых коммерческих соглашений между фирмой Бренделя и одной из экспортных компаний Глазго. Соглашение было достигнуто на проходящей в Глазго торговой ярмарке».

Пока я не получу доказательств, что ошибаюсь, я буду считать, что женщина на фотографии — Ли. Все в ее внешности в точности совпадало с обликом моей сестры.

Небо начало светлеть. Мария крепко спала. Я вытянулся на постели рядом с ней и закрыл глаза. Засыпая, я больше не сомневался: это Ли. И тогда многое становилось ясным...

Утром Мария села в машину и уехала, чтобы как-то склеить свою внезапно разбитую жизнь.

Рока позвонил из конторы и попросил подъехать к нему.

Его кабинет находился в служебном помещении на улице Морено: стены бледно-зеленого цвета, мебель — безликая, учрежденческая, в современном стиле. Рока в своем эле-

гантном темном костюме как-то не вписывался в столь невзрачную обстановку. Он пожал мне руку, улыбнулся и чопорно уселся за стол, в большое кожаное кресло с высокой спинкой. На поверхности стола не было ничего, за исключением черного телефонного аппарата и дневника профессора Долдорфа.

— Нам надо обсудить ряд вопросов, мистер Купер. Если не возражаете, перейдем прямо к делу.

— Не возражаю. Но вначале у меня есть для вас новости.

Рока прищурил глаз и провел пальцем по тонкой щеточке седых усов. Вид у него был настороженный и, по выражению Мартина Сент-Джона, недоверчивый. «Он уже меня боится,— подумал я.— Он не совсем хорошо понимает, что привело меня в Аргентину, но все равно это ему не по душе». Я сказал, что Марии звонили и угрожали. Говорили по-немецки. Он внимательно выслушал, потом достал служебный блокнот и стал делать в нем какие-то заметки старинной шефферовской авторучкой с обыкновенным стальным пером. Услышав о пожаре, он сдвинул брови и исподлобья взглянул на меня. Голова его напоминала земляной орех, посаженный на сгорбленные плечи.

— Выходит, дом мисс Долдорф спалили дотла?

— Выходит, так.

— И вы уловили запах бензина?

— Да. В этом нет никакого сомнения. Бензин.

Рока откинулся назад, пристально посмотрел на меня.

— Интересно,— прошептал он,— хотя с трудом верится. В общем-то я склонен согласиться с вашей оценкой событий: пожар устроили, чтобы запугать мисс Долдорф и, по-видимому, вас тоже.

— Очевидно, эти люди очень уверены в себе,— заметил я.— Отравили моего брата, убили ни в чем не повинную девушку — его знакомую, пытались укокошить меня, отправили на тот свет профессора в Буэнос-Айресе, сожгли дотла дом его дочери и грозили ей по телефону из-за меня... Да, на мой взгляд, они очень уверены в себе.

— Ну, пожалуй, вы несколько преувеличиваете, видя во всем этом какую-то связь, мистер Купер.

— Вы хотите сказать, что не верите, что все связано с моим братом, с моей семьей? Взгляните на это. — Я протянул ему газетную вырезку. — Эта женщина — точная копия моей матери, когда та была в том же возрасте. Снимок напечатан в Глазговской газете прошлой осенью, и брат привез его с собой в Буэнос-Айрес. Показывал его Котма-

ну и Сент-Джону. По словам Сент-Джона, Котман знает этого человека. А Котман соврал мне, заявив, будто никогда никого из них и в глаза не видел. Почему мой брат возил эту вырезку с собой? — Я глубоко вздохнул. — Потому что эта женщина, я убежден, — моя сестра Ли.

Рока опешил. Прищурившись, он уставился на меня через стол:

— Ваша сестра?

— Считается, что она погибла в Лондоне во время бомбежки вместе с нашей матерью тридцать лет назад. — Пока он смотрел то на фото, то на меня, я достал из кармана большую трубку и набил ее. — Так вот, я думаю, она вовсе не погибла. — Я раскурил трубку, помахал спичкой и бросил ее в пепельницу. — Я думаю, она осталась жива. И я думаю, она теперь жена Гюнтера Бренделя. Котман был знаком с Гюнтером Бренделем еще в Германии, так он сам говорил Сент-Джону. А моего брата Котман заверил, что никогда об этом человеке не слышал, и подчеркнуто повторил мне, что и в глаза его не видел!

— М-да... не знаю, что и сказать.

Я посасывал трубку, наслаждаясь растерянностью Роки, столь нехарактерной для него.

— И это то самое звено, которое связывает моего брата с Буэнос-Айресом. Он приехал сюда с этой вырезкой из газеты. Он был дьявольски уверен, что это — Ли, и каким-то образом этот кусочек газеты привел его к Сент-Джону и Котману. Вопрос в том — каким образом?

Рока молчал.

Сделав паузу, я продолжал:

— Мне кажется, ваш долг — добиться прямых ответов от Котмана и Сент-Джона. И тот и другой лгали мне. Не по большому счету, а по мелочам... но все равно это самая натуральная бессовестная ложь.

— Вы уверены?

— Вы что, не верите? Может, вам они скажут правду.

— Это не так-то просто, мистер Купер.

— Почему?

Он полез в ящик стола, достал оттуда одну из папок, бережно положил перед собой. Церемонно открыл и разгладил обложку. Достал из папки два листка с машинописными записями и условными обозначениями и аккуратно положил их один возле другого.

— Ваши расследования здесь, в Буэнос-Айресе, заставили меня над многим задуматься. Как говорят англичане, вы разворошили улей. — Он едва заметно улыбнулся. —

Я просмотрел кое-какие имеющиеся у нас материалы на Сент-Джона и Котмана. Кроме того, в последние двадцать четыре часа я установил за ними скрытное наблюдение. Без всяких особых причин, просто вы натолкнули меня на эту мысль. К счастью, я не обязан ни перед кем отчитываться. — Снова слабое подобие улыбки появилось на его губах и исчезло. — Вчера я прочел дневник профессора Долдорфа, — он коснулся его кончиками пальцев, — и обратил особое внимание на абзац, указанный вами в записке. Как ни странно, нигде больше во всем дневнике об этом нет ни слова — поистине удивительное отсутствие вдохновения для такого образованного, культурного человека. Полная депрессия, одержимость своими болячками и болезнями. И только после посещения вашего брата он делает одну-единственную интересную запись, одно-единственное загадочное замечание, и нам надо разгадывать его. — Он вынул портсигар из кармана, закурил сигарету. Все, что делал этот человек, выполнялось как ритуал. — Итак, я остановился на следующем: Котман и Сент-Джон находятся под наблюдением. Передо мной дневник со ссылками на некоего П. Перона? А также Зигфрид и Барбаросса, личности которых предстоит установить. Был ли это истерический бред? Не знаю, мистер Купер, не знаю и признаюсь в этом совершенно откровенно, хотя сомневаюсь, что это было так. И вот я понял, что для меня лично важно выяснить, чем Котман и Сент-Джон занимаются, где они сейчас. Я подумал о похоронах Долдорфа. Мысленно представил себе, как они стоят на кладбище у открытой могилы, отдавая последнюю дань уважения покойному. И мне стало любопытно. — Он пожал плечами. — Любопытство, как вы понимаете, — моя профессиональная черта.

— Продолжайте, — нетерпеливо попросил я. — Почему же все-таки так трудно допросить их?

— Потому что они уехали.

— Уехали?

— Вот именно, — подтвердил Рока. — Уехали. — Он помолчал. Я сидел огорошенный. Уехали!.. — В записке, вложенной вами в дневник, вы интересовались, помните, имеются ли у нас какие-нибудь данные о выездах Альфреда Котмана за пределы страны. Я проверил это, мистер Купер, и выяснил, что Альфред Котман вернулся в Буэнос-Айрес ровно за месяц до того дня, как ваш брат поселился в гостинице «Кларидж» здесь, в Буэнос-Айресе. Котман прилетел из Египта. Из Каира. — Рока поставил галочку против какой-то записи на одном из белых листов. — Ваш брат

тоже прибыл из Каира, мистер Купер. — Рока испустил короткий сдержанный вздох. — Похоже, мы с вами возвели своеобразное маленькое сооружение, вы согласны? Систему странных, казалось бы, незначительных совпадений. Поэтому я решил, что мне доставит удовольствие побеседовать с Альфредом Котманом. Но оказалось — он отбыл.

— Куда они уехали? — спросил я. В небольшом кабинете было душно, но все стерильно чисто, все в идеальном порядке, а в голове у меня царил хаос. Какой бы шаг я ни предпринял, всякий раз возникало что-то непредвиденное и малоприятное.

— Они вылетели сегодня очень рано утром с небольшого частного аэродрома севернее Буэнос-Айреса. На личном реактивном самолете Котмана. Пилот — Гельмут Крюгер, профессиональный летчик, работающий по найму. Он неоднократно возил Котмана в увеселительные поездки по стране. Место назначения официально зарегистрировано — Патагония... Вы знаете Патагонию, мистер Купер?

— Упаси бог, конечно, нет.

— Она на краю света. Безлюдное, мрачное, суровое место на самой оконечности Южной Америки. М-да... Никто не ездит в Патагонию, чтобы провести время. — Он вздохнул, изящным жестом потушил сигарету. — Однако Альфред Котман за последние шесть месяцев отбыл в Патагонию вот уже в шестой раз.

— Хорошо, вы ведь можете допросить его по прибытии туда, — заметил я. — Или когда он вернется обратно.

— Да нет, сомневаюсь. — Рока вытянул губы, побарабанил пальцами по обложке папки. — Позвольте объяснить. Он, Сент-Джон и летчик вылетели в Патагонию, но... так туда и не прибыли. Их самолет нигде не приземлялся — нигде на всем протяжении от Буэнос-Айреса до пункта назначения, и нигде в Патагонии. С ними не удастся связаться по радио. Ни один самолет на этом маршруте их не заметил. — Он снова сложил губы трубочкой, будто посылал мне воздушный поцелуй. — Они просто испарились. Я уже отдал распоряжение провести наземный и воздушный розыск. Не знаю почему, но у меня твердое предчувствие, что мы их не найдем. — Он мрачно усмехнулся.

ГЛАЗГО

Последний этап перелета в Глазго прошел в темноте и под дождем. Я попробовал составить схему событий, начиная с момента моего отъезда из Кембриджа, и начал на-

брасывать ее в записной книжке, но очень скоро все страшно запуталось. Пришлось бросить это занятие. Да, я не Рока. Я не мог все так логически сопоставить.

Когда я ушел из его кабинета на улице Марено, он выглядел озадаченным, но далеко не сбитым с толку. Новые трудности он встретил решительно и по-деловому. Наверняка уже к вечеру на каждого из тех, кто втянут в это дело, он заведет досье.

Мария будет находиться под присмотром, пообещал мне Рока, пока, как он выразился, не кончится этот «период нестабильности». Он также распорядился провести самое тщательное расследование, касающееся финансовых дел профессора Долдорфа, и уточнить, поддерживал ли тот связь с Котманом или с кем-нибудь другим из деятелей перонистского периода.

Дневник, найденный Марией среди бумаг ее отца, особенно заинтересовал Року. Он известил меня, что попытается установить личность Барбароссы и Зигфрида и наведет справки о тех лицах в кругах старых перонистов, которые время от времени затевают возню, стараясь добиться возвращения домой низложенного президента.

Итак, я отказался от мысли составить схему.

Впрочем, единственное, что по-настоящему меня заботило; — это поиски моей сестренки Ли. Я должен ее найти! Мне казалось, что, как только я найду Ли, все сразу станет ясным. Тогда я бы все понял... Главное, надо найти ее.

Кто-то коснулся моей руки.

Это оказался мой сосед по креслу, низкорослый крепныш с красным лицом, в твидовом костюме. Его губы бантиком, распухшие, точно от укуса пчелы, были плотно сжаты, словно туго затянутый шнурком кисет.

— Я говорю, под нами Глазго, — сказал он бесстрастно. — Наконец-то долетели. — Он ткнул пальцем в забрызганное дождем окно, и в этот момент наш «Боинг-707» слегка накренился. Внизу стелился сонный и мрачный Глазго. На губах крепныша появилось слабое подобие улыбки. — Было бы жаль, если бы вы не увидели панораму города. — Он смущенно отвернулся.

— Спасибо, — поблагодарил я и зевнул.

— Издалека летите?

— Да, пожалуй. Из Буэнос-Айреса.

— Ничего себе! — по-женски всплеснул он пухлыми розовыми лапками. — Не ближний путь. А я-то думал, что лечу издалека... Из Рима и Мадрида. Вы переплонули ме-

ня со своей Аргентиной, правда ведь? — Он улыбнулся. — Ну и ну!

Я кивнул, надеясь, что на этом наше общение закончится. Он достал из-под сиденья портфель из свиной кожи, положил его на колени поверх пристегнутого ремня. Я тоже пристегнулся, после чего он протянул мне свою розовую пухлую ладонь:

— Макдональд.

Поколебавшись, я сказал:

— Купер.

— Рад познакомиться, мистер Купер. Мне нравится знакомиться с людьми, с которыми вместе летишь. Суеверие, конечно, я понимаю, но меня всегда преследует мысль, что можно разбиться во время авиационной катастрофы... и так приятно знать, с кем ты можешь погибнуть, вы понимаете? — Он радостно улыбнулся мне и убрал маленькую ручку. — Как по-вашему, наверное, это звучит очень странно? Полагаю, что да. Но что поделаешь, что поделаешь... Такова уж моя натура. — Он промокнул носовым платком блестящий от испарины лоб.

«Боинг-707» начал резко снижаться сквозь дождевую завесу. Натужно завывали двигатели, ощутимо завибрировал фюзеляж.

— Надолго в Глазго? — спросил мой попутчик.

— Не знаю, — ответил я. — Вряд ли.

— Не очень-то веселое место, я имею в виду Глазго. Сугубо коммерческий, индустриальный город, не то что Эдинбург. По делам, я полагаю?

— Нет-нет. Не по делам.

— Ну, если в отпуск или на выходные, то Глазго вас разочарует, мистер Купер. Эдинбург — другое дело. Вот куда вам надо ехать. Это действительно место для туристов.

Самолет летел уже совсем низко, заходя на посадку в крошечной тьме.

— Я по личному делу, мистер Макдональд, — ответил я устало. — Не в отпуск, не на выходные. — От душного воздуха в салоне щипало глаза.

— Сам-то я страховой агент. Дела, дела, вечно дела. — Он пожал узкими плечами, нервно провел рукой по яйцевидному черепу, скосил глаза за очками в примитивной пластмассовой оправе, будто опасаясь, что его ударят. На лбу у него каплями выступил пот. Только теперь до меня дошло, почему он затеял весь этот разговор: он просто боялся. Ожидая, когда колеса самолета коснутся посадочной полосы, он вцепился в ручки кресла, даже суставы пальцев

побелели. И вот глухой удар, легкий толчок, и самолет покати по твердой земле. Макдональд перестал сжимать подлокотник, вытер лоб. Лицо его постепенно обрело нормальный цвет.

Мы встретились вновь в багажном отделении. С широкой дружелюбной улыбкой прирожденного страхового агента он двинулся ко мне.

— Где собираетесь остановиться? — спросил он непринужденно, не думая больше о смерти.

Внезапно мне стало приятно от общения с этим безвредным человечком после всех тех, с кем приходилось встречаться за последнее время.

Я назвал гостиницу, он одобрительно кивнул:

— Лучше не бывает.

Привезли наш багаж, мы взяли чемоданы и направились к выходу.

— Ну, всего хорошего, — сказал он, садясь в такси. — Надо нам как-нибудь встретиться, выпить. Могу порекомендовать одну пивную... Уверен, вам понравится. — Он помахал ручкой и укатил.

Дул ветер. Лил косой февральский дождь, холодный и пронизывающий. По земле стелился туман, скапливаясь на бетонированных площадках перед ангарами. Я втиснул в такси свой багаж, мы развернулись и лихо помчались в Глазго. Я весь промок, замерз и никак не мог согреться.

Когда на следующее утро я вышел из отеля «Лорн», на Сочихолл-стрит стеной стоял густой, пропитанный сажей мрачный зимний туман. Я чувствовал себя отдохнувшим, сильным, готовым к действию. Первоначальное потрясение, которое я испытал, увидев вырезку из газеты, несколько улеглось, и можно было всерьез приступить к поискам Ли.

Я взял такси и поехал в контору Сирила. Туман сгустился. Пахло сыростью и копотью. Однако, учитывая мое теперешнее настроение, такая погода была мне больше по душе.

Служебные кабинеты располагались на втором этаже респектабельного здания на Уэст-Риджент-стрит. Здание «Олл Бритн дистрибьютинг лимитед» являло миру облик весьма сдержанного достоинства — сочетание начищенной латуни и темного дерева полированных дверей. В небольшой приемной с мягким освещением, устланной ковром от стены до стены, восседала дама средних лет в строгом костюме. Где-то шипел скрытый от глаз радиатор отопления, но в комнате было прохладно. Я назвался, женщина заморгала и скрылась за тяжелой дверью, которая захлоп-

пулась за ней с громким стуком. Вскоре она вернулась и объявила, что мистер Дамфриз примет меня незамедлительно, если я буду так любезен проследовать за ней в кабинет.

Джек Дамфриз оказался высоким, стройным человеком в темно-синем костюме-тройке, белоснежной сорочке и узком полосатом галстуке под слегка распахнутым воротом — типичной одежде английских бизнесменов. На мизинце поблескивало кольцо с печаткой. Он принадлежал к типу нестареющих людей: лицо свежее, слегка сутуловатый, по виду лет около сорока.

Мы обменялись рукопожатиями. Он налил чай из небольшого изящного чайника, с пасторальными сценками на выпуклых круглых боках. В камине шипели и потрескивали сырые поленья. Кабинет выглядел необычайно элегантным, и это было так характерно для Сирила — создавать вокруг себя красивую обстановку.

Дамфриз стоял у камина и, помешивая ложечкой чай, официально улыбался. Упаси бог, только бы он не оказался занудой...

Я уселся в коричневато-бордовое кожаное кресло и, посмотрев на него снизу вверх, с серьезным видом спросил:

— Какое вы занимаете здесь положение, мистер Дамфриз?

От камина струилось приятное тепло, и я придвинулся поближе.

— Директор-распорядитель филиала в Глазго, — ответил он, потягивая чай и сосредоточенно глядя на меня поверх очков влажными голубыми глазами. — Дважды в месяц посылаю письменный отчет мистеру Сирилу Куперу на адрес нашей лондонской конторы. — Он говорил так, будто оправдывался. — Что касается Глазго — тут целиком хозяин я.

— Присаживайтесь, мистер Дамфриз, прошу вас, — сказал я.

Фарфоровая чашка на блюде тихо задребезжала, когда его безупречная фигура опустилась в другое кожаное кресло. Дождь глухо бился в створки окна, нагоняемый порывами ветра сквозь толщу тумана.

— Мой брат Сирил умер, мистер Дамфриз.

— О, не может быть... — Лицо директора-распорядителя стало печальным, однако чувствовалось, что мозг его напряженно работает.

— Он скончался весьма неожиданно в нашем семейном доме в Куперс-Фолсе, в Миннесоте. — Я достал трубку, начал набивать ее табаком. — Теперь все предприятие «Олл

Брити дистрибьютинг лимитед» целиком переходит ко мне. Я, откровенно говоря, не знаком с его деятельностью, но мои адвокаты уже занимаются этими вопросами. В самое ближайшее время мне понадобятся последние сводки по балансу и данные инвентаризации. — Я чиркнул спичкой и раскурил трубку.

Дамфриз выглядел несколько расстроенным. Я улыбался, наблюдая, как мое сообщение постепенно доходит до его сознания.

— Разумеется, вы можете получить их когда вам будет угодно, мистер Купер. Я уверен, вы найдете все в полном порядке. — Он наклонился вперед, уперся локтями в колени, готовый отразить любой натиск со стороны нового хозяина.

— Я вполне вам доверяю, мистер Дамфриз, — сказал я. — Вполне. Мой брат отлично разбирался в людях, и коль скоро он поставил вас во главе конторы в Глазго, уверяю вас, я ничего не собираюсь менять. Можете в этом не сомневаться. — Я несколько раз пыхнул трубкой, давая огню хорошенько разгореться, а потом сделал глоток чаю.

Дамфриз вздохнул с облегчением.

— Я просто потрясен, мистер Купер, — произнес он, несколько успокоенный. — Как это случилось с вашим братом? Когда я встречался с ним последний раз осенью прошлого года, он, казалось, пребывал в добром здравии. Мы не часто видели его у себя здесь... Нам никогда не было известно, где он находится. Наша фирма является для него лишь одним из предприятий, в которые он вкладывает свой капитал.

— Он умер не от болезни, мистер Дамфриз. Кто-то убил его.

Дамфриз побледнел. Он встал, подошел к окну, глянул сквозь туман на улицу:

— Невероятно. Я просто не нахожу слов. — Потом обернулся и остро посмотрел на меня: — Известно, кто это сделал?

— Нет. К сожалению, нет. Все крайне загадочно и зловеще. Должен сказать, на мою жизнь тоже покушались дважды... И нескольких человек уже нет в живых.

Я коротко рассказал ему о случившемся. За это время он лихорадочно осушил две чашки чаю и закурил сигарету. От его сдержанности не осталось и следа, и это мне понравилось в Джеке Дамфризе. Когда я закончил рассказ, он, не отрывая от меня глаз, прошептал:

— Иисус Христос и все святые... По существу, если такая тенденция сохранится, старый Глазго ждет новая волна преступлений, да? Пока вы здесь, я имею в виду...

— Если сохранится. Кстати, у меня к вам есть несколько вопросов, поэтому, если не возражаете, давайте сразу перейдем к ним. Прежде всего, мне хотелось бы, чтобы вы взглянули вот на это. — Я вынул из кармана фирменный конверт отеля «Лорн» и протянул ему.

Он открыл его, достал вырезку и даже крикнул от изумления.

— Вам она знакома?

— Еще бы, — ответил он. — Я же сам и организовал эту съемку. — Он провел рукой по подбородку. — Странно, однако, что вы оба могли увидеть в ней?.. Понимаете ли, эта фотография появилась в нашем «Геральде» как раз в тот самый день, когда ваш брат прошлой осенью прилетел в Глазго. Он принес ее сюда в контору. Мне еще не приходилось видеть его в таком настроении, и я никогда не забуду этого, уверяю вас.

Далее Дамфриз рассказал, что в то время в Глазго проводилась торговая ярмарка, и сам он был весьма доволен собой, поскольку ему удалось организовать эту съемку. Фотография появилась в газете, сопровождаемая репортажем журналиста Алистера Кемпбелла, где особо подчеркивалась важность подписания контракта между «Олл Бритн дистрибьютинг лимитед» и мюнхенской импортной фирмой Гюнтера Бренделя. Вполне естественно, «Олл Бритн» пыталась внедрить на немецком рынке новый сорт шотландского виски. Дамфриз до этого некоторое время разрабатывал тактику завоевания этого рынка, и подписание контракта для их фирмы было настоящей победой. Чтобы отметить такое событие, он уговорил Кемпбелла, с которым был знаком уже несколько лет, преподнести эту сделку читателям как пример расширения торговых связей с Германией и одновременно создать рекламу новому сорту виски. В итоге все прошло идеально. Дамфриз и Кемпбелл добились от редактора согласия поместить и фотографию, чтобы привлечь внимание к репортажу, причем отныне и во веки веков — это было предусмотрено — Кемпбелл мог бесплатно потреблять виски этой фирмы сколько его душе угодно; подарок довольно щедрый, если учесть способность журналиста поглощать спиртное.

Когда Сирил появился в то утро в конторе «Олл Бритн», он выглядел необычно возбужденным. Тут же, выпроводив всех из кабинета, он сел у камина и принялся расспрашивать Дамфриза о фотографии, о репортаже и переговорах, завершившихся соглашением с фирмой Бренделя.

— Он настойчиво допытывался обо всем, — вспоминал Дамфриз. Особенно интересовался, как начались переговоры, кто был инициатором: они обратились к нам или мы к ним. Я сказал, что предпринял первые шаги, поскольку получил сведения, что фирма Бренделя вышла на рынок для закупок.

— Вы ездили в Германию, чтобы убедить их? — спросил я.

— Нет, Гюнтер Брендель сам прилетел сюда из Мюнхена. Хотел удостовериться, состоятельная ли мы фирма, можем ли выдержать конкуренцию, понимаете?

— Он знал, что «Олл Бритн» — собственность моего брата?

— Вот-вот! Именно это больше всего занимало и вашего брата... Убедившись, что инициатива исходила от меня, а не наоборот, он принялся расспрашивать меня, а мог ли Брендель каким-то образом пронюхать, что владелец фирмы он? Упомянул ли я его имя? Может, мне известны пути, откуда Брендель мог получить такую информацию?

Дамфриз закурил новую сигарету, заглянул в чайник, но там было пусто. Тогда он подошел к двери и попросил принести еще чаю.

— Разумеется, я мог говорить только за себя, — продолжал он, — а посему заверил вашего брата, что имя Куперов никогда не произносилось. Да и, собственно говоря, какая в том была необходимость? Директор-распорядитель — я. Какое дело Бренделю, кто возглавляет фирму?

— Значит, ваш ответ удовлетворил Сирила, — сказал я. Огонь от камина припекал ноги. Я встал, повернулся спиной к окну. Медные часы пробили одиннадцать. За окном стоял туман, густой, как и прежде. — Ну а что вы можете сказать о супруге Бренделя? Вы хоть раз встречались с ней? — У меня невольно перехватило дыхание, и я ничего не мог с собой поделать.

Дамфриз с недоумением медленно покачал головой, как человек, потрясенный необычным номером фокусника:

— Чертовщина какая-то! То же самое хотел знать ваш брат. Пожалуй, именно это интересовало его в большей степени... «Да, — сказал я ему. — Да, встречался». Брендель вторично приезжал в Глазго, чтобы посетить ярмарку, и мы дня за три до прибытия вашего брата вместе обедали втроем, у «Гая». — Он заметил недоумение на моем лице. — Отличный ресторан, мистер Купер, полагаю, лучший в городе. Брендель тоже угощал, по его словам, чтобы покрепче завязать, так сказать, узел деловых отношений. В общем, па-

мятный был вечер: шампанское... и ни капли виски, слава тебе господи. — Он скорчил гримасу.

— Хорошо, — прервал я его. — Расскажите мне о фрау Брендель все, что вы о ней помните.

— Ага, фрау Брендель. Лиз ее зовут, Лиз...

Я внутренне вздрогнул, услышав это имя: почти что Ли.

Дамфриз продолжал:

— Она из тех женщин, которых нелегко забыть, уверяю вас, мистер Купер, но довольно трудно описать. Обворожительно красива, хотя и... несколько отрешенная. Не то чтобы неприветливая, совсем нет, однако... Я понимаю, вероятно, глупо судить так по одной встрече, но она показалась мне грустной женщиной. — Он поймал мой взгляд. — Вы догадываетесь, что я имею в виду? Не просто грустная, а несчастливая. Она улыбалась, была, как полагается, любезной с деловым партнером мужа, но, когда ей казалось, что на нее никто не смотрит, она уходила в себя, на лице у нее появлялось довольно скорбное выражение.

— Скорбное?

— Она намного моложе своего мужа, очень к нему внимательна, но ведет себя, скорее, как его дочь. — Дамфриз откинулся на спинку кресла, скрестил длинные худые ноги и выпустил кольцо дыма, которое, точно облачко, медленно проплыло перед его лицом, прежде чем раствориться. — Как-то неловко говорить об этом...

— О чем?

— Герр Брендель человек в высшей степени эlegantный: кольца, драгоценности, шьет у лучших портных, говорит вкрадчиво, тихо, чуть ли не шепотом... очень изнеженный... Мне не хочется говорить больше того, что я сказал.

— Гомосексуалист?

— Ну, может, не совсем так. — Дамфриз кашлянул. — Но что-то туманно-неопределенное, если вы понимаете, что я имею в виду. Красивый, ухоженный, как женщина в известном возрасте. На лице искусственный загар. Впечатление такое, будто он пользуется кремами, делает массаж, похоже, что даже брови выщипаны. — Дамфриз нервно рассмеялся. — Я хочу сказать, возможно, этим и объясняется одиночество и печаль фрау Брендель, равно как и морщина на переносице в минуты отрешенности. Ее как бы усыпили, и она, лишенная возможности нормально радоваться, разучилась смеяться. Ей абсолютно чуждо чувство юмора.

— Вы все это рассказали брату?

— Да. Он настойчиво обо всем допытывался и хотел знать, где может найти Бренделя...

— И где... я могу найти Бренделя?

— Я скажу вам только то, что и ему, то есть что главная контора Бренделя находится в Мюнхене. Правда, мне известно, что есть еще и филиал в Лондоне. Ваш брат уже не застал Бренделя в Глазго.

— Сирил не говорил, как собирается поступить дальше в отношении Бренделя? Не говорил, почему его так заинтересовала эта фотография?

— Нет, и я не стал спрашивать. Но он просто потряс меня, должен вам признаться. Потом я долго думал над этим и гадал, не была ли эта женщина, вызвавшая у него такой интерес... не была ли она когда-то дамой его сердца? Той, кого он знает или знал и которая много для него значит. — Он улыбнулся. — Такой же вывод я бы сделал и на основании ваших вопросов. — Улыбка его исчезла. — Теперь уж я просто не знаю. Его смерть... И другие люди, вы сказали, убиты. Какая же между всем этим связь? Играет ли тут какую-то роль эта фотография? — Он снова взял вырезку в руки и начал внимательно разглядывать, будто искал в ней новый, скрытый смысл.

— Мистер Дамфриз, пожалуй, вам лучше не вникать во все это.

— А как в отношении фирмы? Будут какие-либо срочные распоряжения?

— Никаких, мистер Дамфриз, — ответил я. — Работайте, как работали.

— А вы будьте осторожны... — Он замаялся, потрогал узел галстука.

— Вам известно, что делал Сирил после того, как ушел от вас?

— Нет, больше я от него ничего не слышал, и это несколько удивило меня. Отчеты свои я ему отослал, но ответа не получил и, естественно, решил, что он с головой занят какими-то важными делами.

— Да, собственно, так оно и было, — заметил я.

Помещение отдела новостей редакции Глазговской газеты «Геральд» сияло искусственным светом, дышало жарой и было наполнено запахом пота. Бесперебойно и дробно стучали телетайпы, стрекотали машинки, и откуда-то из утробы здания доносились удары прессов. Полы были грязные, столы старые, потрескавшиеся, все сотрудники разго-

варивали громко, пересыпая речь крепкими, солеными словечками. Создавалось ощущение, будто я вошел в зрительный зал на какое-то шумное представление.

Алистер Кемпбелл сидел, откинувшись в деревянном вращающемся кресле, и, набычившись, взирал на древнюю пишущую машинку. От его трубки, сделанной из кукурузного початка, непрерывно клубился дым. На нем был костюм из грубого сукна, а под пиджаком теплый джемпер. Коричневый галстук, жесткие рыжие волосы, крошечная головка, багровое лицо — словом, выглядел он так, будто слишком долго пробыл в тумане под дождем и покрылся ржавчиной. Вокруг него витал слабый аромат виски в сочетании с каким-то особо едким сортом табака. Очевидно, он добросовестно пользовался своим правом на бесплатное потребление виски фирмы «Олл Бритн».

— Мистер Кемпбелл?

Он слегка откашлялся:

— Ага, Кемпбелл. А вы кто будете? — Он бросил на меня подозрительный взгляд из-под широченных кустистых бровей такого же рыжего цвета, как и волосы. Сквозь облака дыма его крошечные карие глазки, точно два хорошо поджаренных и лоснящихся зернышка испанского арахиса, стрелянули по мне сверху вниз.

Я назвал себя и спросил, не заходил ли к нему Сирил.

— Сирил Купер? Как же, заходил. Мистер Сирил Купер прибежал ко мне весь замыленный, сказал, что он прямым ходом от Джека Дамфриза. И мне сдается, вы тоже от него.

— Да, верно. Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов.

— О сделке с немцами по поводу виски. — Он кивнул маленькой головкой, вынул изо рта трубку, показав желтые от никотина зубы.

— Опять верно, — сказал я. — У вас хорошая память, мистер Кемпбелл.

— Память у меня действительно хорошая, паренек, что правда, то правда, да только любой дурак запомнил бы то, что помню я. Такое не забудешь. — Он покачал головой, встал — маленький человечек, не выше пяти с половиной футов, — провел рукой по веснушчатому лбу и протянул ее мне. Мы поздоровались.

— Можем мы побеседовать, мистер Кемпбелл?

— О, само собой. — Он быстро огляделся. — Только не здесь. Я предлагаю отправиться в одну малоприметную пивную, хорошо мне известную. Там нас вряд ли кто услышит. В этом же вертене, — он с отвращением обвел ру-

кой комнату, — никогда не знаешь, кто тебя подслушивает.

Он сообщил мне название пивной и объяснил, как туда добраться.

— И мой вам совет, — Кемпбелл впери́л в меня блестящие глазки хорька, — будьте осторожны, очень осторожны. Возьмите такси, поезжайте в свою берлогу и притаитесь, пока не придет время. — Он по-свойски подмигнул мне глазком-бусинкой и сжал мою руку. — Умный понимает с полуслова, не так ли?

От мелодраматического предупреждения Кемпбелла у меня екнуло сердце. Быть осторожным в отношении чего, черт побери? Он говорил так, словно знал, насколько опасной стала моя жизнь. Хотя, судя по всему, ему не было известно ни о смерти Сирила, ни вообще о том, что случилось.

Наконец назначенный час пробил, и я оказался у полированной стойки бара в указанной журналистом пивной. Я приехал на несколько минут раньше и, когда он вошел, сделал вид, будто вожусь со своей трубкой и спичками, а сам внимательно следил за входной дверью с матовым стеклом. Он остановился в дверях, в клубах табачного дыма, одетый в такой задрипанный макинтош, какого доселе мне не приходилось видеть. Заметив меня, он, работая локтями, протиснулся к стойке, заказал две кружки горького пива, выколотил в пепельницу золу из своей трубки. Наморщив лоб, всосал пену с пива и наконец произнес:

— То, что я хочу вам рассказать... — Он с сомнением покачал головой: — Даже не знаю...

— Вы говорили брату то, что собираетесь рассказать мне?

— Ага, говорил... И сейчас мне пришла в голову мысль, а почему бы вам не спросить об этом его самого? — Глаза репортера хитро поблескивали сквозь дым.

— Он мертв. Убит.

Кемпбелл побелел, и то, что еще оставалось розового на его лице, стало землисто-серым. Он облизнул потрескавшиеся губы.

Я вкратце изложил события. Он слушал подавленный, мрачный, словно его мучила невыносимая головная боль. Я сказал, откуда узнал про него и зачем встретился с ним. Постепенно он пришел в себя, раскурил свою трубку.

— Это опасные люди, с кем ты спутался, парень, — несколько раз повторил он и уставился на меня поверх кружек с пивом, потом махнул веснушчатой рукой в сторону двери, как бы на миг распахивая ее. На улице по-прежнему моросил дождь и стлался густой туман, на время

скрывая грязь — характерную черту Глазго. — Ты даже не представляешь, как это опасно. — Его густые брови сошлись на переносице, лицо стало угрюмым. Он пососал трубку.

В пивной стоял густой табачный дым и, точно псиной, пахло намокшей шотландской шерстью.

— Твоего брата, — продолжал он, — интересовал Брендель, и фрау Брендель, и буквально все, что мне о них известно... А мне известно немало. Много я узнал чисто случайно, сопоставив данные... Об этом я никогда никому не говорил, кроме твоего брата. — Он шмыгнул носом. — В основном потому, что додумался до всего сам. Это кошмарные вещи, парень. — Он скосил на меня глаза поверх кружки. — Но разве кто поверит мне? — Сосредоточенно посмотрев на угасший пепел в трубке, Кемпбелл провел рукавом под носом и проглотил остатки пива. Потом засопел, сложив руки лодочкой вокруг жаркой пятнистой чашки своей трубки, и продолжил очень тихо, глядя прямо перед собой, мимо бармена, в запотевшее зеркало: — Теперь слушай внимательно. купишь билет на поезд в ноль-ноль часов на Лондон. Рассчитаешься в гостинице, а чемодан сдашь в камеру хранения на вокзале. Перекусишь там в буфете, но заправься как следует. После мы встретимся и обо всем потолкуем. — Он дал мне адрес, нацарапав его на засаленном клочке бумаги. — Это дешевые помера в районе Горбалс. Жители Глазго утверждают с идиотской гордостью, что таких трущоб не сыщешь во всей Европе. Ровно в десять, — закончил он, поправил шарф, выколотил трубку, нахлобучил грязную, в пятнах, шляпу по самые уши, сунул в карман макинтоша свернутую газету и растворился у двери в толпе, яростно спорившей о футболе, — маленькая, промокшая, решительная фигурка.

Я допил пиво, потрясенный словами Кемпбелла: «Это кошмарные вещи...» Сделав последний глоток, я стал пробиваться к двери, проталкиваясь между сгрудившимися дюжими парнями, и вдруг чья-то рука схватила меня за локоть, и чей-то голос произнес мое имя:

— Никак, мистер Купер... — Это был Макдональд, нервный попутчик мой по вчерашнему рейсу. Лицо у него покраснелось, разгоряченное жарницей в зале, губки бантиком растянулись в улыбку. Глаза у него слезились, и он тер их кулачками, как малое дитя.

— Макдональд? — удивился я.

— Я смотрю, вы последовали моему совету. — Он весь сиял.

— Простите, не понял.

Макдональд говорил очень тихо. Все в нем было тихим и мягким, за исключением грубого пальто.

— Эта пивная... — сказал он, когда я наклонился, чтобы получше расслышать. — Именно ее я имел в виду, и вот вы тут. Первый вечер в Глазго, и мы снова встретились. Выпейте со мной кружку пива. Вы не оставите меня одного, правда ведь?

Я обливался потом. Он тоже. Зеркало позади бара стало влажным и тусклым. Лоб Макдональда блестел. Мы пробились к стойке, взяли по кружке пива. Я напрягал слух, чтобы разобрать его слова: похоже, он говорил о страховании, о своих клиентах за сегодняшний день.

— А как у вас дела? — Он ослабил галстук.

— Нормально, все нормально.

Он поднял кружку:

— Ну, за удачу!

Мы выпили, он улыбнулся:

— Но как вы нашли пивную-то, вот чудеса?! Она вроде бы в стороне от проторенных путей.

— Приятель один привел меня сюда.

— Этот рыженький? Похожий на обезьянку?

— Он самый.

— Ну, тогда понятно. Хороший приятель, коль привел вас в это место. Мне даже запах здесь нравится, — болтал он не умолкая.

Мы осушили еще по кружке, буквально утопая в поту. Наконец Макдональд пожелал мне спокойной ночи, выразив надежду, что мы снова встретимся, поскольку бог тропицу любит и все такое...

Дождь перешел в снег, движение на улицах замедлилось, и поэтому я опоздал к Кемпбеллу. Водитель такси с недоумением хмыкнул: «Горбалс, надо же...» Он отъехал от тротуара, и мы сразу же попали в небольшую дорожную пробку. Колеса буксовали на подмерзшей влажной мостовой. В одном месте под странным углом к тротуару стояли две машины, обе с помятыми крыльями. Мой водитель молча взирал на возникшее перед нами препятствие со свойственным только шотландцам сумрачно-серьезным выражением.

Нас окутал мрак. За густой снежной пеленой здания казались сплошной темной глыбой.

— У меня встреча... — начал было я. В горле першило от резкой перемены погоды, тяжестью навалилась разница во времени. Я устал и продрог, от выпитого пива во рту оставался неприятный прогорклый привкус.

— Ну да, у вас встреча, а какое сейчас движение, вы не видите? — сказал таксист.

Я откинулся на сиденье и замолк.

Дом, который я искал, ничем не отличался от всех остальных. Я стоял на тротуаре, пока такси не скрылось из виду, и чувствовал себя страшно одиноким. Было совсем темно. В тусклом сиянии единственного фонаря в конце улицы снег висел, точно огромная шаль с блестками. Место было неприветливым, мрачным. Снегопад скрадывал звуки моих шагов. Стало еще холоднее.

Я увидел низкую арку, в стороне — две ступеньки, ведущие в парадное, где пахло мочой, отбросами и бедностью. Где-то монотонно капала вода. Во дворе неясно вырисовывались причудливой формы короткие тени. Я открыл дверь. Покоробившаяся от времени, со ржавыми петлями, она отчаянно взвизгнула. Я шагнул внутрь. Жуткая тишина. Под самым потолком посреди коридора на обтрепанном шнуре болталась одна-единственная голая, без плафона, лампочка. Она качалась от сквозняка, когда я вошел, и от ее тусклого света по стене запрыгала моя громадная тень.

— Поднимайтесь паверх, — слышался голос Кемпбелла.

От холодного пота тело у меня стало липким, в левом боку, прямо под сердцем, колело. Глаза пекло, будто у меня жар.

Я стал продвигаться в полумраке коридора к лестнице. Кто жил в такой дыре? Слышался шепот, потом снова наступила тишина. Затем прерывисто загудела автомашина, раздалось жалобное мяуканье кошки, пробиравшейся по свежеснеженному снегу. Пахло кухней и пивом. Я начал карабкаться по лестнице, злобно скрипевшей под ногами.

Когда я достиг верхней лестничной клетки, дверь в конце полуосвещенного коридора с треском распахнулась и, наполовину скрытая в тени, появилась низенькая фигурка Алистера Кемпбелла с приветственно вскинутой рукой. Помахав в ответ, я сделал шаг ему навстречу.

И вдруг Кемпбелл начал медленно оседать, сползать вниз, цепляясь за стену, точно за крутые выступы утеса. Я остановился. Он резко рванулся вперед и оказался под светом лампочки, и тут я увидел, что его руки покрыты чем-то красным и оставляют на стене след. Кемпбелл походил на раненого, истекающего кровью зверька, пядь за пядью ползущего к спасительной норе.

У меня перехватило дыхание. Колени и бедра обмякли. В тишине слышалось его хриплое, с присвистом, дыхание.

Макинтош спереди намок от крови. Глаза невидяще глядели сквозь меня, уже потускневшие, утратившие живой блеск.

— С-с-стейнз... — с певероятным усилием выдавил он. — Найди с-с-стейнз...¹

Из мрака лестничной площадки в дальнем конце коридора появилась чья-то расплывчатая фигура, поднялась рука, раздался всасывающий звук, еще один, еще... Алистер Кемпбелл судорожно дернулся вперед, мокрой красной рукой дотянулся до моего плаща, ухватился за пояс, сжал его пальцами. На спине его макинтоша зияли две рваные дыры. Снова послышался всасывающий звук, что-то ударилось в стену рядом со мной, и на меня посыпалась штукатурка, запорошив глаза мелкой пылью.

Я попытался назад, оступился, потерял равновесие, и Алистер Кемпбелл, не успев отпустить мой пояс, повалился вместе со мной, прикрыв меня собой. Всасывающий звук опять повторился, я почувствовал на своей руке струю горячего воздуха, в то время как стремительно катился по ступенькам вниз в темноту.

Судя по звукам, человек в коридоре наверху пытался пробраться мимо тела Кемпбелла, распростертого поперек узкой лестницы. В то время как я с трудом поднимался, дверь в нескольких футах от меня приоткрылась, из нее выглянул какой-то человек, небритый, в грязной пижаме рубашке, и велел мне убираться ко всем чертям. Я пробежал по коридору, нырнул через дверь в подъезд, повернул в противоположную от улицы сторону и помчался во двор.

Я слышал, как стрелявший прогромыхал вниз по лестнице и ринулся по коридору. Он гнался за мной. Содержание адреналина в моей крови повысилось, сердце колотилось с перебоями, в боку болело.

Причудливые тени во дворе оказались брошенным старым разбитым автомобилем, проржавевшим остовом грузовика с кузовом без бортов, грудой ободов колес и скопищем мусорных бачков. Я бросился в середину этой свалки, ощутив, как резанул по щеке острый конец проволоки. На лицо мне падал мокрый снег. Дул ветер. Я старался двигаться бесшумно: вот уже в третий раз они пытались убить меня.

Осторожно пробираясь за грузовиком, я слышал, как мой преследователь выбежал из подъезда и остановился в нерешительности. Опустившись на колени, я, глядя между

¹ Пятна (англ.).

колес грузовика, смутно увидел его ноги. Наконец он повернулся и зашагал в сторону улицы. Я сидел скорчившись, выжидая. Он больше не появлялся. Тогда в поисках выхода я потихоньку двинулся назад, мимо наваленных колес и бачков для мусора. Открыл какую-то железную дверь и очутился в темном, едва освещенном проходе, где на полу из глины и гравия стояли лужи воды. Неожиданно в другом конце коридора распахнулась разбитая деревянная дверь, и в проеме в свете фонаря блеснули дождевые капли. В воздухе пахло бензином и машинным маслом.

Я проскользнул через эту дверь и снова оказался в реальном мире: мокрая мостовая, шумные подростки на углу улицы, оглашавшие ее мерзкой руганью. Я двинулся в обратном направлении. Лицо горело от боли. Мне все еще слышался всасывающий звук выстрела и слова: «Стейнз... стейнз...» Это были последние слова Алистера Кемпбелла, в то время как он падал, оставляя на стене и на моем плаще пятна крови. Я стер со скулы холодную дождевую влагу, потрогал порез на щеке. Волосы спереди были мокрыми и липкими. Я натянул на самый лоб свою кепку, стряхнул с лица крошки штукатурки.

Дважды мне пришлось спрашивать дорогу. Я шел пешком, и мне потребовалось немало времени, чтобы добраться до вокзала. По пути встретилось несколько свободных такси, но я даже не пытался их остановить, продвигался зигзагами, неумело пытаюсь сбить со следа воображаемых преследователей. Но за мной, по всей видимости, никто не гнался. И на этот раз они сработали плохо.

До вокзала я добрался в начале двенадцатого. Взял чемодан из камеры хранения и прошел в туалет, преодолевая слабость в коленях и головокружение. Глаза невыносимо щипало от штукатурной пыли. Голова разболелась. Из зеркала над умывальником на меня глянуло мое собственное отражение, словно из серии неумелых, ужасно выполненных, искажающих личность фотографий: изможденный, измученный, со смертельно бледным лицом. Кепка прилипла к коже, и, когда я отодрал ее, выяснилось, что, очевидно, одна из пуль слегка задела голову, тогда как мне показалось, что это всего лишь очередная струя горячего воздуха от выстрела. Боже! На этот раз они были почти у цели... Сырой, еще только начинавший образовываться струп прилип к шелковой подкладке и отошел вместе с ней, и сквозь волосы начала течь кровь. Я промокал ее туалетной бумагой, моля бога, чтобы никто в эту минуту не вошел в туалет и не застал меня за этим занятием.

Внезапно нахлынула тошнота, меня вырвало, потом ноги мои подкосились, я грохнулся на колени и, потеряв сознание, повалился на стульчак.

Когда я пришел в себя и с трудом открыл глаза, в туалете по-прежнему не было ни души. Еще минуточку-другую я сидел, низко свесив голову, прежде чем почувствовал в себе достаточно сил, чтобы встать и постараться смыть кровь. Дело это оказалось до смешного бесполезным: я тыкал мокрой бумагой в лицо, вытирал его, но кровь продолжала сочиться. В конце концов пришлось просто прикрыть рану куском туалетной бумаги и закрепить его на месте, натянув поверх него кепку. В голове барабанило, как в джазе, заглушая все остальные звуки. Единственное, чего мне хотелось, — это поскорее сесть в поезд и завалиться спать в своем купе. Потом я, конечно, попробую разобраться в том, что произошло, и погорюю об Алистере Кемпбелле, как и обо всех других погибших. Но не сейчас. Сейчас я слишком устал, слишком болела голова.

На перроне безлюдно. Холодно, но от прохлады становится легче — она снимает боль. Прислоняюсь к столбу. Неподалеку дожидается поезда семья — средних лет пара, в твидовых пальто, и маленькая светловолосая девчурка, которая держит мать за руку и улыбается в ожидании поезда, возбужденная, как все малыши, когда они еще бодрствуют, хотя давно пора спать. Отпустив руку матери, она принимается семенить вокруг родителей и вскоре оказывается настолько близко от меня, что я вижу ее васильковые глаза. Она улыбается мне, и я улыбаюсь в ответ. На ней нарядное пальтишко с бархатным воротничком.

Неуверенно ступая, она подходит ближе, глядя на меня по-детски неотрывно, в упор, и вдруг ее улыбка гаснет. Я снова ловлю ее взгляд, преодолевая нахлынувшую боль и усталость, и пробую улыбнуться. Она напоминает мне мою маленькую сестренку Ли.

Несколько смущенный ее пристальным взглядом, я паляюсь вперед, хочу поздороваться. И тут она пачинает пронзительно вопить, будто я на нее напал. Ноги мои подкашиваются, я чувствую, что валюсь вперед, и хватаюсь за столб. Не могу понять, отчего она кричит. Ее рот — провал, в который, кажется, я вот-вот рухну, — напоминает мне зияющую рану.

Родители девочки оборачиваются на крик, отец бросается к ней, повторяя: «Я здесь, здесь», — и протягивает ру-

ку к дочери. Женщина подходит ближе, сердитая, негодующая, и вдруг останавливается как вкопанная, прикрывает рот рукой в перчатке, и я слышу ее слова: «О боже, Генри, взгляни на его лицо, оно все в крови».

Я провожу рукой по лицу. Рука становится липкой, и я начинаю испытывать тошноту: по пальцам у меня размазана кровь. Пытаясь устоять на ногах, прикипаю к столбу, все плывет перед глазами, голоса доносятся словно далекое эхо. Крик девочки обрывается, и я вижу, как стучащий по полотну дождь переходит в плавно оседающий снег.

Чей-то голос над самым ухом устало произносит: «Господи, Купер, что за вид, опять вы влипли в какую-то историю».

Голос мне знаком, но, когда я оборачиваюсь, чувствую, что начинаю терять зрение, и успеваю заметить лишь силуэт, колющий луч света, чье-то лицо на острие луча, а потом перед глазами только снег, опускающийся большими мягкими хлопьями, в ушах приглушенные звуки поездов, далекие-далекие, и я чувствую, что падаю, и мне уже попросту на все наплевать...

ЛОНДОН

Придя в себя, я услышал тот же голос, что и тогда, когда терял сознание, но потребовалась минута-другая, прежде чем я начал кое-что различать.

— Купер, — произнес голос. Кто-то потряс меня за плечо. — Купер, вы меня слышите?

Это был Олаф Питерсон.

Я пробыл в бессознательном состоянии с того момента, как свалился на руки Питерсона на перроне. Он отвез меня в полицейский медпункт для «текущего ремонта», а затем в частную клинику, чтобы я смог отоспаться. Когда я открыл глаза и увидел над собой его небритую физиономию, было три часа дня. Я спросил, какого черта он делает здесь, в Глазго. Он, как всегда, самодовольно усмехнулся и ответил, что у нас будет достаточно времени поболтать на эту тему. Он уже купил нам билеты на ночной поезд до Лондона. В поезде мы и поговорили.

В это время появился низкорослый, со спутанной седой шевелюрой, доктор в очках в золотой оправе и бегло осмотрел мою несчастную измоленную голову.

Я поморщился, когда он начал ощупывать пальцами мой череп.

— Повезло, — коротко произнес доктор над самым моим ухом. — Царапина. Даже перевязки не требуется. Разве сравнишь с тем, с чем мне обычно приходится иметь дело? — Он мельком взглянул на Питерсона. — Вы бы видели, как я штопаю ребят-футболистов после кулачной потасовки. — Он снова неодобрительно посмотрел на меня, точно я его сильно разочаровал.

К вечеру мы наведались в полицейское отделение, где мне пришлось дать объяснения по поводу моего скоротечного знакомства с Алистером Кемпбеллом. На столе лежала газета с фотографией Кемпбелла, сделанной много лет назад, коротким сообщением о стрельбе и снимком человека, в котором я узнал того, кто высунулся в коридор и послал меня куда подальше. Я перечитал заметку несколько раз.

Инспектор уголовного розыска по фамилии Макгрегор походил на ярмарочного торговца, а разговаривал как директор похоронного бюро. С грехом пополам уяснив себе фактическую сторону событий, он нахмурился, покачал головой. Макгрегор никак не мог уразуметь, каким образом ко всему этому причастен Гюнтер Брендель, и, конечно, совершенно явно не желал вникать во все сложности этого дела, по крайней мере до тех пор, пока не соберет достаточно данных.

Он извинился за причиненное мне беспокойство, а потом меня отвели в приемную и сказали подождать. Вскоре появился Питерсон и объявил, что мы свободны и можем ехать на вокзал, чтобы успеть на поезд. Толкуя с представителями власти «как детектив с детективом», Питерсон, очевидно, мог творить чудеса.

Он глянул в мою сторону, точно решая, брать меня с собой или оставить здесь, но произнес только:

— Ну и паршивые у них бутерброды.

Ночной поезд, которому предстояло одолеть четыреста с лишним миль до Лондона, оказался необыкновенно роскошным, и, как только мы устроились в своем купе, я почувствовал себя более или менее самим собой. Разумеется, моей бедной голове сильно досталось, однако пилюли доктора возымели действие, да и общество Питерсона пошло мне на пользу: правда, он был, как всегда, настроен иронически, но, по крайней мере, теперь я хоть был не один. Его большое, крепко сложенное тело стало мне как бы щитом, а сам он — моей надежной защитой.

Питерсон достал бутылку виски, велел принести лед и специальные стаканы — низкие и широкие, из толстого

стекла. Закурил сигару и сквозь дым воззрился на меня с полуулыбкой, выражавшей долготерпение и участие.

— Итак, — начал я, — зачем вы здесь?

— Коридорный у вас в гостинице сообщил, что вы купили билет на двенадцатичасовой до Лондона. Я еду на вокзал и нахожу вас всего в крови, навещающего ужас на малых детушек, и узнаю, к своей досаде, что по-прежнему, куда бы вы ни отправились, за вами по пятам следует убийство, и, естественно, понимаю, что вам крайне нужен человек, неважно кто, который мог бы сдерживать вас, чтобы с вами ничего плохого не стряслось. — Голос его стапавился все тише. Он покачал головой. Рядом с ним лежало кашемировое пальто голубовато-серого цвета, а поверх него клетчатая шляпа со слишком ярким перышком, заткнутым за ленту.

— Но зачем вы вообще приехали в Глазго?

— Я приехал, потому что происходит нечто весьма необычное, потому что меня разбирает любопытство, потому что я испытываю странную потребность сделать так, чтобы вы остались живы. Потому что мне не следовало отпускать вас в Буэнос-Айрес. И потому что я решил отдохнуть от своей жены... Послушайте, Купер, вы помните те коробки... те пустые коробки? Так вот, я отвез их содержимое в Вашингтон, в государственный шифровальный центр. Но прежде чем передать их на расшифровку, я заглянул в одну из отраслевых библиотек, где мне за несколько долларов сделали ксерокопии с каждой страницы. Только имея собственный экземпляр, я мог спокойно передать бумаги для прохождения во всех бюрократических инстанциях, не беспокоясь за их сохранность.

В Вашингтоне мне, что называется, классически морочили голову. Меня допросили ФБР и ЦРУ в связи с прошлым вашего деда. Я встречался с людьми, представленными мне как сотрудники Пентагона. Вот, собственно, и все. Дешифровщики так ни в чем и не разобрались. Сказали, на это требуется много времени, поскольку шифр «наисложнейший». Так они и заявили, Купер «наисложнейший». Словом, какое-то умопомешательство. — Питерсон сделал большой глоток виски, положил ноги на свою полку и вытянулся, пристроив подушку за спиной. Поезд мягко покачивало на стыках.

— Три дня они охмуляли меня, выспрашивали, что произошло в Куперс-Фолсе, прятали от репортеров... Городок приковал к себе огромное внимание: первые полосы газет, передачи новостей по радио и телевидению — все только об

этих событиях. Так или иначе, когда меня выдрили целиком, я снова зашел к дешифровщикам, но они по-прежнему что-то мямлили, увиливали, качали головами.

Я понял, что ни черта от них не добьюсь, и полетел в Нью-Йорк, к одному своему старому другу — Эрнесту Гарнецу. Он преподает в Колумбийском университете, профессор физики, а кроме того — как мы обычно называли его, когда я работал по спецзаданиям, — «кудесник». Такому расколоть любой шифр — все равно что разбить стекло в окне. Я вывалил перед ним всю эту нашу дребедень, он просмотрел материал и начал покрывать блокнот разными черточками, палочками, закорючками.

Ему потребовалось каких-нибудь три часа, чтобы расщелкать все от корки до корки. «Хреновину порют тебе там, в Вашингтоне, вот что, — сказал он мне. — Просто не хотят, чтобы ты знал, о чем тут говорится, поэтому и водят тебя за нос». И начал рассказывать, что в этих бумагах.

Я отхлебнул виски:

— И что же?..

— Нечто странное, Купер.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Планы. Нацистские планы оккупации, захвата стран, главных городов и крупных корпораций во всем мире... если они выиграют войну. — Он замолчал, пожевал конец сигары. — А также если проиграют ее. То есть в любом случае — будь то победа или поражение. Все спланировано детально, планы точные, конкретные, касающиеся «Ар-Си-Эй», «Дженерал моторс», компаний коммунальных услуг, то есть газа, электричества и прочего, государственных учреждений, таких городов, как Чикаго, Нью-Йорк, Майами, Детройт, Лос-Анджелес... Они поделили Соединенные Штаты на шесть районов, и каждый район абсолютно четко обозначен и точно ограничен.

— Победа или поражение, — повторил я. — Как это понимать: победа или поражение?

— Если война в Европе закончится поражением, это будет всего лишь временным отступлением, на одно-два поколения. Учтя и такую возможность, они составили второй план, который предусматривает постепенное покорение других наций, городов, учреждений и корпораций изнутри. Они уже внедрили своих людей повсюду. Это огромная, поистине чудовищная сеть оборотней, в сравнении с которыми Квислинг в Норвегии — просто мелкий жулик. Гарнец сказал, читая между строк, что Квислинг — своего рода

пробный запуск, эксперимент на довольно... э-э... примитивном уровне.

И это относится не только к Соединенным Штатам, Купер. Африка, Южная Америка, Россия, Мексика, Канада, Англия... Дьявольщина! Они все расписали, ничего не упустили. Об этом изложено в общих чертах на нескольких страницах. План захвата Соединенных Штатов разработан до мельчайших подробностей: предположительные сроки, последовательность действий... У них составлен целый график, и они не торопятся.

Судя по этим документам, в 1976 году президентом Соединенных Штатов станет фашист... причем никто не заподозрит его в этом. Всем попросту будет наплевать на все. К середине восьмидесятых годов Европа целиком станет профашистской — похоже, они считали Америку наиболее легким объектом, — а к 2000 году фашисты будут безраздельно править всем миром.

Мы с Гарнецом толковали всю ночь. К тому времени они не будут называться нацистами, но так или иначе это будет победа фашистской идеологии, триумф их воли. Последний раздел зашифрованной писанины — черная книжица небольшого объема — касается эры после наступления второго тысячелетия, «воскрешения» Гитлера как Нового Христа... единого отца всего сущего.

В купе воцарилась тишина. За окном во мраке мелькали сельские пейзажи. Поезд плавно покачивало из стороны в сторону. У Питерсона на лбу ниже парика выступил пот. Лицо его удивительно расслабилось. Он невидящим взглядом смотрел в ночь.

— Все это похоже на детскую игру, — произнес я наконец.

— Верно, — согласился Питерсон. — Но вы бы видели эти документы, эти сургучные печати с орлом и свастикой, этот тронутый временем пергамент, его заплесневелые края, подписи, чернила, которыми писал Гитлер. Глядяшь на эти бумаги, и от них веет духом того времени, поверьте мне, Купер, и внутри точно все обрывается... Нет, это не детская игра, и те, кто писал их, не кукольные персонажи в смешных мундирах. — Он посмотрел на меня, и его голос опять стал обычным. — Это перспективный план, и план далеко не шуточный. Составлявшие его люди — фигуры исторические, а они в игрушки не играли. У них и исполнители намечены, причем это — единственная часть текста, которая, по словам Гарнеца, не поддается расшифровке, поскольку их имена закодированы. Узнать о них можно, только имея

ключ к коду. Например: Ударник, Спринтер, Снегирь, Гриф, Зигфрид, Жаворонок, Пантера, Акула, Барбаросса, Сфинкс. Сотни таких вот закодированных имен, разве все упомянуть...

Гарнец считает, что этот план остается неизменным: человек, который скрывается под определенной кличкой, может умереть, сама же кличка сохранится. Просто она будет переходить к другим людям.

— Кто же был таким человеком в Америке? Могли бы вы сказать, существовал ли ключевой человек во главе организации во время войны?.. — Питерсон был прав: внутри у меня и впрямь все обрывалось, скользило вниз, как при обвале в гравийном карьере.

— В Америке этим человеком был Зигфрид...

— Впавший в сон в ожидании, когда его вновь призвут...

— Это ваш дед, Купер. Не иначе, им был Остин Купер.

Долгое время в купе стояла тишина. Капли дождя сбегали по стеклу, вспыхивали и проносились мимо дорожные огни.

— В Вашингтоне, должно быть, так и решили.

— Скорее всего, — ответил Питерсон. — Однако весь вопрос в том, является ли этот план частью истории, ушедшей в прошлое, или он все еще действует? Не знаю. Однако несколько человек погибли только потому, что кто-то очень всерьез отнесся к содержимому старых коробок. Этого нельзя игнорировать, не так ли? Мы с вами одни, Купер, — продолжал он тихо. — Вы заварили всю эту кашу или ваш брат, это неважно, но, боюсь, теперь пути назад у нас нет, сворачивать в сторону поздно. Мы — одни. Я тоже увяз в этом деле по самое горло. И... — он вздохнул, — и мы впускаем в него каждого, к кому прикоснемся. Алистер Кемпбелл соприкасался с этим всего несколько часов — и вот его не стало. Одного не могу взять в толк, почему вы все еще живы? Наверняка они давно могли упокошить вас без всякого труда, если бы действительно хотели.

— Мне это тоже приходило в голову.

Он закурил новую сигару, включил вентилятор.

— А сейчас расскажите, что вам удалось выяснить. Давайте все по порядку.

Так я и сделал. От Роки Питерсон узнал о том, что я вылетел в Глазго, а посему я начал повествование с момента своего прибытия в Буэнос-Айрес. Я выложил все: о Роке, Сент-Джоне, Котмане, Марии Доллдорф, профессоре Доллдорфе и его дневнике, газетной вырезке, моей сестре Ли, Брен-

деле, поджоге квартиры Марии Долдорф, об исчезновении Сент-Джона и Котмана по пути в Патагонию, их лжи и полулжи, о вездесущей тени Перона, закодированных именах — Барбаросса и Зигфрид.

— Ваша сестра, Купер? Ваша погибшая сестра? — Он выражал свое недоверие в свойственной ему театральной манере. — Ваша сестра, вы говорите?

— Да, именно она связывает Сирила со всей этой историей. С нее все и началось. Если бы он случайно не увидел эту фотографию в газете, он сейчас был бы жив. Я убежден, что вначале Сирил просто хотел выяснить, не является ли та женщина — нынешняя фрау Брендель — нашей сестрой. Каким-то образом это привело его в Куперс-Фолс, в родной дом, где его и убили. — Я сам горел непреодолимым желанием найти Ли. «Что важнее, — думал я, — то, о чем узнал Питерсон, или то, на что случайно наткнулся я? Забытая богом нацистская дребедень или Ли? Впрочем, они неразделимы, одно ведет к другому. И сколько уже погибло людей в попытке узнать истину».

— Куда ни сунься, всюду фашисты, — угрюмо проворчал Питерсон. — Гадюшник. Бог мой, я думал, война кончилась. С ума можно сойти... — Он покачал головой и повторил фамилии немцев из Буэнос-Айреса: — Котман, Долдорф, Брендель... И этот стервец — англичанин Сент-Джон. — Он поморщился. — Меня пугает то, что во всем этом деле есть какой-то скрытый смысл. Если бы только я мог найти правильную нить!

Наконец мы улеглись на свои полки, погасили свет.

— Расследования по поводу тех убийств абсолютно ничего не дали, — сказал Питерсон. — А Артур Бреннер получил инфаркт.

— Что? — Я одеревенел, услышав это. Как-то само собой разумелось, что Артур будет жить вечно, не меняясь с годами.

— В столовой, в гостинице. Просто рухнул на стол, и все тут, сообщил мне Брэдли. Я в то время был в Нью-Йорке, но сразу вылетел на день в Куперс-Фолс, прежде чем отправиться в Глазго, однако он находился в коматозном состоянии. Брэдли сказал, что, по всей видимости, причиной явилось потрясение от нападения на него либо перенесенная на ногах простуда. Брэдли считает его состояние очень тяжелым... — Голос Питерсона звучал все глуше.

— Понятно, — ответил я. В глазах у меня стояли слезы.

— Так что же успел сказать, умирая, Кемпбелл, когда свалился на вас в коридоре?

— Он сказал, что надо найти какие-то пятна. По-моему, это лишено всякого смысла. Падая, он оставлял на стене пятна собственной крови.

Блестевшее от дождя такси высадило нас на перекрестке Оксфорд-стрит и Норт-Одли. На его черном металлическом боку, точно в зеркале, отразился ярко-красный лондонский автобус. Защищаясь от дождя и неистовых порывов ветра, я поднял воротник пальто. Питерсон расплатился с водителем, высморкался и затянул потуже шарф на шее. Дождевые капли рассыпались бисером по его черному кожаному плащу, оседая на плечах.

Лежавший под непроницаемо-серым покровом туч фешенебельный район Лондона Мейфар, казалось, не выражал особого восторга по поводу отвратительной погоды. Гроувенор-сквер переживала ее, выталкивая поверх сгорбленных плеч то черные зонтики, то котелки дипломатов. Здание американского посольства тоскливо размышляло в своей современной неприязнительности над долготерпением истории, проходившей у его стен. Увядшие листья на асфальте липли к моим башмакам. В самом центре площади стойко выстаивал под дождем Франклин Делано Рузвельт, увековеченный в памятнике.

При жизни мой брат Сирил обитал на Керзон-стрит, неподалеку от Беркли-сквер. Прямо с тротуара несколько ступенек вверх, полированная дверь, тускло освещенный мерцающим светом коридор — и вот мое лицо отразилось в медной пластинке с выгравированным одним-единственным словом: «Купер». Питерсон стоял позади меня. В пластинке отражалось его длинное, вытянутое вниз лицо. Неожиданно он начал стряхивать с себя воду, как мокрый пес.

В тихом, слабо освещенном коридоре с ковровой дорожкой, обоями на стенах слегка пахло древесным лаком, и неяркие световые блики играли на блестящих панелях. Питерсон оглядел замок, вставленный на уровне глаз, несколько свирепо оскалил белые зубы на манер Эмилиано Сапаты и, ловко сунув свою кредитную пластмассовую карточку в щель, где находился язычок замка, одним быстрым движением распахнул дверь.

В прихожей ощущался слегка застоявшийся запах, свойственный нежилым помещениям, как бы часто их ни проветривали и ни подметали. Золоченое зеркало в раме тонкой работы, неприкаянные зонтики в медной подставке в виде сапога, пылинки, пляшущие в сером снопе света ме-

жду почти полностью задернутыми порттьерами, — на всем лежала печать заброшенности и какой-то невосполнимой потери.

Квартира, затененная и беззвучно-спокойная, дожидалась возвращения Сирила. Даже Питерсон, похоже, был подавлен мрачной тишиной жилья и тем, что Сирилу больше никогда не суждено вернуться сюда. Наконец он нащупал в полутьме шнур и раздернул порттьеры. По окну струился дождь. Питерсон поднял раму, и в комнату ворвалось журчание водяных струй, бегущих по карнизам.

Точно сыщики, мы переходили из комнаты в комнату: строгая спальня — в шкафу оказалось всего несколько пар белья; роскошная гостиная — здесь новомодные декоративные панно в стальных рамках соседствовали с гарнитуром в стиле королевы Анны и огромным резным банкирским бюро; столовая — тут повсюду красовался хрусталь, стояла мебель из трубчатой стали; уютная кухня, где все, что возможно, было встроено в стены, а посередине красовался разделочный стол в виде колоды, повсюду были развешены кастрюли, сковороды и всех видов ножи и резак.

— Что же дальше? — В полной тишине мой голос прозвучал по-мальчишески высоко и звонко. Порттьеры колыхались от ветра, дождь брызгал на подоконник.

— Дальше посмотрим в бюро. — Питерсон обошел вокруг него. — С каждой стороны по ряду ящиков. Будто для двоих людей предназначены, — пробормотал он и потянул один из них. Ящик легко выдвинулся. Методически мы проверили все ящики — они легко открывались, ни один не был заперт.

— А что мы ищем? — спросил я.

Он взглянул на меня с кислой миной:

— Просто посмотрим. Порыскаем. Будем полагаться на свой инстинкт. Действуйте как сыщик, черт побери. Вы же первый начали совать свой нос повсюду...

— Хорошо, хорошо. У меня от вас голова болит.

Битый час мы копались в бумагах. Наконец Питерсон выпрямился и помахал клочком газеты, держа его в широкой, поросшей черными волосами лапе.

— Ну вот, — сказал он, — опять эта фрау Брендель!

В руке у него была точно такая же вырезка из газеты, какая лежала в моем бумажнике. Сердце мое екнуло.

— Надо полагать, он был убежден в этом не меньше вас, — удивленно произнес Питерсон и уставился на фото. — Она действительно похожа на вашу сестру?

— Нет, она очень похожа на нашу мать. Или так могла бы выглядеть наша сестра сейчас...

— Если бы она была жива.

— Очевидно, она все же жива. Возможно, у меня такая реакция на эту фотографию, поскольку я знаю, что брат повсюду возил ее с собой. А Сирил... он же увидел ее только в газете, но этого оказалось для него достаточно.

В ящиках с моей стороны не было ничего стоящего. Я откинулся в кресле и уставился на Питерсона. Брови у него слились в одну линию, губы под густыми усами плотно сжались. Он развел руками и пожал плечами:

— Ничего.

Я полез в карман за трубкой, принялся выколачивать ее в тяжелую хрустальную пепельницу. Рядом с пепельницей лежал конверт, адресованный Сирилу Куперу. Я машинально пробежал по нему глазами, и только спустя некоторое время до моего сознания дошел обратный адрес: «Айвор Стейнз, баронет. Остров Кэт, Корнуэлл».

Я поднял глаза на Питерсона.

— Стейнз, — произнес я. — Я нашел «стейнз», то есть пятна! Кемпбелл имел в виду какого-то человека по имени Айвор Стейнз.

Питерсон недоверчиво посмотрел на меня.

Письмо на кремовой пергаментной бумаге было кратким: «Уважаемый мистер Купер. Рад буду встретиться с вами здесь, на острове Кэт, согласно нашему телефонному разговору.

С сердечными пожеланиями
Айвор Стейнз».

Письмо было получено осенью, по всей вероятности, после того как Сирил побывал у Алистера Кемпбелла и, видимо, узнал от него все то, что бедный маленький репортер-шотландец с такой безнадежной решимостью хотел сообщить мне.

— Мы должны связаться с ним, — сказал Питерсон.

Телефон не был отключен, но нам потребовался почти час, чтобы выяснить, как дозвониться до острова Кэт. Дело оказалось далеко не простым. На остров, сообщили мне, проложен всего один кабель, и придется ждать, пока подойдет моя очередь. Телефонистка позвонит, когда мой абонент выйдет на связь.

Мы сидели в сгущавшихся сумерках. Я закурил трубку. События переплелись в моей голове в беспорядочную паутину наподобие незнакомой карты дорог в неведомой стра-

не. Составлять списки действующих лиц я давно бросил. Перестал беспокоиться и о связях между ними — все равно я ни в чем не мог разобраться. Столько имен и фамилий, столько угроз, опасностей и смертей! Как только я падал духом, меня начинали всерьез терзать опасения, что я не выберусь живым из этой истории. Когда же на меня наваливалась усталость, как, например, сейчас, я переставал верить в то, что все это вообще мне нужно.

Раздался телефонный звонок, и мы оба вздрогнули. В трубке щелкало и шумело, точно ветер и дождь свистели прямо в ухо. Но вот издалека отозвался слабый голос.

— Могу я поговорить с сэром Айвором Стейнзом? — прокричал я. — Мое имя Джон Купер.

Еще несколько слов, и помехи исчезли, водворилось полное молчание, потом раздался металлический щелчок, и пронзительный голос, тоже словно металлический, произнес:

— Айвор Стейнз у телефона, мистер Купер. Чем могу быть полезен?

— Я брат Сирила Купера...

— Ага, понятно... и внук Остина Купера. Где вы сейчас находитесь, дружище? — Пронзительный голос звучал теперь почти радостно.

— В Лондоне. Мне хотелось бы встретиться с вами, если можно.

— Ясно. Как поживает ваш брат?

— Он умер. Потому-то я здесь.

Наступила долгая пауза, а потом я услышал:

— Повторите, пожалуйста.

— Мой брат Сирил мертв. Поэтому я и хочу увидеться с вами.

Питерсон, не отрываясь, глядел на дождь, хлеставший по подоконнику. Его сигара давно погасла.

— А-а, естественной смертью, значит?

— Нет.

— Мне, право, очень жаль... А могли бы вы приехать на остров Кэт?

— Да, мы можем приехать, если вы скажете, где он находится...

— Мы?

— Я не один, с другом.

Голос на противоположном конце провода стал менее приветливым.

— Поезжайте до мыса Лендс-Энд в Корнузлле. Остров находится на некотором удалении от берега. До Лендс-Энда

вы доберетесь к полудню завтрашнего дня на поезде или на машине. Мой человек придет за вами на катере в шесть вечера. Его зовут Даусон, катер называется «Лир». Он доставит вас на остров, тут мы и поговорим. Все поняли?

— Абсолютно, — ответил я.

— Тогда до завтра, — сказал он, и на этом разговор закончился.

В густеющих сумерках по-прежнему лил косой дождь. Над Беркли-сквер, где некогда распевали соловьи, неслись облака, похожие на акварельные пятна. Мы снова пересекли площадь, дошли по Маунт-стрит до Парк-лейн, постояли, ежась от сырости и глядя на лоснящуюся от влаги зелень Гайд-парка. Питерсон набрал полную грудь воздуха. В густых потоках дождя вспыхивали фары автомобилей.

Мы прошли между дворцовыми греческими колоннами гостиницы «Гроувенор-хаус», где получили немисливо дорогой номер с видом на улицу и парк. Питерсон остановился у окна, пристально глядя на струи дождя.

— Остров Кэт... — произнес он. — Наверное, на этом острове дождь льет не переставая.

На следующий день рано утром, подзаправившись как следует яичницей, копченой рыбой и сдобными булочками и прихватив термос с кофе, мы взяли напрокат автомобиль и отправились в Лендс-Энд, полагаясь только на карту шоссежных дорог и способность Питерсона вести машину при левостороннем движении. Если погода и менялась, то явно к худшему. «Дворники» на ветровом стекле работали без передышки. Фары не выключались целый день.

В прокатной конторе нас предупредили, что Корнуэлл — почти что заграница. И действительно, стоило нам свернуть влево, к Морвенстоу, чтобы выехать на дорогу, идущую вдоль берега, как я заметил надпись, сделанную мелом на кирпичной стене: «Мебьон Керноу!» («Автономия Корнуэллу!») С силой налетал дождь с Атлантики, размывая меловые буквы на стене.

Коса Шарпноуз, Мэрхэм-Черч, мыс Диззард, Кэмбик, мыс Файр-Бикон, замок Тинтаджел...

Справа от нас дождливое небо и поднимавшийся над морем туман сливались в один бездонный серый провал, затмевая свет. Сквозь прорехи в тумане было видно, как глубоко под нами яростные, пенные валы Атлантики терзали и без того разбитые выступы суши. Гранитные скалы круто обрывались вниз подобно стенам небоскреба протяженностью в несколько миль.

У замка Тинтаджел мы вышли из машины немного размяться. Крепость, где родился король Артур, стояла одинокая, покинутая в такую собачью погоду туристами. Башни и стены взымались как замшелые стражи, охраняя то, что лежало там, за ними, далеко от моря. Внизу с неистовством крошились о дамбу свирепые волны Атлантики. Руины были покрыты мокрым зеленым дерном, и в тумане мерещилось черт знает что.

Питерсон приложил ладони к ушам. С носа у него падали дождевые капли. Он подозвал меня жестом — шум волн заглушил бы голос. Мы опять сели в машину. До Лендс-Энда, до Даусона и славного судна под названием «Лир» нам оставалось еще миль сорок.

Однообразно мелькали намokinные указатели: замок Дойден, мыс Пентайр, Уэйдбридж, Тревос-Хед. От многочасовой езды у меня разболелась спина.

В Ньюки мы быстро миновали ряд гостиниц, темными глыбами нависших над мокрыми серыми пляжами. Машину вел я, а Питерсон дремал. Здесь, вдоль берега, ветер дул сильнее. За сплошной завесой дождя все казалось распыленным, неясным. Крупные капли с силой ударялись о ветровое стекло и превращались в ничто. Без устали трещал радиоприемник.

Узкие улочки Сент-Айвса были почти пустынные, лишь какой-то пьяный мужчина в берете и толстом свитере стоял на углу, уставившись на дорогу и почесывая бороду.

На спуске к Лендс-Энду при тусклом свете угасавшего дня взору открывался лишенный растительности суровый гранитный массив цвета штыковой стали, похожий на обнаженный каменный кулак, которым суша грозила морю. Гурнадс-Хед, Пост-Пендин, мыс Корнуэлл, Сент-Джаст... слева — Пензанс, оттесняющий нас к океанскому берегу со множеством бухточек, заливчиков и фиордов, врезающихся глубоко в скалы, выгрызенных океаном в теле материка.

Но вот и Лендс-Энд. За ним — ничего, и если, случись, откажут тормоза, можно рухнуть с утеса в пучину моря.

Питерсон с опаской глянул вниз из-под налитых сном век:

— Бог мой. Конец света. — И зевнул.

Впереди, на краю обрыва, одиноко лепилась придорожная гостиница, точно отверженный, которого навечно изгнали из общества. Завывал свирепый штормовой ветер. Кружились и отвесно падали в пустоту чайки, исчезая в тумане, словно бледные призраки...

В камине ревел огонь. Моложавая женщина принесла нам коньяк, пирожные и кофе. В горле у меня саднило, коньяк обжег его и огнем опалил желудок.

— Мне кажется, Купер, мне в самом деле кажется... — Питерсон нахмурился. — Боюсь, у меня температура. Какой-то ненормальный считает, что он может перевезти нас на остров на катере в такой чертовский ураган. Мы отправились в какую-то дыру под названием остров Кэт — ну прямо как в дешевом детективе. Да там просто ничего нет и быть не может!

Женщина появилась снова, подбросила дров в камин.

— Очень ветрено сегодня, — спокойно заметила она. — Вы у нас заночуете?

— Нет. Нам еще предстоит ехать вон туда, — указал я в сторону побережья.

— На острова Силли? — удивилась она. — Стоит ли в такую ночь?

— Нет, не на Силли. На остров Кэт. Знаете такое место?

— Значит, мистер Даусон приедет за вами?.. Что ж, он моряк лихой, как говорит мой отец. Да и «Лир» отличный катер. — Она снова улыбнулась. — Летом они иногда ужинают у нас. Даусон — тот охоч до девиц. Много их тут приезжает посмотреть на морские волны в Ньюки и Сент-Айвс.

Питерсон попытался подавить зевок, но безрезультатно.

— А Стейнз тоже силен по дамской части?

— Скажете тоже, конечно, нет. Девицам он без пользы, уж это точно.

— Почему так?

— Узнаете сами. Вы ведь к нему едете? — Она несколько раз энергично ткнула кочергой в огонь, потом взяла поднос: — Желаю хорошо доехать. — И, сдержанно улыбувшись, вышла.

Мы спрятались от дождя и ветра в будочке на краю деревянного причала, маслянисто-скользкого от сырости. Питерсон проклинал все на свете.

Но вот сквозь дождь и туман показался колеблющийся, расплывчатый огонек, подобный крошечной холодной луне. За непрерывным грохотом могучих волн послышалось та-рахтение мотора. «Лир» уверенно ткнулся в бревна причала. Очень крупный, исключительно проворный, несмотря на свой рост, человек в черном непромокаемом плаще начал швартовать катер к свае толстым канатом. Раскачи-

ваясь, поскрипывал фонарь, висевший на крюке над нашими головами. Но вот человек прыгнул на причал и, пригибаясь под потоком хлеставшего дождя, зашагал к будочке.

— Купер? — прокричал он, перекрывая свист ветра.

Я кивнул.

Ворот черного свитера закрывал подбородок мужчины, клеенчатая шляпа была натянута на самый лоб. От него пахло машинным маслом и морем.

— Ну, в таком случае прошу на борт, — сказал он добродушно. — Только не свалитесь в воду. — Он помог нам взобраться по скользкому трапу.

Канат натянулся. «Лир», катер футов тридцати пяти длиной, с просторной каютой, весь дрожал. Питерсон поднялся следом за мной, и, пока Даусон отдавал швартовы, мы спустились по лесенке в каюту.

Войдя в теплое помещение, Даусон сбросил дождевик, снял шляпу и повесил их на крючок. Каюта блистала чистотой, надраенной медью и лакированным деревом, хотя катер был далеко не новый. Иллюминаторы были покрыты мелкими, как бисер, дождевыми каплями.

— Скверная ночь, — заметил Питерсон.

— Ничего, мы привыкли, — отозвался Даусон. Рот у него был перекошен, нос приплюснут, лохматые брови спутаны, лицо покрыто темным загаром. — Ну-ка глотните коньячку, это пойдет вам на пользу. — Он плеснул из фляги в кофейные кружки, потом передвинул рычаг, и двигатель зарокотал, застучал где-то под нами.

— И все равно, я считаю, паршивая ночь, — пробурчал Питерсон.

— Что верно, то верно, мотает здорово, но для «Лира» все нипочем, пройдет как нож по маслу. Теперь держитесь. Выходим в море...

Волны обрушивались на катер со всех сторон, пенились на стекле рубки, точно змеи, свивались в клубок и сползали обратно в море. Питерсон как куль плюхнулся на скамейку, сжимая в руках кружку с коньяком. Его лицо быстро бледнело.

— Сколько нам плыть до острова?

— Около часу. Чуть больше, чуть меньше, — ответил Даусон, неотрывно глядя вперед. — Это недалеко, но идти придется медленно, все время против волны.

Я сделал глоток коньяку:

— Вы давно служите у сэра Айвора?

— Давайте посчитаем. Я встретился с полковником в сорок втором. Он тогда вернулся из Африки, работал в

контрразведке генштаба, и меня временно откомандировали к нему для спецзаданий. — Он глянул в мою сторону, осушил свою кружку. — С тех пор я при нем, так уж вышло. — Спустя некоторое время он добавил: — Вы не беспокойтесь, «Лир» — катер что надо. Вроде старого пирата. В прошлом на этом побережье укрывалось столько пиратов, сколько ни в одном другом месте мира.

— А вы, часом, не пират? — спросил Питерсон.

— Нет, не пират.

— Слава Иисусу, — пробормотал Питерсон, — хвала тебе, господи, за мелкие радости.

— Однако в былые времена мы выходили на «Лире» для охоты за подлодками. Оснастили его и рыскали по Ла-Маншу в погоне за этими сволочами. Отличное было развлечение.

— Нашли хоть одну?

— А как же, целых две! Обе были повреждены и потому не могли погрузиться. Мы наткнулись на них в тумане.

— Что же вы сделали? — заинтересованно спросил Питерсон.

— Что сделали?.. У полковника, естественно, кровь зыграла. — Даусон налил еще коньяка. — Мы навели пушку и открыли огонь, не предупредительный, черта с два, и раздолбали их. Обе пошли на дно, вот так-то.

— С ума сойти, — пробормотал Питерсон.

— В воде немцев плавало — тьма, вопили, махали руками... То еще было зрелище...

— Много, значит, взяли пленных?

— Пленных? — Даусон улыбнулся, по-волчьи оскалив зубы, потом сжал их так, что на скулах заиграли желваки. — Нет.

— Что же вы с ними сделали? Не могли же вы оставить их тонуть.

— Ну вет, утонуть мы им не дали. Полковник приказал мне проутюжить их катером, а сам встал к пулемету. — Он снова устремил взгляд вперед, в туман. — Нет, ни один не утонул, за это я ручаюсь, сэр.

Измотанные качкой, ощущая слабость в коленях, уставшие до предела, мы наконец почувствовали глухой удар борта о пирс — дряхлое сооружение, сколоченное из бревен, теперь разбитых и пропитанных водой. Даусон закрепил катер под укрытием, и мы последовали за ним по усыпанному мелкой галькой берегу, продрались сквозь кустарник и заросли папоротника и, тяжело дыша, вышли на

Бич-роуд. Прямо поперек дороги, на самой ее середине, стоял длинный, сверкающий, забрызганный дождем «роллс-ройс» довоенной модели. Стуча зубами от холода, мы забрались на заднее сиденье.

— На острове всего две машины, — пояснил Даусон, неторопливо сядя за руль. — А водитель один — я. Поэтому могу оставлять машину где угодно. — Он включил двигатель, и мы потихоньку двинулись вперед. Острые, как пальцы, лучи фар прощупывали путь сквозь изморось и туман. — Эту дорогу построили в 1760 году, если верить историческим данным. Полковник, когда ушел в отставку, приказал сменить покрытие. — Даусон кивнул в темноту, на едва проступавшие очертания построек. — Там бывший каретный сарай, конюшни, теннисные корты, а вокруг них сетки... правда, теперь они заросли диким виноградом. Никто ничем этим не пользуется с той поры, когда Стейнзы приезжали на остров всей семьей, часто приезжали. Много времени прошло с тех пор. Меня тогда еще и на свете не было. А от их семьи остался один полковник.

Питерсон ругнулся вполголоса, всматриваясь в темноту, и воскликнул:

— Мать родная! А это еще что такое?

Вырванный из темноты параллельными лучами фар, возник угловатый скелетообразный остов, торчавший у обочины, воткнутый в землю как гигантский кинжал. Даусон остановил машину. Дождевые струи каскадом падали вниз в свете карманного фонаря, который он направил на эту фигуру.

— Немецкий бомбардировщик. Кувырнулся здесь во время бомбежки, изрешеченный, в огне. Никто не уцелел, кстати говоря. Полковнику он нравится, говорит: его можно считать произведением парковой скульптуры. Потому так здесь и торчит. — Даусон выключил фонарь. — Полковник радуется, глядя на него. Любит все, что напоминает ему о войне. — «Роллс-ройс» снова медленно тронулся. — Он оставил и обломки собственного «харрикейна» на противоположной стороне острова, возле самых скал. Та еще история! Его самолет превратили в решето над проливом, и он едва дотянул до острова. Еще футов десять пониже — и разбился бы о скалы. Но ему удалось проскочить над самой вершиной, сесть на брюхо, и только тогда он потерял сознание. «Мессер», который гнался за ним, взял чуть ниже, летчик в тумане не разглядел скал и врезался прямо в гранит. — Он тихо хохотнул, и я с трудом расслышал последние слова. — Этот тоже тут. Вбит в наш остров, как

большой ржавый гвоздь в каменную стену. Да тут вокруг много сбитых самолетов. Три из них на островке в милю длиной и триста ярдов шириной. Однако, если на то пошло, наш остров вообще не чета другим во многих отношениях.

— Похоже, полковник довольно странный человек, — заметил я.

— С причудами, это точно. Так ведь англичане все такие, кого ни возьми. Вы, янки, всегда посмеиваетесь над эксцентричностью англичан, — рассмеялся он. — Ладно, полковник — эксцентрик, пускай. Но, я бы сказал, это придает ему больше сил.

Из тумана вынырнула массивная каменная стена.

— Это внешняя сторона замка. — Даусон вышел из машины, пригнулся от ветра.

— Купер, Купер, — прорычал Питерсон, — скажите на милость, во что теперь вы втянули нас? Это же чистое безумие.

— Пока всего-навсего просто гнусная погода.

— При чем тут погода, черт возьми?! Ваш проклятый полковник совершенно ненормальный, это абсолютно ясно. По всей его детской площадке понатыканы разбитые самолеты. Этот Даусон — его нянька. Вы заметили нотки снисходительности в его голосе, когда он говорит? Такое бывает, когда долго ухаживаешь за сумасшедшими.

Даусон вернулся и осторожно провел машину через ворота в стене полутораметровой толщины.

— Сам дом — на холме высотой ярдов двести. Памятник старины, охраняется государством, а все равно разрушается. От многих построек, каким лет по тысяче, остались одни руины. — Даусону явно нравилась роль гида. — У нас тут есть хижина еще каменного века, вообразите себе, и кладбище времен Римской империи.

Он затормозил «роллс-ройс» перед большим трехъярусным квадратным зданием. Оно было абсолютно симметричным: окно в окно, колонна в колонну. Тусклые желтые огни светились в глубине дома. Интересно, что делали римские легионеры вот в такую же безбожно лютую ночь? Грелись у костров?

Даусон взял наши чемоданы и поставил в каморке призрачника рядом с вестибюлем. Украшенные резьбой настенные канделябры, в свое время переделанные в электрические светильники, горели неярким желтым светом. Вестибюль вел в сумеречные глубины, куда уходили, исчезая в темноте, обшитые панелями стены. Пол был каменный и холодный. Даусон провел нас в библиотеку в задней ча-

сти первого этажа. Стены были невиданной толщины; книжные полки, как грани пирамиды, устремлялись вверх, в полумрак. Питерсон поспешил к камину, в котором жадные языки пламени поднимались над огромными обугленными поленьями. Снаружи по плато, свирепо завывая, гулял атлантический ветер. Дождь молотил по окнам.

— Пойду доложу полковнику, — сказал Даусон, — а вы пока располагайтесь поудобней. Коньяк, виски, содовая...

Питерсон налил себе коньяк в непомерной величины фужер с выгравированным фамильным гербом и снова поскорей вернулся к огню.

— Холодно, — пробурчал он, — и чертовски сыро.

На стене в рамках висели самые различные фотографии: от снимков семейства Стейнзов на пикниках, в теннисных костюмах, с ракетками в руках, отмеченных колоритом двадцатых годов, до групповой фотографии летчиков вокруг «спитфайра» на каком-то отдаленном безвестном английском аэродроме. В углу на стойке был укреплен громадный пропеллер, по-видимому, от такого же самолета. В рамке под стеклом я заметил поразительный античный рисунок, выполненный на пергаменте в грубой манере средневековой графики. Фигура с бесстрастным лицом волочится по земле за лошадью, а рядом с телом пляшет какой-то человек, но и на его лице тоже совершенно безучастное выражение. Под рисунком безупречным каллиграфическим почерком написано:

«Один из первых Стейнзов, коего постигла справедливая для подданных участь человека, возмечтавшего в гордыне своей, что и он может стать хорошим королем, был казнен в июне 1242 года, тело его проволокли от Вестминстера до Тауэра и оттуда к лобному месту, где, прежде чем он с последним вздохом отдал богу свою зловредную душу, его вздернули на крюк, а затем, окоченевшего во смерти, сняли с крюка, выпустили ему кишки и спалили их огнем на месте, а презренное тело его подвергли четвертованию, и части его разослали в четыре главных города королевства, дабы это жуткое зрелище вселило ужас во всех зрящих его».

Питерсон читал, глядя через мое плечо. Закончив, он посмотрел на меня:

— Вы думаете, это возымело действие?

В дверях появился Даусон и голосом, от которого Питерсон подпрыгнул на месте, возвестил:

— Полковник Стейнз!

И тут через широкий проем в зал вкатился человек в кресле для инвалидов со стрекочущим моторчиком. Тонкие бледные губы широкого рта были растянуты в улыбку, светлые, дугой изогнутые брови высоко подняты над сероголубыми глазами. Орлиный нос торчал на продолговатом лице. Блеклые с проседью пряди волос падали на высокий лоб. Голос, не искаженный плохой телефонной связью, оставался суровым, металлическим и холодным, как сквозняки, гулявшие по каменному полу. Ноги его были укутаны тяжелым толстым пледом.

— Добрый вечер, господа, добрый вечер, и добро пожаловать на наш довольно неприветливый остров. Вы, — сказал он, ловко подкатывая ко мне, — наверняка мистер Купер. Явное фамильное сходство, прежде всего в глазах. Позвольте выразить вам мое искреннее сочувствие по поводу смерти вашего брата... А вы, — он взглянул на Питерсона, — приятель мистера Купера?

Питерсон представился, после чего полковник Стейнз жестом указал нам на глубокие кожаные кресла у камина. Подозвав Даусона, он велел подать поднос с бокалами, коньяком, виски и содовой, а также посмотреть в кладовой, что можно приготовить на ужин. Мы уселись. Я чиркнул спичкой, раскурил трубку, налил немного виски с содовой.

Пока мы ожидали возвращения Даусона, Стейнз проявил себя как умный, острый на язык комментатор по части политических проблем Англии. Государственных лидеров ее он считал людьми весьма порядочными, но «политически перешитыми».

Говоря все это, полковник не переставал улыбаться и энергично жестикулировать. Его элегантно светлые с проседью усики были аккуратно подстрижены, на щеках залегли глубокие складки, кожа на лице задубела от атлантических штормовых ветров.

Появился Даусон, держа в руках поднос с кругом стiltonского сыра, горчицей, фруктовым пирогом, дымящимся кофейником и бутербродами с ростбифом.

Полковник Стейнз пригласил нас наполнить тарелки. Отправив Даусона подготовить нам комнаты, он вставил в черный мундштук сигарету и приступил к повествованию, ради которого, собственно, мы и прибыли к нему:

— Сирил Купер приехал ко мне из Глазго сразу после встречи с Алистером Кемпбеллом. Я знаком с мистером Кемпбеллом давно, поскольку был связан с ним по работе в Каире еще до того, как война с фашизмом развернулась

повсеместно. Ваш брат показал мне газетную вырезку — фотографию человека по имени Гюнтер Брендель и его очаровательной супруги Лиз. В силу некоторых обстоятельств у меня имеется толстое досье на Гюнтера Бренделя, о чем Кемпбелл прекрасно знал. Но к этому мы вернемся позже... Сирил сообщил мне, что он внук Остина Купера, и этот факт вызвал с моей стороны гораздо больший интерес и любопытство, чем он мог себе это представить. Вашему брату было известно, что он может получить от меня информацию о Бренделе. Он признался, что его интересует не столько сам Брендель, сколько эта молодая женщина, Лиз Брендель, — выцветшими глазами Стейнз в упор посмотрел на меня сквозь пелену сигаретного дыма, — и высказал весьма занимательное предположение. Он утверждал, будто Лиз Брендель — его сестра, которую все считали давно погибшей. Я, естественно, спросил, на чем основывается такое его заключение, а он, сильно смутившись, ответил, что она выглядит так, как могла бы выглядеть сейчас его сестра, что она почти точная копия его матери, какой он помнит ее с детства. И надо отдать ему должное, он очень и очень твердо стоял на своем.

Впрочем, честно говоря, я почти наверняка не стал бы вникать во все это, но тот факт, что этот молодой человек — внук Остина Купера, сыграл для меня огромную роль. А также то, господа, что Гюнтер Брендель был и остается фашистом.

Все это полковник произнес со свойственным ему железным спокойствием. Подавшись вперед, он сделал глоток виски. Питерсон глянул на меня с живейшим интересом, затем снова принялся жевать непрожаренный ростбиф.

— Такая связь — Остин Купер и Гюнтер Брендель, причем оба нацисты — вызвала у меня аналогию с несущимся по пустынной улице грузовиком. — Стейнз улыбнулся найденному сравнению. — Подобное совпадение, если это действительно совпадение, — феноменально, друзья мои, хотя жизнь научила меня относиться к таким вещам с недоверием. Однако здесь я обнаружил вполне целенаправленный, определенный смысл. Слушая вашего брата, учитывая, кем был его дед и кем по-прежнему является Брендель, соотнося все эти факты со своими собственными интересами, — о чем мы также поговорим несколько позже, — я пришел к выводу, что здесь просматривается определенная схема. — Он вздохнул. — Мистер Питерсон, вы не будете так любезны пошевелить дрова в камине? Я отлично знаю, что мои ноги давно утратили чувствительность, но, клянусь,

я ощущаю ими сквозняки, как старый морской волк ощущает перемену погоды по своей деревянной ноге.

Искры с ревом устремились в дымоход, тяга была хорошая. Питерсон, поглаживая себя по обвислым черным усам, стоял, глядя на огонь. Стейнз вставил в мундштук новую сигарету и раскурил ее, чиркнув спичкой о палец длинного большого пальца.

— Теперь, — продолжал он, — мое недоверие к совпадениям, похоже, оправдалось. Вы сказали, что ваш брат мертв. Вам не кажется, что он погиб потому, что Остин Купер и Гюнтер Брендель — эти два нациста — как бы переключаются друг с другом через многие годы? Вполне возможно, не так ли? — Он замолчал и глянул на меня своими честными глазами. — Расскажите мне о вашем брате, мистер Купер. Расскажите, что заставило вас пойти по его следу, который привел вас на мой остров?

Я постарался как можно подробнее сообщить полковнику Стейнзу о том, что со мной произошло. Это заняло довольно много времени. Заканчивая рассказ, я сказал:

— Три дня назад в Глазго Алистер Кемпбелл был убит каким-то человеком, который одновременно пытался застрелить и меня. Но мне удалось скрыться. Однако только в Лондоне, когда на столе в квартире брата я увидел ваше письмо, я понял, что там, в полутьме на лестничной клетке, умирая, Кемпбелл назвал ваше имя, а я просто неправильно его понял. И вот мы здесь, полковник Стейнз, потому что Кемпбелл хотел, чтобы мы вас нашли, и потому что у вас побывал мой брат... а его путь — это путь, по которому идем мы.

Продубленное морскими ветрами лицо Стейнза побледнело, мгновенно и резко залегли складки в уголках рта. Он хлебнул солидную порцию виски и тихо произнес:

— Значит, Кемпбелл убит... Чудной тип, чудной... Однако он не последняя жертва в этой очень долгой войне. Его убили из-за вас и вашего брата, сомнений нет. Но он будет отмщен, уверяю вас.

Питерсон поймал мой взгляд, поднял брови и беззвучно произнес: «Отмщен». При этом он оставался невозмутимым. У меня же на лбу выступил холодный пот.

Глубоко сидящие светлые глаза полковника, обрамленные рыжими ресницами, скользнули по нашим лицам и исторгли холодное пламя. Взгляд этого увечного обжигал и пугал меня: что, если Питерсон прав? Может, Стейнз в самом деле сумасшедший? А металлический голос тем временем продолжал:

— Итак, позвольте мне резюмировать эту совершенно невообразимую историю. Вы говорите, что ваш брат убит при загадочных обстоятельствах; что существуют какие-то пугающие смерть документы, которые пытаются заполучить никому не ведомые люди, готовые ради них пойти на любое преступление; и что эти упомянутые таинственные документы не что иное, как старые нацистские планы достижения мирового господства. Целый город подвергся жестокому нападению, достойному моего предка Бевиля Стейнза, которого его соратники называли кровавым Бевилем; в Буэнос-Айресе был убит безобидный старый профессор... — Он замолчал, переводя дыхание. Ветер снаружи яростно набрасывался на дом, который скрипел и трещал, как дряхлый автобус. — Вы сказали, что Мартин Сент-Джон и Альфред Котман — оба хорошо мне известны, но о них тоже потом... — что Сент-Джон и Котман встречались с вашим братом, встречались с вами и впоследствии исчезли. Что моего старого друга Кемпбелла застрелили в трущобах Глазго, чтобы не дать ему возможности направить вас ко мне, господа... — Он снова глубоко вздохнул, откинулся назад в своем инвалидном кресле, отделанном сталью и кожей, ну прямо король острова Кэт. — Я считаю, что мое первоначальное недоверие к факту совпадения в данном конкретном случае оказалось правильным. Мы наверняка имеем дело с весьма определенной интригой. Разрешите далее предположить, что единственным действительным совпадением во всей этой истории является то, что ваш брат случайно увидел снимок в глазговском «Геральде». Я убежден в том, что с этого момента Сирил Купер был обречен. Обречен, поскольку в силу своего характера он захотел во что бы то ни стало найти свою сестру. Как только Сирил решил сделать это, он потерял малейший шанс остаться в живых.

— Но почему? Почему так?

— Потому что ваш брат слишком приблизился к ним — к Бренделю, Котману, Сент-Джону и ко всем остальным... Кто эти люди? — На лице его на миг появилась слабая улыбка и тут же исчезла. Он налил себе еще виски с содовой, облизнул тонкие, сухие губы. — Несомненно, вас интересует этот вопрос, и, позвольте заметить, если бы я думал, что смогу уберечь вас, я просто не стал бы отвечать на него. Впрочем, вам надо благодарить бога, что вы все еще живы. Учитывая это и характер ситуации, в которой вы оказались, я расскажу вам даже больше, чем рассказал вашему брату. Таков мой долг перед его памятью и перед

вами тоже. Я расскажу, кто я такой и как стал таким, какой есть в данный момент... Однако сейчас время слишком позднее, чтобы начинать об этом разговор... Отложим его до утра. — Он улыбнулся, развернул кресло и поехал, жестом пригласив нас следовать за собой. — Полагаю, что я крайне заинтриговал вас, господа.

В вестибюле он подкатил к основанию широкой лестницы, где его ожидал лифт-кресло. С большим трудом Стейнз перенес свое тело из коляски в лифт. Мы с Питерсоном наблюдали за ним. От невероятного физического усилия, напряжения и боли лицо полковника исказилось.

— Итак, — сказал он, усевшись в лифте, — Даусон проводит вас в ваши комнаты. И вы, господа, можете спать спокойно. До тех пор пока вы находитесь здесь, на острове, вы в полной безопасности. А теперь спокойной ночи, — сказал он и исчез в темноте наверху лестницы.

Морские птицы кружили низко над волнами в сером дождливом небе. Дождь налетал порывами, хлестал по окнам комнаты в башне маяка, возведенного на крошечном выступе голой скалы. С островом скалу соединяла каменная перемычка, которая из века в век медленно крошилась и осыпалась в море. В тумане и измороси на уровне глаз высились над плоскогорьем на острове очертания крепостных стен. Запах мокрого папоротника, мхов и морской соли — сырой и крепкий дух моря — сочился из каждой щели. Питерсон стоял мрачный, подавленный, разглядывая сквозь пелену дождя далекий горизонт, разделявший влажное небо и синевато-серое море, которое порывисто и зло набрасывалось на берег.

Даусон налил нам дымящегося утреннего кофе из помятого термоса. Питерсон с шумом прихлебывал, глубоко зарывшись в свой черный кожаный плащ. Горло его было плотно замотано белым шарфом, и он то и дело шмыгал носом. Я пробовал раскурить трубку, но ничего не вышло, и я тут же ошпарил рот горячим и крепким черным кофе. Полковник Стейнз, в клетчатой накидке из отличной английской шерсти, восседал на вращающемся деревянном стуле рядом с механизмом, приводящим в действие прожектора.

В ожидании его рассказа я пытался разглядеть хоть какие-нибудь заметные ориентиры на неприветливой голой глыбе гранита, каковым, по сути, был остров Кэт, окруженный Атлантическим океаном. Хижица каменного века, на

удивление хорошо сохранившаяся. приютилась с подветренной стороны, защищенная от непогоды, окруженная пропитанным влагой, как губка, зеленым дерном, подступавшим к ней вплотную папоротником, густыми зарослями куманики и остатками бывшей живой изгороди, которая с разрывами тянулась по этой стороне острова. Стены хижины поросли мхом. Ниже Бич-роуд, подобно воронке от взрыва, оставшейся после неведомой древней войны, находился выгрызенный морем гранитный карьер. Над ним можно было увидеть заросшие диким виноградом теннисные корты, а в нескольких метрах от них — и ржавый фюзеляж немецкого самолета. По пути от дома к маяку Даусон сделал небольшой крюк и остановил «роллс-ройс» прямо над скалами. Здесь он с довольной улыбкой ткнул пальцем в «Мессершмитт-109», вонзившийся, точно кол, в стену утеса — тот самый «мессер», который более тридцати лет назад преследовал полковника сквозь туман и дождь на подлете к острову. Как и все остальное, фюзеляж тоже начал зеленеть, обрастая мхом.

За сытным завтраком, под аккомпанемент непрерывного чихания Питерсона, полковник предавался воспоминаниям о своей жизни. Будучи наполовину немцем, он служил в предвоенные годы в английской резиденции в Канре — сначала курьером, потом на оперативной работе спецангента. В начале войны его перевели в Лондон в аппарат министерства обороны, а затем в действующую армию. Он был участником битвы за Англию, летал на «спитфайрах» и на колченогом старом «хокер-харрикейне». Именно на «харрикейне» он вступил в бой с несколькими «мессершмиттами» во время своего последнего боевого вылета.

Врезавшись в землю на подбитом «харрикейне», он получил обширное повреждение позвоночника, переломы ног, тяжелые ожоги, а кровь хлестала из тела, точно сквозь сито. В течение нескольких недель он находился без сознания, в то время как врачи прилагали все усилия, чтобы спасти его быстро угасающую жизнь. Наконец он пришел в себя. Спустя год после катастрофы Стейнз вернулся на остров Кэт, парализованный ниже пояса, слабый, как ребенок, почти совсем лысый, как враз постаревшее, дряхлое дитя. Верный Даусон, сопровождавший его на остров, так и остался с ним, выходил его и вернул к жизни.

За завтраком полковник Стейнз поведал нам об убийстве нацистами своих двух единокровных сестер по немецкой линии в 1945 году, когда русские подходили к Берлину. Их смерть абсолютно ничем не была оправдана, а извеще-

ние об их гибели он получил вскоре после окопачия военных действий. Впоследствии, когда здоровье его несколько поправилось, ему предложили принять участие в работе группы английских официальных лиц, направленной в Германию для расследования военных преступлений, среди которых было и убийство его сестер. Убийц, однако, так и не нашли. После этого полковник вернулся на остров одиношениек. Вся его семья как по немецкой, так и по английской линии была стерта с лица земли войной. Немцами. Нацистами.

— Исключительное совпадение, — заметил он, уплетая гренки с яичницей.

И вот теперь здесь, на маяке, он приступил к детальному изложению своей истории.

— Итак, я наблюдал, как мир дергается в конвульсиях после окончания войны. Я видел Германию недужную, шатающуюся, трусливо съезжившуюся после поражения, враждебную, обиженную, жалкую, даже более увечную, чем я сам. А я был калекой, никому не нужным инвалидом... но чем дольше я находился в Германии, тем яснее понимал нравственное различие между моим увечьем и их. И я начал испытывать нечто большее, чем просто неприязнь. Впоследствии я осознал, чем была вызвана такая реакция: навязчивой, всепоглощающей ненавистью к целой расе, ко всем немцам.

Я чувствовал свою раздвоенность. С одной стороны, я как бы наблюдал за собой издали и понимал нездоровый характер своего мышления; с другой — злорадно упивался этой новой возможностью дать выход кипевшей во мне злобе, ненависти и звериной тоске. Потому-то, призвав всю свою решимость, отдавшись полностью во власть своей ненависти, я уехал на остров, в уединение. Здесь у меня было время для спокойных раздумий. Однако продолжать жить в подобном расположении духа значило взлелеять опасный вид безумия — ненависть к целому народу. Это могло привести к еще большей тоске, поскольку, естественно, у меня не было возможности покарать всю нацию. Я начал упорно подавлять в себе враждебное чувство к немцам как к народу, стал думать о них как о людях, которые сами перенесли ужасные страдания. В конце концов мне удалось вытравить из себя чувство ненависти к целой нации.

Таким образом, вместо того чтобы распространять свою вражду, свое отвращение на несколько миллионов немцев, я направил их на некое вполне реальное число людей...

Даусон снова наполнил наши кофейные чашки. Питер-

соп легким звериным шагом беспокойно кружил по овальной комнате.

— Полковник Стейнз, — вдруг произнес он с нотками нетерпения в голосе, — вчера вечером вы сказали, что Алп-стер Кемпбелл будет отпущен. А сейчас вы говорите о своем безумии или ненависти, называйте это как хотите.

Услышав его тон, Даусон застыл на месте. Полковник с улыбкой смотрел на Питерсона.

— Откуда нам знать, черт побери, — продолжал Питерсон, — может, вы в самом деле ненормальный? Я хочу сказать, бог ты мой, вот я стою здесь, на вершине маяка, где-то у черта на рогах, на самой что ни на есть распроклятой, промозглой части побережья, и разговариваю с человеком, которого знать не знаю и который считает себя ангелом мщения. У меня чертовски дерет в горле, а на руках куча пераскрытых убийств, но, куда я ни повернусь, всякий тащит какого-нибудь недобитого фашиста и укладывает тебе поперек дороги. Ваши личные психологические переживания меня мало интересуют — ровно настолько, насколько они касаются печальной судьбы Сирила Купера. Так что давайте кончим обзатом. Как говорим мы, янки, ближе к делу.

Полковник Стейнз терпеливо выслушал Питерсона, попивая кофе. Когда мой приятель иссяк, он произнес:

— Все, мистер Питерсон?

— Пока все.

— Прекрасно. Даусон, скажи мистеру Питерсону, пусть прикусит язык, пока я не кончу. Скажи ему, что ты сбросишь его с маяка, если он не замолчит.

Даусон расхохотался.

Питерсон закатил глаза:

— Боже, боже, боже!.. — Он отвернулся и глянул в сторону океана, мучительно переживая и собственное поражение и язвное помешательство полковника.

— Мистер Питерсон, — продолжал полковник Стейнз несколько дружелюбнее, — скоро вам все станет ясно. То, что я собираюсь рассказать, заинтересует вас. Но вы должны знать предысторию... В противном случае вам будет очень трудно понять мою довольно своеобразную роль в этом деле.

Дождь пошел сильнее, забарабанив по крыше и окнам. Наползавший туман сгущался прямо на глазах.

То, что рассказал нам Айвор Стейнз, заставило нас усомниться в собственном здравомыслии и вообще в способности что-либо понимать.

Вернувшись в Англию, в тишину и покой острова Кэт, Стейнз приложил все усилия, чтобы справиться с собой. Он начал тщательно изучать все, что касалось Германии: ее историю, литературу, музыку и нравы. Он использовал свои обширные связи среди военных, в Уайтхолле и даже в правительстве. Благодаря знатному происхождению, неоднократно проявленному им героизму, а главное — системе крепкого пожизненного товарищества среди выпускников аристократических колледжей, он имел доступ через какие-то особые каналы к архивам органов безопасности даже с высшим грифом секретности. Итак, к знаниям о прошлом Германии прибавился исключительно важный материал о ее настоящем, о том, как на самом деле разворачивались события в послевоенной Германии.

Чем больше он узнавал, тем более эффективно мог разрабатывать план удовлетворения своей мести.

Германия кишела нацистскими военными преступниками, избежавшими опознания и ареста. Более того, мир быстрыми темпами превращался в убежище для этих помойных крыс, которые обеспечивали себе путь к бегству при помощи десметных сокровищ из разворованных ими сейфов Европы. Никто их не останавливал, никто особенно и не стремился посадить их на скамью подсудимых. А коль так, полковник Стейнз решил, что именно этим он и займется — будет вершить правосудие.

Он приступил к делу неторопливо и основательно. Передвигаться было для него делом далеко не простым, однако рядом всегда был верный Даусон. А кроме того — друзья, большой круг друзей. И в той же Германии у него имелись свои источники информации — некогда близкие к Гимmlеру люди, клерки, знавшие, где погребены тела жертв. Был у него даже человек, снявший на микро пленку большую часть секретного внутрипартийного архива Рейнхарда Гелена. Стейнз получал зачастую довольно разнообразную информацию. Чтобы проверить точность получаемых им данных, он самостоятельно провел разведывательную операцию по делу доктора Радемахера, причастного к массовому уничтожению евреев. Доктор Радемахер не только не был привлечен к суду, но, напротив, этого преступника согласно тщательно продуманному и разработанному в недрах министерства иностранных дел плану намеренно укрывали и оказывали ему помощь. Документы и отчеты были фальсифицированы, чтобы спасти его от преследований. В случае выявления личности доктора Радемахера многих западногерманских дипломатов пришлось бы судить — не только за укрыва-

тельство Радемахера, но и за их собственные преступные акции, совершенные во время войны. Стейнз знал все это и с интересом наблюдал, как будут разворачиваться события.

В конце концов доктору было предъявлено обвинение в уничтожении 1500 евреев в Белграде. Это было сравнительно «мелкое» его злодеяние. Он был осужден и приговорен всего лишь к трем годам и восьми месяцам тюремного заключения. Стейнз еще более утвердился в своей решимости действовать самостоятельно, однако твердо придерживался намеченного плана: следить за ходом событий в деле Радемахера, одновременно проверяя подлинность информации, получаемой от своих агентов. Например, он получил от одного из информаторов сведения, что на время рассмотрения апелляции суд оставит Радемахера на свободе. Так и случилось. И тут чисто и гладко сработала одна из организаций, устроивших его побег. Так Радемахер пополнил число военных преступников, осевших в Аргентине. Как только он оказался в Буэнос-Айресе живой и невредимый, некая нацистская газета, поздравляя его с благополучным прибытием, расписала его бегство как «беспримерный подвиг спасения человека из когтей еврейских шакалов».

А полковнику Стейнау уже было известно, чем все это кончится. Его агентура работала идеально.

Стейнз рассказал нам еще несколько аналогичных случаев, за которыми он следил уже не так пристально, как за делом Радемахера. Но каждый раз все сводилось к одной и той же схеме. В его цитадели на острове Кэт пухли досье. Доказательства контроля бывших фашистов над уже мирной послевоенной Западной Германией приняла поистине ошеломляющие масштабы. В бундестаге двадцать третьего октября 1952 года федеральный канцлер Аденауэр признал, что две трети дипломатов высших рангов в министерстве иностранных дел — бывшие нацисты. «Невозможно, — возражал он своим оппонентам, — создать эффективную дипломатическую службу, не используя столь квалифицированных и знающих работников». И мир смирился с этим. Мир, но не Айвор Стейнз, изувеченный и одинокий. Он понял, какая опасность нависла над миром — рождение четвертого рейха.

Имея опыт успешного наблюдения за делом Радемахера, Стейнз готовился предпринять следующий шаг. Теперь его заинтересовал Оскар Юджин Лобер, он же Ганс Крюгер.

Лобер родился в Бавария, в Регенсбурге. В национал-социалистскую партию вступил чуть ли не подростком, тер-

пеливо и упорно карабкался по служебной лестнице СС и во время войны получил звание полковника. Он занимался внутрипартийной политикой, и его карьера представляла собой маленький образчик макнавеллизма. Связав свою судьбу с Гиммлером, он стал его адъютантом, был его наперсником во время ночных бдений, на него было возложено в разное время выполнение тайных дипломатических миссий в Италии, Испании и Швеции.

После окончания войны Лоберу удалось уйти сквозь расставленные союзниками сети. Впоследствии он хвастался, что легко обвел всех вокруг пальца, наклеив фальшивые усы. Составив приличную коллекцию картин во время погромов и грабежей еврейских жилищ и усадеб, Лобер прочитал массу литературы по истории искусства, свел знакомство с некоторыми дельцами в этой области, некогда консультировавшими Геринга, и сам стал заурядным искусствоведом-дельцом. Теперь он уже именовался Гансом Крюгером.

В конце 1952 года осведомители Стейнза информировали его, что Ганс Крюгер, владелец скромной виллы на швейцарском берегу озера Лугано, обладатель прекрасной картинной галереи, занимается не только картинами. Стейнз предпринял расследование. Его верные агенты следили за каждым шагом Крюгера. Выяснилось, что Крюгер регулярно совершал поездки в Мадрид, Каир и Вену, получал корреспонденцию из всех этих городов, а также из Буэнос-Айреса, Рио-де-Жанейро, Мехико.

Дальнейшее наблюдение показало, что Крюгер имел постоянный контакт со штаб-квартирой международного нацистского движения, находившейся в Мадриде, о существовании которой было известно в определенных кругах. Стейнз знал, что Мадрид — это европейский центр возрождения фашизма, что его сейфы ломятся от золота, вывезенного из Германии вадолго до окончания войны.

Из Мадрида осуществлялось руководство и финансировалась деятельность специальных управлений: африканского, общеевропейского и латиноамериканского, а также особого общего отдела, известного под названием «Международный союз националистов». Это была пропагандистская организация, протянувшая свои щупальца почти в каждую страну Западного полушария. К 1951 году, как указывалось в секретном докладе английского правительства, сфера деятельности союза простиралась от Мальмё и Хельсинки до Танжера и Каира, от Рима и Мадрида до Буэнос-Айреса и Далласа. Из Мадрида же текли фонды для инвестирования

в различные предприятия всего мира — и Ганс Крюгер служил инкассатором, курьером, функционером, разъезжая по всему свету из музея в музей, от одной частной коллекции к другой, занимаясь во время своих поездок старыми мастерами и новыми фашистами.

Оскар Юджин Лобер — Крюгер был лишь одним из многих. Большинство из них нашли себя в импорте-экспорте, некоторые занялись автомобильным бизнесом, поскольку, вполне естественно, искали пути выхода на международный рынок. Под прикрытием легальных деловых сделок нацисты переправляли огромные суммы из одной страны в другую, подкармливая свою новую партию, внедряясь, где только возможно и где позволял политический климат.

Айвор Стейнз знал это, и появились досье:

«Доктор Иоганн фон Леерс, ярый антисемит, инициатор еврейских погромов».

«Полковник СС Отто Скорцени, лицо обезображено рубцами, рост около семи футов».

«Герой люфтваффе Ганс Ульрих Рудель».

«Полковник СС Оскар Юджин Лобер, любитель искусства».

В январе 1953 года Лобер — Крюгер в качестве одного из членов делегации бывших эсэсовских офицеров и командного состава легиона «Кондор» прибыл в Каир для участия во встрече с Хадж Амином эль Хуссейни — бывшим великим муфтием Иерусалима, давним приверженцем и личным другом Гитлера.

По окончании конференции, длившейся целую неделю, Лобер — Крюгер и трое его соратников удалились на частную виллу в одном из фешенебельных каирских пригородов. В ночь перед тем как им вернуться в Испанию, их посетили два приличных на вид господина, которые, войдя, извлекли из-под одежды автоматы «брен» и застрелили их. Виллу сожгли дотла. Преступление осталось нераскрытым.

Так сэр Айвор Стейнз обрушил на головы первых обвиняемых карающую длань своей собственной, довольно примитивной разновидности правосудия.

После первой успешной операции по возмездии, осуществленной, несмотря на многочисленные границы и большие расстояния, Стейнз стал наращивать темпы. Сопровождаемый Даусоном, он приехал в Германию, чтобы лично наблюдать за нацистами, которые вновь начали поднимать голову. Существовавшая нелегально НСДАП (национал-социалистская немецкая рабочая партия) — на ее деятельность власти смотрели сквозь пальцы — к началу 1951 года уже

насчитывала более четверти миллиона членов. В Нижней Саксонии другая неонацистская партия — Социалистическая рейхспартия (СРП) получила на выборах 365 тысяч голосов — более 10 процентов от общего числа избирателей. Стейнз присутствовал с Даусоном на их съездах, слушал их речи.

Все было как и встарь, ничего не изменилось. Так же открыто велась нацистская пропаганда, и людям нравилось это, и многие поверили: война проиграна только в результате измены; не было никаких зверств; газовые камеры в Дахау и прочие лагеря смерти были построены союзниками после войны и забиты телами жертв бомбардировок. Граф Вольф фон Вестарп, бывший журналист и офицер СС, потрясал единственной уцелевшей рукой, протестуя против несправедливого мирного договора. Генерал-майор Отто Эрнст Ремер поносил англичан и американцев, а один из лидеров СРП, некий доктор Франц Рихтер, занявший депутатское кресло в бундестаге, оказался на поверку Фрицем Росслером, нацистским чинушей старых времен.

Запрещение рейхспартии сыграло только на руку нацистам: пусть через черный ход, заявляли они, но мы все же проникнем во все существующие ведомства; вы даже знать не будете, кто мы, но очень скоро экономика, правительство, армия — все окажется под нашим контролем. Они называли это «холодной революцией, проводимой незаметно сверху».

Айвор Стейнз слушал, и появлялись новые досье:

«Группа действия «Адольф Гитлер».

«Немецкая рейхспартия».

«Вильгельм Майнберг».

«Густав Шроер».

«Адольф фон Тадден».

«Герберт Фрайбергер».

Все обстояло очень просто: СС успешно вернулась к власти в послевоенной Германии. Как бы ни именовались организации — ОДЕССА, «Братство Бормана» или «Шпинне» («Паук»), — в них, по словам Стейнза, скрывались недобитые эсэсовцы, снова, как когда-то, верой и правдой служившие кучке фюреров.

Многие годы, не вызывая ни у кого подозрений и оставаясь нераскрытым, Стейнз вершил правосудие — казнил уцелевших фашистов. Убивать людей — дело исключительно простое, пояснял он нам, если имеется хорошо налаженный механизм. Вся идея заключается в том, чтобы мо-

тив убийства либо совсем не просматривался, либо был настолько очевидным и элементарным, что вас, убийцу, невозможно было выделить из общей массы людей. Многие желали смерти тем, кого убил Стейнз. Но сколько их было, этих гадов? Совсем ничтожный процент от общего числа живущих на земле фашистов. Стейнз скромно преуменьшал масштабы своей деятельности. Это всего лишь начало, в среднем по десятку в год, в целом же пока чуть больше двухсот человек.

Мы с Питерсоном молчали, загипнотизированные рассказом Стейнза. Слышались только крик чаек, свист ветра, шум волн, хлесткие удары дождя по окнам да металлический голос полковника...

И вот, посланный Алистером Кемпбеллом, неоднократно поставлявшим ему информацию, на сцене появляется мой брат Сирил, совершенно посторонний человек, который задавал много вопросов, что полковнику поначалу весьма и весьма не понравилось. Сирил интересовался Гюнтером Бренделем и его женой. С какой стати Кемпбелл направил его к Стейнзу? Тем не менее настойчивость Сирила пришлась Стейнзу по душе, и он, не колеблясь больше, показал Сирилу имеющееся у него досье на Бренделя. Возможно, не последнюю роль в этом сыграло утверждение молодого американца, что в супруге Бренделя он узнал свою сестру. А может, дело было в самом Гюнтере Бренделе — досье на него чересчур распухло, и время его, считай, подошло.

Биография Гюнтера Бренделя на первый взгляд казалась образцовой, почти безупречной, но при внимательном ее изучении создавалось впечатление, что вы смотрите в подзорную трубу не с того конца: вот крошечная фигурка прокладывает себе путь через окровавленные отбросы на бойне истории, стремительно пробирается мимо дымящихся развалин, мимо жертв, отводя глазки, пальчиками зажимая нос, трусливо бежит к следующему зеленому оазису, чтобы потом покинуть и его, оставив, как и всюду, руины и пепелища. Согласно документам он в 1938 году, в возрасте семнадцати лет, выдвинулся в первые ряды гитлерюгенда. С этого периода жизни Бренделя и начиналось досье Стейнза. В годы войны Бренделя перебрасывали с одного поста на другой, и на каждом он заслуживал только поощрения. С самого начала его прикомандировывали к лидам, занимавшим командные должности, и он переходил от Кессельринга к Кейтелю, от него — к Герингу, потом в рейхскапцелярию для связи с СС. Существовали и фотографии — он,

подтянутый, ухоженный, красивый, с Гиммлером, Герингом и Скорцени.

Имелись письма людей, знавших его, которые утверждали, что он гомосексуалист и именно это расчистило ему путь наверх по военно-политической лестнице. По всей вероятности, Брендель был одним из тех, кто как бы служил связующим звеном между нацистской иерархией и кастой профессиональных военных. По склонности его тянуло к первой, хотя по рождению он отпосился ко второй. А скорее всего — принадлежал и к той, и к другой одновременно.

Каким-то образом Стейнзу удалось заполучить несколько дружеских записок Мартина Бормана к Бренделю, на удивление трогательных, что не соответствовало представлению полковника о Бормане, а также несколько официальных рекомендательных писем.

В то время как в последние недели войны под натиском русских третий рейх разваливался на куски, Брендель был направлен в Баварские горы помочь создать там оплот, с помощью которого предстояло удерживать последний рубеж обороны. Отсюда позже «оборотни» будут наводить страх и ужас на солдат союзных войск, оккупировавших Германию.

После первого неудачного налета «оборотней» на одну из деревень, где они убили старосту и бросили его растерзанный труп у дверей дома как предупреждение тем, кто сотрудничал с победителями, Брендель исчез из поля зрения Стейнза и даже осведомители потеряли его след.

В конце сороковых годов Брендель вновь всплыл на поверхность, без единого пятнышка в личном деле, и стал заниматься делами фирмы, являвшейся собственностью всей его семьи. По официальным данным, все это время он находился в частной клинике, где излечивался от «тяжелых ранений, полученных на службе отечеству».

В последующий период, то есть все пятидесятые годы, он оставался безупречным респектабельным бизнесменом, политикой не занимался, даже не интересовался ею ни в малейшей степени. Однако Стейнз видел Бренделя всюду, где бывал сам: тот или стоял где-нибудь в тени подмостков деревенского оркестра, или спокойно пил пиво в укромном углу. Это было в те самые пятидесятые годы, когда нацистские сборища устраивались часто, что говорило о возрождении старого фашистского духа.

«Гроссстрэффен» — так назывались воскресные встречи друзей. Они всегда происходили в отдаленных городках. Ветераны и их новоявленные поклонники вместе пели старые песни и слушали старые речи. Бывшие тапкисты ка-

кой-нибудь дивизии собирались в одном месте, бывшие эсэсовцы — в другом, африканский корпус — в третьем...

Сентябрь 1958 года. Карлсруэ. Слет служивших в африканском корпусе. Брендель, в плотном твидовом костюме, стоит, прислонившись к старому «мерседесу». Яркое баварское солнце светит ему прямо в глаза. Стейнз незаметно сфотографировал его. Тогда Бренделю было тридцать семь. Богатый, в отличной форме, он был один, без сопровождения, видимо, никем в толпе не замеченный.

Вюрцбург. Пикник бывших парашютистов-десантников. Стейнз наблюдал, как пять тысяч бывших «зеленых дьяволов» пришли в неистовство при появлении фельдмаршала Кессельринга, подняли его и понесли на плечах. А по окончании митинга, в понедельник рано утром, хотя и шел дождь, Даусон исподтишка щелкнул Гюнтера Бренделя, когда тот потихоньку садился на заднее сиденье фельдмаршальского лимузина.

Фактов было более чем достаточно. Бренделя засекли на встречах бывших офицеров дивизий «Великая Германия», «Викинг», «Рейх» и «Мертвая голова». Но засекли не репортеры и не общественность, а Стейнз и Даусон. Еще один снимок: Брендель в темных очках, в дождевике, с раскрытым зонтиком стоит спиной к скрытой камере, а впереди него на стене здания прибит штандарт с огромными заглавными буквами ЛАГ — «Либштандарте Адольф Гитлер».

Вердеп. Встреча ветеранов полка охраны, дававшего присягу охранять фюрера, из числа так называемых «верных последователей». Они сошлись, чтобы вспомнить былое, навести справки о пропавших без вести однополчанах и снова подтвердить, что «всегда готовы выполнять свой долг перед отечеством».

Там и был снят Брендель, повернувшийся к молодой женщине, стоявшей рядом с ним. Белокурая, с ясными, широко расставленными глазами, с влюбленной улыбкой на губах, она смотрела снизу вверх на своего мужа. Я внимательно разглядывал ее свежее, юное лицо, пытаюсь найти ключ к разгадке. Наверняка это Ли. Я был уверен в этом.

Но, прислушиваясь к дробному стуку дождя по окнам в башне маяка, я вдруг почувствовал некоторую неуверенность. Да, передо мной — симпатичная белокурая девушка. Но почему непременно Ли?

Даусон подлил в кофе коньяка. Питерсон кашлянул, но больше никаких проявлений сарказма с его стороны не было: он полностью находился под впечатлением необъяснимо чарующей силы рассказа Стейнза. То не был бред сумас-

шедшего — существовали документы, реальные сведения и данные о Мартине Бормане и Гюнтере Бренделе, о нацистах прошлых и настоящих. Но Стейнз еще не кончил говорить. Его руки посинели от холода. Впрочем, все мы замерзли и держали чашки с горячим кофе в ладонях, чтобы унять озноб. Стейнз открыл другую объемистую папку, положил ее себе на колени, укрытые толстым пледом.

— Несколько организаций, — продолжал он, — занимались тайным вывозом видных фашистов из Германии, например: ОДЕССА — объединение бывших эсэсовцев, «Шпинне» — эта работала значительно более эффективно, но орудовала в согласии с ОДЕССА и ХИАГ, еще одной эсэсовской организацией.

Существовали два основных маршрута для бегства фашистов. Один вел через Швейцарию и Испанию в Африку. На этом маршруте использовались американские самолеты. Другой маршрут, разработанный «Шпинне», назывался «Проект Норд» и проходил по морю в непосредственной близости от берегов Швеции. На подводных лодках перевозились наиболее важные персоны. По этому пути, например, «Шпинне» якобы вывезла в Южную Америку Мартина Бормана. Именно по маршруту «Проект Норд» «Шпинне» доставила в Аргентину Эйхмана, а задолго до окончания войны переправила туда же Альфреда Котмана. Гюнтер Брендель помогал координировать действия «Шпинне» внутри Германии.

— Выходит, Брендель руководил «Шпинне»? — заметил Питерсон, чихнув в грязный платок и, как ни странно, извинявшись.

— Нет, Брендель не руководил ею, — ответил Стейнз. — Он, если можно так выразиться, был вице-президентом, ответственным за грузооборот. Он передавал транспортной службе отъезжающих и возвращался за новыми. Человек, полностью ответственный за деятельность «Шпинне», — даже не немец. В то время он был весьма молод. Это наемник, авантюрист, но отнюдь не нацист. Он абсолютно вне политики. Я полагаю, люди подобного рода все таковы. Техник по специальности, умелый, толковый парень. Так мне говорили, хотя я никогда не имел удовольствия встречаться с ним. И он, подумать только, — англичанин. Нет, не зря нас считают невозмутимой нацией...

— Его имя? — спросил я.

— Мартин Сент-Джон, — сказал Питерсон.

Стейнз резко повернул к нему голову.

— Должен вам заметить, вы соображаете довольно быстро. — Он сверлил Питерсона глазами; усмешка скривила уголки его плотно сжатого морщинистого рта.

— Сент-Джон? — переспросил я.

— Простое умозаключение, — произнес Питерсон, одной рукой беря чашку кофе с коньяком, другой снова доставая из кармана носовой платок. — Во всяком случае, кто еще, черт возьми, остается в этом ребусе? Все те же типы возникают снова и снова. Появился один раз, будь уверен, значит, появится еще, это уж как пить дать. Итак, Сент-Джон... тот самый человек, который вытащил Котмана, прежде чем крыша над их головами рухнула.

— Проницательно, и так оно и есть, — слышался голос Стейнза, перекрывший порыв ветра. Маяк полностью заволокло туманом. — Мартин Сент-Джон действительно настоящий паук. А вы, — сказал он, обращаясь ко мне, — позволили ему угощать вас обедом в Буэнос-Айресе. «Шпинне»... — Он задумчиво поднес кулак ко рту, подул в него. — Человек, который вывез из Германии Бормана... — Полковник подал знак Даусону. Наступило время уходить с маяка. Следуя за Даусоном с его тяжелой пошей, мы медленно спустились по винтовой лестнице и окунулись в туман, облепивший остров.

Когда мы вечером собрались за ужином, в столовой уже пылал камин. У Питерсона начал пропадать голос, нос заложило. Он то и дело вдыхал бензедрин из карманного ингалятора.

— Всегда вожу эту штуку с собой, — просипел он, — а вот эти проклятые бумажные салфетки вечно забываю. — Он больше не выражал сомнений в отношении умственных способностей нашего хозяина.

Даусон поджарил кусок баранины. Она была жесткой, как подошва. Мы пили крепкое бордо и царапали рты зачерствевшим хлебом с толстой коркой.

Стейнз объяснил, как «Шпинне» переправляла свой груз через Атлантический океан.

Даусон вновь наполнил его бокал, а потом и наши.

— Что касается «Шпинне», то отделить миф от реальности — задача далеко не легкая. Руководителем «Шпинне» был генерал Пауль Хауссер, а его заместителем — Хассо фон Мантейфель. Лишь кое-кто догадывался, что, по существу, всю работу выполнял молодой Сент-Джон. Такова же была таинственность и неопределенность в отношении транспорта, с помощью которого «Шпинне» творила свои чудеса. И как ловко! Одни продолжают утверждать, что

никакого особого канала не было, что он существовал только теоретически. Другие считают, что шведский канал использовался довольно результативно. А все остальные убеждены, что основной выездной маршрут проходил через Испанию. Истина включает в себя аспекты, совместимые с каждой из этих гипотез... но они — просто мелочи. Осмыслить действительный ход событий, постичь весь замысел целиком гораздо труднее. — Он подозвал Даусона. — А как насчет десерта, Даусон? У нас есть что-нибудь на сладкое? Пирог, например? Как бы вы отнеслись к сладкому пирогу, господа?

— Пирог со сливовой начинкой и кремом, — предложил Даусон.

Питерсон вытаращил на меня глаза: грипп несколько притупил его раздражительность. Сам я устал невероятно. Плечи ныли, а от бордо резь в глазах усилилась еще больше. И дернула же меня нелегкая впутаться в такую историю! Я с трудом мог осмыслить все это, хотя понимал, что моя жизнь висела на волоске паутины «Шпинне», все больше запутываясь в ее сетях.

Камин жарко пылал. На лбу у меня выступил пот. Я отер его. Даусон положил мне на тарелку огромный кусок пирога. Сам он выглядел свежим, бодрым, неутомимым. Легонько похлопал меня по спине:

— Держись, янки!

Стейнз попробовал пирог, улыбнулся, обтер с подбородка крем, шумно, с удовольствием отхлебнул кофе: он чувствовал себя прекрасно.

— О некоторых операциях подлодок, базировавшихся на северном побережье, хорошо известно. На последнем этапе войны их насчитывалось около четырехсот — одни уже находились в море, другие были готовы к отплытию. Адмирал Дениц отдал приказ командирам подводных лодок продолжать боевые действия и ни в коем случае не сдаваться. Поистине изумительно, что они почти поголовно разделяли его фанатичную веру и желание драться до конца. Поэтому, когда война была проиграна, они просто отказались капитулировать. В конце концов, море большое, и оно так же принадлежит им, как и всем другим.

«U-977» под командой Гейнца Шеффера вышла в Атлантику и направилась в Аргентину. Лодка была специально оснащена — ей не надо было всплывать для перезарядки аккумуляторных батарей — и имела шноркельное устройство для подачи воздуха. Ей потребовалось четырнадцать недель, но Шеффер все же довел лодку до Аргентины.

И он был лишь одним из многих. Однако, надо сказать, у нас имелись возможности довольно пристально следить за его передвижениями, и в итоге мы засекли его. Таким образом, нам стало известно, что он закончил свой поход в Хартфордшире, но дело в том, что до этого он все же успел побывать в Аргентине.

«U-530» — капитан Охо Вермут, — когда война окончилась, находилась у побережья Лонг-Айленда, да-да, Лонг-Айленда, мистер Купер. Спустя две недели она также прибыла в Аргентину.

«U-239», «U-547», «U-34», «U-957» и «U-1000» — эти лодки исчезли бесследно. По некоторым данным, они направились в Японию, к северному побережью Массачусетса, в Африку. Поступали сведения, что в ряде мест они высадили людей.

Но, как ни говори, все они, хотя и были прекрасно оборудованы и оснащены, по сути все равно оставались обычными подводными лодками. Бормана вывели не на такой лодке. «Шпинне» имела в своем распоряжении нечто другое — подлодку такого типа, существования которой мы вообще никогда официально не признавали. Сейчас я расскажу вам об этих весьма удивительных аппаратах.

Прежде всего, они имели невероятные размеры и неслыханный запас хода. Они могли заплывать куда угодно. Тридцать одна тысяча пятьсот миль со скоростью десять узлов... Тридцать одна тысяча пятьсот! — Он улыбнулся, глядя на наши физиономии. — Приличное расстояние, вот так-то! — Какое-то время он молча жевал пирог, облизывая сливовую начинку и крем с уголков рта. — Грузоподъемность каждой около трехсот тонн. И предполагалось, что подобных судов сто единиц.

— Предполагалось? — просипел Питерсон с другого конца стола.

— Официально они так никогда и не были построены. Сталин был убежден, что их спустили на воду. Мы, англичане и американцы, уверяли его, что их только предполагалось создать, что они существовали лишь на бумаге, что после воздушных налетов на судостроительные верфи построить их было практически невозможно. Кроме проектно-технических планов, у нас ничего не оказалось — ни документов о завершении строительства, ни приказов приостановить его. Мы сообщили русским, что, поскольку предприятия были разрушены, издавать такие приказы сочли излишним. Они нам не поверили и были правы.

Стейнз сделал эффектную паузу. Питерсон покачал головой. Даусон предложил нам сигары. Стейнз взял одну, отрезал кончик, прогрел ее спичкой и не спеша, точно выполняя ритуал, раскурил.

— Вы понимаете, что означает сам факт наличия подобных лодок? Возрождение нацизма, ни больше ни меньше. И не просто какой-то одной второстепенной ветви, какой-то одной идеологической разновидности нацистского движения, а фашизма в целом. При этом не только в лице Бормана и других, но и в самом факте существования документов, как бы вы их ни называли — «бумаги Бормана» или как-нибудь иначе, менее драматично.

Существование такого базиса для создания четвертого рейха настораживало русских, у которых имелись все основания для опасений. Ведь нацизм и коммунизм подразумевают диаметрально противоположные системы миропорядка, чего нельзя сказать о причинах, которыми руководствовались союзники, вступая в войну.

Некоторые англичане и американцы в числе прочих с энтузиазмом готовились принять этот «новый завет» — для них национал-социализм был чем-то вроде «свитков Мертвого моря», только еще значительнее.

Теперь вы знаете, — Стейнз глубоко вздохнул, окутанный облаком синего сигарного дыма, — что заключалось в тех драгоценных коробках, которые, на горе себе, обнаружила ваша библиотечка.

На следующее утро, когда мы выехали на машине из Лендс-Энда, Питерсона бил небольшой озноб. Я предоставил ему отсыпаться на заднем сиденье, а сам медленно вел машину сквозь налетавшие порывами дождь и туман. Спешить было некуда, к тому же мне хотелось подумать и тщательно проанализировать ту гору информации, которую обрушил на нас полковник Стейнз. Трудно было стряхнуть с себя цепенящее впечатление, оставшееся от острова, но было совершенно необходимо попытаться хоть как-то разобраться во всем.

На протяжении всего рассказа Стейнза, который продолжался далеко за полночь, я делал кое-какие заметки в блокноте, данном мне Даусоном. Теперь я выудил его из кармана рубашки, положил на руль и смотрел, как он покачивается и трясется.

Из рассказа полковника стало ясно, что внутри четвертого рейха, как его называют, по словам Стейнза, в «опреде-

ленных кругах», идет борьба за власть. С одной стороны, это старая гвардия, люди, прошедшие вторую мировую войну, многие из которых, возможно, лично знали Гитлера и прочих из его окружения. Мартин Борман был одним из этих людей, и Стейнз считал, что он, вероятно, до сих пор живет где-нибудь в Южной Америке, хотя за последние три года никаких сообщений о том, что кто-то его видел, не поступало. Альфред Котман, профессор Долдорф, мой дед — представители этой старой когорты, винтики старого фашистского механизма.

С другой стороны — появились новые, более молодые лица, но о них Стейнз говорил несколько сдержанно. По мнению Питерсона, Стейнз просто не знал, кто они, и его информация касалась только нацистов времен Гитлера, оставшихся в живых.

Между этими двумя группировками действовали ключевые фигуры, они заполняли разрыв и связывали обе фракции. И та и другая получали финансовую поддержку из нацистской казны, которая неуклонно увеличивалась. Промежуточную позицию, по словам Стейнза, занимали Мартин Сент-Джон и Гюнтер Брендель, оба прирожденные политики и мастера компромиссов.

Деятельность Бренделя в послевоенный период не сводилась лишь к тому, чтобы, оставаясь неузнанным и незамеченным, присутствовать на слетах и собраниях нацистов. Помимо расширения своей семейной фирмы «экспорт-импорт», которая была на редкость удобным прикрытием для любых операций и сделок, Брендель вращался в глубинных сферах возрожденных всесовских организаций, например ХИАГ и «Зихерхайтсдинст» (СД), занимался подделкой иностранных банкнот, паспортов и прочих документов, контролировал работу фабрик и заводов в ряде ведущих отраслей промышленности, был владельцем ночных клубов и борделей, используя их в качестве ширмы и средств шантажа.

Влияние Бренделя распространялось также на юридические учреждения и органы общественного порядка Западной Германии, где служило множество бывших нацистов, людей преданных, которым он в свое время помог замести следы. Стейнз считал, что один из тех, на кого ложилась ответственность за нацификацию «новой Германии», — Гюнтер Брендель.

Питерсон спросил его, почему же в таком случае он не посоветовал одного из своих ангелов мщения убить Бренделя? Стейнз поджал бескровные, холодные губы, потыкал вилкой в остатки сливового пирога и ответил, что Брендель все еще

жив, поскольку он, собственно, преступник скорее послевоенного времени, чем времен войны. Возмездие — участь бывших нацистов. Брендель — это промежуточное звено, а ему, Айвору Стейнзу, предстоит сначала закончить начатое дело.

— Одно приводит меня в бешенство, — проворчал Питерсон, жуя сочный ростбиф, который в этот вечер подали нам в отеле «Гроувенор-хаус», — а именно то, что мы до сих пор не знаем, кто совершает все эти убийства. Конечно, куда проще заявить, черт побери, что это нацисты, и дело с концом... но от этого остальному миру не легче. Нормальным людям, я хочу сказать, как вон те. — Он фыркнул и жестом указал на улицу внизу под нами, за окном, исполованным дождем. — Для них фашисты — дело прошлое, кусок странной истории середины двадцатого века. Попробуй заикнись им об этом! Да они тут же запрячут нас в сумасшедший дом. — Он энергично сунул в нос ингалятор и тянул в себя воздух, пока лицо не стало одного цвета с шарфом, а глаза не сошлись на переносице. — Нацисты! — выдохнул он. В комнате стоял запах ментола и полоскания для горла. — А кто же, черт подери, тот долговязый и его колобок-помощник? Кто убил Сирила? Тот верзила? А может, каждый раз был другой исполнитель, вы понимаете это? А? Да проснитесь же, Купер!..

— Я не сплю. Просто глаза устали. — Я слышал, как Питерсон ест: нос у него совсем заложило, и ему было очень трудно одновременно и есть и дышать.

— И если бы я мог лучше думать о Стейнзе. Иногда мне кажется, что он в здравом уме, а начинаю вспоминать о нем — и прихожу к выводу, что он все-таки ненормальный. А значит, и мы с вами ненормальные, раз ухлопали столько времени, выслушивая его байки. — Он оттолкнул от себя сервировочный столик на колесиках с остатками ужина. — Как вы считаете, он на самом деле тот, за кого себя выдает? Надо навести о нем справки. У меня есть дружок в Скотланд-Ярде. Схожу к нему, выясню. — Он оглушительно высморкался и чихнул, заставив меня окончательно проснуться.

— Параллельно, поскольку я все равно буду в Скотланд-Ярде, свяжусь с Рокой, поинтересуюсь, нашлись ли эти сволочи Котман и Сент-Джон. Потом позвоню в Куперс-Фолс и Федеральное бюро. — Он зевнул. — Небось начнут допытываться, куда это я, к дьяволу, запропал. Если только

они не следят за нами... М-да, Фэбээровцы, — задумчиво проговорил Питерсон, протягивая руку за шоколадным муссом. Потом поднял на меня глаза, в которых зажглось любопытство: — Знаете, Купер, если они заинтересовались, по-настоящему заинтересовались — ведь и правительственные отчеты были уничтожены в этой неразберихе, — они, возможно, следят за нами, даже если сами убийства их не очень трогают. Такова правда жизни. Проблема вся в том, что ты никогда полностью не можешь быть в чем-либо уверен, пока не станет слишком поздно. Иногда они преследуют свои собственные цели. ФБР, ЦРУ или эти парии из разных там спецслужб — у них столько прав и полномочий, сколько им нужно, чтобы выполнить то, что они хотят. — Он одним махом проглотил мусс и облизал усы. — Такова жизнь.

Я попросил его заодно проверить полученный нами от Стейнза адрес фирмы Бренделя, а также адрес в Беигрейвии¹, где жили Брендель и его жена.

— Так, она уже теперь «его жена», а? — Питерсон хитро блеснул глазами, вытер салфеткой рот. — Появились сомнения, так надо понимать?

— Не знаю.

— Может быть, она просто похожа на вашу мать, — сказал он.

Утром я вышел на Парк-лейн. Со светло-серого неба, мало чем отличавшегося по цвету от шевииотового, в тонкую полоску, костюма, в котором Питерсон завтракал, не переставая моросил дождь. Я никогда не видел Питерсона одетым столь официально: он направлялся в Скотланд-Ярд и хотел выглядеть презентабельно. Наблюдать, как менялся его внешний вид вместе со сменой туалетов, когда он надевал то один костюм, то другой, было интересно. Тотчас же заметно менялось и его поведение. В это утро не было никакого шмыганья носом, никакого следовавшего за этим нытья. Питерсон двигался быстро, выглядел деловитым и даже внушал некоторый страх.

— Я все-таки пусть и не сразу, но раскопаю эту навозную кучу, Купер, — сказал он, когда мы расставались. — До сих пор я плыл по течению, а этого я больше всего не люблю.

Раскрыв зонт, я вошел в тихий, безлюдный из-за дождя Гайд-парк. Чем ближе я оказывался к Ли, тем больше хо-

¹ Фешенебельный район Лондона.

телось подождать и еще раз все взвесить — слишком уж тревожной казалась мне моя миссия. Я медленно шел по парку, почти не замечая никого, направляясь к парку Кепсингтон-гарденз. На моем пути оказалось озеро Серпентин, я обошел его слева, а потом свернул направо, пересек Роттен-роу, постоял на Найтсбридже, глядя сквозь пелену дождя на Уголок ораторов Гайд-парка и угол Уилтон-плейс. Мне ничего не оставалось, как двигаться к намеченной цели.

Дом выходил на улицу в Белгрейвия-плейс. Это было типичное лондонское строение из красного кирпича, со свежей белой окантовкой на окнах, с медным молотком на сияющей белизной двери, — элегантное, ничем не примечательное тихое здание. Я стал ждать. Через каких-нибудь полчаса они вышли. У меня перехватило дыхание.

Фрау Брендель шла впереди: высокая, с золотистыми волосами, в короткой, до талии, кожаной куртке, потертых бежевых брюках с широкими манжетами и туфлях на платформе сантиметров в пять толщиной. Она остановилась на верхней ступеньке крыльца, сунув руки в карманы и слегка подав плечи вперед. На ней были огромные дымчатые очки. Следом за женой появился Брендель — тоже высокий, широкоплечий, в приталенном пальто с бархатным воротником, в котелке и серых перчатках. Он повернулся, поднял светло-коричневую сумку с сине-зеленой полосой, что-то сказал жене и спустился следом за ней по лестнице к черному «мерседесу». Я пораился: их легко можно было принять за отца и дочь. На расстоянии казалось, что ей лет двадцать. Я почувствовал, что теряю уверенность: я ожидал, что она старше и, во всяком случае, не походит на манекенщицу из модного журнала «Вог».

Они быстро сели в «мерседес». Брендель отъехал от тротуара, и машина проследовала мимо меня, свернула за угол к Найтсбриджу и исчезла из виду.

Я зашагал назад через Гайд-парк, сразу ослабевший, усталый, хотя была еще только середина утра. Я не думал уже ни о четвертом рейхе, ни об Айворе Стейнзе, ни о Ли, ни об одном из убитых. Я ощущал только усталость и внутреннюю опустошенность.

У гостиницы я влез во взятый нами напрокат автомобиль, с трудом проехал по Лондону, пока не отыскал контору Бренделя по указанному Стейнзом адресу, остановился у обочины неподалеку от входа и стал ждать. Минут через десять в зеркале моей машины возник черный «мерседес», плавно проскользнул мимо и остановился впереди

меня у самого входа, где стоянка запрещалась. Она открыла дверцу, вышла из машины, на мгновение повернувшись ко мне лицом, откинула волосы со лба. Он тоже вышел, и они вместе направились к зданию. Его широкая, сильная рука легла ей на плечи, и они скрылись в подъезде.

Час спустя они снова вышли. Он взял из машины светло-коричневую сумку, и они торопливо зашагали по улице.

Я вылез из машины и последовал за ними. Дождь теперь только чуть накрапывал. Ветер стих, воздух был густым и душистым. На углу Брендель купил ей букетик весенних цветов — яркое радостное пятнышко. И в то время, когда они продолжали свой путь, она держала его за обернутые бумагой стебельки, а Брендель мерно постукивал концом зонта об асфальт.

Они вошли в ресторан «Эдуардо», я же помедлил немного, потом решил: «Черт с ним!» — и открыл дверь.

В «Эдуардо», несмотря на название, не было ничего итальянского. Он оказался довольно старой таверной, уставленной лакированной, красного дерева мебелью, в воздухе стоял приятный запах полировки. Возле одной стены, которая была отделана декоративным викторианским стеклом, висела груда номеров «Файнэншл таймс» и сновало много мужчин в белых сорочках с расстегнутыми воротниками и в галстуках, завязанных на маленький узел. Женщин в зале было мало, и я сразу заметил ее у окна, выходящего на улицу. Она наклонилась к Бренделю, чтобы прикурить.

Я уселся за столик у боковой стены, откуда мог хорошо их видеть, открыл собственный номер «Файнэншл таймс», заказал отбивную и кружку портера и принялся наблюдать за ними, скрытый разношерстной толпой бизнесменов, которые жадно вгрызались в жареную грудинку.

Мне ничего не оставалось, как только наблюдать. Брендель в отлично сшитом костюме выглядел элегантным, холемым. Посреди стола лежал букетик. Она что-то говорила, пила вино маленькими глотками, ела бифштекс и салат. В голове у меня все начало путаться: то в какой-то миг мне казалось, что я остро ощущаю родственную близость с этой женщиной, которая целиком занимала мое сознание, то вдруг я становился холодным, бесчувственным, безразличным. Она была совсем не такой, какой я ожидал ее увидеть. Однако факт оставался фактом — женщина эта, казалось, не несла на себе никакого отпечатка фатальности. Она вовсе не походила ни на печальное, тающее, углубленное в себя существо, ни на романтическую героиню. Она оказалась

самой обыкновенной женщиной. Очевидно, это-то меня и обескуражило. Мысли, которые я вынашивал, делая из Ли предмет моих поисков и разгадку нескольких убийств, представлялись несколько неловкими, когда я смотрел на эту светскую даму, обедающую со своим мужем.

Она закурила, откинулась назад, обхватив длинной рукой спинку стула, и начала медленно оглядывать зал. Неожиданно при мысли, что сейчас я встречу с ней взглядом, на меня повеяло ужасом.

Я резко поднялся, оставил деньги на столе, вышел и направился через улицу в табачный киоск. Находиться с ней в одном помещении почему-то показалось мне рискованным, и меня охватила паника.

Через несколько минут они тоже появились и какое-то время стояли у входа, о чем-то беседуя.

Брендель передал жене сумку, она на секунду сжала его руку, и они разошлись в разные стороны. Я подождал, пока она удалилась на полквартила, и перешел на другую сторону. Она в самом деле оказалась высокой. Ее голова с развевающимися волосами немного возвышалась над толпой.

Вначале она заглянула в ювелирный магазин на Нью-Бонд-стрит и вскоре вышла с маленьким пакетиком, который сунула в карман куртки. Потом побывала в другом магазине, на Риджент-стрит. Я последовал за ней. Там, потеряв Ли среди стеллажей шерстяной мануфактуры, я испугался, что не смогу найти ее, и в волнении бросился на улицу, повернул за какой-то угол и тут столкнулся с ней носом к носу.

Она мельком скользнула по мне взглядом из-за огромных дымчатых очков, а я, опустив глаза и неловко пятясь, бормотал извинения, пока не сообразил, что она давно обо мне забыла. К счастью, ей не было ровно никакого дела до неуклюжего тюленя, налетевшего на нее.

Когда она прошла мимо меня, от нее повеяло нежным ароматом незнакомых цветочных духов.

Перейдя на другую сторону Кондуит-стрит, я остановился в ожидании, а она в это время зашла в парфюмерный магазин Кристиана Диора. С Диором она покончила в несколько минут и направилась обратно на Риджент-стрит, откуда на Пиккадилли-серкус через Трафальгарскую площадь, мимо памятника Нельсону к Странду. Я уже порядочно устал, когда она приблизилась к обветшалому зданию в довольно неприглядном переулке, под углом отходившем от Странда к Лестер-сквер и «Ковент-Гардену». Она

взглянула на часы, глубоко вздохнула и исчезла в узком дверном проеме.

Ветхая деревянная лестница скрипела под моими ногами. Ступеньки посередине были истерты бесчисленным количеством людей, которые в течение столетий, отдуваясь, взбирались по ним. Казалось, этим ступенькам нет конца. Лестница привела меня на второй этаж. Грязные стены вокруг потрескались, а в воздухе стоял густой едкий запах пота. На самом верху, за полуоткрытой дверью, оказалась серая, неосвященная комната. Что-то было написано на дверях. Я приоткрыл их ровно настолько, чтобы прочесть надпись: «Школа танцев Макомбера». В этот момент внутри кто-то забрентал на рояле, разминая пальцы.

Я пошел на звук, наткнулся на другую дверь, с надписью «Балкон», сделанной стершейся кое-где золотой краской. На балконе царил глубокий полумрак, и театральные кресла — их было четыре ряда — оказались пустые. Внизу подо мной шли занятия.

Около тридцати девочек лет десяти стояли у станка вдоль боковой стены, выполняя упражнения. Пожилая седоволосая женщина в очках на цепочке играла на рояле. Фрау Брендель начала медленно расхаживать вдоль ряда девочек, заговаривая с каждой из них, жестикулируя, наставляя, демонстрируя. Волосы у нее были стянуты на затылке в тугий пучок, поверх розовых рейтуз надет трикотажный черный купальник. Для балерины она казалась чрезмерно высокой и, пожалуй, тяжеловатой. Ноги были мускулистые, ягодицы — сильные и плотные, грудь по-девичьи плоская. Двигалась фрау Брендель плавно, грациозно, размеренно, руки ее как бы плыли по воздуху.

Музыкальное сопровождение оборвалось, и она что-то сказала ученицам по-французски. С девочками она обращалась умело и ласково. Когда был объявлен перерыв, они с горящими глазами сгрудились вокруг нее, и я почти забыл, кто она такая и зачем я здесь. В конце первого часа ко мне присоединились три женщины в плащах — матери, пришедшие посмотреть на дочерей.

Занятия окончились, и я стремительно спустился по скрипучей лестнице и перешел на другую сторону улицы. День угасал, небо над Темзой становилось оранжево-серым.

Девчурки высыпали на улицу, навстречу мамам и няням, и рассеялись в сумерках, уходя в сторону Стрэнда. Я знал, что она тоже вот-вот появится, и ждал, причесав в тени и все больше и больше чувствуя себя маленьким хищником, украдкой следящим за своей добычей. Когда она

вышла, я снова пустился следом за ней. Волосы ее так и оставались стянутыми в пучок, в руках она несла сумку с принадлежностями для занятий.

Она направилась той же дорогой к Трафальгарской площади, потом свернула налево к Черинг-кросс и оказалась на набережной. Здесь она замедлила шаги, постояла, глядя вниз на Темзу и за реку, на Ройял-фестивал-холл, потом медленно пошла вдоль берега. Голые, без листвы, деревья, точно костлявые спутники, сопровождали ее на всем пути вдоль набережной. Впереди нас — а я шел теперь сзади всего ярдах в пятнадцать — неясно вырисовывался в дымке Вестминстерский мост, оранжевый в отблесках предвечернего солнца под низко нависшими облаками. Чуть позади остались здания парламента, внизу текла темно-коричневая Темза...

Глядя на Ли, склоненную над рекой, видя, как она медленно переводила взгляд с воды на мост, затем на огромные приземистые здания, в которых размещался парламент, а от них дальше, на небо, я вспомнил, как, будучи подростком, благоговейно взирал на картины Тернера с бунтующим небом над коричнево-мутной Темзой, и зримо ощущал, почему именно его холсты стали настоящей школой для Мане, Писсарро и Моне. Наблюдая за Ли и за тем, как менялось небо, догорая под покровом дождевых облаков, я вспомнил, что здесь было поле битвы... битвы, в которой мой отец... и ее — сейчас я в это глубоко верил — погиб, защищая Англию от варваров...

Она стояла спокойная, отдыхающая, и я устало опустился на скамью, выбил из трубки пепел. Я безумно устал, голова болела от напряженной слежки за ней. Я испытывал к ней огромную теплоту. Возможно, потому, что провел с ней целый день, я ни на минуту не переставал думать о ней. Я ощущал прилив почти родственных чувств. Меня интересовало в ней все — ее походка, ее манера держаться, ее отношение к своему балетному классу, а главное — ее образ жизни, каким он мне рисовался. Силы у меня были на исходе, я устал и завидовал Бренделю... Теперь я уже не сомневался, она — моя сестренка Ли.

У Вестминстерского моста она опять остановилась, рассматривая какую-то надпись, сделанную мелом на фасаде. Когда она прошла вперед, я приблизился к тому месту, на котором она только что стояла, и впился глазами в белые печатные буквы. Слова, написанные по-немецки, оказались какой-то цитатой и, пожалуй, единственными немецкими

словами, которые я смог перевести без словаря: «Я жил, но ничего не понял».

Позднее, спустя, казалось, много часов, я, тяжело дыша, мчался через Сент-Джеймский парк, по аллее Бердкейдж к Букингемскому дворцу. Дождь стучал по мертвой прошлогодней листве. Народу на улицах в этот час прибавилось, ярко горели уличные фонари.

Совсем обессилив, обливаясь потом, я остановился перед домом в Белгрейвия-плейс, глядя на окна: она включила свет сначала на втором, потом на третьем этаже. Укрывшись в каком-то подъезде, я представлял, как она раздевается в своей спальне, становится под горячий душ, смывает с себя дневной пот в потоках воды, сбегающих с сильного, стройного тела.

Через несколько минут с Понт-стрит мимо меня прошел мужчина в черном длинном плаще, помедлил секунду, стоя прямо передо мной в ярком свете фонаря, затем пересек улицу и, не колеблясь, вошел в дом Бренделей. Он двигался быстро, но я все же успел разглядеть его: длинные светлые волосы, сильный профиль с крупным носом, резко очерченные полные губы, широкий рот — лицо богатого бабовня, слишком смазливое, чтобы воспринимать его серьезно, возраст — неопределенный.

Мокрый, продрогший, я потащился по опустевшей улице восвояси, ни о чем не думая, лишь машинально отмечая знакомые уголки Грин-парка. Туман будто вырастал из земли. То там, то тут на скамейках, словно набухшие комья глины, застыли под зонтами одинокие фигуры, тихие, неподвижные.

— Неужто Купер?! Мистер Купер, постойте...

Я ведрогнул, резко повернулся. Один из комьев ожил, отделился от скамьи. Коренастый, приземистый человек в шляпе с приспущенными полями и с зонтиком подкатился ко мне, отдуваясь, повторяя мою фамилию:

— Макдональд, — удивился я. — Макдональд, это вы?

Я заглянул под его черный зонт. Это в самом деле был он.

— А кто ж еще, конечно, старина Макдональд! — сказал толстяк, хватая меня за руку и притягивая к себе под зонтик. — До чего же тесен мир! — воскликнул он, и от улыбки глаза его превратились в щелки.

— Все бегают, страхуете людей? — Я очень обрадовался, встретив знакомого, пусть даже такого, после ужасного дня, который я провел, заглядывая исподтишка в чужую жизнь.

— Пытаюсь, дорогой мой, пытаюсь. Названиваю богатым бездельникам, следуя некоторым наводкам — в нашей профессии это называется «разведкой», глядишь, что и повернется. А тут Белгрейвия, Мейфэр, крупные держатели страховых полисов. Вот только погода отвратная, ничего не стоит подхватить грипп, это как пить дать. Но, слава богу, я сам застрахован, так что, если придется покинуть сей мир с его вечной борьбой, с однообразной идиотской работой, у меня за кормой будет чисто... — Он заглянул мне в лицо, весело хихикая, будто сама мысль о неизбежной смерти забавляла его. — Люблю, грешным делом, посидеть минутку другую в Грин-парке, — продолжал он, идя рядом со мной. — Это стало многолетней привычкой. Правда, погода так неожиданно испортилась, вы не находите? Совсем недавно был такой прекрасный закат, а сейчас — посмотрите, что делается! Просто мерзость. — Потом он спросил, где я остановился, и я назвал свою гостиницу. Он понимающе кивнул, развернул пахнущую малиной пастилку и сказал, что, вероятно, уже опоздал на встречу с потенциальным клиентом и, к сожалению, должен меня покинуть. Я кивнул.

— Но вы так просто от меня не отделаетесь, дружище. Мы с вами еще выпьем вместе. Я знаю все достойные внимания заведения... — Он поспешно затрусил под дождем, путаясь в полах пальто, чересчур длинного для его шарообразной фигуры, и тут же растворился в тумане. Внезапно мне в голову пришла мысль, что я до сих пор не встречал страховых агентов, которые ходили бы без портфеля.

— Что ни говори, а ничего нет лучше гаванского листового табака, — слыло прогудел Питерсон, извергнув в моем направлении клуб синего дыма. — Цивилизованные англичане понимают это. Возможно, потому до сих пор и торгуют с Кубой. Какой смысл лишать себя гаванского курева из-за какой-то политики? Чувство меры...

Похоже, он был готов продолжать свою болтовню, но моя неудержимая зевота заставила его замолчать, не докончив фразы. Он подождал, пока я перестану зевать, и переключил свое внимание на все удлиняющийся столбик пепла.

— Хорошо, хорошо, — он несколько раз пыхнул сигарой, — перейдем к делу. Прежде всего о благонадежности полковника Стейнза. Рад доложить, что он вне подозрений. Я, конечно, действовал очень осторожно — не хотелось выдавать и его самого, и всю его деятельность. И все равно

мой приятель, Берти Редмонд из Скотланд-Ярда, посмотрел на меня подозрительно, когда я спросил его о нем, а потом ответил, что Стейнза очень ценят как на Даунинг-стрит, 10, так и в других авторитетных учреждениях и что ему можно доверять. Похоже, мы оба с вами здорово боялись сболтнуть при полковнике что-нибудь лишнее, темнили, однако Берти заверил, что об «увлечении» Стейнза фашистами хорошо известно даже в министерстве иностранных дел и что информацию Стейнза неоднократно использовали, чтобы заполнить серьезные пробелы и выйти на людей, которым правительство хотело бы... э-э... скажем, задать несколько вопросов.

Берти кратко сообщил о деятельности нацистов в Англии в послевоенный период. Привел конкретные примеры, но ничего стоящего. По его мнению, нацисты постепенно вымирают, стали своего рода редкостью: старики, несколько фанатиков, не заслуживающих внимания. Возможно, Берти что-то и утаивал, хотя мне показалось, что он говорил обо всем довольно откровенно. Он показал мне тонкую папочку с фотографиями известных нацистских подпевал, доживших до наших дней. Разумеется, прежде я никогда с ними не сталкивался, но постарался хорошенько запомнить их лица. — Он чихнул. — Вам следует посмотреть эти фотографии... Ведь вы видели тех двоих в Иллинойсе, прежде чем они попытались отправить вас на тот свет.

— Я разглядел долговязого. А второго... сомневаюсь, чтобы я мог узнать его. Вряд ли.

— Неважно, — нетерпеливо сказал он, — вы все-таки взгляните.

Я кивнул в знак согласия.

Питерсон рассказал, что звонил в Буэнос-Айрес. Рока сообщил, что у них ничего нового: самолет, вылетевший с Котманом и Сент-Джоном, до сих пор так и не обнаружен. Однако коллега Роки в Сантьяго, в Чили, дал знать, что там видели человека, очень похожего на Сент-Джона, в обществе одного видного чилийского генерала. Сейчас Рока проверяет данные.

Питерсон успел позвонить и в Куперс-Фолс доктору Бразли, справиться о здоровье Артура Бреннера. Тот все еще находился в тяжелом состоянии, но постепенно выкабкивался.

— Бразли считает, что это «оздоровительный отдых», — неторопливо подытожил Питерсон, снова обозревая столбик пещла. — Удивительный человек Бреннер, ему столько досталось, и это в его-то возрасте... Сколько я его знаю, всегда думал — не человек, а скала какая-то... и то,

что эти сволочи с ним сотворили, бесит меня не меньше, чем все их остальное паскудство. Кроме того, я переговорил с ребятами из ФБР и полиции Миннеаполиса, и никто из них представления не имеет, что происходит. Вся эта неразбериха, надо думать, вполне их устраивает — они, видите ли, не знают! А Вашингтон попросту держит своих сотрудников там в неведении, предоставив их самим себе. Один из них спросил меня, не было ли новых попыток нейтрализовать вас. Ей-ей, так и сказал — «нейтрализовать»... Допытывался, не выяснили ли мы, кто пытался вас убить. — Он вздохнул, прищурился от попавшего в глаза едкого дыма. — Ладно, а теперь поведайте, Купер, как вы провели день.

Я выступил со своим сольным номером, едва ворочая языком от усталости, рассказал о Макдональде.

Питерсон слушал, откинув назад голову, прикрыв глаза.

— Тот самый, что сидел рядом с вами в самолете до Глазго? — спросил он. Глаза его продолжали оставаться закрытыми, но голос вдруг зазвучал пугающе резко, а рука застыла на полпути к пепельнице, зажав сигару с уплывающей в сторону обильной, как из дымохода, струей дыма. — Тот самый?

— Да, низкорослый, щекастый тип. Продает страховые полисы, до смерти боится летать.

— Тот самый, которого вы встретили в пивной в Глазго?..

— Да.

— А теперь натолкнулись на него в лондонском тумане...

— Мир тесен.

— Но не настолько тесен, Купер.

— Что вы хотите этим сказать? — Очень медленно, но я начал кое-что соображать. — Что это, как не совпадение?

— А вот что. Когда он позвонит — и молитесь богу, чтобы он позвонил, — соглашайтесь встретиться с ним в каком-нибудь питейном заведении. Надо взглянуть на этого мистера Макдональда. — Он вынул из кармана ингалятор. — Потому что встреча с мистером Макдональдом — не просто совпадение.

Утреннее солнце низко висело над городом — металлический диск, чуть подернутый туманной пеленой. На улицах стояли лужи воды. Было совсем рано, но мы с Питерсоном уже позавтракали и допивали кофе из серебряного кофейника. Мы спорили, и напряжение отзывалось болью под лопатками, долбило в основание черепа. Питерсон настаивал, чтобы я поехал к Берти Редмонду в Скотланд-Ярд

посмотреть досье с фотографиями нацистов. Я же хотел продолжить слежку за Ли.

— Дьявольщина! Вы начнете когда-нибудь понимать, что происходит в действительности? — прогремел Питерсон, прищурив глаза. — Вашего брата убили не потому, что он отыскал вашу сестру — если только она вообще ваша сестра, я подчеркиваю, если... Это не повод для убийства, Купер, нет, если она просто ваша давно пропавшая сестричка. От него могли отделаться, чтобы он не беспокоил ее, но его не стали бы убивать, неужели вам это не ясно? Хотя это до вас доходит? Вам понятно, о чем я говорю?

Я кивнул, сердито глядя на него.

— Следовательно, если он погиб не из-за того, что нашел вашу сестру, то погиб по причине, которая возникла в процессе ее поисков. Похоже, теперь нам известно, что это за побочная причина — уцелевшие нацисты, неонацисты или старо-неонацисты, называйте их как хотите. Так вот, Купер, это убийство! Убийство, а не шутка!

Итак, мы имеем: Сирил, какая-то женщина, возможно ваша сестра, и кучка недобитых фашистов. Но не только это... Буэнос-Айрес, Лондон и Мюнхен... Ваш брат побывал в этих городах. Очевидно, в каждом из них имеются нацисты... Так, еще ангел мести на острове Кэт. Теперь, черт подери, давайте взглянем на все это трезво. Единственный здравый вывод из сказанного — нацисты, хоть это и звучит дико спустя тридцать лет после их похорон, продолжают убивать людей... Они убивают всякого, кто представляет для них угрозу. Что еще можно предположить? Делать поспешные выводы — глупо, но не делать их совсем — еще глупее. Однако мы упорно не желали делать их. И теперь, Купер, мне страшно...

Прошлой ночью я не сомкнул глаз, хотя всегда сплю отлично, всегда. А вчера не мог и позавчера тоже. Я просыпаюсь в холодном поту и в ужасе. Меня пугает сложившаяся ситуация, пугают эти люди. Мне страшно, потому что я ничего не предпринимаю, тогда как они следуют за нами по пятам, выжидают, как мы поступим дальше, не оставим ли все это и не уберемся ли восвояси.

Более того, я не уверен, спасет ли нас возвращение домой. Я говорю «нас», поскольку теперь рискую жизнью не меньше вашего. Мы суем нос в их маленькую нору, и они не могут понять, много ли нам удалось узнать. Но они встревожены. Знаете, о чем я думаю, Купер? О том, что им, прежде чем убить нас, хочется выяснить, что нам известно. Они не знают, что именно мы могли сообщить другим за-

интересованным людям. — Он шумно отхлебнул кофе и про-
бормотал: — Боже, до чего я люблю холодный кофе! Обо-
жаю, просто обожаю... Маленькие жизненные удовольствия,
и я не желаю их лишаться.

Так вот... Нацисты пытаются ликвидировать вас, но де-
лают это нечисто. Может, они вообще не собираются уби-
вать... Может, их цель — только запугать вас. Хотя вряд ли
в их интересах оставлять вас в живых, учитывая, как много
вам уже известно.

— Но, собственно, что мне известно? — спросил я.

— Это не имеет значения. Вы можете знать важные
вещи, сами того не подозревая, и тем не менее вы пока жи-
вы. Для них это большой, ничем не оправданный риск. Но
раз вы все еще живы, то можно подумать, что вы пользуетесь
чьим-то покровительством. Дай-то бог, чтобы это было
так!

Он встал и заходил по комнате, разминая мышцы. Оста-
новился рядом с бюро и завязал полосатый галстук под во-
ротником белоснежной сорочки. И то, и другое было куп-
лено пакапуне: у него на все хватало времени, тогда как
я к концу дня уже ни на что не находил сил.

— Вопрос в том, все ли мы знаем, или есть еще что-то
неизвестное нам.

Я затруднялся ответить ему.

— Подумайте на минуту вот о чем. — Он застегнул
«молнию» на брюках, разгладил галстук поверх рубашки. —
Никто вас не беспокоил, пока вы не поехали домой. Они
убили Сирила после того, как он вернулся домой. Уничто-
жили Полу, которая после своего возвращения домой ни-
куда не выезжала из Куперс-Фолса... Тут что-то кроется.
Возможно, эти коробки... Их выкрали и, чтобы заполучить
тот единственный железный ящик, который не достался им,
разрушили чуть ли не целый город. Мне кажется, что это
мотив для убийства, если только слово «мотив» здесь под-
ходит...

Он надел жилет, тщательно расправил его на груди и
застегнул на все пуговицы, потянулся за пиджаком.

— Значит, остаются только бумаги, которые расшифровал
мой дружок из Колумбийского университета, — тот самый
план захвата Соединенных Штатов изнутри в случае по-
беды немцев в войне. Все это — замысел Остина Купера.
До сих пор я не придавал особого значения этой дребедени.
Нет, я верил, что они составили подобный план и так далее.
Но мне, как и вам, все это казалось детской забавой. Но те-
перь... Слушайте, Кунер, а что, если, черт подери, они и

впрямь верили в возможность его осуществления? Что, если речь идет о далеком, но реальном перспективном плане? Я хочу сказать: что, если Стейнз не просто добывает уцелевшую нечисть, как он расстреливал немецких матросов в холодной черной воде пролива, а пытается что-то остановить? Что, если Сирил хотел дать сигнал тревоги? А Долдорф? Что, если что-то... весьма важное происходит именно сейчас? Вот потому я говорю серьезно: вам лучше поскорее смотаться в Скотланд-Ярд и взглянуть на эти проклятые снимки, чтобы окунуться в эту игру с головой. Перестаньте тратить время, изводя себя мыслями о той женщине.

Я поехал с Питерсоном в Скотланд-Ярд, подержался за узкую холодную руку Берти Редмонда, просмотрел нацистские досье. Ни одного знакомого лица — ни долговязого, ни его коротышки-помощника. Но я старался вовсе, так как слова Питерсона потрясли меня.

От Скотланд-Ярда мы, взяв такси, поехали на улицу, где располагалась контора Бренделя, около которой я оставил взятый напрокат автомобиль. Ублажив Питерсона тем, что съездил с ним к Редмонду, я счел себя вправе выразить ему свое несогласие. Сидя на заднем сиденье такси, я изложил ему свою позицию.

— По-вашему, я чересчур много ношусь с той женщиной, то есть с Ли, — начал я, стараясь не выдать чувств, которые поднимались в моей душе, стоило кому-то лишь заговорить о ней. — Я же считаю, что Ли — наша отправная точка, с чего мы можем начать расследование. Сирил, должно быть, думал точно так же, ведь, как ни говори, она — наша плоть и кровь, даже если сама об этом и не подозревает. И Сирил поэтому решил разыскать ее. Не исключено, что он даже встречался с ней...

— Может, потому его и убили, — сказал как отрезал Питерсон.

— Да, но о нас им все равно уже известно. Что бы мы теперь ни сделали, хуже не будет.

Он кивнул и что-то проворчал.

— Не забывайте о телефонных звонках Поле, — напомнил я. — В том числе и из Мюнхена. Сирил звонил ей из Мюнхена. Брендель и Ли живут в Мюнхене... Только это и связывало Сирила с Мюнхеном.

Мы расплатились с водителем и быстро зашагали по улице, направляясь к своей машине. По дороге я показал Питерсону контору Бренделя, но он не обратил на нее никакого внимания. Однако, когда я сел за руль, он внезапно произнес:

— Ну ладно, давайте посмотрим на вашу красотку.

При звуке его голоса я очнулся от своих дум, поднял голову и увидел ее. Она была с мужчиной.

На ней был оливковый костюм «сафари» и такого же цвета лента в волосах. На нем — темно-зеленая спортивная куртка, черные брюки и черный с высоким воротом свитер. Они направились к темно-зеленому «ягуару». Мужчина оказался вчерашним красавчиком, тем самым ходячим эталоном моды в черном длинном плаще с отворотами. Веселые, радостные, они как бы воплощали любящую пару из рекламного телефильма. Молодые, красивые и богатые, они были счастливы одним только сознанием этого.

— Вот что, — сказал Питерсон крайне деловито, — сядем им на хвост. Может, они едут взорвать Тауэр, нанести удар во имя четвертого рейха. — Он фыркнул, но тем не менее не шутил. Лицо его напряглось, словно он уже участвовал в операции по предотвращению взрыва. На протяжении всего утра я наблюдал перемену в его настроении: сейчас он переходил в наступление, а мне оставалось лишь надеяться, что осколки меня не заденут. Взглянув на него, прежде чем завести машину, я испугался Питерсона больше, чем всей преследующей нас своры.

Они походили по галерее Тейта возле картин французских импрессионистов, переместились в здание «Коллекции Уолласа» на Манчестер-сквер, зачарованно останавливаясь у каждой картины Каналетто, потом неторопливо вышли на улицу. Его рука лежала у нее на плече. Теперь она не смеялась и даже улыбалась не очень часто, но время от времени подставляла ему лицо для поцелуя, и его губы бесстрастно касались ее губ, и тогда на лице ее появлялась улыбка, рука обвивалась вокруг его талии.

На Берлингтон-стрит они посетили маленькую галерею и с мрачной серьезностью уныло обзврили выставку грубоанатомичных «пагих» Фрэнсиса Бэкона. Она обратилась к какому-то человеку, указала на одну из картин и продолжала что-то говорить, пока он оформлял заказ. Они вышли, о чем-то серьезно и увлеченно беседуя. Любители живописи.

— К тому же любовники, — заметил Питерсон, — са-мые натуральные любовники. Герр Брендель возвращается в Мюнхен, чтобы заняться бизнесом или рейхом, а его жена тем временем крутит с породистым самцом. Старая история. Если только... — Он замолчал, раскуривая сигару. Мы сидели в маленьком ресторане. Здесь же обедали и они, то и дело касаясь друг друга руками. — Если только, — повторил Питерсон, — малый не «пед», что вполне

возможно, судя по его внешности. Некоторые женщины, замужние, как правило, подобным образом проводят время с влюбленными в живопись гомосексуалистами, на что их занятые по горло мужья смотрят сквозь пальцы, считая, что это безопаснее, чем давать жене полную волю.

— Бывает, — согласился я. — Но возможно и другое: муж-гомосексуалист дает жене немножко свободы. Тоже старая история...

— Она выглядит очень молодо, — заметил Питерсон.

— В наше время этим никого не удивить.

— Что ж, пожалуй, вы правы.

Они вернулись в Белгрейвия-плейс под вечер, а мы отправились к себе в гостиницу. Когда Питерсон отпирал дверь нашего номера, телефон надрывался вовсю.

— Ага, видите, я вас не забыл! Обещал позвонить и вот, пожалуйста, звоню. — За тирадой последовал каскад хихиканья.

Питерсон, уставившись на меня, беззвучно, одними губами спросил, горя нетерпением:

— Кто?

— Макдональд, — сказал я в трубку, — здорово, что вы позвонили!

Он что-то приветливо трещал, но большую часть его болтовни я прослушал, поскольку в это время Питерсон, чуть не танцуя, пружинистым шагом ходил взад и вперед, слегка подпрыгивая в конце каждого разворота, и время от времени ударял кулаком в ладонь, что-то нашептывая.

— Сукин сын! Ах, сукин сын! Добился-таки своего, старый добрый Макдональд, — пробормотал он счастливый и скрылся в ванной. Вскоре голова его снова высунулась. — Назначайте встречу на сегодняшний вечер. Хочется взглянуть на него...

Пивная, куда мы пришли, оказалась начисто лишенной своего стиля или какого-либо своеобразия, не считая аромата соуса карри, проникавшего из соседнего зала. Она располагалась неподалеку от порта, и дух Темзы, тумана, дождя и немытых барж витал над этим убогим заведением. Макдональд принял к стойке в окружении каких-то подозрительных типов.

Он радостно комахал нам, изобразив на красном лице вымученную улыбку. В пухлой руке он крепко сжимал кружку с отвратительно пахнущим портером. В пивной происходила непрерывная битва множества запахов, что мне, впрочем, пришлось по душе, когда я к ним несколько принюхался.

Я представил Питерсона, и он пожал Макдональду руку с такой фальшивой сердечностью, что мне показалось, будто все забулдыги сейчас бросят пить и уставятся на него удивленными глазами. Макдональд, однако, принял ее за чистую монету.

И началось... Питерсон суетился, изредка патыкаясь на него, извинялся, тянулся к бару, снова и снова заказывал пиво и сорил деньгами направо и налево. Он прямо захлебывался от распиравшей его словоохотливости: «Как вам, Макдональд, понравилась Аргентина? Ах, вы не были в Аргентине, тогда, должно быть, Купер; я знаю, что кто-то ездил в Аргентину...» Он говорил слегка пьяным голосом, язык у него заплетался, речь была невнятной. Впрочем, в духоте и гомоне пивной он, надо полагать, казался Макдональду компанейским, дружелюбным, подвыпившим американцем.

— Еще по одной, — повторял Питерсон, накачивая портером своего новоявленного приятеля. Время от времени я ловил взгляд Макдональда. Он подмигивал мне с отчаянной улыбкой на губах, но тут Питерсон снова наседавал на него, расспрашивая о страховом бизнесе, о районе его действий, интересовался, не случалось ли ему бывать в Германии и как эта самая Германия выглядит.

— Да как любая другая страна, я думаю, — ответил Макдональд. Он достал засаленный, некогда белый платок и отер круглую, блестящую от пота физиономию. — О немцах говорят всякую ерунду; но, по-моему, они такие же, как все.

— А настоящего фашиста вам приходилось когда-нибудь видеть? — с любопытством спросил Питерсон. — Я почему интересуюсь, черт побери, вот мы с Купером наладились через пару дней в Германию, и мне просто любопытно... Я не воевал, слишком был молод, но меня всегда привлекал тот период. А теперь поговаривают, что там, то есть в Германии, еще сохранились нацисты...

— Да как вам сказать, — ответил Макдональд, — я там редко бываю. — Лицо его начало бледнеть. Он облизал губы, но они так и остались сухими. — Мне кажется, все эти разговоры о фашистах — пустая болтовня. Существовала одна нацистская партия несколько лет назад, названия не припомню, которая вызывала беспокойство у людей. — Он снова вытер лицо. Теперь он был бледен как полотно. Питерсон подтолкнул к нему кружку с пивом. — Но... но... — Макдональд на какое-то время потерял нить беседы, затем продолжил: — Но на прошлых выборах они собрали

всего шесть д-сятых процента голосов... — Нижняя губа его отвисла. Он выглядел совершенно больным.

— Потрясающе, как вы помните такие подробности! — восхитился Питерсон. Он вытер лицо рукой. Пот проступал у него из-под края парика, усы обвисли. Он теперь походил на разбойника. — Потрясающе! — повторил он. — Вы интересуетесь политикой, Макдональд? Или историей?

Теперь Макдональд был уже пепельно-серого цвета. Я не мог поймать его взгляд: глаза по-рыбьи остановились, он ничего не видел перед собой.

— Макдональд, — сказал я, хватая его за рукав, — вы плохо выглядите. Вам нехорошо?

— Ага, что-то мне не того... — пробормотал он.

— Хлебните еще пивка, — посоветовал Питерсон, почти крича ему в ухо. — Вы просто проголодались... Немного хорошего острого карри, и вы враз оживете! — Он хлопнул Макдональда по плечу и прокричал бармену через головы стоявших в очереди, чтобы подал еще пива. — Валяйте, Мак, пейте до дна, теплый портер полезен для брюха...

Макдональд протянул трясущуюся руку к кружке, которую совал ему Питерсон, хотел было что-то сказать, но не мог вымолвить ни слова. Он ослабил на шее голубой шарф и сбросил пальто.

— Извините, — пробормотал он и стал проталкиваться сквозь толпу. Один раз он обернулся, взглянул на нас грустными глазами.

— Господи, чего вы так на него насели? — сказал я. — Ему и вправду плохо... И что, собственно, вы хотели доказать своим спектаклем? — Я не скрывал раздражения. Никогда прежде мне не доводилось видеть Питерсона таким, хотя Макдональд, даже когда мы говорили о нем в гостинице, приводил его в крайнее возбуждение.

— Ничего не хотел, — лаконично заметил он, выкладывая на стойку раздутый бумажник черной кожи. — Я не испытываю ни особого доверия, ни тем более симпатии к вашему Макдональду, поэтому подсыпал ему кое-какую гадость в его отвратительное пойло, жуткую гадость, от которой ест глаза, во рту пересыхает, а суставы костенеют, но всегда остается достаточно сил, чтобы добраться до клозета и вдоволь наблестаться. А потом вы теряете сознание. Старый маятник начинает здорово барахлить, и вы надолго выходите из строя. — Он открыл бумажник Макдональда, вытащил стопку визитных карточек и развернул их веером в своей тяжелой лапе с черными пучками волос на суставах. — Макдональд! — Он с отвращением сплюнул. — Так

и есть. Его зовут Майло Кипнюз. Место жительства — Мадрид... и работает он в какой-то компании под названием «Мендоза импорте». Бьюсь об заклад, что эта «Мендоза импорте»...

— Кипнюз, — повторил я, — Майло Кипнюз...

Питерсон стал просматривать другие карточки, какие-то бумажки.

— Вопрос в том, на кого он работает, черт его дери! Одно из двух — или на ЦРУ, или на банду Бренделя. — Он взглянул на меня. — Таковы, я бы сказал, главные предположения. — И, заметив на моем лице недоумение, добавил: — Надо полагать, Купер, наш друг Майло Кипнюз находится здесь с целью либо следить за вами, чтобы убить вас... либо следить за вами, чтобы вас не убили. И в том и в другом случае он опасен, поскольку защитить вас он все равно не в состоянии, зато может привлечь лихих ребят, вроде меня, как дерьмо мошкар. — Он взболтал свою кружку и осушил ее.

Я не отрывал от него глаз, так как не мог взять в толк, что все-таки происходит, и только пробормотал:

— ЦРУ?

— Они всюду запускают свою лапу. Утром по понедельникам они смотрят друг на друга и говорят: ну, черт побери, где-то там кто-то делает что-то плохое. Затем начинают вынюхивать повсюду и замечают, скажем, убийство здесь, или взорванный городишко в Миннесоте, или старичка-профессора, бывшего нациста, кокнутого в небоскребе в Буэнос-Айресе, после чего говорят: а и впрямь творится что-то неладное — и выходят на дело. Так что, возможно, старина Майло Кипнюз как раз и есть один из них. Но кто бы он ни был — за ним целая организация. Полюбуйтесь на все эти кредитные карточки, единые билеты на европейские железные дороги, на авиалинии, талоны на бензин. Мы просто не знаем, что это за организация. И у него при себе оружие. Поэтому, я считаю, нам лучше пойти взглянуть, как он там.

Я двигался через зал за широкой спиной Питерсона, который разгребал людскую толпу, как бульдозер камни. Дверь туалета облупилась, пружина с внешней стороны была сорвана и болталась на гвозде. Кипнюз не забыл запечатать дверь. Приложив ухо к тонкой фанере, мы слышали, как его рвало и как он стонал.

— Макдональд, старина, — позвал Питерсон. — Вы там? Никакого ответа.

Питерсон посмотрел на дверную ручку, нажал на нее.

Она загремела, но не повернулась. Тогда он схватился за нее, скрежетнул зубами и коротким, резким толчком проломил ее внутрь, потом вытянул на себя, показал мне обе ручки и кивнул на рваный пролом в двери:

— Силища, а? — Улыбка его была зловещей. — Ну, Макдональд, сукин сын, как ты тут поживаешь? — С этими словами он распахнул дверь, и первое, что я увидел в тусклом свете, — это ствол револьвера, нацеленный мне в живот.

Кипнюз сидел на полу, на толстом слое липкой грязи, скопившейся здесь со времен юности Шекспира. Его как бы заклинило между зловонным унитазом и стеной, рука покоилась на краю вымазанного нечистотами и залитого мочой стульчака. Одна толстая нога была вытянута вперед, другая подогнута под себя. Рвота — смесь пищи и портерной пены — залила пиджак спереди. Мертвенно-бледное, с зеленоватым оттенком, круглое лицо уткнулось в шарф. Глаза дико блуждали по сторонам, револьвер подпрыгивал в руке. В маленьком закутке вонь стояла невыносимая. Я замер. Питерсон прикрыл дверь и попросил меня припечь ее плечом.

— Собираешься пристрелить нас, а, Майло? Ну давай. — Питерсон шагнул ближе, и Кипнюз повел было револьвером в его сторону, но не довел, направив ствол в стену между нами. — Стыдно, Майло, ей-богу, стыдно, — сказал Питерсон, выбивая ногой оружие из его руки и тут же носком ботинка припечатывая руку Майло к унитазу.

Майло сдавленно вскрикнул, рвота вспенилась в углах рта, пятная шарф. Его вид и мерзкий запах закуртка вызвали у меня приступ тошноты. Я не знал, смогу ли справиться с этим.

— На кого работаешь, Майло? — деловито спросил Питерсон, наклонился и без особого усилия приподнял шарообразного человечка за шиворот. Ноги Кипнюза конвульсивно задергались, отыскивая опору. Питерсон прижал его к стене, и круглая голова Майло свесилась вперед, уткнувшись в шарф. Что-то в нем... Я придвинулся ближе, зажав нос рукой. Что-то...

Питерсон с силой рванул с него пиджак, так что пуговицы застучали, отскакивая от стен. Пошарил во внутренних карманах — в одном, в другом — и вытащил паспорт в потрепанной обложке.

— Ну вот, Майло, — проворковал он, — оказывается, ты бывал в Буэнос-Айресе, негодник этакий. — Голова Майло опустилась еще ниже. Внезапно Питерсон ударил

его о стену с такой силой, что маленькое туалетное зеркало соскочило с гвоздя, упало в раковину и разбилось вдребезги.

— Очнись, Майло, — сказал Питерсон. Его рука провистела рядом с лицом Майло, и тут же нос толстяка как-то странно перекосялся, и струйка крови побежала по верхней губе, растеклась по углам рта. — На кого работаешь, Майло? На Бренделя? — Рука взметнулась снова, и губа треснула, обнажив ряд окровавленных зубов. Я отошел в угол, и меня вырвало. — Или ты работаешь на разведку? — твердил Питерсон. Наконец он произнес: — О черт! — и я услышал, как Майло сползает по стене.

Повернувшись, я внезапно узнал это лицо, круглое, полузакрытое темно-синим шарфом. Влажные волосы прилипли ко лбу, как туго надетый берет.

— Я его знаю, — сказал я.

— Что? — Питерсон вымыл над раковиной окровавленные руки и выругался — вытереть было нечем.

— Я говорю, что знаю этого типа, — повторил я, потрясенный почти так же, как тогда, когда впервые увидел Ли на фотографии из газеты.

— Кто он?

— Это он был там, на шоссе, с тем долговым, когда они хотели меня убить.

— Ну и ну! Должно быть, он был уверен, что вы его не опознаете.

— И все-таки это он.

Кипнюз застонал, руки его задвигались на коленях, словно крылья птицы, слишком тяжелой, чтобы взлететь. Питерсон какое-то время смотрел на него, потом заметил:

— Конец, Купер. Он сломался. Мне приходилось видеть такое. Сходите-ка в бар, принесите кружку портера.

Не зная, зачем ему это нужно, я пошел, взял кружку пива и вернулся в туалет. Питерсон, прислонясь к стене, рассматривал содержимое бумажника и паспорт.

— Буэнос-Айрес. Он там был, когда убили Долдорфа. Глазго. Он был там, когда убили Кемпбелла и едва не убили вас. Соединенные Штаты. Он был там, когда отравили вашего брата. Что твой Фигаро — везде поспел. Опасный малый этот Майло Кипнюз. Любопытно, откуда он? Из Лондона, возможно. Интересно бы знать, каким он был в детстве?

— Мне он показался совсем неплохим, — заметил я. — До смерти боялся летать. Тем не менее он был компаньоном того долгового. Теперь у меня не осталось никаких сомнений.

Питерсон растер пальцами какой-то порошок и высыпал его в портер. Покончив с этим, он поставил кружку на раковину, потом протянул мне сложенный кусок газеты:

— Взгляните сюда.

Я развернул засаленный на сгибах обрывок со смазавшимися друг о друга строками шрифта. Это оказалась фотография Ли из глазговского «Геральда».

— Нашел у него в бумажнике. — Питерсон склонился над обмякшей бочкообразной фигурой человека на полу, на вид такой безобидной. Одним ударом Питерсон разбил круглые очки Киппюза и вогнал металлическую дужку в переносицу его носа, теперь представлявшего собой бесформенный окровавленный комок. Я подумал, что впервые вижу, чтобы с человеком сделали такое, но тут же вспомнил, во что я сам превратил долгоязого в ту ночь на заснеженной лужайке.

— Ну, давай, Майло, дружище, — проговорил Питерсон, поднося кружку с пивом к его отвисшим губам. Поддерживая голову Майло на согнутой в локте руке, он наклонил ее вперед. — Пей до дна! — И опрокинул кружку. Портер побежал по покрытому спекшейся рвотой подбородку толстяка. Майло произвольно сделал несколько глотков, задыхаясь и сопя.

Но вот кружка опустела, и Майло с закрытыми глазами обмяк у стены, тихо постанывая. От вони меня выворачивало наизнанку. Я вышел в тусклый коридор с облупленной штукатуркой. Дверь позади меня осталась слегка приоткрытой. Когда я вновь просунул в нее голову посмотреть, почему Питерсон так долго не появляется, я увидел, что он смывает с пальто пятна рвоты. Наконец он закончил вытирать, сложил мокрый носовой платок и сунул его в карман. Оценивающе оглядел себя в длинный, узкий осколок зеркала: коснулся парика, поправив на лбу прядь волос, потом отступил назад, посмотрел на распростертое на полу тело. Один рукав у Майло оторвался и соскользнул в унитаз, и рука казалась расплывчатым белым пятном в мутной от нечистот воде. Глаза Майло были открыты, губы обвисли, он не мигая смотрел в пол.

— Прощай, Майло, — обыденным тоном сказал Питерсон и потянул за шнур единственной в туалете лампочки.

На улице сгустился мокрый туман. Я оцепенело тащился за Питерсоном, не зная, что сказать. Мы удалялись от реки.

— Он мертв, — произнес я.

— О да, за это я ручаюсь. — Питерсон шел, заложив руки в карманы, спокойно попыхивая сигарой.

— Вы что-то подсыпали в портер?

— Угу, — кивнул он.

— Бог мой!

Мне вновь стало плохо. Заметив это, Питерсон потащил меня в ярко освещенный бар «эспрессо» и принес две чашки горячего кофе. Я пил и напряженно слушал, что он говорит.

— Майло Киппюз был нашим врагом, Джон. — До этого Питерсон никогда не называл меня по имени. — Я убежден, что именно он убил нескольких человек... возможно, Полу и вашего брата. Он ликвидировал профессора Долдорфа, поджег квартиру Марии, прикончил Алистера Кемпбелла. По меньшей мере дважды покушался на вас, и оба раза был близок к цели. — Он замолчал, добавил в кофе сливок. — Дрянй-человек. Он готовил вам западню. Он следил за вами... следил, когда вы целый день шлялись за женой Бренделя, вероятно, следил за нами и сегодня. У него при себе был револьвер, а в кармане его пальто я обнаружил глушитель, и не исключено, что через час-другой он пристрелил бы нас обоих. Поэтому, прошу вас, попытайтесь взглянуть на вещи трезво. Конечно, обыватели живут себе тихо-мирно, и ничего подобного с ними не случается. Но вы — совсем другое дело, во всяком случае теперь, да и моя спокойная жизнь кончилась. — Он пил кофе маленькими глотками. Его черные глаза сверлили меня, а голос звучал твердо и успокаивающе. — И все пошло вкривь и вкось, Джон. Сейчас нам остается одно: либо выжить, либо умереть... Но нам нельзя и дальше оставаться пассивными. В этом вся суть. Надо действовать, руководить событиями. Пусть с ними что-то случается. Пусть они гадают, в чем же дело. — Он вздохнул и дотронулся до моей руки. — То, что сегодня случилось с Майло Киппюзом, чертовски их обеспокоит. Для нас главное — продолжать давить на них. Им известно, что вы преследуете Ли, Майло наверняка сообщил им об этом. Не исключено, что они знают про мой визит в Скотланд-Ярд, а также о том, что мы расшифровали большую часть документов из ящика и побывали у Стейнза. И надо думать, они занервничали. Наша сила в одном, Джон, — в быстроте, в натиске. Понимаете ли, они наверняка не ожидают, что мы можем перейти в контрнаступление. — Он снова легонько похлопал меня по руке. — Нам надо действовать. Нельзя мешкать, раздумывая над всем этим. — Он улыбался мне, а перед моим взором

стоял скорчившийся на полу Кипнюз, хватающий ртом воздух.

Всю дорогу до гостиницы Питерсон о чем-то энергично говорил, но от меня ускользал смысл его слов. Он был счастлив, он чуть не захлебывался от восторга, а мне было противно. Противно от того, что я только что видел. Но, видит бог, мне было противно и от того, что натворил Майло Кипнюз, или Макдональд, или как там его, черт побери! Меня тошнило, и я не понимал, есть ли вообще грань между добром и злом. «Значит, будут новые жертвы, — думал я, — будет еще больше убитых...»

Питерсон откупорил бутылку «курвуазье» и удобно устроился на кровати, опершись спиной о взбитые подушки. Он от души плеснул коньяка в фужер, сделал большой глоток, посмаковал коньяк и расплылся в широченной улыбке. Суставы пальцев на правой руке, которой он сжимал фужер, еще кровоточили там, где осколки стекла от очков Кипнюза вонзились в кожу. Он скрестил ноги и закурил очередную сигару. Счастливый человек...

Я заснул, но, услышав его недоверчивый голос, проснулся.

— Что? — Сигарный пепел сыпался на его рубашку. — Что вы сказали?!

Я заморгал, потянулся: оказывается, я задремал прямо в кресле. Заметив, что я проспался, он жестом указал на параллельный аэзрат.

Сквозь треск и щелканье на линии доносился пронзительный, металлический голос полковника Стейнза.

— Успокойтесь, мистер Питерсон, — сказал полковник. — Успокойтесь и слушайте внимательно, я объясню еще раз. Думаю, вам это будет очень интересно. — Он мрачно хохотнул, после чего наступила пауза, потом продолжал: — Сегодня, когда с самого раннего утра непрерывно лил дождь и стоял туман, здесь раздался сигнал тревоги, предупредив о вторжении на остров. У нас с Даусоном, разумеется, разработано несколько защитных вариантов, а сигнальная система на командном пункте позволяет следить за всеми передвижениями недругов. Добрых три часа мы с Даусоном просидели на командном пункте, надежно заблокировав все подходы к дому, и обсуждали сложившееся положение.

Я слышал учащенное дыхание Питерсона. Подняв глаза, увидел, что он в упор смотрит на сигару, которая давным-давно погасла.

— ...Мы знали, что их трое. Надо признаться, черт возьми, они не торопились, продвигались с большой осторожностью. Нанося их маршрут на специальную оперативную карту, мы определили, когда один из них выйдет на открытое пространство, хорошо просматриваемое со стены центральной башни. Я отрядил Даусона с винтовкой с глушителем, и через пятнадцать минут без особых хлопот один из трех был убит. Даусон вернулся, и мы снова стали ждать. К тому времени рассвело, и наши противники остановились, явно озадаченные тем, что не могут связаться с третьим по рации.

Когда Даусон готовил завтрак, мы услышали взрыв, который, как позже обнаружили, проделал брешь в крепостной стене. Довольно сильный взрыв, надо сказать. К сожалению, мы не сразу сообразили, что это всего лишь отвлекающий маневр. Поэтому, когда Даусон занял огневую позицию в окне второго этажа с целью подстрелить второго, его самого ранил третий из нападавших, взобравшийся на противоположную стену крепости. Однако, даже раненный, Даусон все же выстрелил и убил человека, пытавшегося проникнуть на территорию дома через брешь: — Стейнз опять замолчал. Его рассказ звучал так, словно он зачитывал письменный рапорт об операции с иной войны, в другую эпоху. — Учитывая ранение Даусона, нам пришлось изменить план действий: мы столкнулись с непредвиденным обстоятельством. Я остановил кровотечение и, поскольку выяснилось, что рана неопасная, ввел болеутоляющее и обработал пораженный участок, после чего мы оценили ситуацию. Конечно, хотелось захватить третьего живым, но оказалось, что мы не могли позволить себе такую роскошь: нам не были известны намерения наших непрощенных гостей или, вернее, оставшегося в живых гостя, но их операция, похоже, носила радикальный характер. Ее задача, решили мы, состояла в том, чтобы уничтожить нас и тем самым положить конец нашей охоте за нацистами. Без нас, без меня карательный аппарат сам собой отомрет. Оставшиеся нацисты будут продолжать спокойно жить. Вы следите за моей мыслью, мистер Питерсон?

— Да, разумеется, я внимательно вас слушаю.

— Далее все очень несложно. Под прикрытием тумана я выехал в кресле па крепостную стену. Сидел и ждал. Это была игра нервов, а они у меня крепче, чем можно

подумать. Видите ли, этот третий оказался в ловушке там, на стене крепости. Даусон с пулеметом отрезал ему отступление. Мы просидели целых три часа в сплошном тумане, в полной тишине. Сидели и ждали. Все было спокойно. Но вот поднялся ветерок, несколько разогнал туман, и я увидел его прямо перед собой, футах в сорока, скрюченного у парашюта. Он тоже увидел меня, в безумном страхе судорожно вскинул винтовку, но я спокойно застрелил его. Я отличный стрелок, и инстинктивно стрелял, чтобы убить, и убил.

На линии воцарилась тишина, треск прекратился, казалось, что связь прервалась. Питерсон уставился в свой бокал с коньяком.

— По нашим досье мы опознали двоих из них. Нацисты, конечно, каждому лет по пятьдесят. — Он вздохнул. — И я счел необходимым сообщить вам об этом, вам и мистеру Куперу.

— Благодарю вас, полковник, — сказал Питерсон. Рассказ Стейнза потряс его больше, чем то, что сам он сделал с Майло Киппюзом.

— Я считал своим долгом информировать об этих трех субъектах прежде всего лично вас, — продолжал Стейнз. — Двое из них — те, кого нам удалось опознать, — связаны с Гюнтером Бренделем, с вашим Гюнтером Бренделем. Один служил охранником в его фирме. Другой же просто фигурирует на одном из снимков, который мы сделали в Тироле несколько лет назад. Связь, как видите, довольно очевидна...

— Да, да, — прервал его Питерсон. — Сегодня мы обнаружили, что за Купером следили. Наверняка следили и тогда, когда мы приезжали к вам на остров. И наши «друзья» сделали определенный вывод.

— Я полагаю, мистеру Куперу грозит серьезная опасность.

— М-да, пожалуй... Впрочем, уже не настолько серьезная, какой она была до сегодняшнего вечера. Вы славно поработали, полковник, ничего не скажешь.

Стейнз хохотнул металлическим, холодным смехом:

— Уверен, вы ничего иного и не ожидали от меня, мистер Питерсон. В конце концов, я еще не встречал достойного меня противника.

— Да, вы и я... у нас много общего, — заметил Питерсон.

— Итак, вы предупреждены, — сказал Стейнз.

— А как Даусон?

— Он чувствует себя хорошо, правда, несколько раздосадован происшедшим.

— Мы на днях отправляемся в Мюнхен, — сообщил Питерсон.

— По следам той женщины? Кто она, выяснили?

— Пока нет.

— И вот еще что... — сказал Стейнз.

— Да?

С минуту полковник колебался и наконец сказал:

— Я выпустил одну из стрел.

— Мишень?

— Гюнтер Брендель. Он обречен. Я послал своего человека. Настал его черед.

— О боже! — воскликнул Питерсон, со свистом втянув воздух. — Нет!

ГЕРМАНИЯ

Небо над островерхими готическими шпилями с витиеватым орнаментом было ясно-голубым, воздух — чистым и прохладным. Высоко над Мариенплацем под бой башенных часов двигались ярко раскрашенные фигурки. Было одиннадцать утра. Бондари плясали на нижнем ярусе, на верхнем тем временем проходил рыцарский турнир, а внизу среди туристов, задрав головы, стояли мы с Питерсоном, глядя на башню новой мюнхенской ратуши.

— А эта сцена изображает эпизод на свадьбе князя Ландсхута. Герцог Кристоф Мюнхенский поссорился с графом Люблином и стал героем дня. — Питерсон повернулся ко мне с кислой миной. — Это произошло в 1475 году. Мне известна эта история. — Он зашагал прочь от толпы, на ходу бросив через плечо: — Я бывал здесь раньше.

Вместо того чтобы сразу лететь в Мюнхен, мы вначале отправились в Вену. Подобный маневр, считал Питерсон, поможет нам замести следы и избавиться от хвостов, если они увяжутся за нами. В Вене мы пересели на поезд и через два часа сошли на сумрачном мюнхенском вокзале в центре города. По словам Питерсона, это была в некотором роде игра: если нам удастся оторваться от предполагаемых преследователей, потеря времени будет оправдана. Мы рассчитывали на то, что посланец Стейнза не станет особо торопиться. Питерсон был убежден — стоит ликвидировать Бренделя, и игра пойдет по совершенно новым правилам. Мы же только начинали осваивать старые.

Человечки на башенных часах, хотя и были игрушечными, нагоняли на меня страх. Их турнир не прекращался ни в дождь, ни в снег, и старый граф Люблин изо дня в день выходил из башни и покорно принимал порку от герцога Кристофа. Глядя на человечков, я и сам чувствовал себя марионеткой.

Я пробирался за Питерсоном сквозь толпу народа на Мариенплаце, а разум мой блуждал в смятении. Жестокость и опасность теперешней моей жизни уплывали куда-то в дымку, в сферу выше моего понимания. Не оставалось почти ничего, за что можно было бы зацепиться. Был Сирил, надежный, приветливый, процветающий. Была память об отце. Был Бреннер, почти заменивший мне отца, которого я фактически не знал. Бреннер направлял меня, и благодаря ему я неплохо прожил свою жизнь. Теперь Бреннер, старик, чьи дни близились к концу, был тяжело болен.

То, что я считал для себя опорой в жизни, оказалось вдруг хрупким, непрочным. Я вновь попытался обрести ее — теперь уже в Питерсоне и в моей маленькой сестренке Ли. Только на них я мог рассчитывать — на Питерсона и Ли.

Однако я своими глазами видел, как Питерсон хладнокровно зверски убил человека в туалете пивной возле лондонских доков. Видел его возбуждение, его необузданную силу. Конечно, Майло Киппюз — убийца и, должно быть, заслужил смерть, участвуя в этой игре, игре без правил. Но хуже всего было то, что в Питерсоне сидел зверь-убийца, который в любой момент мог вырваться наружу, как это было совсем недавно.

Так что же оставалось мне? Только Ли...

Мы оказались перед какой-то церквушкой.

— Церковь Святого Петра, — сказал Питерсон. — Старейшая в Мюнхене, построена в одиннадцатом веке. Поглядите туда, — он показал на северную сторону башни, возвышущуюся, точно старинный кинжал по самую рукоятку, в небо. — Видите тот белый диск? Это означает, что видимость хорошая, можно увидеть Альпы. — Он пошел вперед. — Карабкаться на Святого Петра высоко, зато вид открывается потрясающий... Двинули, Купер, поговорить надо. Идите за мной.

И вот, тяжело дыша, я стоял в прозрачном холодном воздухе, в то время как Питерсон беспокойно ходил взад и вперед по смотровой площадке. Ветер налетал резкими неожиданными порывами, клестал по лицу.

На другой стороне площади упирались в небо две оди-

наковые тупоконечные башни Фрауэнкирхе — символа города Мюнхена. Их купола позеленели и потускнели от времени.

В необычном для него приливе дружеских чувств Питерсон обнял меня за плечи, отчего я невольно съезжился.

— Ну, Джон, настал черед заняться вашим делом. Вы проделали длинный путь, чтобы найти свою сестру, и, пожалуй, претерпели больше, чем могли предполагать. Вот теперь срок наступил... Она здесь, вылетела из Лондона со своим белокурым юным другом приблизительно тогда, когда у нас с вами происходило собеседование с мистером Киппюзом. — Он улыбнулся. — Пока вы изволили почивать, я переговорил кое с кем в Скотланд-Ярде. Небольшая проверочка. Время не ждет, тем более что один маленький винтик Стейнза уже приведен в действие. Свяжитесь с ней. Надо покончить с этим. Все равно мы завязли по уши, а раз уж вы приехали ради этого, валяйте, хуже не будет. Так или иначе, вы не можете позволить себе бродить здесь как во сне с томным взором. Так что действуйте, и немедленно.

Я отошел в сторону, оглянулся на Альпы. Ветер колыхал расплывчатое марево между ними и городом. Надо мной висело голубое небо, ближе к горам оно становилось белым.

— Не могу. Боюсь ей звонить...

— Потому что воспринимаете все не так как надо. Думаете, ей известно, что она стала для вас дорогим человеком? Да она и понятия не имеет об этом. И кто может сказать, кто она? Но я скажу вам одно: чем дольше вы будете валандаться, тянуть, тем больше у нас останется шансов уехать отсюда в ящиках. — Он потрепал меня по руке и ушел вниз по лестнице. Пока я спускался, он поджидал меня внизу, хлопая руками в перчатках, чтобы не замерзнуть. После длительного спуска у меня дрожали ноги.

— Немцы построили много отличных церквей, — заметил он. Действительно, куда ни глянешь, повсюду в небе торчали острые шпили. — Жаль только, что они все еще одержимы желанием править миром.

— Хорошо, — согласился я, думая о своем. — Я позволю.

На столике рядом с телефоном стояли живые цветы в яркой позолоченной вазе из панье-маше. То, что Питерсон выбрал гостиницу «Байрешер-хоф», лишний раз свидетельствовало об осведомленности его и по этой части.

В животе у меня было такое ощущение, словно я проглотил отраву, но на другом конце провода мне уже ответил по-немецки женский голос, и я с жутким трепетом произнес:

— Фрау Брендель, bitte.

Питерсон сидел у окна, глядя на зимние голубоватые тени, лежащие на Променадплаце. В комнате в неподвижных теплых лучах солнца висели пылинки.

— Лиз Брендель слушает.

— Здравствуйте. — Я проглотил комок в горле. — Мы с вами незнакомы, миссис Брендель. Меня зовут Джон Купер... С вашего разрешения, я перейду на английский. Боюсь, мой немецкий никуда не годится.

— Что ж, можно и по-английски... я владею им довольно прилично. Ваша фамилия... Купер? — Она говорила с чистым английским акцентом, и это вызвало у меня немалое удивление.

— Да, Джон Купер, американец. Мне хотелось бы поговорить с вами о... откровенно говоря, это не телефонный разговор.

Она молчала.

— Видите ли, я приехал в Мюнхен только ради встречи с вами. Должен признаться, это сугубо личное, но очень важное дело. — Я вздохнул. Питерсон сидел, закрыв глаза. Я чувствовал себя наивным и глуповатым. — Э-э... мы не могли бы встретиться в ближайшее время? Когда вам удобно, конечно, но... поскорее. — Я замолчал, чтобы перевести дыхание, предоставив ей продолжать разговор.

— Важное? Важное для кого, мистер Купер? — В голосе ее прозвучала легкая насмешка.

— Для меня, миссис Брендель. Но, возможно, и для вас тоже.

— Да, конечно, понимаю... важное для нас обоих. Определенно понимаю. — Последовала долгая пауза. — Вы уже второй человек по фамилии Купер, который мне звонит.

— Сирил Купер... он разговаривал с вами?

— О да, так же, как сейчас вы.

— И вы виделись с ним?

— Разумеется, виделась. Вы его родственник? Брат, вероятно?

— Совершенно верно, брат.

— В таком случае нам лучше сразу поставить все на свои места, вы согласны? — Теперь она говорила не так настороженно, более деловито. — Вы хорошо знаете Мюнхен, мистер Купер?

— Нет. — Сердце у меня вновь запрыгало от волнения.

— К себе, конечно, пригласить вас я не могу. Это исключено... Мой муж отнесся терпимо к вашему брату, но теперь еще и вы... абсолютно незнакомый человек, свалившийся бог весть откуда...

— Вы принимали брата у себя дома? Он знаком с вашим мужем?

— Конечно. Однако, я думаю, вторая подобная встреча... это уж слишком. — Она помолчала. — Я не совсем понимаю, что все это означает?

— Вы моя сестра, миссис Брендель?

При этом Питерсон резко повернул голову. Он только что тер глаза и теперь уставился на меня из-под растопыренных пальцев.

— Мне не совсем удобно говорить по телефону, мистер Купер. В Мюнхене есть квартал, называется Швабинг, это традиционный квартал художников. Там живет один человек, некий доктор Герхард Рошлер, мой близкий друг. У него мы и могли бы встретиться. Скажем, так, сегодня днем у меня танцевальный класс... А что, если сегодня вечером? Вас это устраивает, мистер Купер? В девять часов, например? — Она дала мне адрес, я записал его на листе с вензелем гостиницы и хотел уже попрощаться, как вдруг она, опередив меня, спросила: — А как поживает ваш брат? Надеюсь, он чувствует себя хорошо?

— Мы поговорим об этом вечером, миссис Брендель. До встречи. И благодарю вас... даже не знаю, как сказать... за то, что вы отнеслись к моей просьбе со вниманием.

— Почему бы нет, мистер Купер? Ведь вы меня не разыгрываете, правда?

— Нет, я говорю совершенно серьезно.

Она повесила трубку. Я посмотрел на Питерсона. Он ответил мне улыбкой на бледном в неярких солнечных лучах лице.

Улицу обрамляли шаткие стенды и хлипкие столы на козлах. В чистом вечернем воздухе мягко светились парафиновые лампы. Между тополями, темными, как густые тени, были натянуты бельевые веревки, и с них на крючках и деревянных прищепках свисали картины и рисунки. У столов, во флотских бушлатах, в кожаных куртках с бахромой и потертых, линялых джинсах, стояли художники. Бороды их кудрявились поверх воротников, длинные волосы лежали на плечах. Время от времени в студеном воздухе

поднимался дымок. Здесь курили марихуану. Толпа казалась упитанной, пышущей здоровьем, художники по большей части выглядели худосочными. Между двумя деревьями был натянут плакат на английском языке: «Основные черты баварцев — безрассудство и эксцентричность».

Немецкий говор в значительной степени перемежался английской речью. Многие женщины — красивые, модно одетые — со спины легко могли сойти за Ли... Лиз Брендель. Проходя мимо, мы слышали, как люди смеялись и отпускали шуточки.

В переулке, куда мы свернули, было полно баров, кафе-мороженых и небольших ночных клубов. Отовсюду сочились металлические звуки джазовой музыки, выливались на улицу людские потоки, а мы шли и шли все дальше в темноту. В воздухе ощущалась сырость, казалось, вот-вот пойдет то ли снег, то ли дождь. Беспокойство мое росло: меня ждала встреча с Ли.

Мы свернули в какой-то переулок, одолели вымощенный булыжником небольшой подъем. Питерсон не отставал от меня. Гомон толпы у нас за спиной стал еле слышен.

Герхард Рошлер занимал половину очень старого двухэтажного дома с гладким фасадом. В одном из окон первого этажа сквозь плотные гардины тускло просвечивал свет. У меня засосало под ложечкой, непреодолимо захотелось повернуться и убежать, исчезнуть.

На стук дверь отворилась.

Рошлер оказался довольно пожилым крупным мужчиной с копной непослушных седых волос, в шерстяной клетчатой рубаше с распахнутым воротом, поношенных брюках, вытянутых на коленях, и войлочных шлепанцах.

— Идемте скорей с холода, — сказал он и провел нас через провизаниую сквозняком темную прихожую в теплую запущенную гостиную. В камине потрескивал огонь. Кресла-качалки — массивные, старинные — были покрыты чехлами. В застекленных полках рядами выстроились книги. Две дряхлые отъевшиеся кошки потянулись, окинули нас безразличным взглядом и вновь улеглись на свои места. Стены в комнате были оклеены цветистыми, в мелкий сложный рисунок, обоями. В воздухе стоял слабый запах шнапса и капустного супа.

— Я Герхард Рошлер, — представился хозяин, приняв у нас пальто и повесив их на стоявшую на полу старинную круглую вешалку. — Вы, должно быть, мистер Купер. — Он широко улыбнулся и пожал мне руку своей сухой, жили-

стой рукой. — А вы, — обернулся он к Питерсону, — надо думать, мистер Питерсон. Ага, удивлены! — Он хохотнул и, покачивая головой, опустился в громадное кресло-качалку, жестом пригласив нас усаживаться в глубокие кресла. От пылавшего камина воздух в комнате, казалось, раскалился. — Как видите, ваша слава обгоняет вас, мистер Питерсон, воистину так, хотя я обязан хранить свои тайны. А их у меня много... — Рошлер хлопнул ладонью по ручке кресла, улыбнулся, поправил на носу круглые очки, потом внимательно посмотрел на нас, и улыбка исчезла с его лица. Он нацедил нам шнапсу в крошечные граненые бокальчики. Серовато-желтый жирный кот бесшумно вспрыгнул к нему на колени. Вся рубаша Рошлера была в шероти. Он поднял рюмку: — За ваше долгое путешествие, господа, и пусть оно будет успешным.

Мы выпили. Лицо Рошлера стало серьезным. Он вытер большой, широкий рот тыльной стороной ладони, собирая на лице морщины.

— Мне только что звонила Лиз, мистер Купер, и просила извиниться за нее. Сегодня вечером она не может выйти из дому. Она встретится с вами завтра в Английском парке, я объясню, где это. — Заметив на моем лице разочарование, он почесал кота за ушами и под его довольное урчание добавил: — Думаю, оно и к лучшему, мистер Купер. По крайней мере, сейчас мы можем вполне откровенно побеседовать. Не ожидайте от меня объяснений, почему я это делаю, но я готов довольно много рассказать вам о Лиз Брендель.

В соседней комнате громко тикали часы. Кошачья шерсть лезла в горло. Шнапс по вкусу напоминал дешевую детскую карамель.

— Лиз Брендель — моя сестра?

— Вполне возможно. Если два человека, два брата, приезжают в Мюнхен с интервалом в несколько месяцев и задают один и тот же вопрос... что ж, подобная вероятность возрастает. — Рошлер отпил шнапса. — Скажу прямо: я не знаю, кто такая Лиз Брендель. И более того — сама она тоже не знает этого. Равно как и вы... — заключил он.

— О чем вы говорите? — стремительно врезался в разговор Питерсон.

Рошлер, казалось, разговаривал с котом, поглаживая его по усам:

— Вот уже несколько лет Лиз Брендель переживает своего рода духовный кризис. Она пытается выяснить, кто же она в действительности, в чем заключается смысл ее

жизни?.. Вероятно, это и вынудило ее довериться мне. Я, пожалуй, заменил ей отца, которого она не знала.

При упоминании об отце я оживился, а Рошлер тем временем продолжал:

— Но вот новость откуда к ней появился ваш брат Сирил с вопросом: в самом ли деле она его сестра? После этого ее проблема приобрела конкретность. Вы понимаете? Теперь она была не одинока в поисках смысла жизни. Появился еще один человек с тем же потрясающим вопросом: кто она такая на самом деле?

Была ли она, Лиз фон Шаумберг, тем, кем себя считала... или совершенно другим лицом — американкой, восставшей из мертвых, по имени Ли Купер? — Он снова сделал глоток шнапса. — Вам, мне, как и любому человеку, прекрасно знающему свою родословную, трудно понять смещение Лиз. Ей всегда твердили, что ее родители погибли в автомобильной катастрофе, и это подтверждалось документами, учрежденным для нее фондом, поступившим в ее распоряжение по достижении ею двадцати одного года, и целым сонмом дядюшек, тетюшек и добрых друзей. Но вот в Мюнхен приезжает ваш брат, усаживается с ней в этой комнате, сует нам фотографии своей матери, газетный снимок Лиз и спрашивает, возможна ли такая вещь. Он тщательно просмотрел все документы, сохранившиеся после войны, навел справки в Дрездене, что для многих явилось неожиданностью и вызвало изрядный переполох в определенных кругах. В конечном счете он докопался-таки кое до чего, что некоторые здесь предпочитали сохранять в тайне. Он стал для многих проблемой, этот мистер Купер, но, к счастью, вовремя уехал из Мюнхена.

Рошлер взял со стола резную деревянную миску. Лежавший у него на коленях кот приоткрыл один глаз, выясняя, что происходит. Рошлер осторожно поставил миску на кошачий бок, вынул из нее грецкий орех и щипцы-щелкунчики в виде тролля с крючковатым носом и хищной улыбкой, положил их на орех, раздавил скорлупу и толстым пальцем извлек мякоть.

— Однако я форсирую события, — сказал он. — Мне надо было начать с того дня, как я встретился с Гюнтером Бренделем. Это было еще во время войны...—И, поглаживая кота, Рошлер поведал нам свою печальную историю.

Герхард Рошлер мечтал стать психиатром, психоаналитиком и учился в Вене в то самое время, когда Гитлер аннексировал Австрию. В процессе обучения Рошлеру приходилось сталкиваться со многими евреями, и больше того, он

даже женился на австрийке, которая на четверть была еврейкой. В год убийства фашистами канцлера Дольфуса у них уже был годовалый сын. Средств на жизнь не хватало, поэтому Рошлер вынужден был бросить учебу и поступить на работу в качестве комментатора по вопросам науки в одну венскую газету. Получив более выгодное предложение, он возвратился в Мюнхен и поселился с семьей в Швабинге, неподалеку от Мюнхенского университета. Этот район издавна был колонией мюнхенской богемы, естественным пристанищем художников и писателей, и к тому же — центром довольно сильных антифашистских настроений.

— Здесь, в Швабинге, все, кто ненавидели и боялись нацистов, сосредоточивались в университете. В основе моей ненависти к нацистам и страха перед ними лежал тот факт, что в жилах моей жены текла еврейская кровь, пусть даже в незначительной степени. Мы не думали, что им известно о ее национальности, однако мысль, что они каким-то образом могут пронюхать об этом, держала нас в постоянном страхе. До нас доходили слухи о Дахау. Мы не знали, правда ли это, но в глубине души верили этим слухам. Тогда-то я и связал себя с так называемой «Белой розой». С тех пор моя жизнь... вся моя жизнь перевернулась.

В годы войны руководителями группы «Белая роза» стали Ханс и Софи Шолль, студенты университета, и профессор Хуберт — преподаватель. Группа была немногочисленной, совсем не опасной для столь жестокого режима, но все же досаждала ему. Члены ее считали непреложным долгом бороться с фашизмом всеми доступными им средствами, а все, что они могли делать, — это заниматься в ограниченных масштабах подпольной пропагандой. Анна, жена Рошлера, окунулась в работу группы со свойственным ей энтузиазмом: писала листовки, рано утром доставляла их по назначению, по ночам под прикрытием темноты выводила мелом на стенах лозунги. Теперь она была связана с группой больше, чем ее муж, старалась и его втянуть в дела организации. Он не возражал, разделяя ее убеждения, хотя по натуре был пассивным. А посему часто, когда Анна уходила на задание, он сидел дома с сыном Генрихом. В то время как она составляла антифашистские листовки, он занимался своим делом — писал статьи.

Рошлер так и не узнал, откуда нацистам стало известно о его участии в делах «Белой розы», но только однажды поздно вечером двое людей в плащах остановили его на улице. Стоя под проливным дождем, они попросили его уделить им несколько минут для разговора. Оказалось, эти двое

знают, что его жена на четверть еврейка. А поскольку это так, сказали они, то из этого само собой вытекает, что маленький Генрих Рошлер — тоже еврей. Следовательно, сам он, Герхард Рошлер, повинен в укрывательстве двух евреев. Но они понимают, что такое иногда случается, что любовь способна кого угодно столкнуть на скользкую дорожку...

В основном говорил один из них — высокий, представительный, спокойный, с хорошими манерами и дружелюбной улыбкой. Он сказал Герхарду Рошлеру, что им известно о причастности его и Анны к деятельности «Белой розы», и предложил сотрудничать с ними с целью ликвидации этой «мелкой занозы, этого прыща на заднице фюрера». При этом он доверительно усмехнулся Рошлеру. В противном случае, намекнул он, придется допросить Анну и, конечно, препроводить с матерью и маленького Генриха. Однако... Тут говоривший предложил Герхарду сигарету, дал прикурить и закурил сам, тогда как второй стоял неподвижно, не говоря ни слова... Однако есть выход, не так ли?..

— Все совершилось весьма безболезненно, — сказал Рошлер, погружая пальцы в кошачий мех и поскрипывая креслом. — Во всяком случае, так мне казалось. Я поступал правильно: что значили мои принципы, мое отвращение к Гитлеру и к войне в сравнении с жизнью моей жены и сына? Понятно, я ничего не сказал об этом Анне, но стал активнее участвовать в деятельности группы. Анна мною гордилась. Мой же повышенный интерес был вызван необходимостью получать сведения для передачи моему новому другу в плаще. Он хорошо платил мне за мою информацию, правда, какое-то время я не видел результатов. Группа продолжала действовать, а я периодически встречался с человеком в плаще неподалеку отсюда, в Английском парке, передавая ему разные сведения.

Но вот в ноябре 1943 года группа разработала план проведения широкой ночной операции. Я хотел удержать Анну, уговорить остаться дома, но мой новый друг заверил меня, что ей ничего не грозит. Я поверил ему. Анна отправилась вместе со всеми, и подпольщики «Белой розы» семьдесят раз написали краской «Долой Гитлера!» по всей Людвигштрассе. Семьдесят раз! И... может, это удивит вас, господа, но не было произведено ни единого ареста, не было никаких репрессий. Моя Анна вернулась домой живой и невредимой.

Несколько дней спустя Ганс и Софи Шолль были арестованы во время распространения листовок, написанных Анной, а вскоре забрали и профессора Хуберта. Их судили,

приговорили к смерти и казнили. Анну ни разу даже не вызвали на допрос. А я получил от человека в плаще приличный куш: что ни говори, а именно благодаря мне они сумели арестовать руководителей группы. После этого я не мог больше поставлять им действительно ценную информацию, но с тех пор оказался... э-э... у них в кулаке. Теперь они могли обернуть против меня еще и мое предательство, что, впрочем, и делали, правда, весьма тонко, без грубого нажима. Порой я просто не мог поверить, что все это происходит именно со мной...

Потом Анна погибла в Мюнхене во время бомбежки — она оказалась случайной жертвой войны, — и мой друг в плаще утешал меня, как мог. Он приходил ко мне на квартиру, иногда мы пили вместе шнапс, и нас теперь связывали весьма своеобразные узы. Для него задание по раскрытию «Белой розы» было лишь интерлюдией — он служил офицером связи, был очень молод, но уже известен и даже любим в верхах. Бывая в Мюнхене, он неизменно заходил ко мне. Благодаря ему Анне были организованы вполне пристойные похороны, хотя сам он с ней никогда не встречался.

Генрих рос здоровым, способным парнем. Сейчас он архитектор, живет в Риме, у него своя семья, мать он почти не помнит. Кстати, мистер Купер, вы с ним одноклассники... Что же касается моего друга, мы так и сохранили до сих пор нашу дружбу. Он знает о моей жизни все, а мне не раз случалось оказывать ему услуги в разное время, поскольку я до сих пор имею доступ в определенные круги, куда ему путь закрыт. В конце концов я служу новой республике, принимал участие в работе ряда европейских комитетов, занимавшихся вопросами научного планирования, сам много писал, а временами выступал в роли дипломата-дилетанта... Видите ли, я один из оставшихся в живых членов «Белой розы» — нас не так-то много, — и, вполне понятно, сейчас я в почете. А он с тех давних наших встреч в Английском парке так и остался моим другом... и я всякий раз выражал ему благодарность за то, что он сделал для меня.

Как бывший подпольщик «Белой розы» я даже был членом комитета, который принял решение установить мемориальную доску на здании университета в память о Гансе и Софи Шолль и профессоре Хуберте, отдавших жизнь в борьбе с фашизмом. Будущие поколения должны знать своих погибших героев, не так ли? Мы увековечили их память. Университет стоит в конце Людвигштрассе, и она делит университетскую площадь надвое. Левая половина теперь

называется именем Ганса и Софи Шолль, а правая — именем профессора Хуберта. И это вполне заслуженно.

Вы скажете — злая ирония? Да, ирония... но я нахожу, что вся моя жизнь все больше и больше становится иронией. Не далее как на прошлой неделе я пил кофе на этой самой площади вместе со своим другом в плаще — он отправлялся по делам в Лондон и поинтересовался, не надо ли что-нибудь передать Генриху... он в это время находился там, работая над одним проектом, который финансировали итальянцы. Мой старый друг всегда был чутким человеком. Этот мой друг, как вы наверняка уже догадались, — Гюнтер Брендель. — Рошлер улыбнулся за линзами очков, которые с одной стороны прикреплялись к дужке клейкой лентой. Он сощурил глаза, протянул Питерсону миску с орехами.

— Какого черта вы все это нам рассказываете? — удивился Питерсон. — Неизвестно откуда узнали, кто я... а теперь выкладываете нам то, что должно быть вашей глубочайшей тайной. Во имя чего?

— На этот вопрос, к сожалению, я не могу вам ответить. Скажу одно: как бы там ни было, я ваш друг. Можете мне доверять. — Он благожелательно улыбнулся.

В дверях кухни появились кошки, облизывая с усов сливки. Рошлер откинулся в старой качалке, щелкнул пальцами, подзывая их к себе. Снова глотнул немного шнапса.

— Появление на сцене Лиз с самого начала заинтересовало меня. Впервые я встретился с ней за ужином у Бренделя в узком кругу, и она показалась мне чрезвычайно пассивной молодой особой. Гюнтер никогда не был женат, хотя ему уже перевалило за сорок. Ей же было лет двадцать пять. Она попала к нему на ужин почти случайно, как мне тогда дали понять... хотя впоследствии я не раз задумывался над этим.

Надо сказать, Гюнтер сильно увлекся ею, и это было удивительно, уверяю вас, поскольку его сексуальная жизнь всегда вызывала у меня некоторое сомнение. Он вдруг принялся горячо ухаживать за Лиз. Что касается ее, то она казалась целомудренной и была совсем неопытной, но скрывала свою неопытность под маской отрешенности, что Гюнтер, похоже, находил особенно привлекательным. Спустя полгода со дня их знакомства состоялась свадьба, которая была весьма знаменательным светским событием здесь, в Мюнхене. Гюнтер был человеком состоятельным, а Лиз — из хорошей семьи, коренной баварской породы. Грандиозная свадьба. Молодожены поселились в большом доме около Нимфенбурга и еще сняли просторную квартиру. Сразу по-

чувствовав себя женой Гюнтера, Лиз стала проявлять подлинный интерес к искусству. Опера, балет, вернисажи, общество кинодеятелей — она неизменно появлялась всюду, спокойная, тихая, замкнутая.

Вероятно, я не принял бы в ней такого участия, если бы она не казалась мне столь подавленной. Гюнтер даже советовался со мной по поводу жены: он всегда помнил, кем я мечтал быть еще там, в Вене. Лиз выглядела несчастной, порой по несколько дней не выходила из своей комнаты, была молчаливой и оживлялась, лишь когда они принимали гостей. Как-то Гюнтер спросил меня, не секс ли тому причиной — он доверял мне, понимаете, как только может доверять один человек другому, о котором знает все, — и признался мне в их с женой, как он выразился, половой несовместимости.

Он спрашивал, не следует ли ей больше общаться с людьми помоложе. Тогда она перестанет вести затворнический образ жизни, не будет чувствовать себя столь одинокой. Я ответил, что он, конечно, понимает: оставить симпатичную молодую женщину в обществе молодых мужчин — в этом есть определенный риск. Он согласился: да, риск есть, он понимает, но это мало беспокоит его. — Рошлер развел руками. — Что было делать? Я не спорил: некоторое разнообразие в ее жизни могло пойти ей на пользу. После этого он совершил, на мой взгляд, невероятную глупость: стал толкать ее в объятия Зигфрида Гауптмана. Я никогда бы не поддержал его, если бы знал, что он имел в виду Зигфрида. По существу, тем самым Брендель вовлекал жену в свои наиболее секретные дела. Просто непостижимо! Однако, видит бог, он сделал это.

Рошлер встал, прошел по вытертому ковру к окну и отдернул занавески, затем повернулся к нам:

— Давайте выйдем, подышим воздухом...

Он шел ровным, быстрым шагом, держась безлюдной стороны улицы. Было прохладно, но дышалось легко. Голос Рошлера четко звучал в ночи.

— Зигфрид Гауптман очень богат, очень красив, к тому же он лидер небольшой, но могущественной группы баварской элиты, сосредоточенной здесь, в Мюнхене. Все они фашисты. Однако никто не знает, насколько широки их операции. Известно одно: все они молоды и группируются вокруг Зигфрида Гауптмана. И этого человека Гюнтер избрал жене в друзья. — Он покачал головой. — Возможно, с его стороны это был чисто политический ход... направленный, вероятно, на сближение своих политических интересов с ин-

тересами Зигфрида. Как-никак Гюнтер в наши дни представляет настоящих нацистов в Германии... и, очевидно, чувствует, что соперничество между старыми и новыми нацистами слишком затянулось. Или, если взглянуть на это с другой, прагматической точки зрения, он хочет успокоить приспешников Зигфрида, усыпить их бдительность. Не исключено, что Гюнтер готовит своим юным друзьям «ночь длинных ножей». Он на все способен. Впрочем, на этот счет у меня лишь общие представления. Деталей я не знаю.

Мы прошли еще немного. Питерсон сошел на холоде. У меня голова шла кругом, от страха и любопытства мысли путались. Рошлер казался абсолютно невозмутимым.

— Это Лиз просила вас рассказать нам об этом?

— Нет, мистер Купер, конечно, нет... Известно ли ей о политической деятельности мужа? Или Зигфрида Гауптмана? Я не знаю, кому здесь что известно, — пробормотал он и внезапно остановился посреди улицы, взял нас обоих за руки, крепко сжал их. — Не знаю, — повторил он, — не знаю, что известно и ей. Честно говоря, я думаю, она законченный эгоцентрик. Вряд ли она замечает что-либо, что не касается ее лично. Я даже не вполне уверен, нормальная ли она. — Он взглянул на меня с ледяной улыбкой и потом всю дорогу до дома молчал.

Час спустя мы сидели в одном из кафе Швабинга, глядя друг на друга поверх чашек с крепким кофе. На улице падал снег, кружась в мягком свете парафиновых ламп. У меня вновь заболели глаза. Питерсон меланхолично всматривался в непроглядную ночь, рассеянно подносил к носу бензедриновый ингалятор. Я покачал головой:

— Две группы нацистов... конца этому не видно. Спорят, чья очередь бить. Я просто оглушен, даже не могу вспомнить, о чем он говорил.

— Удивительно не то, что он говорил, а почему он вообще рассказал нам все это, — заметил Питерсон. — Он знал, что вы придете не один, и был уверен, что мы проглотим всю эту сентиментальную дребедень: бедная Анна, дорогой малыш Генрих, печальная заблудшая Лиз, богатый пригожий Зигфрид и дорогой старый друг Гюнтер, единственный здравомыслящий человек из всей этой компании. В одном я уверен — это сумасшедший дом, Купер, воистину сумасшедший дом, потому-то так трудно что-либо понять. Настоящий психодром: Стейнз — чокнутый, Даусон — робот, Лиз — депрессивная маньячка. Повсюду шастают тени на-

цистов... в конце концов мы натываемся на опереточного убийцу вроде Майло Кишнюза, и я вынужден пришибить его в туалете. Вокруг все время кто-то умирает. Но вы живы. Как они ни стараются, никак не могут прижать вас к погтю. Нелепая ситуация, если только они сами знают, чего хотят.

— Для меня ситуация вполне реальная, — проворчал я. — Я все думаю, что в конце концов они меня прикончат. Я чертовски устал от всего этого... Лишь бы они не добрались до меня, пока я не встречу с ней завтра. Больше в данный момент мне ничего не надо, а что будет потом, мне все равно...

— Я пытался понять этих деятелей, проникнуть в их планы, уловить, что происходит. Они же, черт их дери, сами ничего не знают. Им плевать, кого укололи, но работают они, однако, плохо. Это многое объясняет. Они халтурщики, дилетанты. Бог ты мой! — Его сияющее лицо с зажатой в зубах сигарой напоминало рождественский венок. — Рошлер!

— Что Рошлер? Вы не верите ему?

— Верю, не верю — какая разница? Каждый ведет свою игру — и Стейнз, и Брендель. А мы с вами пытаемся подстроиться под них, считая, что идет одна игра. Но тут мы ошибаемся. Их много, и все они разные. Когда я наколол Кишнюза, тогда мы начали свою игру. Когда вы позвонили Лиз, мы уже вели игру...

— В чем же она заключается?

— Ваша — выяснить, сестра она вам или нет... Моя — все остальное...

К утру Мюнхен стал совсем белым. Когда я вышел на улицу, снег, сухой и нежный, ласкал мое лицо, навевая воспоминания о прежних радостях жизни. Конькобежцы с развевающимися шарфами плавно скользили по льду маленького озера. В Английском парке стояла такая жуткая тишина, что казалось, будто все звуки прибило к земле хлопьями снега. Я пришел к месту встречи заблаговременно и теперь наблюдал за фигурками, скользившими со сложенными за спиной руками, мысленно стараясь следовать совету Питерсона играть роль наивного американца, который разыскивает пропавшую сестру. Притворялся, будто не знаю, что Сирил, Пола, Долдорф, Кемпбелл и Кишнюз убиты. Но у меня все получалось так, как получается у зрячего человека, когда он пытается выдать себя за слепого.

Безмятежность парка благотворно действовала на мои взвинченные нервы, успокаивала. Если бы только я мог, ни о чем не думая, брести в этой кружащей белизне через маленький арочный мостик и дальше, в никуда, в пустоту... Тогда я, не колеблясь, с тихим вздохом удалился бы без всякого сожаления. Позже, вспоминая о прошлом, я понял, что в те минуты находился на грани безумия: тихо, холодно, я один, никто не пытается меня убить, мир лежит передо мной белый-белый, точно абстрактная картина — необъятный холст, на который я могу ступить и вроде бы со стороны наблюдать, как медленно растворяюсь, раздваиваюсь, присутствуя в двух местах одновременно. Я чувствовал себя так же, как герой какого-то фильма, который я в детстве смотрел в маленьком кинотеатре в Куперс-Фолсе. Он сидел за стойкой бара на пароходе, плывущем по бесконечному морю, и пил. Ему было горько, он страшно устал и не ведал, что был уже мертв, как и все на этом пароходе. Герои фильма — мужчина и женщина — догадались об этом и стали допытываться у стюарда, куда они плывут. «Вы плывете на небеса, — ответил он, — и, поверное, в ад, так что в конечном счете безразлично, куда именно».

Вот об этом и думал я в ту минуту, когда увидел Лиз, остановившуюся на горбатом мостике, различил сквозь плену снега ее расплывчатый силуэт. Она наблюдала за мной, потом спустилась по мостику, обогнула плавный изгиб озера и неторопливо направилась ко мне, а я не мог сделать ни шагу навстречу ей.

Снежинки запутались у нее в волосах; руки она глубоко засунула в карманы кожаного пальто. На ней были темнокоричневые вельветовые брюки. Разделявшее нас расстояние быстро сокращалось, и вот она остановилась передо мной со спокойной улыбкой на лице, с открытым взглядом серых глаз, и вот опять... точь-в-точь как моя мать на портрете, написанном отцом: она смотрела на меня и одновременно мимо меня, и ничто не могло захватить ее внимания целиком.

Голос Лиз прозвучал деловито, слегка отрывисто, она говорила с чистым английским акцентом:

— Я наблюдала за вами, раздумывала, как поступить... Я боялась этой встречи. — Она повернула меня, продела свою руку под мою и сунула ее обратно в карман, прижавшись ко мне плечом. Мы направились назад по дорожке вдоль озера. — Я Лиз Брендель... во всяком случае, пока вы не докажете, что я кто-то другая. — Она высунула кончик

языка, поймала снежинку. Я поглядел на нее. Она не улыбалась.

— Ничего я не могу доказать, — сказал я. — У меня нет фактов. Никаких. Только интуиция, надежда, любопытство... Но доказательств, увы, нет.

— Как и у вашего брата.

— Вы похожи на нашу мать.

Какой-то мужчина в красной куртке неожиданно шлепнулся на лед и, вскочив, быстро огляделся, не видел ли кто его неловкого падения.

— Да, он говорил мне это и многое другое. Рассказывал о вашей маленькой сестре, о бомбежке, о том, что тело ее так и не нашли. — Она пнула носком в крошечный сугроб, потянула меня за руку. Напряжение постепенно спадало. — Я и сама очень хочу знать, кто я такая. И пытаюсь даже несколько бравировать этим. Пробовала делать это и с вашим братом, но он сразу осадил меня... Полагаю, вы такой же, как он, не так ли? — Она пошла дальше. — О чем вы думали, когда ждали меня? Вы думали в это время обо мне?

— Нет, я вспоминал фильм, который мы с Сирилом смотрели в детстве... Фантастика. Группа людей на корабле, которые плывут, не догадываясь, что они уже мертвы.

Мы шли с ней рука об руку, а снег все падал и падал.

— В конце фильма герои все же возвращаются в мир живых.

— Фокус не из легких, — хмуро заметила она, глядя вперед.

— Любовь побеждает все.

— Я очень сомневаюсь в этом.

— Тогда вам надо почаще ходить в кино.

Мы вышли на тропинку, ведущую из парка, пересекли улицу, утопая по щиколотку в снегу, спустились по узким заснеженным ступенькам в маленькую кофейню, где пахло свежеевыпеченными сдобными булочками, теплой фруктовой начинкой и крепким кофе. Нас радушно встретила дорожная женщина с седыми косичками и красным носом. По-видимому, Лиз была здесь частым гостем.

Я помог ей снять плотно облегавшее ее фигуру кожаное пальто. Оно скрипнуло у меня в руках. Лиз заняла столик у окна, выходящего в крошечный палисадник, который упирался в шестифутовую кирпичную стену над дорогой. За стеклом кружились пушистые снежинки. В камине плясали языки пламени. Сверху доносились звуки пианино.

— Вам нравится эта музыка? — спросила она.

Я кивнул.

— Это сын хозяйки. Он слепой, играет в джаз-клубе, где я иногда бываю.

— С Зигфридом?

Лицо ее вспыхнуло.

— Да, с Зигфридом.

Она вынула сигарету из помятой пачки, чиркнула спичкой. Облокотилась на стол, ссутулила прямые плечи. Плотное облегающий их, вязанный продольными полосами свитер делал ее ужасно худой, почти безгрудой, по-мальчишески угловатой. Простоту ее одежды подчеркивало отсутствие драгоценностей. На лице выделялись большие серые глаза, высокие, резко очерченные скулы, широкий рот. Холодный свет, льющийся из заснеженного палисадника, придавал ее лицу удивительную бледность.

— Есть ли смысл интересоваться моей светской жизнью? Я прекрасно отношусь к мужу, а Зигфрид один из моих близких друзей. Доктор Рошлер — вроде бы как отец. Я веду очень тихий, замкнутый образ жизни. Преподаю в балетной школе, консультирую матерей своих воспитанниц, много читаю, стараюсь сохранить свой английский на пристойном уровне, пробую понять, почему мне больше ничего не дано в жизни. Интересуюсь, как живут другие люди, что составляет смысл их жизни, что движет ими изо дня в день... — Она строго поглядела на меня. — Боюсь, я не очень интересный человек, мистер Купер. Даже не особо сексуальна... Но я живая. Пожалуй, я могла бы стать интересной, если бы знала какой-то секрет. А такой секрет, я убеждена, есть... — Она говорила холодно, без малейшего намека на улыбку. — Так что теперь вы видите, что я собой представляю. Неврастеничка, не бог весть какая счастливая, пропитана буржуазной моралью, к тому же мне уже за тридцать.

От штурделя исходил аромат теплого изюма, яблок и корицы, карамель таяла, растекаясь по поверхности кекса.

Лиз налила нам кофе, добавила в него, не спросив меня, сахар и сливки — то и другое в изрядных количествах, — отломив большой кусок булочки, намазала его маслом и принялась жевать, оставляя мелкие крошки на слегка выступающей нижней губе.

— Вкусно, — сказала она, облизывая кончик пальца. — Большинство немков со временем отращивают пышные зады и пухлые руки от такой вот пищи. — Она откусила очередной кусок. — Я стараюсь избегать подобных соблазнов, но это не так-то легко. — Она отхлебнула кофе, и на ее верхней губе остались едва заметные усики от взбитых сливок.

Слепой юноша заиграл «Ты, ночь и музыка». Порыв ветра швырнул в окно пригоршню снега.

— Расскажите мне о брате, — попросил я. — Как он вел себя...

Она посмотрела на меня пустым взглядом:

— Ну, вы же знаете его. Приехал ко мне и без обиняков сразу выложил свою историю, заметил мое волнение и начал допытывать меня вопросами. Он навел справки в Мюнхене, поднял на ноги многих людей — газетчиков и служащих городского архива. Это настолько обеспокоило Гюнтера, что он постарался поскорее выпроводить вашего брата из города. А мне ваш брат понравился... У него такие симпатичные веснушки. Мы с ним одинаково воспринимали смешное. Как-то он заметил, что самое смешное — это то, что стоит на грани трагического. — Она пожевала булочку, с минуту глядела в окно, словно что-то припоминая. — Мне понравилась эта его мысль. Он сказал еще, что, где бы я ни появилась на свет, моя душа все равно обитает в Шварцвальде. Мне он показался довольно поэтичным.

В палисадничке свистел ветер. Пьянист заиграл «Дым ест твои глаза».

— Мой брат упоминал о причастности вашего мужа к политике?

Она улыбнулась, почти хихикнула:

— Вы имеете в виду его нацистскую деятельность? Опять Рошлер, не так ли? Пожалуй, именно это и показалось нам, я хочу сказать, Сирилу и мне, особенно забавным... Понимаете ли, здесь тот же принцип: от смешного до трагического один шаг. Я знаю кое-кого из друзей мужа, знаю о кое-каких его делах, по их нельзя воспринимать всерьез, вы не считаете?

— Но мой брат проявил определенный интерес?

— Да, он упоминал об этом. Но, послушайте, его интересовала я, а не мой муж. Не нацисты. В его интересе ко мне не было никаких намеков на политику.

— Он встречался с вашим мужем?

— Да, у него в конторе.

— И что же?

— Муж пришел домой раздраженный, раздосадованный. Хотел, чтобы ваш брат оставил нас в покое.

— Он угрожал брату?

— Мой муж никогда никому не угрожает, мистер Купер.

— Послушайте, — сказал я, твердо решив высказаться до конца. — Поймите, я просто вне себя... Да перестаньте же жевать на минуту, в конце-то концов, и выслушайте ме-

ня! Я приехал сюда не для того, чтобы кому-то причинить неприятности, поверьте мне, прошу вас. Да, я возбужден, но у меня есть на то чертовски уважительная причина.

Мои слова наконец заинтересовали ее — рука с булочкой застыла в воздухе.

— Вот как? Что же это за причина, мистер Купер?

— После отъезда из Мюнхена мой брат уже не думал, что все эти нацистские штучки — забава. Он считал их достаточно серьезными, чтобы отправиться даже в далекий Буэнос-Айрес. И все это время он возил с собой вашу фотографию. — Она неотрывно смотрела мне прямо в глаза. — Мне так и не довелось поговорить с ним ни о вас, ни о чем-либо другом.

— Почему так?

— Потому что сразу по возвращении домой его убили. Лиз... и я думаю, этого не случилось бы, не разыщи он вас. Мне кажется, именно вы — причина смерти моего брата. — Я смотрел на нее в упор.

Она опустила глаза:

— Вы очень жестокий человек, мистер Купер.

— Не такой жестокий, как тот, кто убил моего брата.

Она с усилием сглотнула, шмыгнула носом:

— Откуда мне было знать...

— Именно об этом я и хочу вас спросить. Вы знали? Кто-нибудь здесь знает? Вот что я вам скажу: я уверен, либо ваш муж... либо этот белокурый херувимчик Зигфрид...

— Вы знакомы с Зигфридом? — Она тут же прикусила язык, точно ловя неосторожно сказанное слово.

— Видел его в Лондоне. Я следил за вами... вернее, наблюдал...

— Право, вы просто смешны!

— Смешон?! Мой брат убит. Кроме него погибло еще несколько человек, а вы говорите — смешон! Я устал. Невежливо зом... Испуган... У меня даже голос дрожит.

Она протянула руку и прижала мою ладонь к скатерти.

— И рука тоже дрожит, мистер Купер. — От усилия на ее руке вздулись вены. Она уперлась грудью в край стола, на щеке ее дергалась мышца. — Вам нехорошо?

— Вот что, хотите разговаривать — давайте говорить, не хотите — не падо. В конце концов, вы мне ничем не обязаны. До вас доходит это? Вы хоть понимаете, что тут творится?

— Нет, не понимаю, — ответила она едва слышно, освобождая мою руку. — Но я постараюсь вам помочь.

— Тогда расскажите мне всю правду о том, что произошло с моим братом.

— Собственно, ничего не было, — тихо сказала она, но начала рассказывать...

Расстались мы у пагоды в Английском саду, и я долго стоял, глядя, как она растворяется в снежной дымке, словно призрак, потом повернулся и пошел назад вокруг озера.

Она сказала, что сообщила мне все, что ей известно. Мне хотелось верить Лиз, но мешала неопределенность, какая-то неясность наших взаимоотношений. Более того, мои личные впечатления усугубляли эту неясность. Меня привлекало в ней все: ее мысли, любовь к сдобным булочкам, незащищенность, холодные серые глаза, а также та легкая беззаботность, с какой она, похоже, относилась к своей невольной роли в этой столь необычной ситуации. Прежде всего она думала только о себе, и все же, даже зная это, я готов был принести себя в жертву ради нее.

История, которую она рассказала мне с характерной для нее серьезностью и прямоотой, сводилась к следующему.

Приезд Сирила и его решительные действия были неожиданными для Бренделя, а настойчивые поиски Сирила вызвали у него сильное раздражение. Она призналась мне, что никогда прежде не видела мужа таким расстроенным и обеспокоенным. Сирил быстро разгадал характер отношений между Лиз и Зигфридом Гауптманом, о чем и спросил ее напрямик, но при этом главный упор он делал на политические разногласия между обоими мужчинами, считая, что старые нацисты стремились сохранить власть и одновременно заручиться поддержкой молодых. Она утверждала, что их надуманная фракционная борьба не представляла для нее никакого интереса, как и для любого человека, у кого есть хоть крупица здравого смысла. Однако Сирил упрямо твердил, что она и понятия не имеет об истинном размахе их деятельности.

Брендель прямо дал ей понять, что она ни под каким видом не должна больше встречаться с Сирилом. Она инстинктивно почувствовала, что Сирилу грозит опасность, и приняла меры.

С некоторым риском для себя она назначила ему встречу у пагоды в Английском парке. Естественно, при сложившейся ситуации ей пришлось обратиться за помощью к Рошлеру, и было решено, что Сирил должен немедленно уехать, пока до него не добрались. Лиз утверждала, что действовала интуитивно, поскольку она и мысли не допускала, что ее муж способен на насилие.

Ей пришлось положиться на Рошлера, которого она в большей степени считала другом, чем мужа. Это был риск, но иного выхода не было. Сирил провел две ночи в доме Рошлера, а на третью выехал на машине, перевалил через Альпы, и больше она его не видела. Как только он скрылся с горизонта, ни ее муж, ни Зигфрид ни разу не упомянули о нем.

Рассказав мне все это, Лиз помолчала с растерянным видом, а потом заключила:

— Словом, говорю вам искренне, я не одобряю политических увлечений мужа. И меня отнюдь не привлекает игра Зигфрида в нациста... Но какое это имеет значение? Почему это так важно? Кому какое дело? И какая разница моему мужу, кем я окажусь на самом деле. Ведь он любит меня! Неужели вы этого не понимаете? Неужели никто не может понять этого? Он женился на мне, а не на моей фамилии в брачном свидетельстве...

В том, что она говорила, конечно, был смысл.

— Однако, — сказал я, — представьте, что сомнения насчет вашего истинного происхождения все-таки существуют. Предположим, что вы Лиз фон-Шаумбэрг. Если это так, то вашему мужу нечего было беспокоиться, когда Сирил начал расследование. Оно не должно было волновать Бренделя. Что же тогда заставило его пойти на крайние меры... такие меры, что вы сами сочли необходимым подыскать моему брату убежище? А если им есть что скрывать? Если они не хотели, чтобы Сирил узнал это? С чего они вдруг так переполошились? Вывод напрашивается один: Сирил был прав. Не в отношении нацистских дел — насколько я понимаю, существование нацистов можно с успехом отрицать: никто в Германии сейчас и слышать не желает ни о чем подобном, — а в отношении вас. Именно ваше происхождение почему-то вызывает у них страх.

Она медленно покачала головой, но не в знак несогласия, а как будто в изумлении. Машинально постукивая ложечкой о чашку, помешала кофе.

— Что вы скажете, Лиз? — нажимал я. — По какой иной причине ваше происхождение могло так беспокоить их? И почему Сирил, вернувшись в родной дом, встретил там свою смерть именно после того, как он нашел вас? — Кто мог бы мне объяснить, почему один из тех, кто покушался на меня на дороге, вдруг объявился в Глазго, потом в Лондоне, следя за мной, и кончил жизнь в туалете? У меня имелось чертовски много доказательств причастности Бренделя ко всей этой заварухе... но как было объяснить это ей?

К тому же все эти факты вовсе не служили доказательством того, что Лиз на самом деле есть Ли... Вот только Сирил был уверен, что она Ли.

— Не знаю, — произнесла она. — Вы меня совсем запутали, вы так уверены во всем. Я верила мужу... а, собственно, на каком основании я должна была ему не верить? Теперь же... я не знаю. — Она снова вынула сигареты, закурила.

— Политика, фашистское движение, — настойчиво продолжал я. При каждом моем слове она, казалось, вздрагивала, сжималась. — Чем они по-настоящему дорожат? Вами? Вы уверены, что это так?

Она слегка пожала плечами.

Я помолчал, как школьник на диспуте, отстаивающий свою точку зрения, и уверенно заключил:

— Они дорожат своей политической деятельностью, независимо от того, считаете вы ее шуткой или воспринимаете всерьез! Для них она не шутка. Нам точно известно, что ваш муж — нацист, махровый нацист, действующий под личиной благопристойного члена общества. Именно это движение с его конспирацией он ставит превыше всего.

Обращаясь к этой подавленной, притихшей женщине, я на мгновение мысленно перенесся в прошлое, вспомнил сделанные Стейнзом фотографии Бренделя, снятые на протяжении многих лет, вспомнил нападение на крепость Стейнза людей, явно связанных с Бренделем. Вот они, доказательства. Неопровержимые доказательства. И все нити тянутся в недавнее прошлое, к завьюженному шоссе в Висконсине, и сплетаются в узел в холодном, заснеженном, пронизанном ледяными ветрами Мюнхене.

— И Зигфрид — тоже нацист, но нацист другого поколения. Таким образом, главный вопрос сейчас в следующем: как и почему вы представляете для них угрозу с политической точки зрения? Какая им разница, Лиз вы или же Ли?

Задавая ей множество вопросов, я надеялся, что важность их дойдет до нее. Сейчас я делал только так, как велел мне Питерсон: проявлял агрессивность, форсировал события.

— Я полагаю, мне следует встретиться с вашим мужем.

Тут Лиз проявила инициативу и этим облегчила мою задачу. Но не слишком ли?.. Впрочем, эта мысль появилась у меня позже. Она свалилась на меня как снег на голову уже после того, как Лиз ушла.

— Завтра вечером у нас прием. Почему бы вам не прийти?

- Я не один, со мной приятель.
- Рошлер говорил мне. Приходите вместе.
- Брендель будет знать об этом?
- Вы так хотите?
- Нет. Я думаю, лучше сделать ему сюрприз.
- Как вас представить?
- Джон Купер, брат Сирила Купера. Любопытно будет взглянуть на его лицо.

— Я крайне пассивна, мистер Купер, почти во всех отношениях. Что касается меня, я считаю: пусть будет что будет, и если в квартире начнется стрельба, что ж, это внесет в нашу жизнь некоторое разнообразие. — Лицо ее оставалось спокойным, безучастным, и в какой-то миг мне подумалось, как, должно быть, трудно иметь с ней дело...

— Хорошо, — сказал я, — мы придем.

На этом наш разговор закончился, и мы вышли. Привычным жестом она продела свою руку через мою. Перед тем как расстаться, она остановилась и, приблизив припорошенное снегом лицо, поцеловала меня, предоставив мне на обратном пути через парк разгадывать смысл ее поступков. Меня поразило, что глаза ее горели лихорадочным блеском, хотя внешне она казалась спокойной.

Я постарался передать Питерсону не только содержание нашего разговора, но и свою оценку Лиз Брендель. Пересказать нашу беседу не представляло большого труда, а вот что касалось остального, то тут дело обстояло несколько хуже. Я рассказывал, а Питерсон сидел насупившись и смотрел на меня то с тревогой, то с изумлением.

— Вы описываете не свою сестру, Купер, во всяком случае, мне так кажется. — Он нахмурился. — Вы говорите об этой женщине совсем не как ее брат.

— Знаю, — согласился я.

— На мой взгляд, она просто чудище. Бр-р-р! — Он заулыбался, расстегнул жилет. — Прием, значит. Ловкий ход... не с вашей, с ее стороны. Слава богу, что вы хоть не отклонили приглашение. — Он расстегнул «молнию», снял брюки, открыв черные волосатые ноги с мощными, как у футболиста, мышцами. Он походил на туго сжатую пружину. Складывая брюки, взглянул на меня и осклабился, обнажив на мгновение зубы.

Мне пришло в голову, что, по всей вероятности, напряжение или возбуждение, вызванное нашими приключениями, явно заносило Питерсона куда-то не туда. Он стал вести себя как манпакальный убийца.

— Идемте со мной, — сказал он, поворачиваясь ко мне волосатой спиной.

Я последовал за ним в ванную комнату. Вода наливалась в ванну, почти доверху наполненную мыльной пеной. Он переступил через край, постоял среди пузырей, потом начал медленно погружаться, пока на поверхности не осталась одна голова, которая словно плыла на облаке пены.

— Теперь садитесь, и я расскажу вам историю о вашей бедной Лиз.

В ванной было жарко. На зеркале оседал пар, я весь вспотел. Сев на крышку унитаза, я приготовился слушать. Он улыбался, оскалил зубы, как голодная акула.

Прежде чем начать свое повествование, он попросил меня раскурить для него сигару, взял ее мыльной рукой. Сума сойти, ну прямо Эдуард Робинсон¹ в кинокартине «Ки Ларго». Мы и без того все больше увязали в каком-то нереальном мире, а тут еще Питерсон, с дымящейся сигарой в зубах, нежился в пенной ванне. Я схватил полотенце, вытер лицо.

— Ваша Лиз Брендель далеко не так невинна. И она — своего рода проблема и для мужа и для прочей степенной публики из консервативного мюнхенского высшего общества. Более того, в определенных кругах на нее смотрят как на даму с несколько скандальной репутацией... в кругах, которые, в сущности, очень важны для герра Бренделя. Я имею в виду его старых друзей, аристократию, многочисленных родственников. Они весьма отрицательно относятся к этой молодой особе с сомнительным прошлым. Да-да, Купер, они тоже не очень четко знают, кто она такая. Невесть откуда ее спланировали Бренделю как девицу фон Шаумберг, которая на двадцать с лишним лет моложе его. Черт подери, многие считали, что он уже вообще никогда не женится. И вдруг — бац! — появляется Лиз, он сражен наповал, будто все заранее предопределено судьбой... Подайте-ка щетку для спины, Купер.

Закинув руку через плечо, он тем не менее продолжал говорить, и пепел с сигары сыпался на пену.

— А ваша Лиз палец о палец не ударила, чтобы привлечь всех их на свою сторону. Ходила задрав нос, нисколько не интересуясь светскими событиями. Различные общества, собрания, которые она должна была посещать, вызывали у нее скуку, она полностью отвергала всякие условности, стала обучать детишек балету, шататься по Мюнхену

¹ Известный американский киноактер.

в джинсах, ни дать ни взять задрывшая нос восходящая кинозвезда... Все это шокировало тех, в чьих жилах течет голубая кровь... Губку, Купер, — потребовал он, отдавая мне щетку с деревянной ручкой.

Я бросил ему губку. Она упала в пену, и поднятые ею мыльные пузырьки осели на его сигару.

— Впрочем, со временем люди привыкли бы к вывертам фрау Брендель. И уже даже начали привыкать, но тут она завела шашни с Зигфридом Гауптманом. Эта пошлая связь, да еще на глазах у почтенной публики, убедила всех, что их первое впечатление о ней было верным. Более того, по общему мнению, эта распущенная фрау сгубила Гюнтера Бренделя, превратила его в посмешище в глазах одних и в явно разложившегося типа в глазах других. В лице Гауптмана она нашла себе идеального партнера — богатый, порочный, гонимый, высунув язык, за знаменитостями обо-его пола, завсегдатай модных курортов, растлитель малолетних, наркоман, ночной грабитель, насильник и так далее и тому подобное.

— Ну а то, что он нацист?

— Ну, вы даете! — махнул он рукой. — Всем на это наплевать. Половина, а то и больше людей считают, что Гитлеру просто не повезло. Но в основном это их мало волнует. А раз мало волнует, значит, они толком ничего не знают. Ну есть какие-то нацисты, ну отираются по темным углам, но это либо безвредные маразматика, либо извращенцы вроде Зигфрида. Я не утверждаю, что это мнение верное, а просто сообщаю вам их мысли. — Он стал весело плескаться в ванне.

— Как вы докопались до всего этого, черт побери?

— Сыщики, Купер. Одни сыщики хорошо знают других. Старые профессиональные связи. Сантехники, куда бы они ни поехали, слетничают с другими сантехниками. Страховые агенты откровенничают со своими братьями. Так и сыщики всегда готовы поделиться информацией с другими сыщиками, если у вас есть правильный подход... а у меня он всегда есть.

Я наблюдал, как он намыливает под мышками.

— Скажите, Питерсон, а от такого пара у вас не вылетят волосы из парика? Нет, серьезно, клей не растворится?

— Нет, Купер, клей не растворится... Да что с вами, черт подери? Вы что, свихнулись?

— Просто любопытно, вот и все.

Он надулся, с минуту намыливался молча, потом продолжал:

— Одним словом, когда она спуталась с Зигфридом, все решили, что супружеству конец. Но как бы не так! Брендель, похоже, ничуть не встревожился. Вскоре они даже стали появляться на людях втроем, дав обществу основание предполагать худшее... то есть, что Зигфрид нужен им обоим. — Он скосил глаза, чтобы посмотреть на меня.

— Ну и?.. Это так?

— Никто наверняка не знает. Да и откуда? Впрочем, как бы там ни было, все это слухи, верно? В конце концов, кому какое дело, кто с кем крутит? Все эти потаскухи, осатаневшие извращенцы... Мы с вами не сексологи, верно ведь? Мы Питерсон и Купер, и нам плевать на все эти слухи и сплетни. Мы идем по следу расы господ...

И вот тут-то мои коллеги, — продолжал он, — когда я выставил столько шнапса, что его хватило бы, чтобы свалить с ног полк гусар, начали выкладывать мне все, что им известно. Рошлер прав, Зигфрид — главарь сильной неонацистской группировки, так сказать, новоиспеченных фашистов, не связанных узами с прошлым. Никто по-настоящему не знает, насколько это серьезно, однако в их распоряжении куча денег, и их ряды пополняются восторженными юнцами.

Похуже на то, что Брендель весьма расчетливо спихнул на Зигфрида жену, от которой имел одни неприятности, чтобы одновременно использовать ее для наведения моста между старой фашистской гвардией и неонацистскими горлопанами. Лиз Брендель стала символом единения старого фашизма и нового. Не так уж это нелепо, как может показаться на первый взгляд. Те ребята, что сообщили мне это, не эльфы из Шварцвальда, они — полицейские, и вполне здраво мыслящие... Полотенце, Купер, и отойдите немного, я выхожу. — Он с шумом вылез из ванны и, оставляя мокрые следы, направился в спальню.

— Известно ли им, кто она? — спросил я.

— Нет. Собственно, этим никто не интересовался, пока не появился ваш брат. Он-то и посеял у них сомнения. — Питерсон обернул вокруг талии полотенце и повалился на кровать. Закурил очередную сигару. — Да садитесь же, ради бога, не маячьте перед глазами! — И продолжал: — Я снова звонил в Куперс-Фолс доктору Брэдли. Он сказал, что Бреннеру с каждым днем становится все лучше, говорит пока мало, но, по-видимому, выкарабкается. Агенты ФБР продолжают шнырять по городу, но, понятно, обнаружить ни черта не могут. — Питерсон откинулся на подушку. — Знали бы они, что рассказал нам Стейнз..., можете себе предста-

вить? У них глаза бы вылезли на лоб. А если бы они еще имели представление о том, что мой дружок из Колумбийского университета знает, что находилось в том ящике, то у них мозги съехали бы набекрень, Купер. Набекрень! — Он вздохнул с видом праведника: — Вы когда-нибудь задумывались над тем, что нам делать со всем этим? По-вашему, нам кто-нибудь поверит?

— Сейчас вопрос не в этом. Останемся ли мы вообще живы, чтобы рассказать обо всем кому-то?

— Я также позвонил в Буэнос-Айрес, разговаривал с Рокой. Мучается гриппом, бедняга, я даже чуть не прослезился от жалости. Он до сих пор не знает, куда запропастился Котман, Сент-Джон и пилот, а также и сам самолет. Похоже, ему уже на все начхать, а может, просто сказывается простуда. И наконец, я связался с Айвором Стейнзом. Надеялся выведать, кого он послал по душу Бренделя, хотя питал слабую надежду на то, что он скажет. Но мне никто не ответил, никого дома не оказалось. Впрочем, сдается мне, Бренделя нам все равно не спасти, если только мы его прежде не похитим. Кто-то уже приготовил для него пулю.

Он встал с постели, вышел в другую комнату и вскоре вернулся с бутылкой коньяка.

— Так что, мой юный друг, у вас более серьезные основания для беспокойства, чем забота о моем парике. — Он налил коньяк в фужер и передал его мне, потом наполнил свой. — Если Дик Мертвый глаз¹ пристрелит старину Бренделя до завтрашнего вечера, мы с вами лишимся возможности побывать на вечеринке, куда нас пригласили.

Питерсон взял напрокат «мерседес», и мы медленно поехали по заснеженным улицам, с каждой минутой все удаляясь от центра Мюнхена. Снегопад не прекращался, на обочине уже навалило целые сугробы. Ночь была удивительно безмолвной, точно огромная рука в перчатке приглушила все звуки. Мы были во фраках, тоже взятых напрокат. Питерсон прихватил с собой револьвер. Ехали молча. Питерсон только один раз открыл рот и то только для того, чтобы выругаться по поводу костюма, который жал ему под мышками.

Снег мело через капот, ветер колотился о машину, все было белым-бело, и казалось, что за обочиной мир кончался.

¹ Персонаж из ковбойских фильмов.

Это здорово напоминало мне ту ночь во время бурана, когда я повстречался с долговязым и Майло Кипнюзом.

Питерсон полез во внутренний карман. Я ожидал увидеть револьвер, но он вынул круглый плоский леденец на белой палочке и принялся сосать его, раздувая щеки. Я с удивлением посмотрел на него.

— Когда я был мальчишкой, — начал он, не вынимая леденец изо рта и напряженно глядя вперед, — я всегда перед сном молился, чтобы всевышний прибрал мою душу на небеса, если мне не суждено дожить до утра. Потом я стал старше, несколько раз выполнял ночью опасные задания, зная, что, вполне возможно, больше не вернусь, и уже не рассчитывал на то, что бог приберет мою душу в рай. И вот, собираясь на одно такое задание, я стал думать о самых простых житейских удовольствиях. Я вспомнил вдруг, как однажды отец повел меня на стадион «Ригли-филдз», когда играла бейсбольная команда «Чикаго-кабз». Мне тогда было лет восемь-девять. Моими кумирами были Большой Билл Николсон и Фил Каваретта. И вот мы отправились на матч и... это поразит вас, Купер, но я даже не помню, кто победил. Мне запомнились всего две вещи: необычайная подача Николсона, в результате чего его команда выиграла очко, и то, что мой отец купил мне вот такой же круглый леденец на палочке. Он был с виноградной эссенцией, и мне показалось, что ничего вкуснее этого леденца я не пробовал... И я подумал тогда, что, если в эту ночь не вернусь, я так никогда их больше и не попробую. С тех пор, уходя на опасное дело, я всегда имею при себе целый запас леденцов и в подходящие моменты достаю их и наслаждаюсь виноградным привкусом. Действует успокаивающе, очень успокаивающе.

Он говорил и говорил, а я хотел, чтобы поскорее все кончилось. Молил бога, чтобы он прибрал мою душу. Леденца у меня не было...

Квадратный дом стоял довольно далеко от дороги. Круглая лужайка перед ним, посреди которой высилась статуя, была посыпана гравием. Полная луна на минуту выглянула из-за облаков, осветила окрестности холодным голубовато-серебристым светом и вновь скрылась, оставив нас во власти метели.

Двое служителей в униформах помогли нам выйти из машины, вручили Питерсону парковочный жетон, отогнали наш «мерседес» в ряды прочих машин, которые выстроились, точно танки в ожидании приказа на наступление. Питерсон повлек меня за собой:

— Смелей, Купер, это всего лишь званный вечер. Давайте веселиться. — Он пытался отвлечь меня от все усиливавшегося чувства страха. Мы вошли в вестибюль, слуги бросились стягивать с нас пальто, в доме стоял гомон, взад и вперед сновали люди, отовсюду лилась немецкая речь.

Я ничего не соображал, мне казалось, что я куда-то плыву, словно больной, привязанный ремнями к носилкам, которого в полубессознательном состоянии везут в операционную. Питерсон хохотнул, и я обернулся к нему, чувствуя, что бледнею.

— Что они сделают с нами, Купер? Убьют? — Он стрельнул в меня короткой усмешкой из-под усов. — Ну и ладно! Все когда-нибудь умирают... Лучше познакомьте меня с вашей сестрой, Купер. Потом возьмем этих сволочей в оборот...

Лица вокруг были чужими, но казалось, все знали нас. Мужчины были либо во фраках, либо в военных мундирах, большинство женщин — в длинных вечерних платьях с оголенными плечами. Сверкали бриллианты, отражая свет канделябров.

Мы стояли возле растущих в кадках папоротников и пальм. В дальнем конце зала играл струнный квартет: было видно, как над головами толпы взлетали смычки, сквозь неразборчивый говор, смех и приветственные восклицания слышалась музыка. Питерсон схватил с проносимого мимо серебряного подноса два бокала с шампанским, протянул один из них мне:

— Хочу леденец.

С застывшей улыбкой на губах я обернулся и увидел чудовищно бледную женщину. Ее коротко подстриженные черные волосы спадали с затылка на шею, как перья ворона. Платье было тоже черное, веки сильно подведены, отчего лицо казалось мертвенно-бледным. Из-за круглых очков в стальной оправе смотрели прозрачно-серые глаза. Возле правого глаза отчетливо виднелась небольшая продольная царапина. Совершенно чуждая этому обществу, женщина приближалась к нам, глядя куда-то в сторону. Я потянул Питерсона за рукав.

— Что такое?..

Это оказался вовсе не Питерсон, а высокий незнакомый мужчина в форме американского генерала, который уставился на меня поверх очков с полусферами.

— О-о... — протянул я. — Простите, я ошибся, вы — не мой друг.

— Очень жаль слышать это, сынок, — медленно растягивая слова, сказал он.

Крупная седовласая женщина с руками, висевшими точно спагетти, заскрежетала зубами.

— Вам нехорошо, юноша? — спросил мужчина.

— Он, по-видимому, пьян, — ответила «спагетти», обкручиваясь вокруг него.

— Пойдите глотните свежего воздуха, молодой человек, — посоветовал генерал, покидая меня.

Я отвернулся, кончик листа папоротника попал мне в глаз, и тут я услышал, как кто-то окликнул меня:

— Мистер Купер, добрый вечер. Зачем так кричать?

Это оказалась та самая черноволосая женщина в очках, которые не только не скрывали синяк под ее глазом, а, наоборот, привлекали к нему внимание.

— Извините, я и не собирался кричать, но генерал, понимаете...

Она смотрела поверх моего плеча куда-то в зал. Подняла руку, точно собираясь меня ударить. Я отшатнулся, а она всего лишь отвела папоротник от моего лица:

— Мистер Купер, вы очень плохо выглядите.

Стекла очков увеличивали ее серые глаза. Только теперь я узнал ее. Это была Лиз Брендель.

— Сюрприз, — спокойно сказала она.

Я поднял бокал, расплескав шампанское себе на руку.

— Нравится вам у меня?

— Я только что пришел...

— Знаю, слышала. — Губы у нее были ярко накрашены, как у красоток в журналах. Я нервно переступал с ноги на ногу. Взаимопонимания, на какое я рассчитывал, пока не было.

— Что с вашим глазом?

— Чем вы так напуганы, мистер Купер? — Губы ее скривились в слабой улыбке с оттенком злорадства. — Все думаете о своих нацистах? Что ж, тут их пруд пруди. Гюнтер еще не разыскал вас?

— Вы же обещали ему не говорить. — Я плохо знал эту женщину, и мне вдруг пришло в голову, что она, возможно, что-то затевает.

— Я передумала и сказала о вас ему и Зигфриду. Реакция Гюнтера казалась мне довольно забавной, пока он не ударил меня в глаз. — Она нарочито громко вздохнула. — Чтобы вам не мешать, я пока займусь другими гостями.

Я посмотрел ей вслед. Она была босиком, и несколько

человек обернулись, провожая ее взглядом. Их лица исказились: она вызывала у них ненависть.

Откуда-то из-за палым вынырнул Питерсон:

— Что это еще за чучело, черт побери?

Я обдумывал, как ответить ему. Он затряс головой:

— О нет, нет! Надеюсь, вы не собираетесь сказать мне...

— Но она совсем не такая, какой была, — начал оправдываться я. — Я сам не узнал ее. Она все рассказала Бренделю. Обещала не говорить, а сама сказала.

Питерсон медленно перевел взгляд в сторону фойе, где у входной двери стояли несколько слуг, огромных, невозмутимых.

— Купер, вы видите тех людей у входа? Будь они чуть побольше, их пальцы касались бы пола. Так вот, если люди таких габаритов не пожелают, чтобы вы ушли отсюда, вы можете это сделать, лишь изрешетив их пулями. Вы к этому не готовы, а я готов. Поэтому не вздумайте уходить без меня. — Он искоса посмотрел в мою сторону. — А коль увидите, что я превращаю вашу сестренку в печеночный паштет, можете, конечно, вмешаться, но — серьезно предупреждаю вас — с риском для жизни. Видите ли, как ни странно, я вдруг стал одержим желанием выжить. Бренделю нельзя было сообщать о нас заранее. Это меняет все дело. Наше единственное преимущество испарилось. — Он так резко выбросил вперед руку, что я невольно отпрянул. — Доктор Рошлер! — воскликнул он, пожимая руку Рошлеру, который даже в вечернем костюме выглядел неряшливо. — Наконец-то хоть одно знакомое лицо! — Питерсон снял самую что ни на есть дружескую улыбку, какую только можно было вообразить. Он был способен, не моргнув глазом, застрелить кого угодно, а Рошлер выглядел таким кротким... как человек, который давным-давно пошел на компромиссы.

— Надо заметить, вы, как говорится, оказались на передовой, — произнес Рошлер.

Я то и дело оглядывался на толпу, ища глазами Лиз. Мне никак не хотелось верить в такую внезапную перемену в ее поведении. Это не укладывалось в голове. Как она могла предать меня?

— Насколько я могу судить, вы видели Лиз, — сказал Рошлер рокошующим голосом.

— Я просто не узнал ее. Доктор Рошлер, я ничего не понимаю.

— Она совсем спятила, — констатировал Питерсон. — Боже, ну и духотища здесь!

— Мистер Питерсон недалеко от истины, — произнес Рошлер настолько тихо, что мне пришлось наклониться к нему. — Это ее стиль, а в некоторых случаях ее стиль граничит с безумием. Лиз многолика... — Он замолчал, коснувшись моей руки. — Одна ее маска сменяет другую. Лиз никогда не будет знать, кто же она на самом деле, мистер Купер, — печально заключил он. Невозможно было понять, что он этим хотел сказать.

— Зато мы будем, — ответил Питерсон. Он был напряжен до предела.

— Поживем — увидим, — отозвался Рошлер. Он отошел, постоял с минуту, прислонившись к спинке стула, взял с подноса бокал шампанского, осушил его и медленно двинулся прочь в толпу гостей.

— Совсем уже старик, — заметил Питерсон. — Интересно, что ему осталось в жизни?

— А ей? — Я никак не мог взять в толк, что же все-таки происходило на этом вечере.

— Не знаю, но от нее одно беспокойство, Джон. Ей нельзя доверять. Вы слышите меня, Джон... не совершите еще одну ошибку.

Над толпой лилась музыка. Питерсон отправился разыскивать столы с закусками. У входа по-прежнему с угрюмым видом стояли здоровенные детины. Внутри у меня все сжалось.

Мы здесь, но зачем? Чего нам ожидать? Лиз оказалась дрянью: это не союзник и не друг во вражеском стане. Я не мог отделаться от ощущения жуткого страха. Положение было крайне серьезным. Этот зал, эти люди, этот страх — все это давило на меня, сжимало, а мне, тем не менее, хотелось хихикать и поминутно тянуло в туалет. Я повернулся к слегка приоткрытой балконной двери, вытер платком лицо, ощущая прохладное прикосновение ветерка к потной коже.

Когда я снова посмотрел в зал, он напомнил мне одно из небольших полотен Иеронима Босха. Ну прямо-таки взрыв буйства в сумасшедшем доме... И тут я увидел плывущую ко мне Лиз. За ней следовал Гюнтер Брендель, его я узнал сразу. Она улыбалась, отчего черты ее лица, казалось, сместились. С ними был еще и Зигфрид Гауптман, но его я заметил только тогда, когда они оказались совсем рядом со мной.

— Ага, вот вы где, мистер Купер! — весело воскликнула она.

Несколько человек обернулись в нашу сторону при ее приближении.

— Наконец-то мы вас нашли! Мы упорно искали вас, а вы, видите ли, стоите здесь в одиночестве и наслаждаетесь музыкой! — Пока она произносила эту нелепую тираду, Брендель невозмутимо разглядывал меня и молчал. — Мой муж Гюнтер Брендель, мой милый друг Зигфрид Гауптман, — представила она, поворачиваясь сначала к одному, потом к другому. — Оба весь вечер умирают от желания встретиться с вами. Не так ли, дорогой? — Это был явный камень в огород мужа.

Он чуть заметно поклонился:

— Рад познакомиться, мистер Купер. Я отлично помню вашего брата. — Он улыбнулся одними губами, повернулся к Зигфриду.

— Добрый вечер, мистер Купер. — Глаза Зигфрида сияли, как стекла окон, отражавшие ясное солнечное небо.

Лиз разразилась невероятно искусственным смехом, в котором не было и намека на истинную веселость. Муж поглядывал на нее с беспокойством.

— Как я понимаю, вам троим надо о многом поговорить друг с другом! — очень громко сказала она.

— Извините, мистер Купер, вы должны простить чересчур приподнятое настроение моей жены. Большой наплыв гостей часто вызывает у нее сильное возбуждение, я бы сказал, экзальтацию.

— Ничего подобного, — резко возразила она. — Если говорить откровенно, у меня на это есть весьма определенная причина.

— Я несколько в этом не сомневаюсь, моя дорогая, — ответил Брендель. Он вдруг сильно сжал ее руку. — Я очень рад, что вы смогли приехать к нам, мистер Купер. Лиз права, нам с вами надо о многом поговорить. Надо полагать, вы нас еще не скоро покинете и мы с герром Гауптманом будем иметь удовольствие выпить с вами по рюмочке коньяка чуть позже...

Она не дала ему договорить, резко вырвав руку. Очки ее соскользнули на кончик носа. Зигфрид наблюдал за ними с некоторым удовольствием, точно это было давно знакомое, слегка надоевшее, но все же занимательное представление.

— А причина такого моего поведения, — сказала она, — заключается в том, что мне осточертела эта идиотская жизнь! Осточертели все ожиревшие подхалимы, которых ты величаешь своими друзьями... — Она понизила голос, заметив, как две потрясенные ее словами матроны с недоумением воззрились на нас из-за пальмы. Я откинулся назад, и

острый край приоткрытой двери врезался мне в позвоночник. Она прошипела: — А также все твои потрепанные старые нацисты... — Брендель снова хотел схватить ее за руку, но не успел. Она отдернула руку, выбив при этом у Зигфрида бокал шампанского, и, ослабев, прильнула к нему. На шее Бренделя вздулась вена, но по глазам было видно, что такое ему не впервой.

— Зигфрид, — процедил он сквозь зубы, — пожалуйста, проводи Лиз навстречу.

Лиз отозвалась глухим голосом:

— Он знает туда дорогу, не правда ли, милый? — Она расплылась в улыбке, лицо ее снова перекосилось, глаза из-под тяжелых век смотрели хитро, зло. — Впрочем, у нас троих так много общего... — И она перешла на немецкий, забыв о моем присутствии.

Игнорируя ее, Брендель обратился ко мне, тогда как Зигфрид уводил его жену, и сказал, точно мы были старыми друзьями:

— Жена не совсем здорова, мистер Купер. Она чересчур впечатлительна, и у нее слишком много свободного времени... Очень современная женщина. — Он пожал плечами и продолжал на безупречном английском языке: — И вот вам результат... Я очень сожалею. Но она права, я действительно хотел бы с вами побеседовать. Она рассказала мне, какой огромный путь вы проделали, чтобы встретиться с ней и задать ей те же самые вопросы, какие задавал ваш брат. Я знал, что это расстроит ее. Ваш брат очень встревожил ее. А теперь... — Брендель сдержанно пожал плечами, — теперь появились вы, и все начинается сначала. — Он остановился, отпустил мой локоть. — Так дальше не может продолжаться, мистер Купер. Психика моей жены довольно неустойчива. К тому же Лиз упомянула о вашем интересе к нашей политической деятельности. — Он помолчал, оглядывая своих гостей, расправил плечи и, не глядя на меня, с застывшей светской улыбкой на гладком загорелом лице сказал: — Давайте отложим сейчас этот разговор, мистер Купер, забудем о нем. Пожалуйста, развлекайтесь, не лишайте себя удовольствия от нашего вечера, а позже мы соберемся и поговорим все вместе: вы, я и Зигфрид. У нас будет достаточно времени для беседы. Только не вздумайте уходить отсюда. — Он улыбнулся мне. — Я и слышать этого не хочу. — Он снова чуть заметно поклонился: — Прошу прощения.

Я видел: Рошлер наблюдал за нами с другого конца зала, потом тяжелой походкой двинулся вслед за своим неизменным преданным другом. Утешитель, стремившийся по-

мочь Бренделю понять жену. Через многие годы жены связали их крепкими узами.

Я остался один, гадая, куда же делся Питерсон и когда он наконец вернется.

Впрочем, я всерьез сомневался, что Питерсон может как-то помочь мне в сложившейся обстановке. Я проделал длинный путь, зная, что этот тип Брендель хочет убить меня... Я так и не выяснил, сестра мне Лиз или нет... Я добровольно явился на этот вечер, в этот дом... Непостижимо! Трудно было поверить, что все это сделал я. Глаза мне заливал пот, шея взмокла, рубашка прилипла к телу. Я взял еще шампанского и с бокалом начал пробираться сквозь толпу. Раздвигая длинные шторы, медленно брел из комнаты в комнату и вдруг носом к носу столкнулся с Мартином Сент-Джоном.

Его слипшиеся волосы свисали на лоб, как грязный флаг, вечерний костюм был помят, и кусочек краба из соуса покоился на лацкане пиджака. Сент-Джон провел по лицу широким красным платком в горошек и, увидев меня, плутовски улыбнулся. Потом откровенно подмигнул мне, зачихнул красную тряпку в боковой карман. Другой рукой сунул в рот окурок, попыхивая, раскурил его, облизнул толстые губы.

— Мистер Купер, — сказал он. — Как приятно снова встретиться с вами! Ваши поиски завели вас очень далеко.

— Что вы тут делаете?

Рока разыскивал его на Огненной Земле, а он тем временем предавался веселью на званом вечере в Мюнхене да еще и улыбался мне! Видно, такие люди, не имеющие ни стыда ни совести, даже будучи уличены во лжи, не смутятся. Он давился от смеха и потел, этот престарелый кондотьер, по уши погрязший во лжи!

— Да всего понемножку. Постоянно тружусь над чем-нибудь, ведь всегда находятся какие-то дела. А вот как здесь очутились вы, мой дорогой? Все ищете ту девушку? — Он широко улыбнулся. Кусочек краба отлепился от лацкана и скатился по пиджаку. Сент-Джон задымил сигаретой и подтолкнул меня локтем: — Нашли-таки наконец, а? — На губах его появилась двусмысленная ухмылка. Сейчас он скорее походил на торговца порнографическими фильмами, чем на одного из попечителей буэносайресской оперы.

— Да, нашел.

— И наверняка плохо думаете обо мне. Знаю, знаю. — Он провел меня мимо какого-то дерева в кадке и усадил на кушетку в стороне от движущейся толпы. — И я вас не осуж-

даю за то, что вы плохо думаете о старом Мартине Сент-Джоне, хотя напрасно, ей-богу, напрасно. Все мы в некотором смысле солдаты, вы не находите? Наша жизнь не принадлежит нам, во всяком случае, не полностью принадлежит... Ведь мы просто-напросто мелкая сошка... Черт возьми, ну и нудный же монолог получился, не правда ли? Это напоминает мне одного старшину, которого я знал в Сингапуре, бедняга потом погиб. Однако я чересчур разболтался. — Он похлопал меня по колену, бросил окурки в кадку, пошарил в кармане в поисках другой сигареты, чиркнул спичкой об урну.

— Вы лгали мне, — сказал я. — Не могу понять зачем?

— Неужели? В отношении чего?

— Я уж и не помню. Но вы могли помочь мне.

— Вот те на, я же и помог... направил вас к Котману, дал фотографию. Ну, если это вам не помогло, значит, старик Сент-Джон просто не знает, что такое помощь.

— Вы сказали полуправду. Почему не всю?

— А кто знает всю правду, мистер Купер? Я сообщил, что мог. Всем нам кто-то отдает приказы, разве не так?

— Чьи же приказы вы выполняете в таком случае? Кто ваш хозяин?

— О-ля-ля, приехали!.. Хотите, чтобы я сказал прямо вот так? — Он затряс обвислыми щеками, откинул со лба волосы, поджал толстые губы. — А я не могу, мистер Купер. Придется вам обойтись без этого. — Он вздохнул. — Раз уж вы забрались так далеко, что вам стоит пойти чуть дальше?

— А я весьма сомневаюсь, надо ли идти дальше. — Я поднялся. Он смотрел на меня дружелюбно, просыпая пепел на костюм. — Вы с Бренделем заодно?! Одна шайка?! «Шпинне»?!

— «Шпинне»?

— Не стройте из себя дурачка.

— Я удивлен, — медленно произнес он.

— Тем, что мне это известно?

— Нет, тем, что вы признаетесь, что вам это известно. — Вся сердечность, все дружелюбие улетучились из его голоса. — Это не слишком умно с вашей стороны.

— Ничего не поделаешь. Такой уж у меня характер. Я никогда не отличался большим умом. Разве что всегда только слегка напоминал человеческое существо.

— Недостаточно, дружище. В наши дни мало слегка напоминать человека. Да и не только в наши дни. Жаль... С годами я все чаще начинаю о многом сожалеть. Садитесь

же, что вы стоите, а то у меня шея заболела смотреть вверх...

— Значит, вы замешаны во всем этом?

— Не только я, многие из нас, и гораздо больше, чем кто-либо реально себе это представляет. — Он опять стал прежним Сент-Джоном, только теперь его глаза излучали холод. Что-то явно изменилось.

— Ваш центр адесь, в Мюнхене?

— Здесь, в этом самом доме, — ответил он. — Так будет точнее. Очевидно, существует еще одна инстанция выше... даже Брендель тоже лишь солдат, он тоже исполняет чьи-то приказы. Я же получаю свои инструкции отсюда. Из этого дома. От этого человека. — Он поднялся, стряхнул пепел с лацканов. — Что ж, мистер Купер, было... э-э... чрезвычайно занимательно побеседовать с вами снова. — Рука у него была теплой и сухой, а улыбка холодной. Он всегда был земным, сердечным, лживым, а сейчас выглядел отчужденным.

— Я уйду отсюда живым?

Толстые губы Сент-Джона сморщились.

— На вашем месте я бы на это не рассчитывал, мистер Купер. Нереально, вы же сами понимаете. — Он устало посмотрел мне в глаза. — Не осуждайте старика Сент-Джона. Я всего лишь солдат. И я искренне сожалею. Пусть вас утешит то, что, доживи вы до моего возраста, вы непременно стали бы оглядываться на прошлое и задавать себе вопрос: какой был смысл... если вообще был какой-то смысл. Вы ничего не теряете, о чем стоило бы сожалеть. — Его голос звучал так, будто Сент-Джон нес на своих плечах тяжелую ношу.

Считая себя почти что мертвым, я медленно тащился назад по лабиринту комнат, по коридорам, уставленным вазами, статуями, увешанными картинами. С лепного потолка праздно и весело смотрели на меня амур. Становилось все шумнее. Около книжных шкафов оживленно беседовал с высоким человеком во фраке мужчина с зализанными, крашенными в цвет воронова крыла волосами, показавшийся мне знакомым... Альфред Котман! Еще один комедиант из известной труппы Буэнос-Айреса.

Котман, должно быть, почувствовал на себе мой сверлящий взгляд, обернулся, холодно мне поклонился, не прерывая разговора с человеком, которого, как мне подумалось, я где-то уже видел и который, похоже, успешно перенес пластическую операцию, в результате чего лицо его стало гладким и неподвижным.

На противоположном конце зала из балконной двери показался Питерсон, стряхивая с плеч снег. Я настиг его прежде, чем он снова исчез.

— Нас собираются убить! — выпалил я.

— Кто вам это сказал?

— Да все они! — неопределенно махнул я рукой. — Брендель, Зигфрид. И даже Мартин Сент-Джон. Я только что разговаривал с ним. Он сказал, что сожалеет, но ничего не может поделать. — Я истерически рассмеялся. — Вообще-то он был настроен очень благожелательно.

— Купер, слушайте, что я вам скажу. Вы сейчас немного пьяны. Если вы немедленно не протрезвеете, вы можете больше не думать о том, кто именно вас убьет, потому что я сам вас прикончу. — Он замолчал, чтобы до меня дошел смысл его слов. Питерсон и в самом деле мог пристрелить меня. — А теперь говорите, черт побери, где вы с ним столкнулись?

— Там, в задних комнатах, — кивнул я через плечо. — Он сказал, что он всего лишь солдат и получает приказы от Бренделя. Сказал, что этот дом — центр их организации, штаб-квартира «Шпинне». Сообщил, что есть еще одна инстанция выше, откуда поступают указания Бренделю, но сам он не знает, где она находится. — Я вздохнул.

Питерсон отобрал у меня шампанское, выплеснул его в стоявшую неподалеку кадку.

Снежинки таяли на его парике.

— Самое поразительное в их шарашке — это отруктура. Она как скульптура: спицы, стержни, изгибы. Все это сходится в нужном месте, но, только отойдя немного, можно увидеть фигуру в целом. Мы все время смотрели с близкого расстояния, различали лишь отдельные части каркаса. А нам надо было несколько отступить назад... чтобы получить полное представление о том, что это такое...

— И что же это?

— Земной шар, я полагаю. Подумать только, что ваш брат совсем случайно впутался в это! — Он вскинул голову, взглянул на меня. — Можете себе вообразить, как они всполошились, узнав об этом: совершенно посторонний человек набрел на их произведение искусства, сначала отломил кусок, потом что-то согнул... словом, поработал на совесть. — Он энергично замотал головой. — Представляете, Купер, что значит для них эта структура?! А тут какой-то несчастный оукин сын в поисках своей идиотки сестрицы проникает к ним и поднимает шум. Тот еще мир, ничего не скажешь, а?

Казалось, Питерсон совсем забыл о том, что нам грозило. А мне, помимо прочего, ужасно захотелось в туалет.

— Кстати, а вы-то где пропадали? — спросил я.

— Выходил подогнать машину. Поставил ее у самого спуска, сказал тем недоумкам на стоянке, что не хочу оставлять ее среди других машин, могут, мол, двери поцарапать. Теперь она, голубушка, стоит почти у выезда со стоянки. Все говорит о том, что служители не предупредены о пас.

— Мне необходимо в туалет.

— Наверху.

Он пошел вместе со мной в вестибюль. Время близилось к полуночи, ручки реостатов перевели почти что в нижнее положение, значительно уменьшив силу тока, так что хрустальные канделябры едва светились. Слуги бесшумно сновали по комнатам, зажигая свечи в затейливо декорированных подсвечниках. Тени прыгали все неистовее — это суетливо, неумно, несмотря на поздний час, веселились гости. В мягком полумраке не столь отчетливо видны были морщины и лысины, зато ярче горели ордена и медали, а бриллианты сверкали при малейшем движении дам.

— Вон тот человек и есть ваш друг Сент-Джон? — Питерсон указал сигарой в сторону.

Я кивнул.

— Боже, какая мразь! — произнес он с нескрываемым отвращением. — Он весь облян пиццей. Ладно, мне с ним надо кое о чем потолковать. Вы ступайте, ищите туалет... А-а, вот и доктор Рошлер. Он выглядит все так же плохо. Это вызывает у меня беспокойство. Побеседуйте с ним при случае... — Питерсон говорил несколько рассеянно, наблюдая за Сент-Джоном, который, держа тарелку с закусками, болтал с молодой особой, длинные светлые волосы которой то и дело волочились по его салату. Питерсон потрепал меня по руке и неожиданно чихнул. — Вот что значит бегать раздетым в такой чертовский снегопад. В моей памяти вы всегда будете ассоциироваться со снегопадом.

Там, где лестница делала поворот, находилась обширная площадка размером с хорошую комнату, с тяжелыми портьерами по обеим сторонам высоких окон, терявшихся где-то в темноте под потолком. Свечи в массивных бра излучали теплый, мягкий свет.

Чувствуя от страха слабость в коленях, я присел на огромный старый диван у окна. На площадке стояли письменный стол, огромное кожаное кресло и книжный шкаф. Окно выходило в сторону длинного, машин на шесть, гара-

жа. Густо валил снег в слабом свете фонарей вдоль подъездной дорожки; на лужайке перед домом он лежал нетронутым, и казалось, что она покрыта толстым слоем белой глазури. Но мне некогда было любоваться всем этим — я искал туалет.

На втором этаже царило безмолвие — голоса и звуки не долетали сюда, что, впрочем, было неудивительно: зал, где собрались гости, находился слишком далеко. Здесь на стенах висели гобелены, на которых в полумраке с трудом можно было различить сцены охоты. Пляшущие по гобеленам тени оживляли их, и единственное, чего недоставало сейчас, — это визга и предсмертного хрипа зверя.

Дверь в туалет оказалась слегка приоткрыта. Он был огромным! душевая кабина, ванна, закрытая дверь, ведущая в спальню, унитаз, двойная раковина, биде, зеркало в человеческий рост и изобилие всякого рода полотенец. Я щелкнул выключателем, и по помещению разлился бледный розоватый свет.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я настолько успокоился, что начал различать доносившиеся до меня голоса, мужской и женский... Они раздавались из-за закрытой двери.

— Я спрашиваю тебя, что мне с тобой делать? Что? — Я узнал Бренделя. Он говорил по английски и, видимо, старался сдерживаться, поэтому голос его звучал сдвинутым. — Отвечай! — Он явно терпел поражение.

В голове у меня гудело. Я алкоголик, и Питерсон прав: мне надо протрезветь.

— Черт тебя подери, отвечай мне! Говори, чего ты от меня хочешь! — Он швырнул что-то об пол, и она в испуге вскрикнула:

— Не надо, Гюнтер, пожалуйста!..

Послышался звук удара и рыдание.

— Ты... тварь! — пробормотал он. — У тебя есть все: любовник, свобода, мое обожание... а ты ведешь себя как последняя шлюха. Позор! Подлая, растленная... — Он захлебнулся от ярости.

Потом все стихло, и я представил себе, как он, движимый сознанием своей вины, подходит к ней, обнимает ее, что-то тихо-тихо говорит, уткнувшись в ее волосы. Я слышал ее негромкие всхлипывания, которые постепенно перешли в странное хихиканье.

— Лиз... — испуганно произнес он.

— Не прикасайся ко мне! — крикнула она, неудержимо хихикая. — Берегись! Не то так врежу ногой! Педераст! Во-

нючий, старый педераст! — Хихиканье перешло в хохот. Это была совсем не та женщина, с которой я встретился в парке.

— В последнее время такое с тобой происходит слишком часто, Лиз. Я просто не знаю, что делать... Пожалуйста, переоденься, надень туфли и, бога ради, перестань позорить меня перед людьми. Можно подумать, что это доставляет тебе удовольствие.

— Разве это я позорю тебя? Ты сам себя позоришь... Это ты велел убить его брата?

— Что ты сказала?

— Это ты приказал убить брата Джона Купера? — Она чуть не задохнулась от смеха и рыданий.

— Он тебе сказал об этом? Ты говорила с ним?

— Разумеется. Я встречалась с ним в Английском парке. Он знает о тебе больше, чем знал его брат... если, конечно, все это правда.

— Ты цесешь чепуху. И как ты могла пригласить его в мой дом? Зачем, Лиз?

— Я отдала его тебе на растерзание. — В бокале звякнул кусок льда. — Он утверждал, что ты — злодей. Я сказала, что ты безвреден. Так как же? Кто ты на самом деле?

— Ты прекрасно знаешь, кто я, Лиз.

— Нет, я и понятия не имею об этом. Так же, как не знаю, кто я сама...

— Ты пьяна, Лиз. Или ты просто ненормальная.

— Нет, это ты ненормальный, Гюнтер. Ты лжец, убийца, гадкий извращенец... — Она намеренно завынчивала себя. — Ага, покраснел, стал совсем багровым! — Она громко расхохоталась.

— Замолчи!

— А пошел ты...

Он снова ударил ее. Я слышал, как она упала, и не мог унять дрожь в ногах.

— Я любил тебя, — сказал он. — А теперь готов вышвырнуть тебя вон. Мразь!.. — Он зарыдал.

Она дышала тяжело и хрипло. Я представил, как она лежит на полу, как из носа ее идет кровь. Она гнусавила, наверное, он перебил ей нос, и пыталась говорить, превозмогая боль, захлебываясь кровью:

— Зигфрид бьет сильнее, чем ты... — Голос оборвался, ее вырвало, и я мысленно увидел, как рвотная масса побежала по платью, пачкая его. Захлебываясь, Лиз пыталась что-то сказать, но рвота мешала ей.

— Боже, я любил тебя! — со стоном вымолвил он.

— А я тебя — никогда!

— А ты любила только себя.

— Нет, ошибаешься. Как всегда, ошибаешься. Себя я тоже ненавижу.

Послышался скрип, очевидно, он помог ей перебраться на постель. Теперь она уже плакала навзрыд.

— Оботри меня, — просила она, — пожалуйста! Я не могу выносить этот запах...

— Нет, он вполне тебе подходит, Лиз.

Услышав, как дверь за ним затворилась, я осторожно отодвинул щеколду и открыл дверь в спальню. От тусклого света настольной лампы в комнате лежали густые тени. Лиз скорчилась на кровати спиной ко мне, подтянув колени к подбородку. Запах рвоты мгновенно вызвал у меня ретроспективный кадр: Майло Киппюз лежит рядом с загаженным унитазом, медленно умирая в нечистотах. Я тихо закрыл за собой дверь, погасил свет в туалете, на цыпочках подошел к двери, ведущей в коридор, и чуть-чуть приоткрыл ее.

Брендель стоял на верхней лестничной площадке у перил, вцепившись в них обеими руками, слегка подавшись вперед, с поникшей головой, точно разглядывал складку у себя на брюках.

Потом он подошел к лестнице, начал спускаться. Я неслышно выбрался из туалета, пересек площадку и осторожно, крадучись вдоль стены, последовал за ним, моля бога, чтобы никто не обнаружил меня и не пристрелил так просто, ради забавы. Это был действительно сумасшедший дом. От страха почти протрезвевший, я притаился у гобелена. Здесь стояла тишина, и лишь где-то далеко внизу все так же пиликал струнный квартет. Брендель остановился в центре площадки, провел рукой по лбу. Пламя свечей играло на его твердом крахмальном воротничке и манжетах. Он бессильно опустился на огромный диван, уперся локтями в колени и обхватил голову ладонями.

Какое-то движение на ступеньках чуть ниже площадки привлекло мое внимание. Из полумрака показался высокий сутулый мужчина. Он неторопливо подошел к сидящему, должно быть, что-то сказал ему: Брендель медленно поднял голову и кивнул в знак того, что узнал его. Сутулый присел рядом с ним, положил руку ему на плечо, как бы утешая.

Это был Герхард Рошлер.

Связь этих людей казалась мне сейчас почти ощутимой: их связывало много общих дел и секретов, скрытых во мра-

ке десятилетий. Рошлер протянул ему сигару, вспыхнула спичка, за клубился дым. Я не мог разобрать ни слова, доносилось лишь едва слышное бормотание низких гортанных голосов, и мне подумалось, что было бы неплохо иметь в тяжелый момент вот такого доброго друга, который бы меня так же утешил.

Наконец Рошлер тяжело поднялся с дивана, тронул Бренделя за плечо. Брендель остался сидеть понурив голову, а Рошлер, я слышал, утешал его, точно рассказывал сказку на сон грядущий. Продолжая похлопывать Бренделя по спине, Рошлер медленно вынул левую руку из кармана пиджака. Он сжимал в ней какой-то предмет, но я не мог разглядеть, что это было. Потом Рошлер вытянул руку вперед, медленно поднес ее к виску Бренделя. Я наблюдал эту немую сцену, и вдруг до меня донесся звук, похожий на приглушенный кашель. Точно такой же хлюпающий звук я слышал в коридоре дома в Глазго, в темных недрах которого я разыскал тогда Алистера Кемпбелла. Я понял, что доктор Рошлер только что всадил пулю в голову Гюнтера Бренделя.

Брендель дернулся в сторону и осел в углу между спинкой и подлокотником дивана. Рошлер приподнял обмякшее тело и перевалил его через спинку. Прошло всего секунд тридцать с того момента, как раздался хлопок выстрела. Рошлер оправил пиджак, снова сел на диван, и мне был виден тлеющий в темноте кончик его сигары. Я стоял в полном оцепенении, прислонясь к гобелену, с которого умирающий кабан глядел на меня золотистыми глазами.

Рошлер встал с дивана и начал подниматься по лестнице, направляясь в мою сторону. Я даже почувствовал запах его сигары. Остановившись рядом со мной, он посмотрел мне в глаза. Казалось, во всем мире остались только мы одни.

— Вы видели? — негромко спросил он.

Я кивнул.

— Это должно было случиться. Слишком много на то причин. Возмездие — одна из них. Он так долго меня использовал, так долго шантажировал... Я был его другом, пока не пришел мой черед поквитаться с ним. Моя ненависть оказалась сильнее нашей дружбы.

— Можете ничего мне не объяснять, — с трудом проговорил я. Язык стал сухим, шершавым.

— Как хотите, но кое-что вам следует знать. Я убил его не по собственной прихоти. Это было не обычное убийство. Тут есть весьма тонкий нюанс... — Мы оба поверну-

лись к перилам, о которые незадолго до этого опирался Брендель, пытаясь взять себя в руки. — Это — политическое убийство. Вы понимаете?

Я туло покачал головой.

— Я — человек Айвора Стейнза в Мюнхене, мистер Купер. Действую согласно его инструкции. Он приказал мне найти вас и оказывать помощь. — Рошлер внимательно осмотрел свою сигару, прежде чем продолжать дальше. — И он дал мне понять, что открыться вам я могу только после выполнения задания. — Он вздохнул. — Теперь у меня легче на душе. Однако боюсь, нам с вами предстоит долгая бессонная ночь. Необходимо проявлять крайнюю осторожность.

Рошлер... У нас не было ни малейшего шанса предотвратить убийство Бренделя. Мы все время двигались наугад, на ощупь, как слепые котята.

— Встряхнитесь, Купер, — прогудел Рошлер. — Но так уж все плохо. Хуже, если бы вы были стариком вроде меня, когда уже ничего не нужно, ничего не страшно и почти ничего не осталось, ради чего стоило бы жить.

Мои мысли словно разматывались назад, подобно магнитофонной пленке, и я услышал голос Сент-Джона, который говорил, что я мало потеряю, если не доживу до утра. Нельзя было не признать: все философски относились к моей смерти.

— Ваш приятель Питерсон там, внизу. — Какое-то время Рошлер наблюдал за мной, точно опасался, что меня вот-вот хватит удар. — Спуститесь и разыщите его, мистер Купер, и приведите в комнату Лиз.

— Между ними только что произошла ссора. Я находился в то время в ванной и все слышал.

— Да, я знал о ссоре, он рассказал мне. Он безумно переживал и, пожалуй, даже хотел умереть в ту минуту. Он действительно любил ее. Ну да ладно, пойду поговорю с Лиз, надо сообщить ей, что произошло. — Он уже хотел идти, но помедлил: — Надеюсь, вы понимаете, что Стейнз оказался прав: Бренделя было необходимо обезвредить.

— Обезвредить? Что вы имеете в виду?

— Я сам толком не знаю, мистер Купер, но что-то должно произойти, что-то очень... важное. Правда, я не уверен, помешает ли этому смерть Бренделя... А теперь я должен заняться Лиз.

Оставшись один, я чувствовал себя на грани обморока, но какая-то сила неудержимо тянула меня к дивану. А что,

если он все еще жив? Я ничего не мог с собой поделать, встал коленями на диван и перегнулся через спинку: Брендель лежал скрюченный, в неестественной позе, едва различимый в темноте.

— Что, скажите на милость, вы тут делаете? Блюете у окна?

Это был Питерсон. Не кто иной, как Питерсон всегда появлялся в подобные минуты. Он заглянул за спинку дивана.

— Боже мой, — прошептал он, — там... труп...

— Наш хозяин, — ответил я. — Агент Стейнза добрался до него минут пятнадцать назад. Я все видел.

Питерсон снова взглянул на труп:

— Кто его убил?

— Рошлер.

— Он — человек Стейнза?

Питерсон отказывался в это верить. Мои слова с трудом доходили до его сознания.

— Да. Он сам мне признался.

— И он застрелил его прямо здесь, на диване?

Я кивнул.

— Ловок сукин сын, — прошептал он.

— Он сейчас наверху, у Лиз. Велел мне найти вас и привести туда.

— А я, как всегда, застаю вас в обществе очередного мертвеца. — Он испустил продолжительный вздох. — В таком случае, я думаю, надо пойти к нему. Но мне начинает хотеться, чтобы эта возня приостановилась хоть на минуту. — Кивком он указал на диван: — Представляете, его никто не найдет, пока не учуют запах.

Он рванулся вверх по лестнице, оскалив зубы. В этот момент он напомнил мне киноактера Хэмфри Богарта.

Лиз сидела перед трюмо. В комнате все еще стоял запах рвоты, который не заглушали даже ее духи. У ее ног лежало мокрое полотенце. Рошлер сидел в плетеном кресле. Мы остановились в дверях. Никто не двигался. В тишине под порывами ветра поскрипывали оконные рамы.

На ней были широкие брюки и бюстгальтер — тонкая белая полоска поперек худой, хрупкой спины. Она наклонилась, подняла свитер, натянула его через голову, завернула ворот на шею. Ее парик лежал на смятой постели как дохлая крыса. Черное платье было наполовину засунуто в мусорную корзину. Широким гребнем она водила по волосам, спадавшим ей на лицо.

Наконец она встала, обернулась, вновь превратившись в

женщину, с которой я виделся в парке. Ее серые глаза встретились с моими, и она, облизнув сухие губы, произнесла хриплым, каким-то заржавевшим голосом, точно в горле у нее все пересохло:

— Привет, Джон. — Взглянула на беспорядок в комнате, беспомощно пожала плечами: — Не знаю, что и... — Она с трудом сглотнула, издав звук, похожий на щелчок. — Извините за... — Снова пожала плечами, одной рукой подняла с пола полотенце, другую вытянула вперед и, поочередно опираясь о различную мебель, чтобы не потерять равновесия, медленно направилась в ванную.

Когда она проходила мимо меня, я ощутил тот самый запах: Брендель сказал, он ей подходит, это были его последние слова жене. Лицо Лиз покрывала жуткая бледность, нижняя губа была рассечена посередине, нос разбит на переносице, воздух со свистом вырывался из ноздрей.

— Извините, — повторила она, медленно проходя мимо Питерсона, и скрылась в ванной, оставив дверь слегка приоткрытой.

— Вы ей сказали? — спросил я.

— Я сделал ей укол, ввел сильное успокоительное, — ответил Рошлер. — Сказал, что Брендель мертв, этого пока достаточно. Она сейчас находится под воздействием лекарства, однако мое сообщение исподволь фиксируется у нее в мозгу. Но она слишком измучена, чтобы как-то реагировать. — Он встал, посмотрел в окно. — Скоро она полностью осознает, что в ее судьбе произошла резкая перемена, а успокоительное поможет ей справиться с этим.

— А она не уснет? — спросил Питерсон, поглаживая усы.

— Нет, пока мы будем тормошить ее. За последние двенадцать часов она приняла массу лекарств, чтобы как-то взбодрить себя и выдержать напряжение. Она провоцирует столкновения между заинтересованными сторонами, абсолютно не щадя себя, а вообще-то ей безразлично, кому она причинит страдания, лишь бы удовлетворить свое болезненное любопытство. — Заметив на наших лицах замешательство, он отвернулся к окну и стал расправлять складки на портьерах. — Все это может не понравиться вам, но вы должны постараться понять, что она не похожа на нас с вами, она одержима поисками собственного «я». Ввиду этого ее поведение непредсказуемо... то есть наперед о ней можно сказать только, что психика ее неустойчива, что сама она абсолютно безразлична к последствиям своих поступков и в своих действиях не видит ничего дурного. Она безжалост-

на к себе, но у нее нет жалости и ни к кому другому. Ей просто на все наплевать. Она одержима лишь желанием выяснить, в чем заключается смысл ее жизни... Теперь к делу, господа. Надо как-то вывести вас отсюда.

— Мне начхать, полоумная она или нет, — проворчал Питерсон, — но она пойдет с нами. Обнаружив тело своего хозяина за диваном, кое-кто из этих людей придет в ярость. Есть шанс, что его жена может оказаться для нас своего рода страховым полисом. Ведь она нужна была обоим сторонам — и Бренделю, и Зигфриду, верно я говорю?

— О да, несомненно. Вы правильно делаете, намереваясь захватить ее с собой. К тому же какое имеет значение ее похищение в сравнении с другими вашими преступлениями?

— Какими «другими преступлениями»?

Рошлер печально улыбнулся:

— Убийство Бренделя, например. Ясно, что именно вас обвинят в этом. Никому и в голову не придет, что застрелил его я, не так ли?

— Так или не так, но эта сумасшедшая дамочка поедет с нами! — отрезал Питерсон.

— Я не сумасшедшая, мистер Питерсон. — Лиз стояла в дверях, опершись о косяк. — Я безумно устала, но я не сумасшедшая.

Я проводил ее через комнату и усадил в кресло.

— Спасибо, Джон. — Глаза ее были закрыты, лицо в синяках и ссадинах, слова с трудом слетали с распухших, пересохших губ. Она сложила руки на коленях, ее ресницы слегка трепетали. Я стоял рядом, глядя на нее. Она откинулась на спинку кресла, тяжело дыша. Питерсон и Рошлер тихо переговаривались в другом конце комнаты.

— Я хочу пить... Джон, пожалуйста, принесите мне воды. — Она открыла глаза, но не могла ни на чем остановить взгляд. Положила руку на сердце, словно желая убедиться в том, что она все еще жива. Я поднес стакан к ее рассеченным губам, но она не открыла рта, и вода потекла по подбородку. Я взял салфетку, стал промокать воду с лица, потом окунул в стакан пальцы и смочил ее рассеченную запекшуюся губу. Лиз была почти без сознания. Я вспомнил прикосновение ее губ к моей щеке там, в парке, снежинки, упавшие ей на лицо.

Питерсон уже стоял рядом с нами, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

— Сейчас уходим, — сказал он. — Спустимся по лестнице, пройдем вестибюль и выйдем через парадную дверь.

Рошлер говорит, что сможет провести нас мимо верзил у входа. Если ему это не удастся, немало людей пострадает. А эту чокнутую мы возьмем с собой как заложницу. Она — наш пропуск на выход из этого сумасшедшего дома. Теперь поднимайте ее, и мотаем отсюда. — Он подошел к двери и выглянул в коридор.

Рошлер достал из шкафа дубленку для Лиз.

— Ей нельзя переохлаждаться, — сказал он. — Ее организм сейчас практически лишен всякой сопротивляемости.

Питерсон снова подошел к нам, щелкнул пальцами:

— Пошли, пошли, кончайте эту волюнку! Слава богу, что горят только свечи, никто не разглядит как следует ее лицо. Мама родная, у нее такой вид, будто она только что провела четверть часа со Шведским ангелом¹. Рошлер, вы возьмете наши пальто, не можем же мы выйти в такую метель без верхней одежды.

Мы спускались по лестнице, Питерсон шел впереди. Рошлер замыкал шествие. Потом он отошел в сторону, чтобы взять наши пальто, а мы продолжали идти к выходу вдоль стены, на которой едва горели канделябры, и остановились только неподалеку от двери. Громилы преградили нам путь. С ними был Зигфрид, он следил за каждым нашим движением. В полумраке его белокурые волосы казались тусклыми. Со всех сторон лениво проходили люди, утомленно смеялись, переговаривались, выстраиваясь в очередь за своими манатками. Было уже около часу ночи.

Подошел Рошлер, держа в руках пальто. Помог мне одеться, одновременно пытаясь прикрыть собой Лиз. Пока я засовывал руки в рукава, она стояла между нами, и я вновь ощутил запах ее духов. Питерсон натянул пальто и повернулся к Рошлеру:

— Порядок, валяйте!

Рошлер направился к выходу, а мы следом за ним.

Зигфрид сдвинулся с места, прошел мимо Рошлера и остановился перед Лиз и мной.

— Куда ты, Лиз? Где Гюнтер? — спросил он высоким голосом. — Вы останетесь здесь, — сказал он мне.

Рошлер стоял у выхода и что-то говорил охранникам. Вид у него был обеспокоенный. Он жестом указал на нас, и охранники посмотрели в нашу сторону. Один из них, нахмурившись, отрицательно покачал головой, Питерсон тем

¹ Кличка американского борца.

временем подталкивал нас вперед, прямо на Зигфрида, на лице которого отразилась тревога.

— Вы не уйдете отсюда! — сказал он. Голос его из высокого стал пронзительным, и какая-то пожилая пара обратила на нас внимание. — Лиз, — повторил он настойчиво, — где Гюнтер?

Терпение у Питерсона лопнуло. Он протянул руку из-за моей спины так, чтобы не было видно окружающим, схватил Зигфрида за жилет и притянул его к нам вплотную, улыбаясь ему прямо в лицо.

— Сгинь! — прошипел он. — Понял? Убирайся отсюда! Мы уходим. Она идет с нами, и если поднимешь шум, то первым получишь пулю.

Питерсон с силой двинул Зигфрида в скулу, и тот с широко открытым ртом, задыхаясь, отпрянул назад.

Мы были уже у двери, когда Рошлер обернулся с выражением растерянности на волевом лице. Ничего не получилось. Нас не хотели выпускать. Мы стояли, не зная, что делать.

— Эти типы понимают по-английски? — спросил Питерсон.

Рошлер кивнул. Зигфрид стоял, прислонившись к стене, видимо, раздумывая, что делать дальше. Кроме Питерсона, никто толком не понимал, что происходит.

— Я переговорю с ними, — сказал он.

Мы сгрудились в кучку. Питерсон уставился на трех молодцов, застывших у выхода. Я слышал каждое его слово, поскольку он говорил медленно и отчетливо:

— Если мы сейчас же не выйдем через эту дверь, четверо умрут в течение двух секунд. Я прикончу вас троих, а мой друг, — указал на меня, — убьет фрау Брендель. Нам терять нечего. Вы же можете купить себе жизнь, выпустив нас отсюда. Если вздумаете нас преследовать, фрау Брендель придет конец. Решайте, дело ваше.

Питерсон жестом показал мне на выход. Я повел Лиз к двери, Рошлер распахнул ее перед нами. На улице было холодно, по-прежнему падал снег.

Лиз повернула ко мне лицо, заслонившись рукой от ветра. Было скользко, и мы шли мелкими, осторожными шажками. Я не знал, что происходило за нашей спиной, просто продолжал идти к стоянке. Где же, черт возьми, наша машина?

Наконец я оглянулся. Рошлер, Питерсон и трое охранников шли следом за нами — Рошлер впереди, Питерсон сзади, а трое молодцов между ними, точно под конвоем.

Служащие на стоянке двинулись было навстречу нашей процессии, но тут же остановились: Питерсон, подойдя к ним, потряс ключами и сказал:

— Наша машина — с краю.

Они повернули назад, в свою будку, к теплу и сигаретам, не обращая на нас больше никакого внимания, а Питерсон крикнул мне:

— Купер, она здесь, слева от вас, первая в переднем ряду!

Все семеро, включая трех легко одетых, дрожащих от холода охранников, стояли у машины, дожидаясь, пока Питерсон откроет передние и задние дверцы. Внутри вспыхнули лампочки. Когда он повернулся к нам, я увидел в его руке пистолет с насадкой на конце ствола.

— Рошлер, садитесь сзади, быстрее!

Рошлер, сторбившись, неуклюже забрался на заднее сиденье.

— Купер, грузите ее рядом с ним! — Пистолет Питерсона был направлен в сторону мужчин, которые переступали с ноги на ногу, терли побелевшие руки.

— Если вы начнете преследовать нас или попытаетесь помешать нам, фрау Брендель умрет. Ясно?

Все трое согласно закивали.

— Возможно, вы думаете иначе, — продолжал Питерсон. — Поэтому, прежде чем совершить большую ошибку, разыщите герра Бренделя и спросите, что вам делать. Герр Брендель сам все вам объяснит. Усекли? А теперь давайте попрощаемся. Улыбнитесь нам широкой, открытой улыбкой. Ну, что же вы стоите? Давайте улыбнемся все вместе! — Он повел пистолетом. — Улыбайтесь. Видите, я тоже улыбаюсь! — И он по-волчьи оскалил зубы.

Дрожа от холода, они попытались изобразить улыбку.

Питерсон по-приятельски хлопнул одного из них по плечу.

Держась за дверь, чтобы не упасть на обледенелом снегу, я залез в машину. Он захлопнул за мной дверцу. Нажав кнопку, я опустил стекло.

Питерсон, наслаждаясь своей властью, передал мне пистолет:

— Держите их под прицелом. Они должны помахать нам на прощание.

Он осторожно обошел машину спереди, быстро сел за руль и включил мотор. Перегнулся через мои колени, помахаив им рукой.

Они пятились, махая в ответ,

— Проклятые недоноски! — выругался он. — Ничего, вам предстоит веселенькие минуты. — Он прыснул в темноте. — На заднем сиденье лежит бумажный пакет, Купер. Возьмите его и достаньте мне оттуда леденец. — Он тяжело вздохнул. — Не стесняйтесь, возьмите себе тоже. Отпразднуем удачу.

По пути в Мюнхен Рошлер рисовал нам картину ближайшего будущего. Во-первых, пройдет немало времени, прежде чем обнаружат труп Бренделя. За это время мы сумеем скрыться тем же маршрутом, каким в свое время уехал мой брат. То есть мы поедем на юг, затем через Альпы к затерянному в глуши старинному замку.

Во-вторых, ни тени подозрения не должно пасть на него самого, а посему он предложил такую версию: убив Бренделя, мы похитили его, чтобы беспрепятственно осуществить побег. Завтра утром экономка Рошлера найдет его привязанным к кровати.

В-третьих, нам предстоит остаться в замке до тех пор, пока мы не получим от него весточки.

— Что касается вашего дальнейшего передвижения, — продолжал Рошлер, — то мне нечего сказать. Смерть Бренделя вызовет у них замешательство, но лишь на короткое время. Они получали свои инструкции от него, но незаменимых людей нет, даже если они лидеры. Возможно, его место займет Альфред Котман или... сделает ход конем Зигфрид. — Он шмыгнул носом, высморкался. Лучи фар неуверенно прощупывали клубящиеся тучи снега. — Заранее предсказать поступки Зигфрида трудно. Он человек молодой, неуравновешенный, но мы не знаем, какая сила стоит за ним, какую финансовую поддержку он получает и откуда. Совершенно определенно — не из Мадрида. Я вообще сомневаюсь, не развалится ли его организация после смерти Бренделя. Без Бренделя жизнь с ее суровой действительностью покажется Зигфриду куда сложнее и труднее, чем он представлял себе. Меня не на шутку беспокоит, какую реакцию все эти события вызовут у него.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я предполагаю, что, проанализировав сложившуюся обстановку, он поймет, что Брендель был его главной опорой и поддержкой. Сообразив это, он может прибегнуть к последнему средству — Лиз Брендель, вдове великого человека. Возможно, он любит ее, возможно, нет — он очень современный молодой человек, и я затрудняюсь сказать, способен ли он вообще на какие-либо чувства, — но он может воспользоваться ею, чтобы сделать из нее своего рода

символ. Если он сумеет разыскать Лиз, то возомнит, будто с ее помощью сможет восстановить свой престиж. Конечно, он понимает, что Котману не до него, а старая хитрая лиса Сент-Джон состоит в лагере Котмана. Не исключено, что они и сами попытаются избавиться от Зигфрида и Лиз, чтобы укрепить свое положение. Зачем, собственно, им Лиз и Зигфрид? У них свои планы, и пусть гибнут люди, а они все равно будут двигаться к намеченной цели. Может, Зигфрид догадывается, что они его естественные противники. Если это так, то он либо скроется, либо попытается заполучить Лиз и предстать в глазах единомышленников героем, новым Зигфридом, которого много лет ждала Германия. — Прикрыв рот рукой, Рошлер чихнул.

Питерсон отыскал узкую улочку, где жил Рошлер, и тот велел ему свернуть в переулок, пересекавший аллею позади дома.

Лиз шла нетвердой походкой, слегка покачиваясь, но все же одолела узкую заснеженную тропку и вошла в теплую кухню, где пахло чем-то сладким. Она что-то невнятно бормотала, в ее покрасневших глазах стояли слезы. Я провел рукой по ее волосам, надеясь утешить ее. Питерсон мрачно наблюдал за мной. Под носом у Лиз заеклась кровь, пятнышками застыла на белых меховых отворотах. Я сел, глядя на нее, голодный, усталый. В глаза будто песку насыпали.

Должно быть, я задремал, потому что вдруг почувствовал, что Питерсон трясет меня за плечо.

— Пора, Джон. Мы поменяли номера на машине. Надо двигаться. Здесь оставаться небезопасно. — Он стал натягивать перчатки. — Все вещи уже в машине.

Лиз без сил повалилась грудью на стол, Рошлер стал приводить ее в чувство. В комнате пахло кофе. Питерсон плеснул в кружку коньяк, протянул ее мне. Я глотнул — коньяк обжег язык.

— Прощайте, мистер Купер, — сказал Рошлер, крепко пожимая мне руку, и с достоинством поклонился.

Питерсон передал мне ключи от «мерседеса».

— Забирайте свою ненормальную сестрицу и садитесь в машину, — сказал он, скорчив мину, а сам вышел из кухни вслед за Рошлером, и я услышал, как они поднимались по лестнице.

Я усадил ее на заднее сиденье, завел машину, включил отопление, снова вылез и пересел к ней. Она беспомощно прильнула ко мне, и я обнял ее. Но стоило мне начать

думать о ней, как перед глазами сразу возникал Рошлер с приставленным к виску Бренделя пистолетом.

Я слышал, как с крыльца спустился Питерсон. Сев за руль, он обернулся к нам:

— Все в порядке! Тронулись.

Около четырех утра мы сделали остановку в Бад-Тольце. Ветер гнал по пустынным, слабо освещенным улицам мелкий сухой снег. Мы вышли, чтобы размяться, оставив Лиз, устроившуюся на заднем сиденье. Питерсон сжимал и разжимал пальцы, занемевшие от длительного вождения.

Было прохладно, но прохлада бодрила. Мы укрылись в каком-то подъезде.

— Не представляю, как вам удалось вывести нас из дома Бренделя, — сказал я.

Он смахнул снежинки с усов, поднял воротник. Ветер мел снег вдоль улицы, вадымая вихри, похожие на призраков.

— Все дело в средстве, и ни в чем ином. Охранникам было велено нас задержать. Однако, когда мы сказали, что попытка задержать нас может стоить им жизни, этим верзилам пришлось выбирать. — Он шмыгнул носом, хлопал руками, чтобы разогнать кровь. — Когда человеку предоставляется выбор между жизнью и смертью, в большинстве случаев он предпочитает первое. Решающим средством было, конечно, оружие. Всегда необходимо чем-то подкреплять свои угрозы. Если бы мы просто сказали: выпустите нас, не то мы измордуем вас своими кулачишками, — тогда нам был бы каюк. Тогда они скормили бы нас собакам.

Он направил «мерседес» напрямик через город — мутное пятно позади вьюжной мглы.

— Судя по карте Рошлера, нам надо свернуть с шоссе, вернуться назад, подняться в горы и остановиться почти что у австрийской границы в Альпах. Там нас никто не найдет.

Мы находимся где-то на полпути. Замок, в который мы направляемся, принадлежит Бренделю, но сейчас там никто не живет. По словам Рошлера, рядом есть убогая деревушка, дальше проехать невозможно, и до замка нас поведет человек по имени Линдт.

Рассвет наступил быстро, и даже в такое мутно-серое утро, как это, все вокруг — и серо-белые глыбы скал, и бесконечные снежные вершины, устремленные ввысь, постепенно теряющиеся в метельной пурге, бушующей где-то

на заоблачных горных перевалах, — сразу начало приобретать четкие очертания.

Теперь чаще попадались дорожные указатели. Едва различные, они торчали над сугробами.

Мы уже ехали где-то между Бад-Тольцем и Гармиш-Партенкирхеном. Здесь находились многочисленные лыжные базы. Глядя на эти места из машины, трудно было поверить, что кто-то отважится кататься тут на лыжах: казалось, стоит человеку лишь просто съехать по склону — и он навсегда исчезнет в снегу.

Небольшой приземистый замок внезапно возник впереди нас, и Питерсон, вздохнув с явным облегчением, заметил: «Вот он. Слава богу, приехали». Он выбросил в окно леденец и, резко затормозив, так что машина пошла юзом, остановился перед одним из строений, притулившихся у стен замка. Подбежав к дому, он постучался в дверь, украшенную резными пряничными завитушками по всей раме. Дверь тотчас открылась, и он нырнул внутрь.

Я разбудил Лиз. Она проснулась и, как ребенок, начала тереть кулачками глаза и тихонько хныкать тоненьким голоском. В первую секунду в глазах ее мелькнул ужас, потом она узнала меня.

— Джон, — произнесла она медленно, словно училась говорить заново, — пожалуйста, мне нужно в туалет.

Я помог ей дойти до дома и подтолкнул внутрь. Питерсон разговаривал с седым бородатым мужчиной лет пятидесяти, в рубаше в красно-черную крупную клетку. Ветер свистел в большом законченном камине с тлеющими углями.

— Герр Линдт согласен сопровождать нас до замка. Говорит, что у него есть взятые напрокат снегоходы, но в санях ехать удобней и теплее. Все равно мы не сможем везти эту чокнутую на снегоходе.

Вернулась Лиз, и в туалет отправился Питерсон. Лиз взяла мою руку и, улыбаясь, поднесла к своему лицу.

Линдт подбросил полено в кухонную печь и вышел, чтобы подготовить сани к поездке. Лиз пила кофе из огромной выщербленной глиняной кружки. Вернулся Питерсон, теперь в туалет отправился я. Интересно, помпила ли она, что ее муж мертв? Чудище вчерашнего вечера вновь превращалось в златокудрую красавицу.

— Вылезайте скорее! — загремел Питерсон, барабанив в дверь туалета. — Пора.

Он уселся впереди рядом с Линдтом. Мы с Лиз по уши зарылись в одеяла. До нас доносилось фырканье лошадей,

шипение полозьев и шорохи ветра. Ее волосы касались моего лица. Она слегка приподняла голову. Щечки ее были свежие, темные очки скрывали синяк под глазом. Она улыбалась. Рот был широкий, дразнящий. Я поцеловал ее, но губы ее оставались неподвижными, и я понял, что совершаю ужасную ошибку.

Не знаю, сколько раз я прижимался ртом к ее губам, сколько раз мне хотелось, чтобы она ответила на мои поцелуи. Но она не отвечала, а я продолжал касаться губами ее лица, рассеченной губы, синяков, снежинок на лбу.

Но вот сани остановились. Линдт и Питерсон слезли и, отдуваясь и проваливаясь, стали пробираться по глубокому снегу. Мы тут же последовали за ними. Замок был опоясан балконом и выглядел как на фотографии в путеводителе. Я выпрямился, и глазам моим открылась потрясающая панорама за линией елей: далеко внизу лежало озеро, солнечные лучи играли на сером льду и снегу. Над озером, стиснутым горами, нависали огромные сугробы и ползли клочья тумана. Оно было прекрасно, как на картинке, и мне вдруг подумалось, что Гюнтер Брендель никогда больше не увидит его.

Я помог Лиз приподняться, чтобы и она могла полюбоваться, но она лишь пожала плечами и опустила глаза:

— Неужели я твоя сестра, Джон?

В огромном, на полстены, кирпичном камине полыхал огонь, согревая просторное помещение. Света не было. Линдт таскал дрова из сарая, а Питерсон тем временем открыл несколько банок с тушенкой и консервированным хлебом и теперь готовил еду на плите, работавшей от баллонов с газом. В комнате было тепло, и мы сбросили пальто. Лиз свернулась калачиком на диване возле камина, укрыв ноги дубленкой и держа в руке фужер с коньяком. Линдт принялся носить дрова наверх, в спальню. Трудно было поверить, что мы совершаем вовсе не увеселительную прогулку.

Питерсон услышал, как я вошел, и сказал, не оборачиваясь:

— Деликатность — это то, что мне совсем не свойственно, Купер. Вы уже могли убедиться в этом, не так ли? Правильно я говорю?

— Правильно. Вы человек бесчувственный, и я сожалею об этом. Но у вас есть и хорошие качества.

— В таком случае, позвольте поговорить с вами начистоту. У этой дамочки, с которой вы всю дорогу обнимались и целовались, есть два больших недостатка, это совер-

шенно ясно. Первый — она может оказаться вашей сестрой. Второй — она психически неполноценная. Вы согласны?

— Вопрос в том, какое вам до всего этого дело...

Он резко опустил деревянную ложку с длинной ручкой в кастрюлю с едой.

— Умников, которые суют нос в чужие дела, Купер, никто не любит. — Он бросил в кастрюлю щепотку перца. — Поэтому я советую вам как мужчина мужчине: подумайте хорошенько, прежде чем путаться с этой полоумной вдовой. Вот и все. — Он повернулся и посмотрел мне в лицо. — Это я говорю вам как друг. Вам надо оставить ее в покое. Обращайтесь с ней как со своей сестрой. В противном случае, Купер, быть беде, притом очень большой.

— Поймите, мне очень трудно справиться со своими чувствами... Я совсем не хотел этого.

— По ее милости вам будет еще хуже, поверьте мне.

— А если я скажу, что ничего не могу с собой поделать?

— Я вас пойму, по мне будет очень жаль, потому что в данный момент независимо от того, что она для вас значит, она стоит последним номером в моем перечне неотложных дел. — Он вздохнул, провел рукой по щетине на подбородке. — Вы хороший малый, Купер, но несколько навязчивый. Мне хочется, чтобы вы выпутались из этого кошмара. Что касается ее, мне безразлично, доживет она до завтра или нет.

Появилась Лиз, подошла к кухонному столу, мы уселись и молча принялись за еду, до доннышка выскребая миски.

Потом Лиз уснула на диване. Какое-то время я сидел в глубоком кресле, глядя на нее и вспоминая, как совсем недавно своими глазами видел, что случилось с ее мужем.

После обеда Питерсон поднялся наверх, а когда наконец спустился, лицо его было выбрито, усы аккуратно подстрижены, а сам он был облачен в толстый свитер с высоким воротом и джинсы — все эти вещи лежали в наших сумках, которые Линдт добросовестно перегрузил в сани из багажника «мерседеса». Выглядел Питерсон достаточно свежим. На его согнутом локте лежали две винтовки, вынутые из шкафа на балконе, обе с оптическим прицелом. В руке он держал коробку с патронами. Он сел за длинный стол на козлах рядом с диваном, где спала Лиз, положил винтовки поперек стола и начал проверять их. Я не стал спрашивать, зачем он это делает.

Потом я заснул, а когда проснулся, уже стемнело. Лиз все еще спала, лежа на боку, слегка приоткрыв рот и вытянув руку к огню.

Я прошел в кухню. Питерсон поднял голову, взглянул на меня.

— Тушенка, — сказал он. — Должно быть, Брендель обожал тушенку. Ее тут такой запас, что хватит прокормить весь четвертый рейх. — Он бросил мне штопор: — Открывайте вторую бутылку.

— А как же Лиз?

— Пусть спит.

Крайне утомленные, мы ужинали молча. У Питерсона начался сильный кашель, и он выложил перед собой на столе кучу таблеток.

— Как по-вашему, ничего, если я запью их вином? — Он взял пилюли, помешал в ладонях, как кости. — Рошлер дал их мне от ангины, простуды и начинающегося воспаления легких.

Немного позже мы отнесли миску тушенки Лиз, потом все троим сидели при свете камина и беседовали. Питерсон держался с ней весьма корректно, и она вела себя вполне нормально. Мы не упоминали о прошедшем вечере, как будто его и не было вовсе.

Мы с Питерсоном курили сигары Бренделя и потягивали его портвейн, сонно глядя на огонь камина. Наконец Лиз взяла свечу, пожелала нам спокойной ночи, поднялась по лестнице и скрылась в одной из спален. Я смотрел ей вслед.

— Как по-вашему, долго нам придется ждать? — спросил я.

Питерсон пожал плечами:

— Кто знает. Может, до завтра, может, до послезавтра, если сюда вообще возможно добраться. Мне проще было бы ответить на ваш вопрос, если бы я знал, кому доверять.

— Что вы этим хотите сказать? Что мы — хорошие люди, а они — плохие?

— Кто «мы» и кто «они»? Все, что нам известно, мы знаем с чужих слов. Что-то рассказал вам Сент-Джон, что-то сообщили Котмап, Алистер Кемпбелл, Айвор Стейнз, Рошлер, Лиз... Каждый рассказывал нам что-то свое. Но какой черт может сказать, кто из них говорит правду, а кто лжет? Мы только и слышим: какой-то план, близкий к завершению; депьги в Мадриде; загадочные подводные лодки; планы захвата мира; какая-то группа заговорщиков под названием «Шпинне».

Меня больше всего интересует одно: если это нацистское предприятие действительно настолько широкое, мощное и опасное, то почему никто — ни ЦРУ, ни русские, ни кто-либо другой — до сих пор не раскрыл его и не положил этому конец? Почему Сирил? Почему мы с вами? Мы же не разведчики, Купер, мы случайные люди. Ни вы, ни я ничего подобного не искали — мы натолкнулись на это ненароком. И самое большое мое желание — поскорее из всего этого выпутаться. Но нам этого не позволят. Пренеприятная ситуация. Вот что значит случайность.

— Именно случайности! Может, этим все и объясняется? Трудно заранее предусмотреть случайности.

— Разумеется. Но мы как раз и проникли к ним случайно. Но, черт меня дерь, почему они не взяли и просто не убили вас? Или нас обоих? — Полено в камине рассыпалось, взметнулся целый оноп искр.

— Надо полагать, кому-то там наверху мы очень приглянулись.

В трубе завывал ветер.

— Сдается мне, ваша догадка правильна, — сказал Питерсон. — Кто-то оберегает нас.

Когда я проснулся, стояла кремешная тьма. Чей-то голос звал меня, но я ничего не соображал. Наконец окно в моих глазах приняло четкие очертания, языки пламени в камине обрели контуры, запах тлеющих головешек стал осязаемым, и это оживило мою память. Я взглянул на склоненную надо мной фигуру со свисающими прядями волос. Это оказалась Лиз. Она говорила по-немецки и была, похоже, на грани истерики. Полы ее дубленки распахнулись, и мех касался моего лица.

— Что случилось?

Она вся дрожала, стоя босиком на полу и зябко кутаясь в дубленку.

— Я проснулась, никого нет. Не знала, где я. Позвала Гюнтера, но потом поняла, что одна, и начала плакать. Мне показалось, что снаружи кто-то ходит. — Она всхлинула. — Я думала о Гюнтере. С ним все в порядке? Кто-то сказал мне, что он умер, а может, мне это приснилось во сне. В голове все перемешалось, я так устала. Проснулась и никак не могла вспомнить, как сюда попала. Кто-то ударил меня. Гюнтер, наверное... Затем мне сказали, что он убит. — Она пристально посмотрела на меня.

Я чиркнул спичку из коробка, что лежал на тумбочке

у кровати, и зажег принесенный вечером из кухни огарок свечи.

— Где он? Пожалуйста, скажи... Джон.

— Он мертв, Лиз. Его убили у вас на вечере.

— Твой брат тоже убит. Да?

— Да, и он тоже.

— Что же нам делать?

— Не знаю.

Она снова всхлинула, дотронулась до губы:

— Впрочем, людям, по-видимому, все безразлично. Как по-твоему?

— Мне было совсем не безразлично, когда я нашел брата мертвым. Теперь боль утраты немного утихла... Мне очень хотелось найти тебя.

Она смотрела на меня широко открытыми глазами, взгляд ее казался отрешенным.

— Я должен был найти тебя, — продолжал я. — Если ты моя сестра, ты мне дороже всех на свете, и я не остановился бы ни перед чем, пока не нашел бы тебя. — Я потянулся и взял Лиз за руку. Боже, кто же все-таки она?

— Зачем? — вяло спросила она. Ее холодная, безжизненная рука лежала в моей. — Я не знаю, кто я, не знаю, почему я здесь, а мой муж убит. — Она словно осела внутри своей тяжелой дубленки. — Ты целовал меня в санях... Стоило ли?

— Не знаю.

— Ты рад, что нашел меня?

— Не знаю.

— Зачем ты разыскивал меня? Был ли смысл?

— Моего брата убили. И у него была твоя фотография.

— Значит, какой-то смысл все-таки был...

— Ты моя сестра?

Слезы повисли у нее на щеках, точно сосульки.

— Наверное, этого я никогда так и не узнаю...

— Если ты моя сестра, все было не зря...

— Почему ты мог целовать свою сестру... так? — Она, не отрываясь, следила за пляшущим язычком пламени свечи.

— Я ничего не мог с собой поделать, только и всего.

— Значит, ты хочешь меня?

— Да... не знаю, Лиз.

Она откинула плед, забралась в постель и вытянулась рядом со мной, холодная как лед, трясущаяся, оцепенелая. Во мне не было желаний. Я смотрел ей в лицо, бледное, неподвижное. Глаза ее были устремлены в потолок — широко

открытые, застывшие, точно на мраморной статуе. Она лежала как труп, обессиленная, безжизненная. Я нагнулся над ней, почувствовал прикосновение ее обнаженной ноги, ее дыхание на своей шее. Задул свечу. Все было напрасно. Я поцеловал ее в холодные, мертвые губы, провел рукой по бедрам — кожа была нежной, бархатистой. По ее телу пробежала дрожь.

— Ты была права, — сказал я наконец.

— Что ты имеешь в виду? — она говорила со мной точно откуда-то издалека.

— Это не имеет никакого смысла.

Мы спали, не касаясь друг друга. Будто мы уже умерли и понимали это, лежа в полном сознании в гробу и слыша, как лопатами бросают на нас землю. Я слишком устал, чтобы звать на помощь.

Когда я проснулся, еще стояла глубокая ночь. Лиз уже не было. Я поднялся с постели, натянул брюки и рубашку и сел у огня, закутавшись в плед. Потом подошел к окну. Над горами в появившихся между облаками просветах висела луна, похожая на медную монету. Снег ложился на землю ровным белым покрывалом. Внизу, за деревьями, виднелось озеро, похожее, как и луна, на монету.

Мой «ролекс» показывал пять часов утра. Я попытался мысленно как можно точнее в хронологическом порядке восстановить события последних тридцати шести часов. Мы выехали из Мюнхена в горы ровно сутки назад, ночью. Экономка Рошлера должна была найти его в то же самое утро несколько позже, то есть часов двадцать назад. Как они поступили потом? Сообщили полиции о насильственной смерти Бренделя? Или нацисты предпочли замать это, сославшись на естественные причины, получив свидетельство о смерти от одного из собственных врачей... может, даже от самого Рошлера? Какая была бы ирония судьбы! Я глупо улыбался в темноту, глядя в заледенелое окно. Подумать только, Рошлер все это время работал на Стейнза! Все было не таким, каким казалось с самого начала. Даже моя маленькая сестренка Ли..

Но что же происходит в Мюнхене сейчас? Я пошуровал кочергой головешки, подняв целый сноп искр, и подбросил еще одно полено. Даже если нас пока не разыскивает мюнхенская полиция, сообщники Бренделя наверняка нас ищут. Ведь они считают, что именно мы убили их лидера и похитили Лиз... проникли в их организацию и теперь находимся в безопасном месте, а они ничего не знают о на-

них намерениях. А пока они нас не найдут, мы все время будем представлять для них угрозу.

Послышался какой-то странный звук. Сначала я решил, что это трещит пожираемая пламенем кора. Звук не прекращался. Он исходил снаружи, с балкона. Это было какое-то шарканье, всхлипывание... Я подошел к двери, прислушался. Было тихо. Стояло мне прикрыть балконную дверь, как ее в тот же миг сильно толкнули прямо на меня. Ручка ударила меня в живот, а плоская деревянная поверхность стукнула по лицу, расцвасила нос. Кровь полилась по губам. От неожиданности я отпрянул назад, не удержался и навзничь рухнул на дубовый пол, больно ударившись спиной об угол стула.

В дверях стоял Зигфрид Гауптман. Его серебристый костюм для езды на снегоходе блестел в лунном свете, а на золотистых волосах лежали тускловатые блики. Одной рукой он крепко держал Лиз, одетую в поношенные джинсы и блузу из грубой ткани. Другой рукой, чуть согнутой в локте, держал автомат с торчащим снизу продолговатым магазином и металлическим приспособлением наподобие приклада. Я зажал нос рукой, пытаюсь остановить кровотечение.

— Вставай! — приказал он мне шепотом, поводя стволом автомата. — Вставай, и ни звука! — Лиз застонала, он прижал ее к себе. — Прошу тебя... Прошу тебя, Лиз, тише...

Она всхлипнула, вткнула воздух. Губы у нее дрожали, как у ребенка, готового вот-вот снова заплакать. Я поднялся. Ноги были точно резиновые.

— Вниз! — приказал он. — В гостиную!

Пошатываясь, я вышел из комнаты. Они спустились следом за мной по лестнице и подошли к камину.

— Садись, — сказал он.

Я сел на диван, а Лиз съежилась в большом кресле. Она долго возилась с коробком спичек, прежде чем ей удалось наконец зажечь свечу на столе рядом с собой.

— Где твой друг? — Руки у Зигфрида дрожали, и ствол автомата устрашающе прыгал.

— Не знаю. — Я опустил окровавленные руки на колени и запрокинул голову, как некогда учила меня моя няня. И действительно, кровь перестала хлестать из носа и текла теперь тоненькой стружкой.

Он положил автомат на каминную полку, вынул из внутреннего кармана пачку сигарет, щелкнул зажигалкой и, вдохнув дым, несколько расслабился.

— Я так и думал, что она приведет вас сюда. Пока поз-

воляла дорога, я ехал на машине, а снегоход тащил на прицепе. Потом пересел на него, а сюда добрался уже пешком. — Он театрально нахмурился, выпустил дым, раздувая ноздри.

Лиз встала и прошла в кухню. Он следил за ней, но не сделал попытки остановить.

— Что вы собираетесь делать? — Мне хотелось, чтобы он продолжал говорить. Куда это, черт его побери, запропастился Питерсон?

— Вы даже не представляете, сколько мне пришлось перенести после того, как вы уехали. Они обнаружили тело Гюнтера рано утром, когда я все еще находился там. Это было ужасно... — Незаметно для себя он разговорился. Все-таки было в нем что-то женственное. — Мне здорово досталось. Они ясно дали мне понять, что я — лишний...

— Кто «они»?

— Да все эти старики — Котман, Сент-Джон и другие. Болваны, увешанные орденами, дряхлые генералы, которые проиграли войну... упустили господство над миром тридцать лет назад. — Он весь кипел, в горле клокотала ненависть. — Эти сальные латиноамериканские ничтожества, нафиксатуаренные брюнеты с золотыми аксельбантами... Они-то вдруг оказались наверху. А я? Ничто.

Он стряхнул пепел на пол и для уверенности потрогал автомат. Вернулась Лиз, принялась хлопотать надо мной, приложила ко лбу мокрое полотенце.

— Ну и зачем ты притащился сюда? — грубо спросила она.

— Чтобы забрать тебя обратно. Они будут со мной считаться, если я привезу тебя. — Голос выдавал его растерянность.

— Ты просто идиот! — отрезала она. — На что я им нужна? Что я для них значу без Гюнтера? Ничего! Так что вря ты перся в такую даль, болван!

— Ошибаешься, Лиз, — ответил он, сдерживаясь. — Вот увидишь, когда я привезу тебя, им придется задуматься. Мои люди имеют кое-какое влияние. Они поймут, что мы можем значительно усилить движение. Вот увидишь... — Он закурил еще одну сигарету.

Лиз склонилась надо мной, взяла за плечи. Он следил за ее руками. Глаза его сузились.

— Почему ты решил, что я с тобой поеду? Что мне делать в Мюнхене? Мой муж мертв, а ты — смехотворный позер, недераст, пустышка, насмешка природы...

— Поедешь, все равно поедешь!

— Нет, я остаюсь с Джоном. — Ее голос делался все более резким. Она перехватила инициативу, начала новую игру, теперь уже используя меня.

Зигфрид подошел к камину и остановился, глядя на огонь. Лиз обошла диван и встала позади него.

— Убирайся отсюда! Оставьте нас в покое, — сказала она, перейдя на немецкий, и вцепилась ему в спину. — Сам возись со своими педерастами!

Не сказав ни слова, он повернулся и двинул ее автоматом в бок. У нее перехватило дыхание, она упала на пол, ловя воздух широко открытым ртом. Он смотрел на нее с каменным лицом и никак не мог нащупать спусковой крючок. Этот негодяй собирался пристрелить ее! Я бросился вперед, схватил его сзади за ноги. Он брякнулся на колени и вскрикнул от боли, ударившись ногой об острый угол камина. Автомат резко крутанулся, задев меня по носу. Слезы застлали мои глаза, я ничего не видел. Мы продолжали возиться у камина, как вдруг дверь распахнулась, и я услышал хохот Питерсона.

Я лежал на спине, прикрыв собой Зигфрида. Лиз, рыдая, корчилась на полу неподалеку. Питерсон с любопытством смотрел на нас.

— Ночь дилетантов, — произнес он.

Зигфрид попробовал выпрямиться. Питерсон коротко пнул его в пах. Зигфрид свернулся, как креветка, на губах у него выступила пена. Питерсон пнул его снова. Глаза у Зигфрида закатились, стали видны только белки, потом глаза закрылись совсем, а голова бессильно пошлепала.

Питерсон наклонился и поднял меня на ноги.

— Этот негодяй расквасил вам нос, — сказал он, потом повернулся к Лиз и жестко спросил: — Как вы?

Она попыталась сесть, но сморщилась от боли. Лицо у нее было серым, а в уголках глаз собрались морщинки.

— Больно.

Я опустился рядом с ней на колени.

— Оставьте ее! — резко сказал Питерсон. — Возможно, этот подонок сломал ей ребро. Пусть пока полежит, не трогайте ее. — Он поднял мокрое полотенце и бросил ей.

— Спасибо, — простонала она.

Но Питерсон уже отбегнул от нее.

— Где вы были? — спросил я.

— На улице мерз. Я видел, как этот идиот топал из лесу. Нес автомат как бутылку с шампанским. Тогда-то я и вышел из дома и стал ждать. Хотел узнать, что он задумал... Стоял у двери и слушал. Боже, какой же он бол-

тун! — Питерсон обратил взор на медленно приходящего в себя Зигфрида. — Гаденыш, — пробормотал он.

Зигфрид, держась за пах, с трудом сел. Питерсон подошел к нему, и он, отпрянув, съежился у камина.

— Не пинайте его больше, — взмолилась Лиз.

— Закройте пасть! У вас хватает своих проблем. Об этом дерьме уже поздно беспокоиться.

Он наклонился и одним рывком поставил Зигфрида на ноги — так штангист поднимает штангу. Зигфрид согнулся пополам, прикрывая пах. Питерсон схватил его за волосы, потащил и бросил на диван. По безвольному смазливому лицу Зигфрида катились слезы. Красавчик старел буквально на глазах.

— Что тебе здесь нужно? — спросил Питерсон.

— Лиз, — выдохнул тот. — Я готов пойти на сделку. Отдайте мне Лиз, и я не скажу им, что вы здесь. Вы сможете уехать...

— Какую еще сделку? Это не я, а ты сидишь здесь, дрожа от страха. Ты, видать, совсем рехнулся. Слушай во все уши. Ты расскажешь нам, что происходит там, в Мюнхене, и, может быть, я тебя не убью... Ну как, устраивает тебя такая сделка?

Питерсон ушел на кухню. Мы ждали. Спустя какое-то время он вернулся:

— Они ищут нас?

— Не знаю.

— Они послали людей на поиски?

— Не знаю.

Питерсон взял руку Зигфрида в свою, повернул ее ладонью кверху. Его другая рука скользнула по ладони Зигфрида, и тот отпрянул, со свистом втянув в себя воздух. Кухонный резак оставил глубокий порез на ладони, который тут же побагровел от крови. Я поднялся, держась за подлокотник дивана.

Лиз наблюдала за происходящим полными ужаса глазами. Кровь потекла по руке Зигфрида.

— Они послали людей разыскивать нас? Они шли по твоему следу, Зигфрид? — терпеливо допрашивал Питерсон.

Я испытывал такую боль, что мне было не до сломанного ребра Лиз, не до раны Зигфрида. В конце концов, так и должно было случиться.

— Ну так как же? — продолжал Питерсон. — Кто займет место Бренделя?

— Котман, я думаю, — прохрипел Зигфрид. Кровь из

пореза уже капала на пол. Подойдя к ним, я даже ощутил ее запах.

— А как твоя бравая команда?..

— Котман и его люди хотят нас вытеснить.

— Надо признаться, вполне разумное решение.

— Вы не понимаете...

— И ты хотел притащить фрау Брендель назад как трофей, чтобы доказать, какие вы серьезные ребята. — Он покачал головой. — Боже, какая скука! — И снова отправился на кухню.

Я последовал за ним. Он начал готовить кофе.

— Все это так отвратительно, — сказал он. — Невозможно остаться чистым, когда всюду такая грязь. — Он поставил чашки на кухонный стол. — Люди — такие хрупкие существа.

— За исключением вас, — заметил я.

— О да... я — хищник.

Питерсон связал Зигфриду руки за спиной и завалил его на диван. Выпив кофе, все мы улеглись спать. Было начало восьмого.

Разбудил меня какой-то звук. Питерсон не спал. Лежа с открытыми глазами, он следил за Зигфридом, который встал и пытался открыть наружную дверь. Руки его были связаны за спиной, на серебристом костюме запеклась кровь.

Питерсон приложил палец к губам. Зигфрид кое-как все же открыл дверь и нетвердой походкой вышел. Мы встали и подошли к двери. Он удалялся, увязая в глубоком снегу, неуклюже продираясь по корке наста, с трудом удерживая равновесие. Сквозь серые тучи кое-где пробивались лучи солнца, и серебристый костюм Зигфрида отражал этот скудный свет, сочившийся сквозь них. В этом костюме он сиял, точно новенький оловянный солдатик или астронавт, бредущий по поверхности ипой планеты. Он приближался к кромке леса, под покров деревьев. Несколько раз он падал, как раненый зверь, раскачивался, стоя на коленях, потом снова с усилием поднимался. Мы следили за ним, пока он не добрался до опушки, где его поглотили тени и гонимый ветром снег, нависавший над землей ватной куделью.

— Пусть идет. Как ушел, так и назад приплетется. Все равно руки ему, ублюдку несчастному, не распутать. — Питерсон зевнул, потянулся: — Я чертовски устал, чтобы бежать за ним вдогонку. — Он вошел в дом, посмотрел на Лиз.

— Ей немало досталось, — заметил я.

— Ничего, она живет этим, — произнес он ядовито. — Ей это нравится. Бейте ее, ломайте ей ребра, проявляя самый изощренный садизм. Это отвлекает ее. Режьте ее на куски, и она будет стонать от восторга.

— Может, вы все-таки заткнетесь, наконец?

— Вы с ней переспали?

— Какое это имеет значение?

— Теперь уже, пожалуй, трудно сказать. — Он отошел к противоположной стене, оглядывая громадный, встроенный в стену книжный шкаф, провел пальцем по полке, собирая пыль. Потом достал толстый, потрепанный том, сдул пыль с корешка. — Фрейд. Фрейд бы просто влюбился в вас с Лиз. То-то был бы праздник старичку!

— Глупости, — сказал я.

— Боже, вы просто чудовище.

Мы разбудили Лиз.

— О, взгляните, кто проснулся. Как дела, чокнутая?

— Джон, заставь его замолчать. — Она выпрямилась, преодолевая боль.

— Какая у нас теперь игра? — спросил он. — Будем играть — Джон против Олафа? Вы надоели мне, фрау. Вы — нудная неврастеничка, которая, возможно, доводится сестрой моему другу Куперу, а возможно, и нет. В любом случае мне начхать на это. — Он подошел и бросил книгу ей на колени. — Мне просто хочется от вас избавиться. — Он ткнул пальцем в книгу. — Прочтите. Хоть время убьете. — И поднялся наверх.

— Мерзкое чудовище, — сказала Лиз и заплакала. — Мой муж убит. Зигфрида он изрезал ножом. Мне больно, Джон, у меня болит бок, что-то там внутри.

Днем снова пошел снег, поднялся ветер, налетая с горных вершин. Лиз сидела на кухне у камина, курила сигарету и безучастно смотрела на огонь.

— Пожалуй, надо пойти поискать его, — сказал Питерсон. — Если он останется там до темноты, то вряд ли сумеет вернуться назад.

Мы натянули свитера Бренделя, поверх надели свои пальто, замотали шарфы, прикрыв нос и рот, и вышли. Снег слепил глаза, мороз обжигал лицо. Я слышал, как Питерсон ругался. Мы упрямо вспарывали наст в направлении опушки, где видели Зигфрида, пока он не исчез среди деревьев. Быстро сгущались сумерки, и мы ускорили шаг, а потому, когда наконец добрались до леса, пыхтели, как

паровозы, и обливались потом. Снегоход мы нашли без труда, но Зигфрида рядом с ним не оказалось. Снегоход почти полностью занесло снегом, на поверхности торчал только руль. Если Зигфрид и был здесь, то его следы давно уже замело.

Следующая наша находка поразила нас.

Ярдах в двадцати в глубине леса стояли в ряд еще три снегохода, только слегка припорошенные снежной крупой. Солнце уже скрылось за горами, наступила почти полная темнота, но мы заметили в лесу каких-то людей.

Питерсон рванул шарф, освобождая рот.

— Я думаю, мы проиграли нашу игру, — сказал он. — Я их не слышал. — Он напряженно смотрел на снегоходы, будто ожидая, что они объяснят ему, как такое могло случиться, потом пнул ближайшую машину и, расстроенный, повернулся к ней спиной.

Двигаясь между черными деревьями, мы обнаружили Зигфрида. Питерсон буквально натолкнулся на него. Руки у Зигфрида по-прежнему были связаны. Он замерз, стоя на коленях. Питерсон легонько толкнул труп, похожий на туело большого зверя, и тот опрокинулся, окоченелый, — обледенелая глыба, некогда бывшая человеком. Питерсон зажег спичку и, прикрыв ладонью пламя, поднес ее к голове Зигфрида. На затылке зияла страшная рана.

— Казнили, — заметил Питерсон.

В замке нас ждали. Снегозащитные комбинезоны были брошены поперек длинного стола, а на полу стоял огромный, цвета хаки, брезентовый рюкзак. Их было трое. Все крепкие, светловолосые, с квадратными челюстями. Они негромко переговаривались. Лиз сидела в своем большом кресле бледная, отрешенная и выглядела совсем больной.

Когда мы вошли, один из мужчин, голубоглазый, с короткой стрижкой, поднялся и стоял, пока мы снимали пальто.

— Добрый вечер, — сказал он. — Вам необходимо выпить немного коньяка.

Другой дал нам по большому бокалу:

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Мы сели.

Первый мужчина, который выглядел несколько старше остальных, вынул из кармана брюк трубку, положил на стол непромокаемый кисет с табаком. Неторопливо набил трубку, чиркнул спичкой, раскурил. Все они ходили как роботы: одинаковые, стандартные лица, без всякого выражения, лишённые индивидуальности.

— Господа, — сказал он, сложив руки на груди и цедя слова сквозь зубы, сжимавшие черенок трубки. — Мы прибыли сюда, чтобы доставить вас и ффрау Брендель в Мюнхен. Мы привезли вам соответствующее снаряжение для половины пути. Затем мы поедем в лимузине, который будет ожидать нас на дороге. — Он вынул изо рта трубку. — Вам придется довериться нам.

— Кто вас послал? — спросил Питерсон.

— Никаких вопросов, сэр.

— Вы не немцы, не так ли?

— Никаких вопросов, сэр, — повторил он. — Извините. — Он снова зажег спичку и поднес ее к вересковой чашке трубки. — А теперь выпейте на дорожку коньячку — и в путь.

— Вылей этот коньяк себе на голову! — Питерсон встал, подошел к камину, протянул руки к огню.

— Нет оснований для оскорблений, мистер Питерсон. Мы всего лишь выполняем свою работу. — На вид, казалось, ему едва за тридцать, если не считать выражения глаз. Люди с такими глазами еще две тысячи лет назад бросали игральные кости у подножия креста, на котором распяли Христа, всего-навсего неукоснительно подчиняясь приказам, выполняя лишь свою работу. Такие, как они, загружали печи в Дахау и поднимали людей на дыбу в недобрые старые времена.

— В таком случае я тебе скажу: ты выполняешь свою работу весьма посредственно, если не сказать — чертовски халтурно. Мы нашли в лесу большой кусок падали. В апреле, когда наступит оттепель, он превратится в гниль и начнет смердеть.

— О нет... — Лиз повернулась ко мне, задохнувшись. — О нет...

Трое пезнакомцев не изменились в лице.

Питерсон обернулся к Лиз.

— О да... О да... чокнутая. Ты лишилась не только мужа, но и своего дружка.

Она снова заплакала, прижимая руки к больному месту в боку.

Я залпом осушил бокал.

Один из прибывших растегнул «молнию» на рюкзаке и вынул синий снегозащитный комбинезон. Я взял его. Второй он передал Лиз. Питерсон тем временем рассматривал свой.

— Отправляемся через полчаса. — Старший положил на

стол трубку, и все трое сверили часы. Питерсон пошел наверх, и двое последовали за ним.

— Помоги мне, — попросила Лиз.

Мы остались одни. В камине, дымя, догорал огонь. Она стала натягивать комбинезон, смахивая при этом слезы с лица и тяжело дыша.

— Джон, — прошептала она, — кто они? Что теперь со мной будет?

— Не знаю.

— Нас будут бить?

— Не думаю.

— Ты видел Зигфрида?

— Да.

— Они убили его? — Щека у нее начала подергиваться.

— Видимо, да.

Она вцепилась в мою руку так, что вонзились ногти.

— Мне страшно, — сказала она. Дыхание ее было прерывистым.

— Мне тоже.

Как и было обещано, нас поджидал лимузин — длинный роскошный «мерседес». Ночь стояла холодная, промозглая. Из горных расселин на дорогу наползал туман. Включенные фары освещали путь нашим снегоходам. Луна то появлялась из-за туч, то исчезала. Мы молча пересели в машину. Лиз привалилась к моему плечу.

Несмотря на усталость, уснуть я не мог. Питерсон тихо похрапывал. Я смотрел в проплывавшую за окнами ночную тьму. Когда мы были уже недалеко от Мюнхена, начался дождь. Ожидание подходило к концу.

Дождь барабанил по крыше автомобиля. Снег таял, превращался в грязь, и она стекала в водосточные канавы. Место, которое мы проезжали, показалось мне как будто знакомым, но лишь спустя минуту я узнал его. Парафиновые фонари отбрасывали тусклый расплывчатый свет, и, пока мы ехали, они постепенно гасли один за другим. Это был Швабинг.

Когда я понял это, у меня перехватило дыхание, и я обернулся к Питерсону, смотревшему в окно с другой стороны:

— Они везут нас к Рошлеру. Мы спасены... Это — хорошие ребята.

Спустя минуту Питерсон подергал себя за усы, кивнул.

— Похоже, что так, — сказал он. — Факты, сведен-

ные воедино, приобретают смысл. Во всяком случае, так должно быть... Рошлер посылает своих людей привезти нас в целости и сохранности. Прекрасно. Но зачем убивать Зигфрида? Зачем выполнять за Котмана его работу? — Он покачал головой, потер нос. — Надо думать, мы скоро это узнаем.

Машина медленно ехала по узкой аллее позади дома Рошлера. Как только она остановилась, трое наших молодцов сразу же выскочили, открыли задние дверцы и помогли нам выйти. Дождь хлестал по кирпичной стене и крыше, порывы ветра, попавшего в ловушку в замкнутом пространстве аллеи, швыряли нам в лицо холодные капли. Я обнял Лиз за талию, помогая ей подняться по ступенькам заднего крыльца. Кто-то открыл нам дверь. Свет из кухни осветил кроткое улыбающееся лицо. Это был Рошлер. Он принялся квохтать над нами, потащил в дом, в тепло. Лиз и я прошли через уютную кухоньку в гостиную, в которой мы с Питерсоном в прошлый раз сидели с хозяином. Потрескивал огонь в камине, сонно потягивались кошки, разбуженные поднявшейся суматохой. Косой дождь бился в оконное стекло. Лампа под абажуром с бахромой отбрасывала желтоватый неяркий свет.

Лиз и я остались одни. Все были заняты, перетаскивая вещи из машины на кухню, и никто не обращал на нас внимания. Я помог ей снять комбинезон, а она остановила меня, притянула к себе. Я почувствовал на своем лице ее дыхание и невольно задрожал. Она шагнула назад, встала у огня, похожая на стройного, худенького мальчишку в джинсах. Глядя на ее прекрасный профиль на фоне отблесков плясавшего пламени, я понял: какой бы она ни была, я люблю ее и никогда не перестану любить. Плохая она или хорошая, нормальная или ненормальная, Лиз или Ли — теперь это уже не играло никакой роли.

Было за полночь, когда мы снова собрались все вместе в гостиной. Питерсон стоял у камина. Лиз устроилась на полу рядом со старым креслом с потертым подголовником. Рошлер в своей пеобъятной, вытянутой шерстяной кофте сидел в кресле-качалке, и две пестрые кошки согревали ему колени, уткнувшись носами в его сухие морщинистые руки. Он налил всем шнапсу. В воздухе, как и прежде, летала кошачья шерсть.

— Наконец-то! Я несказанно рад снова видеть всех вас живыми и невредимыми, — прогудел Рошлер. — Как ты себя чувствуешь, милочка? Все в порядке?

Лиз кивнула.

— У нее, видимо, сломано ребро, — сказал Питерсон. — Покойный герр Гауптман врезал ей раз-другой своей пушкой. Но она молодец, стойкая, — заключил Питерсон с кислой миной. — Перенесла все как солдат. Так ведь, чокнутая?

Рошлер гладил кошек. Поскрипывало кресло-качалка.

— Позвольте заверить вас, что здесь вы в полной безопасности. События, которые начались после того, как обнаружили труп герра Бренделя, — извини, Лиз, дорогая, — развивались своим чередом. О, сейчас я все объясню...

Питерсон явно был настроен агрессивно. Но в данной ситуации он ничего не мог поделать. Это чувствовалось по его поведению, горечи в его голосе, по тому, как он вобрал голову в плечи.

— Если я не ошибаюсь, нам придется напрячь все силы, — проговорил он.

— Боюсь, вы правы, мистер Питерсон. Однако доверьтесь мне.

Питерсон расхохотался, прошел к окну и остановился, глядя в темень и дождь:

— Рошлер, вы просите невозможного... хотите, чтобы я поверил в то, что еще не перевелись честные люди?

— Мистер Питерсон, у вас чутье на такие вещи, — усмехнулся Рошлер. — И по-своему вы правы. Я подозреваю, вы уже догадались, что все это время я был не совсем откровенен с вами. — Он глубоко вздохнул. — Лиз, это я ликвидировал твоего мужа, моего старого друга. Он был воплощением зла. Он должен был умереть. Только так можно было его остановить. — Он взглянул на нее, поглаживая кошек.

— Вы? — проговорила она монотонно. — Его убили вы?

— Не убил, а казнил.

— Не понимаю я всего этого.

Я ожидал, что это известие сломит ее, но она даже не изменила позы, оставаясь все такой же безучастной.

— А вам, Джон, я вынужден признаться, что я не просто орудие в руках Айвора Стейнза, вовсе не дрожащий старик, жертва обстоятельств, каким я себя поначалу представил.

Я сжал ручки кресла, а Рошлер продолжал:

— На профессиональном жаргоне я — двойной агент. Вы уж простите меня за мелодраму. По крайней мере, нацисты думают, что я с ними. Брендель считал меня своим сподвижником. Да, доверие... Он доверял мне, иначе я не мог бы по-настоящему быть чем-то полезен полковнику

Стейнзу. Я не совсем сторонний наблюдатель в движении: они убеждены в моей непосредственной причастности к нему.

— К чему тогда была вся эта дребедень о «Белой розе»? — спросил Питерсон, по-прежнему глядя в окно. — О вашей несчастной женушке-еврейке?

Рошлер сжал пальцы. Кошка, которую он гладил, моментально раскрыла глаза, оскалила мелкие белые зубы, выпустила когти.

— В настоящий момент ваше замечание, мистер Питерсон, к делу не относится. Удовлетворитесь тем, что я, подобно двуликому Янусу, смотрю в обе стороны, делаю все возможное в обществе, где господствуют нацисты — старые и новые. В судах, в полиции, на выборных государственных должностях, в правлениях фирм, в системе образования — от детских садов до аспирантур — всюду сидят нацисты, и, чтобы действовать в их среде, я, естественно, должен делать вид, что я тоже нацист. — Его благообразное лицо стало жестким. — В дополнение к событиям, о которых вам уже известно, позвольте сообщить, что произошло дальше. После того как труп Бренделя был обнаружен, а экономка нашла меня привязанным к кровати, я спешно был вызван на совещание к вам в дом, Лиз, созванное Альфредом Котманом. Он — человек честолюбивый. Но его амбиции, как правило, превосходят его способности. — Рошлер отпил немного шнапса и потянулся к миске с орехами, вставил один в щипцы и расколол. — Котман возглавил фракцию Бренделя без особых возражений. Сент-Джон, естественно, поддержал его. Основное и главное достоинство Альфреда — его коварство. Потому-то он и держится так долго. И хотя не возникало никаких сомнений в том, что вы, господа, уколошили беднягу Гюнтера и скрылись, захватив Лиз и меня в качестве заложников, он мгновенно углядел удобный случай, чтобы взвалить это убийство на Зигфрида. Мотив убийства? Желание утвердить главенство своей фракции или, возможно, личный конфликт из-за Лиз — ревность. Собственно, мотив не имел существенно-го значения. Важно то, что со смертью Бренделя старая гвардия получала возможность отделаться от Зигфрида и таким образом нейтрализовать дилетантов, как называл их Котман.

— Вы говорите абсолютно серьезно? — В голосе Лиз появилась некоторая твердость. — Неужели действительно шла борьба за власть? Какие идиоты...

— Совершенно верно, борьба за власть, но вряд ли они

идиоты. Котман сумел убедить остальных, что Зигфрид всегда был слабым звеном в движении. Котман также выразил сомнение в отношении значимости Лиз. Может, ей тоже стоит исчезнуть? Зачем рисковать, оставляя ее в живых? Кто знает, сколько ей известно и что она способна разболтать? Всегда есть шанс, что кто-то прислушается к ее словам и поверит ей.

Мне поручили заняться Зигфридом. Я, как никто другой, подходил для этой цели, поскольку перед уходом на совещание Зигфрид звонил мне по телефону. Он был на грани истерики, на грани отчаяния. Хотел разыскать Лиз и молот всякую чепуху. И я направил его в замок, убедил поехать туда, выложить вам все, заключить с вами сделку и с триумфом привезти Лиз обратно.

Питерсон снова рассмеялся:

— Кто кого здесь, черт возьми, провел?

— Несчастный глупец сразу ухватился за это. Видите ли, если бы Котман не предложил убрать Зигфрида, мне пришлось бы сделать это самому. Тут с чьей точки зрения ни смотри — с нацистской или с моей собственной, — Зигфрид представлял опасность для всех нас.

О вас же Котман беспокоился гораздо меньше, несмотря на неприятности и беспокойства, каковые вы причинили. Когда вы исчезли, он склонен был думать, что вы просто испугались. В отношении Лиз, когда я высказался против ее ликвидации, он сначала колебался, но другие тоже не поддерживали его, поэтому он пошел на попятную, заявив, что о ней мы поговорим позже, если мне удастся привезти ее в Мюнхен. — Он обернулся к Лиз: — Повторяю, милочка, здесь ты в безопасности. Но я несколько забегаю вперед. Так вот... Мне надо было как можно скорее послать своих людей, чтобы они устранили Зигфрида. Тогда я мог бы доставить вас сюда и уберечь от Котмана, у которого мог возникнуть любой коварный замысел. — Он встал, держа в каждой руке по кошке, и бережно опустил их на подушку в кресле. Взял сигару из ящичка, лежавшего на буфете, аккуратно откусил кончик и выплюнул его на потертый ковер. Зажег спичку, подождал, пока обгорит серная головка, неторопливо поднес ее к сигаре и тогда закурил, окутавшись ароматными клубами дыма. Раздавалось мерное тиканье старинных часов, точно чьи-то шаги по безмолвному коридору. — Итак, дела обстоят следующим образом, — продолжал он, подходя к часам и открывая застекленную дверцу. — Бренделя как руководителя движения в Германии временно заменил Котман. Зигфрид мертв,

и влияние неонацистов существенно уменьшилось. Котман доволен. — Рошлер позволил себе сухо рассмеяться, поправ-
ляя стрелки часов на циферблате. — Его очень увлекает
южноамериканская авантюра, а посему на днях он вылета-
ет в Буэнос-Айрес. Сент-Джон, я полагаю, пока останется
здесь. Он управляет Котманом, как марионеткой, дергая за
веревочки, а этот надутый осел даже понятия не имеет об
этом. — Рошлер медленно прикрыл дверцу, запер ее и,
потирая руки, обернулся к нам. — Теперь остается лишь
вопрос о вас троих, не так ли? — Он сиял своей доброй
улыбкой Деда Мороза, которая по мере того, как он прибли-
жался к нам, постепенно угасала. — Боюсь, что вам пред-
стоит пережить несколько неприятных моментов, но это
неизбежно. От этого никуда не денешься. И именно мне
придется отвечать на все те вопросы, каковые у всех у вас,
должно быть, имеются.

Я посмотрел на Лиз, улыбнулся, но ее взгляд был уст-
ремлен поверх моего плеча, мимо меня, точь-в-точь как у
нашей матери на написанном отцом портрете. Она думала
о себе. Такова была природа Лиз, и ничто не могло ее из-
менить.

— Кто же такая Лиз? — медленно произнес Рошлер,
переводя взгляд на нее. Она в это время принялась выпи-
сывать пальцем какие-то вензеля на плотно облегающих ее
линялых джинсах.

Питерсон, который занимался сигарами Рошлера, взгля-
нул на нас.

— Лиз Брендель и есть Ли Купер, — сказал он и для
лучшего эффекта потряс сигары в ящичке.

— Подождите, мистер Питерсон, — остановил его Рош-
лер, раскачиваясь в кресле-качалке.

Питерсон закурил сигару и снова отвернулся к окну.

— Ваш отец Эдвард Купер, — обратился Рошлер ко
мне, побарабанив кончиками пальцев по подлокотнику крес-
ла-качалки, — был человеком поистине необычайного му-
жества, гораздо большего, чем вы можете себе представить.
С помощью одного из его друзей, некоего Артура Бренне-
ра, знавшего его с детских лет и причастного к работе опре-
деленных правительственных служб, вашего отца зачисли-
ли в Королевские военно-воздушные силы Великобритании.
Он был отличным пилотом и имел вполне серьезные при-
чины сражаться на стороне Англии.

— Мой отец хотел искупить — это, пожалуй, наиболее
подходящее слово — грех своего отца, приверженца на-
цистской идеологии. Он испытывал жгучий стыд, моральные

страдания оттого, что был сыном Остина Купера. — Я говорил слишком горячо и быстро, чувствуя, что краснею. — Он верил, что, сражаясь в ВВС Великобритании, сможет доказать, что быть Купером вовсе не означает быть предателем...

— С помощью влиятельных людей, — кивнув, продолжал Рошлер, — удалось сделать так, что к нему приехала жена. Она была в то время беременна. Безрассудство? Возможно, но молодая пара хотела быть вместе, когда родится ребенок. Вас, мистер Купер, оставили в Куперс-Фолсе на попечении вашей няни, слуг и деда. В результате вы никогда больше не увидели ни своего отца, ни своей матери. Таковы превратности времени и войны, Джон. — Он вздохнул, проглотил шнапс, протянул руку с пустой рюмкой к Питерсону, и тот наполнил ее. — Итак, Эдварду Куперу присвоили офицерский чин, определили его в состав ВВС. Он отличился в битве за Англию и получил орден из рук премьер-министра Уинстона Черчилля. Репортаж об этой церемонии опубликовали газеты всего мира, ибо Эдвард не только стал одним из первых героев-американцев во второй мировой войне, но и сыграл огромную роль в кампании за вовлечение Соединенных Штатов в войну против Германии. Он был истинным патриотом своей страны.

Меня одолела усталость. Со времени смерти отца минуло столько лет...

— Когда пробил его час, он погиб героем. В последний раз его видели, когда он преследовал на своем уже дымящемся «спитфайре» подбитый немецкий «мессершмитт», который пытался скрыться в тумане. Самолет Купера так никогда и не нашли, и о нем самом никто больше никогда не слышал.

— Что стало с его женой и дочерью? — спросил Питерсон.

— Они предпочли остаться в Англии до окончания войны, — ответил Рошлер. — Обратный путь домой был далеко не безопасен, и они остались. Богатство и связи позволяли им это. Я не знаю подробностей их жизни, только однажды шальная серия бомб обрушилась на Белгрейвию и разрушила их дом. — Он вздохнул и кашлянул. — Мать была не настолько изуродована, чтобы ее нельзя было опознать. Что касается дочери, тут дело несколько сложнее. Ее тело так никогда и не обнаружили. Нашли кое-какую одежду, полуобгорелую, изодранную, куклу, разбитую на куски, — словом, ряд косвенных доказательств, что ребенок, то есть ваша маленькая сестренка Ли, разделила судьбу мате-

ри. В тот день было слишком много жертв... Вполне естественно, жену Эдварда Купера и его дочь занесли в список погибших. Так произошла ошибка. Девочка осталась жива.

Ли подняла голову, спокойно спросила:

— Вы знаете это точно?

Рошлер кивнул.

— Почему же вы не сказали мне об этом раньше?

Рошлер поднял руку:

— Дежурный противовоздушной гражданской обороны, первым подоспевший на место происшествия сразу после взрыва бомбы, не отразил в отчете всего, что видел, скорее всего, потому, что в тот момент не придавал этому большого значения. Однако другие очевидцы заметили, как двое мужчин вынесли из руин ребенка. Эти мужчины оказались соратниками Эдварда Купера. Англичане... нацистские агенты, действовавшие в английском государственном аппарате.

— Не понимаю... — Я весь взмок. Питерсон и Лиз, не отрываясь, смотрели на меня. — Почему нацистские агенты? Какое отношение они имеют к... к... к моему отцу? — Голос у меня дрожал. — Выражайтесь яснее, черт побери! — крикнул я, хлопнув ладонью по подлокотнику кресла. — Говорите мне правду! — От волнения у меня пропал голос.

— Я говорил, что ваш отец исключительно мужественный человек, Джон. Так оно и было. Он рисковал жизнью в своем «спитфайре», но сражался в стане врагов. Выдавал себя не за того, кем был. Выступал публично против своего отца — все это требовало огромного мужества. Джон, ваш отец Эдвард Купер был немецким агентом по воспитанию, по своим убеждениям, то есть он был истинным сыном своего отца. И он верил в правоту своего дела. Верил настолько, что публично отрекся от собственного отца, чтобы стать в глазах многих людей американским патриотом...

Рошлер уставился на меня из-под насупленных седых бровей, его зрачки под тяжелыми веками сузились, глаза пылали огнем. Я почувствовал, что падаю, теряю сознание, задыхаюсь.

— Что с ним? — спросил кто-то.

Итак, мой отец, оказывается, был фашистом. И я вышел из этого змеиного гнезда... Мой отец, мой дед... моя сестренка Ли...

— Он просто переутомлен. Это было для него большим ударом.

Услышав голоса, я открыл глаза. Передо мной все плыло.

— Когда-нибудь это кончится? — прошептал я.

— Скоро, — ответил Рошлер. — Уже почти кончилось. Ну-ка выпейте.

Это был коньяк, крепкий, обжигающий. Я дернул головой, встряхнулся, как собачонка.

— Сожалею, — сочувственно сказал Рошлер. — Искренне сожалею, Джон. Вы меня слышите? Все равно рано или поздно вы бы узнали... Вы слишком глубоко проникли во все это. Никто не думал, что это вам удастся. Но вам это удалось и вот к чему привело. Вы меня слышите? Вы понимаете, о чем я говорю?

Я кивнул:

— Слышу... Понимаю ли? Я не совсем уверен.

— Валийте дальше, доктор, — нажимал Питерсон. — Джон уже очухался. Я ручаюсь за него. С ним все в порядке.

— Эдвард Купер, ключевой немецкий агент, — возобновил рассказ Рошлер, — уговорил мистера Артура Бреннера определить его на какое-нибудь ответственное место; он использовал Бреннера, который по-дружески к нему относился. Попав в Королевские военно-воздушные силы, Купер стал связным, через которого шла секретная информация из министерства авиации, и передавал ее тем двоим, что оказались возле его дома в день бомбежки. — Рошлер кашлянул, раскурил погасшую сигару. — Видите ли, ваш отец не погиб над Ла-Маншем. Он переправился на своем «спит-файре» на французское побережье, где его поджидали сотрудники немецкой разведки. Одним из них был молодой Гюнтер Брендель. Он-то и препроводил вашего отца в Германию. Подробности о жизни и деятельности Эдварда Купера в оставшийся период войны мне неизвестны.

Какое-то время ваш отец работал в Норвегии с Квислингом, затем получил назначение на Балканы, а оттуда — в Мадрид. Он, как призрак, появлялся то тут, то там, был идеальным агентом — мог внедриться в любом месте. Мало кто знал о нем, но для большинства из них он был своего рода легендой. Вы спросите, почему нацисты не использовали его успех с целью произвести большой пропагандистский эффект? Почему не разгласили, что американский герой в действительности был фашистским шпионом, то есть нацистским героем? — Глядя на меня, он улыбался, как бы посмеиваясь над причудливыми поворотами судьбы. — На то существовала весьма серьезная причина. Его работа еще не была закончена. Его берегли для послевоенных лет. Для того времени, когда фашизм возродится. Именно тогда ему предстояло сослужить величайшую службу на пользу этого

движения. — Рошлер пристально посмотрел на меня. — Вы слушаете меня, Джон?

Я кивнул. Часы стучали, точно молот по наковальне. Я с трудом воспринимал то, что он говорил, но внимательно слушал.

— Существовал долгосрочный план, — продолжал он, — в котором вашему отцу отводилась важная роль. Все зависело от окончательной победы фашизма. Если бы она наступила в результате войны, главной фигурой остался бы ваш дед Остин Купер. Он возглавил бы филиал организации в Соединенных Штатах. Но война была проиграна, и возникла необходимость ждать, строить все заново, и роль, отводимая вашему деду, перешла к вашему отцу. Он все еще был сравнительно молод и находился в полной безопасности: всему миру было известно, что он погиб. Нацисты обеспечили его документами на чужие имена, а когда настал бы срок, они раскрыли бы, кем он является на самом деле, и вернули бы его на родину. Не качайте скептически головой, мистер Питерсон. Согласен, все это кажется невероятным. Однако многое может казаться невероятным, пока не становится явным. Люди с поразительной легкостью приспосабливаются к условиям. История все время переписывается заново. Историческая правда относительна. И если бы Эдвард Купер вернулся в Америку героем, миру поведали бы совершенно иную правду, и его не называли бы нацистом.

Это вещи очень тонкие, вы понимаете? Он мог бы называться республиканцем, или демократом, или даже социалистом, а возможно, стал бы основоположником какого-нибудь нового движения. Название никакой роли не играет. Он мог прибегнуть к поддержке евреев, или негров, или пролетариата, или бизнеса. Главное — сохранить генеральную линию. Поверьте мне, латиноамериканский план, который вот-вот вступит в действие, не представляется миру как второе пришествие нацизма. Это относится и к африканскому движению, которое набирает силу. А возьмите контроль над ближневосточной нефтью. Много мы слышим о нацистах? Отнюдь нет. Всем известно, что фашисты давным-давно стерты с лица земли.

Он говорил прикрыв глаза, слегка улыбаясь, поглаживая мурлыкающих кошек.

— Где же теперь мой отец?

— Ваш отец провел некоторое время в Каире, работал с теми, кто уцелел после войны. Потом в Париже, после этого — в Алжире. — Рошлер шмыгнул носом, чихнул, уткнувшись в шерсть кошки, энергично высморкался в ском-

капный платок. — Эдвард Купер скончался от рака три года назад в Швеции. Его место занял другой. Кто? — Он покачал головой: — Имеет ли это значение? Всегда кто-нибудь да будет...

Я неотрывно глядел в светло-серые глаза Лиз и видел там такие безбрежные дали, в которых мне никогда не доводилось и, надо полагать, никогда не доведется бывать. Где-то там затерялась и боль, пережитая ею. Вероятно, таков был ее способ самозащиты, вернее, способ выживания. Я же целиком сосредоточился на своих страданиях. Поведение Лиз я объяснял тем, что она была неспособна страдать. И только сейчас мне вдруг пришло в голову, что ей нанесен более ощутимый удар, чем мне, и это вернуло меня к действительности. Я стряхнул с плеча руку Питерсона, желавшего меня утешить, и подошел к ней.

— Ли, — сказал я, привлекая ее к себе и прошептал: — Не надо плакать. — Я ощутил на своей щеке ее слезы и трепет ресниц. — Не плачь.

Она обхватила меня, все ее тело сотрясалось, она билась о мою грудь. Как бы то ни было, именно я стал невольной причиной ее боли.

— Вы не закончили, доктор, — сказал я. — Вы рассказали мне об отце... по главный вопрос в другом, не так ли? Во всяком случае, не с этого следовало начинать. Что стало с девочкой? Вы остановились на том, как двое таинственных незнакомцев, взяв ее, незаметно скрылись в тумане...

— Не незнакомцы — товарищи по агентуре, сподвижники. Они унесли ее. Это был перст судьбы, что они оказались рядом с домом как раз тогда, когда началась бомбежка, иначе малютка Ли погибла бы вместе с матерью. Потом ее отвезли в Ирландию, где у фашистов было много сочувствующих. Там девочка оставалась два года, воспитывалась в деревне. Она была слишком мала, чтобы помнить тот период своей жизни. Потом ее переправили в Норвегию, в Берген, но уже как ирландку. Оттуда в Австрию, затем в семью фон Шаумберг, где она и получила свою окончательную фамилию — Лиз фон Шаумберг.

Лиз рыдала, опустившись в кресло.

— А где был мой отец? — Это был крик души, полный глубокой горечи.

— Он страшно переживал, моя милочка, — утешительным тоном ответил Рошлер. — Но у него была своя, новая жизнь и еще не выполненный до конца долг перед движением. Он принял окончательное решение в соответствии с уготованной ему судьбой. После смерти жены он считал, что

его дети должны иметь возможность жить спокойно, чтобы его тень не витала над ними. А это значило, что он больше не должен видеть ни одного из вас, чтобы перед вами никогда не возникла дилемма — признать его или отвергнуть. — Он помолчал, глянул на меня, потом на Ли. — Он был исключительно волевым человеком и очень хорошим. Он любил всех вас. И его планы в отношении вас, Джон, и вашего брата Сирила осуществились. Как он и рассчитывал, вы жили собственной жизнью и верили в миф о его патриотизме. — Рошлер по-стариковски тяжело, устало вздохнул: этот бесконечно длинный вечер завершался. — С его маленькой дочерью Ли все получилось далеко не так просто...

Стрелка остановилась на цифре два, и часы мерно пробили время. Питерсон отправился на кухню и принес кружки с кофе. Кошки, когда он проходил мимо них, провожали его взглядом. По окнам стекали капли дождя. Передо мной разворачивалась моя жизнь или, вернее, те события, на фоне которых она протекала...

— Лиз, — обратился к ней Рошлер, — все эти годы то, что я знал о твоей судьбе, не давало мне покоя. Сидя в соборе в день вашего с Гюнтером венчания, я мучительно снова и снова задавал себе вопрос, знаешь ли ты, на что идешь. Позже Гюнтер сказал мне, что ты ни о чем даже не догадывалась.

— Почему ее просто не отправили в Куперс-Фолс к деду, когда война кончилась? — спросил Питерсон, стоя у камина и зажав в массивном кулаке кочергу.

— Сейчас я объясню вам, — ответил Рошлер. — У нас еще достаточно времени до вашего отъезда. Так вот, Эдвард Купер и понятия не имел, какую работу ему придется выполнять в Англии, а тем более — что от него потребуют бежать в Германию и посвятить свою жизнь нацистскому движению...

— Вы говорите о нем так, будто он служитель культа, — заметила Ли.

— Да, именно так. Сравнение вполне подходящее. Если бы ему пришлось вернуться в Соединенные Штаты, возможно, семья сохранилась бы. Но его отозвали в Германию служить рейху. А когда его жена погибла во время бомбежки, немецкие агенты просто не знали, что им делать с девчушкой. В Ирландию они отвезли ее по собственной инициативе, согласитесь, это была далеко не легкая задача для двух шпионов... Лишь спустя какое-то время разведслужбе, которая занималась Эдвардом Купером, стало известно о

судьбе его семьи, по у нее не было тогда возможности связаться с Купером и спросить у него, как поступить с девочкой, которая к тому же официально считалась погибшей в Лондоне. Естественно, все, что было предпринято, еще более изолировало девочку от семьи. Когда, наконец, Купер вновь выплыл на поверхность, завершив одну из своих вылазок на вражескую территорию, ему сообщили о смерти жены и чудесном спасении малышки. Как он воспринял известие о печальной судьбе супруги и счастливом жребии ребенка, не знаю... Знаю одно: он понимал, что не может взять на себя заботу о ней, но она должна нормально расти и воспитываться в той стране, которую он избрал. Таким образом, моя милочка, ты стала Лиз фон Шаумберг, а твой отец, заведомо зная, что больше никогда не встретится с тобой, распорядился, чтобы его постоянно держали в курсе твоей жизни. Он сохранил за собой обязанности отца, но вынужден был отказать себе в родительских радостях.

— Выходит, Гюнтер знал моего отца, — сказала Лиз.

— Несомненно. Он встречал его, когда тот перелетел Ла-Манш. Работал с ним.

— Я видела его когда-нибудь?

— Нет, не думаю.

— Отец одобрял мое замужество?

— Он был доволен твоей жизнью. Он уважал твоего супруга.

— О боже, — простила она, вцепившись пальцами в лицо, закрыв глаза, мотая головой из стороны в сторону, издавая какие-то невнятные звуки вместо слов, содрагаясь от ужаса, горечи, разочарования, несбывшихся надежд, полного одиночества в своей жизни. Питерсон безучастно наблюдал за ней. Наконец ее рыдания стихли. Она сидела, подняв плечи, узкие, хрупкие, точно у подростка, съевшаяся, скорбная, несчастная.

— До прошлой осени, — Рошлер повернулся, чтобы взглянуть на часы, — все шло согласно плану. Вы и Сирил оставались полностью в стороне. Лиз — возможно, несколько неуравновешенная современная женщина, но не более неуравновешенная, чем большинство из них, — была вполне удовлетворена своей жизнью. Политической деятельностью мужа она не интересовалась, а посему не представляла никакой угрозы для нацистского движения. Гюнтер сознавал, что его семейная жизнь далеко не идеальна, однако считал свои отношения с тобой, Лиз, значительными по двум причинам: во-первых, он любил тебя как женщину, а во-вторых, ты представляла собой фигуру в смысле преимущества

внутри движения. Неважно, что ты даже не догадывалась о своем происхождении, главное, что он знал это. Ты для него была гораздо больше, чем просто жена. В Южной Америке дела шли отлично. В Африке и на Ближнем Востоке — тоже.

Питерсон прервал его:

— Доктор, позвольте вставить слово.

— Только не тяните, мистер Питерсон. Времени остается в обрез.

— Опять судьба, маленькие жернова судьбы, от которых кости трещат. Хорошо, Гюнтер Брендель едет в Глазго на торговую ярмарку проверить сделку по продаже в Германии нового сорта виски. Отупеть можно! — Кулак Питерсона с силой врезался в ладонь. — Чертовски здорово! Абсолютно чистая случайность: он и понятия не имеет, что Сирил Купер как-то причастен к этому паскудному зелью, которое Брендель собирается закупить по дешевке! Да и откуда ему знать? Имя Купера нигде не фигурирует. И вот Брендель отправляется в Глазго, и вы думаете, он едет в эту, казалось бы, небольшую обыкновенную деловую поездку один? Как бы не так — он прихватывает с собой несчастную, неуравновешенную молодую жену: у нее, видите ли, депрессия, ей нужна перемена обстановки, в общем, какого черта, махнем в Глазго, удерем хоть на время от всей этой рутины! — Питерсон был весь в поту, на губах играла зловещая, как ночь в джунглях, улыбка. — В самом деле, почему бы и нет, черт побери?! И они уезжают. Теперь следующий роковой поворот судьбы: Джек Дамфриз договаривается с Алистером Кемпбеллом, дошлым, вечно пьяным мелким газетчиком, сделать снимок своего знатного немецкого гостя. Весьма удачный шаг мистера Дамфриза — отличная реклама для сивухи с запахом грязных теннисных носков плюс еще одна удачная сделка, есть чем похвастаться перед хозяином, а также немного пощекотать самолюбие приезжего немца. Прелестно. А фрау Брендель — ну чем не кинозвезда, красавица, тиснем и ее в газету!

Снова судьба! Чем дальше в лес, тем больше дров. — Он оглядел нас, сверкая белыми зубами из-под своих бандитских усов. — Может, Дамфриз хотя бы знает, когда Сирил Купер наведается в Глазго и зайдет в контору? Черта с два! Случай... Появись Сирил неделей, месяцем позже, Дамфриз, возможно, успел бы забыть свой кратковременный взлет, а эта газета никогда не оказалась бы на столе, за которым завтракал Сирил Купер. Однако не дьявольщина ли — Сирил появляется в Глазго как раз в тот самый день, когда

выходит газета с этой фотографией! И что же он видит? Как по-вашему, черт побери? Он видит портрет своей матери!

Рошлер смотрел на Питерсона, и во взгляде его было что-то похожее на восхищение. Ли слушала открыв рот. Питерсон подмигнул мне.

— Тогда Сирил Купер отправляется в Германию. Что у него на уме? Не знаю. Скорее всего, его не интересуют запутанные политические махинации Гюнтера Бренделя. У него лишь фотография и зародыш идеи. В самом деле, почему не навести кое-какие справки, чего он теряет? Он связывается с вами, Ли. Докучает вам, выбивает почву из-под ваших ног. Интересуется, известно ли вам, кто вы родом, и вы решаете, что, может, и взаправду этого не знаете. Он говорит с вами, доктор, и договаривается до того, что его приходится тайком вывозить из города. Но ему что-то становится ясно. Одному богу известно, как он допер до всего этого, но он, возможно, что-то пронюхал о своем отце. Помните телеграмму, Джон? Там говорится, что семейному древу нужен уход. После этого Сирил, до смерти встревожив здесь всех, решает махнуть в Буэнос-Айрес, чтобы «побеседовать» с Котманом и Сент-Джоном. Уверяю вас, он уже успел сообразить, что к чему.

— Почему они тогда же не убили его? — спросила Ли. Она выглядела ужасно, глаза ее покраснели, лицо покрылось пятнами. В конце концов, это ее жизнь, и ничего важнее для нее быть не могло.

На ее вопрос ответил Рошлер:

— Потому что он был сыном Эдварда Купера. Убей они его — и им пришлось бы отвечать перед кем-то свыше.

— Разворошив муравейник в Буэнос-Айресе, — продолжал Питерсон, — Сирил отправляет телеграмму Джону в Кембридж, и Джон на машине пускается в путь. Сирил прилетает чуть раньше самолетом, приезжает в родительский дом в Куперс-Фолсе и поджидает, когда прибывает Джон. — Питерсон поднял руку и начал на пальцах отсчитывать события. — Итак, Джон мчитя через всю страну в Куперс-Фолс. Сирил в свой последний вечер поджидает брата дома. В пути на Джона совершают нападение двое мужчин и бросают его на дороге, полагая, что он убит. А Сирила действительно убивают — ядом. Джон остается в живых после нападения и приезжает домой на следующий день или, точнее, в тот же день, но поздно вечером. Дома нет никого, и он проводит ночь во флигеле, а на завтра обнаруживает труп Сирила Купера — тот мертв уже, считай, сутки, убит приблизительно в то самое время, когда Джон вернулся до-

мой. Не исключено, что убийца все еще находился в доме, когда приехал Джон и решил, что там никого нет. Выходит, доктор Рошлер, кому-то было в высшей степени наплевать, придется ли ему отвечать перед «кем-то свыше». Правда, надо заметить, что с тех пор они покушались на Джона Купера неоднократно, причем крайне неумело. И это были люди Бренделя. Сейчас нет смысла вдаваться в подробности. Достаточно сказать, что некоторые из них погибли за последнее время...

Рошлер в недоумении вскинул брови.

— Одного из них, по имени Майло Киппюз, из тех двоих, что устроили Джону засаду на шоссе, я прибил в Лондоне. Другого прикончил сам Джон в Куперс-Фолсе. — Питерсон глубоко вздохнул, отошел и облокотился о каминную полку. — А все из-за того, что Лиз Брендель на самом деле — Ли Купер, сестра Джона, сестра Сирила...

— Тут вы не совсем правы, — вставил Рошлер. — Чья она сестра, никогда не имело значения. Важно — чья она дочь, в этом было все дело.

Моя сестра вытерла слезы полкой джинсовой куртки. Я увидел ее тоненькую обнаженную талию, заметил, как дрожали ее руки. В наступившей тишине она подняла глаза, спросила:

— Что же будет со мной?

Никто из нас не знал, что ей ответить.

Рошлер стал туго стягивать Ли грудь эластичным бинтом на случай, если у нее повреждено ребро. Перевязывая ее, он стоял у кухонного стола, излагая нам план дальнейших действий, беспрестанно поглядывая на часы. Ли сидела на столе, обнаженная до пояса. Плечи ее были отведены назад, глаза закрыты, лицо напряженное, обиженное и очень утомленное.

Рошлер сообщил нам, что организовал наш вылет в Соединенные Штаты рейсовым самолетом из Мюнхена через Лондон в Нью-Йорк. В Нью-Йорке нас встретят друзья и препроводят дальше. Сказал, что выбора у нас, собственно, нет — поиски моей сестры завершены, настало время возвращаться домой.

— Вы хотите сказать, что это все? — спросил Питерсон.

— Именно так, мистер Питерсон. — Продолжая перевязывать Ли, Рошлер поднял на нас глаза. — И вы сделаете так, как вам сказано. Без моего содействия вы оба — мертвецы. На этот раз промашки не будет, уверяю вас. — Улыб-

ка сошла с его лица. Перед нами стоял уже не тот доктор Рошлер, какого мы знали. Теперь он приказывал нам, и Питерсон понял это.

Спустя какое-то время Рошлер и Питерсон поднялись наверх соснуть часок-другой. Наш вылет был назначен на семь утра. Мы с Ли остались в комнате одни. Сидели на полу возле камина, глядя на огонь. В доме было тихо. Огонь в камине догорал, через дымоход доносился шум дождя и ветра.

— Что делать? — спросил я.

Ли со стоном задвигалась у огня:

— Сегодня вечером ты уже будешь дома.

— Я имею в виду тебя. Пойми, Ли, все, что я делал с того момента, как увидел в Буэнос-Айресе эту газетную вырезку с твоей фотографией, я делал ради тебя. Забыв обо всем на свете, я перестал искать убийцу своего брата, думал лишь о том, как найти тебя, увидеть своими глазами, убедиться, что ты моя сестра.

— Что ж, ты преуспел. Я уже раньше задавала тебе вопрос, стоило ли делать все это. Спрашивала, какая разница... — Глубоко вздохнув, она сморщилась от боли.

— Значит, это тебя не волнует? Я нашел тебя. Из-за этого гибли люди...

— Мой муж и мой любовник погибли из-за тебя.

— Я сожалею об этом.

— Конечно, сожалеешь. Но ты можешь вернуться к своей прежней жизни, понимаешь, а у меня ее больше нет, ничего не ждет меня впереди, разве только Альфред Котман со своими оловянными солдатиками.

— У тебя есть Рошлер...

— Да, и он постарается удержать меня от чрезмерного увлечения лекарствами. Он не даст меня в обиду, если кому-то вздумается причинить мне вред. У меня остается мой балетный класс. Я могу заполнить свои дни, занимаясь с девочками. Я вернусь в загородный дом, где убили моего мужа. Слуги наверняка уже привели дом в порядок после того вечера, в вазах стоят свежие цветы, а весной мы откроем окна и проветрим весь дом.

— Почему бы тебе не поехать с нами?

— Зачем?

— Ты ведь из семьи Куперов. Поедем со мной в Куперс-Фолс.

— С какой стати, скажи на милость?

— Будем вместе. Узнаем друг друга поближе.

— Вот что, Джон, я не желаю узнавать тебя ближе. Ты

слышишь меня? Ты можешь думать, что я — Купер, можешь хотеть, чтобы я была рядом, хотеть лучше узнать меня... можешь хотеть многое другое. Ты стремился найти меня во что бы то ни стало, и ты добился своего. Но моя жизнь из-за тебя стала бессмысленной. У меня никого не осталось — ни Гюнтера, ни Зигфрида, никого. Ты разрушил все... Нет, будь добр, выслушай меня. Я говорю тебе это в первый и последний раз. Когда ты уедешь, я останусь совсем одна. Попытайся понять меня, я так хочу. Ты мне не нужен — ни здесь, ни где-нибудь еще. У меня нет ненависти к тебе, просто я хочу забыть тебя. Но я никогда не смогу забыть о том, что ты и твой друг сделали со мной, с моей жизнью. Но я немка, я сильная женщина и не совершила ничего, о чем мне пришлось бы сожалеть. Ты же совершил и теперь будешь жить, терзаясь тем, что ты со мной сделал. Помочь тебе я ничем не могу, простить тебя я не хочу, а просто постараюсь продолжать жить так, как сама считаю нужным. Ты понимаешь меня?

У меня не было сил ответить, а она жестко продолжала:

— Я не испытываю к тебе сочувствия. Ни капельки. Ты потерял брата. Я потеряла гораздо, гораздо больше.

— Он был и твоим братом. — Слова душили меня.

— Может, ты в самом деле ненормальный? — заметила она спокойно. — Ты называешь его моим братом. Он был твоим братом. Для меня он никто, так же как и ты. Ты — это просто имя, связанное с причиненным мне злом. Я выживу, смогу преодолеть все, смогу прийти в себя. Я уже начала приходить в себя. Помоги мне подняться, пожалуйста.

Я встал, подал Ли руку, поставил ее на ноги. Лицо сестры было абсолютно невозмутимым. Она смотрела мне в глаза, стояла рядом, но я чувствовал себя совсем одиноким. По щекам у меня текли слезы.

— А теперь прощай, Джон.

Импульсивно она притянула к себе мою голову, и я ощутил на губах ее поцелуй, неторопливый и бесстрастный. Я осторожно взял ее за плечи, чтобы не причинить боль, поцеловал мягкую сухую щеку, глаза, волосы. Она начала медленно отодвигаться от меня, потом высвободилась совсем.

— Тебе надо немного отдохнуть, — сказала она уже на ходу. — Когда вы уедете, я буду еще спать. Она остановилась в двери, ведущей в коридор: — Прощай, Джон.

Я смотрел ей вслед, пока на лестнице раздавались ее шаги.

— Прощай, Ли.

Но никого уже не было, никто меня не услышал. Моя маленькая сестренка Ли ушла.

Утро выдалось пасмурное, дождь лил не переставая. Снег почти весь растаял. В канавах журчала вода. Машина стояла под навесом. Свет фар прорезал пелену дождя. Блестела булыжная подъездная дорожка. Питерсон разговаривал с Рошлером.

— Если он попросит таблетку, — говорил Рошлер, — дайте ему одну желтую. Это его успокоит, он сможет поспать. За полчаса до посадки в Нью-Йорке дайте ему одну красненькую и одну зеленую, это взбодрит его и немного поднимет настроение. — Они говорили обо мне. Рошлер тронул меня за рукав: — Вам нужен отдых и нужно время, чтобы правильно все оценить. Запомните мои слова: вы изумитесь, насколько прекрасным будет ваше самочувствие после недельного отдыха. Теперь же, — он легко похлопал меня по спине, — чем скорее вы уедете отсюда, тем лучше. — Он пожал руку Питерсону.

Я же думал о ней: она где-то там, в доме, лежит в своей постели без сна, дрожа от холода. Вспомнив ее последние слова о том, что я с ней сделал, я с трудом проглотил комок в горле.

— Поддержите ее, — попросил я.

Водитель распахнул дверцу «мерседеса», держа над моей головой черный зонт. Питерсон уже сидел в машине.

— Не беспокойтесь, — сказал мне вслед Рошлер.

Он стоял на ступеньках крыльца, пока мы медленно ехали по узкой аллее. «Дворники» метались по стеклу. В конце аллеи я оглянулся. На третьем этаже узкого старого здания в одном из окон вспыхнул свет, раздвинулись белые занавески, но машина уже свернула на улицу, и на этом все кончилось...

Аэровокзал блистал чистотой, сверкал металлом, был ярко освещен, точно школьный зал в дождливые дни моего детства. Я плохо соображал, с трудом ориентировался и без Питерсона наверняка запутался бы и пропустил свой рейс. Но он взял все на себя, сдал багаж, оформил посадочные талоны. Углубленный в свои чувства, я предоставил ему заботиться обо мне, в то время как мои мысли беспомощно блуждали в воспоминаниях, вытеснявших из сознания действительность. Я сидел в кресле у окна, глядя, как крупные, точно слезы, дождевые капли растекались по стеклу, по мере того как самолет набирал скорость, разгоняясь по

взлетной дорожке. Потом я покорно, как послушный ребенок, съел свой завтрак, пока мы выходили из облачности и полосы дождя и поднимались в расплавленное небо, где, как расходящиеся золотые спицы, блестели солнечные лучи. Германия осталась позади.

ДОМА

Несколько часов спустя, когда мы пролетали уже над Атлантикой, я очнулся от сна, чувствуя себя более или менее отдохнувшим. В солнечном свете океан казался металлически серым, безоблачное небо — прозрачно-голубым. Питерсон заметил, что я проснулся.

— Как самочувствие?

— Сносное.

— Хотите чего-нибудь выпить?

— Томатного соку со специями.

Мы поднялись по маленькой винтовой лесенке в салон, уселись в черные кожаные кресла и стали слушать музыкальную запись. Пианист исполнял «Где или когда». Я пил томатный сок, безрезультатно пытаюсь вспомнить, где в последний раз слышал эту мелодию.

— Ну, за ваше здоровье, — сказал Питерсон, делая глоток.

— За ваше, — ответил я, и он расплылся в улыбке, покачивая головой.

Потом мы некоторое время сидели молча.

— Ну что, Джон, — проговорил он наконец, — выходит, мы почти ничего не достигли, а?

— Не знаю. Пожалуй, да.

— А я все думаю, неужели вашего брата убил Майло Киппюэз?

— Наверное, этого мы никогда не узнаем. Но меня он точно собирался угробить.

Питерсон кивнул.

— Как по-вашему, что Сирил хотел сообщить мне?

— Думаю, он о многом догадался. Возможно, испытывал то же чувство, что и мы сейчас. Я, например, не знаю, кому, черт побери, мы можем рассказать обо всем этом. Сирил мог поделиться с вами и как-то облегчил бы душу. А нам с кем прикажете делиться? Мыслимо ли кому-то объяснить все это? Дело не в том, что над нами только посмеются, нет... просто всем наш рассказ покажется бессмысленным. Заговор как двигатель истории — последняя степень нара-

пойя. Каким способом бить тревогу? Предъявить трупы? Раскрыть Стейнза? Убедить Року или Марию Долдорф выступить в Буэнос-Айресе?

Я вспомнил о ней, вспомнил игроков в гольф в парке Палермо, ночной пожар. Никто не выступит. Дело слишком крупное, слишком дерзкое и слишком хорошо замаскированное.

Он вздохнул, глубоко задумался, потом сказал:

— Знают, мерзавцы, что мы связаны по рукам и ногам, знают, что мы не в состоянии их разоблачить. И тем не менее...

— Что?

— Зачем они отпустили нас? Ведь они пошли на риск.

— Вы забываете, что я из семейства Куперов. Кому хочется брать на себя ответственность за убийство сына Эдварда Купера?

— Но ведь Сирила-то убили?! Да и перед кем им отвечать? Кто, черт побери, сидит там, наверху?

— Этого мы тоже никогда не узнаем, — ответил я.

— Какое-то время назад они хотели убить вас, а теперь? Почему? В любом парадоксе всегда есть какая-то логика. Почему тогда — да, а теперь — нет? Кто-то крепко защищает вас, Купер, иного объяснения не придумаешь.

— Собственно, какая нам разница? — спросил я.

— Никакой, если все кончено. Абсолютно никакой.

— Если все кончено? Что это значит? Что может быть еще?

— Ничего конкретного я не имел в виду.

Я долго смотрел в окно.

— Все напрасно... — произнес наконец Питерсон.

— Что? — Я медленно возвращался к действительности.

— Чокнутая. Я не о том, что она не стоит этого... Она, может, и ничего, если вам нравятся психованные. Я говорю: все остальное напрасно. Вот вы сейчас сидите здесь, думаете о ней, гадаете, увидите ли вы ее еще когда-нибудь, ломаете себе голову, с какого момента все пошло кувырком. Так вот, позвольте вам заметить, иначе и быть не могло. Кувырком все шло с самого начала. Я понял это сразу, в тот день, когда вы впервые рассказали мне о ней.

— Вы не понимаете, — сказал я. Лицо у меня горело, я покрылся потом.

— Ерунда, — отозвался Питерсон вполголоса. — Я все прекрасно понимаю. Дело в том, что с тех пор как вы увидели ее, вы никогда не относились к ней как к сестре. Вы продолжали твердить ей, что она ваша сестра, но на самом

деле увлеклись ею как женщиной. Вы влюбились в нее. Еще там, в Лондоне, когда вы вернулись после того, как следили за ней весь день, вы уже были влюблены. Вы влюбились в нее с первого взгляда. Но, черт побери, что я мог поделывать? Тогда существовали гораздо более важные проблемы, чем вопрос, сестра ли она вам.

А теперь поставьте себя на ее место. Она не знает, кто вы — ее брат или нет, однако она — женщина, притом несчастная, и, должно быть, почувствовала ваше к ней отношение. Что ей оставалось делать? Предположим, вы тоже заинтересовали ее, но у нее собственных проблем хоть отбавляй. Как я уже сказал, Купер, она всего лишь женщина... А тут на нее как с небес валятся какие-то мужчины и утверждают, что они ее братья. Вы же ведете себя далеко не по-братски. Она в растерянности — что делать? Не понимает, что происходит, во всяком случае, понимает не больше вашего. И вдруг — бац! Вчера вечером все сомнения рассеиваются: она действительно ваша сестра, но знает, что вы независимо от этого любите ее как женщину. — Он покачал головой, осушил стакан. — Положение циковое. Не знаю, что было между вами два последних вечера, и знать не хочу. Но советую вам взглянуть на все с ее точки зрения. Перестаньте жалеть себя, Джонни, подумайте лучше о ней.

— О ней я и думаю, — ответил я.

— Проклятие! — выругался Питерсон.

— А в чем, собственно, дело?

Питерсон посмотрел на меня с сочувствием.

— «Все люди издавна и свято верят, — начал он, и по его тону я понял, что это цитата, — свободный от отчаянья и мук, есть за морем обетованный берег, где с другом вновь соединится друг». — Он прокашлялся. — Где-то вычитал. Когда-то.

— Ну что ж, — сказал я, — меня это вполне устраивает.

Под нами Нью-Йорк сверкал огнями. Наш «Бойнг-747» снижался в ночном небе, плыл сквозь разодранные клочья облаков, похожих на клубы дыма от взрывов зенитных снарядов с укреплений Лонг-Айленда. В здании аэропорта Кеннеди было тепло. Мы прошли по коридору в зал для пассажиров международных рейсов. Вокруг нас взад и вперед сновали люди. Дождь полосовал огромные стекла окон.

Двое мужчин в коричневых костюмах, узких галстуках и мокрых бежевых плащах подошли к нам, когда мы покидали секцию таможенного досмотра. Эти здоровенные парни

походили на бухгалтеров с малоприметной внешностью, как и те, что приехали в замок, убили Зигфрида и увезли нас в Мюнхен.

— Мистер Питерсон? Мистер Купер? Пожалуйста, пройдемте с нами. На одну минутку. — Один из них пошел впереди нас, другой замыкал процессию. Мы оказались в небольшом служебном помещении. Окна, зашторенные кремовыми занавесками, выходили в зал. Бледно-зеленые стены нуждались в покраске. Современный письменный стол из стали и пластика, имитирующего фактуру дерева, был обращен в сторону двери. Комната казалась безликой, скучной.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Мы быстренько. Вы, надо полагать, устали.

— Верно, устали. А теперь позвольте узнать, кто вы такие, черт побери? — спросил Питерсон.

— Меня зовут Джексон, а это — мистер Уитни. — Джексон быстрым движением раскрыл бумажник из искусственной крокодиловой кожи и показал его Питерсону. Тот хмуро уставился на небольшое, с золотой окантовкой, удостоверение в пластмассовой оболочке. — Вот вам билеты. — Он протянул каждому из нас по конверту. Уитни ловко навесил багажные бирки на наши чемоданы. — Вам командировка в Вашингтон, — сказал Питерсону Джексон, невозмутимо, деловито, приятным голосом, словно он только тем и занимался, что похищал сошедших с самолета людей и объяснял им, кто он такой.

Питерсон посмотрел свой билет.

— Авиакомпания «Истерн эйрлайнз», — пробормотал он. У меня была «Юнайтед».

— Могу заверить вас, что билеты в порядке, господа. Время дорого. Есть вопросы?

— Вы чертовски правы, есть, — сказал Питерсон. — Я не полечу в Вашингтон. Я поеду с ним... — он выхватил мой билет, открыл его, провел пальцем по нужной строке, — в Миннеаполис. Я лечу в Миннеаполис вместе с Купером.

— Прошу вас, мистер Питерсон, давайте не будем затевать здесь скандал, — подал голос Уитни. Говорил он властно, правда, плащ на нем был такой задрипанный, что Уитни вряд ли можно было посчитать важным деловым человеком. «Интересно, кто они, — подумал я. — Впрочем, какая разница? Рошлер же сказал, что нас встретят». — Сегодня вечером вы должны быть в Вашингтоне, мистер Питерсон. Так что пора идти... и без фокусов, — закончил Уитни.

— Послушайте, незачем напрашиваться на неприятность. Все мы делаем одно дело. Это крайне важно, мистер Питерсон. Ваша поездка согласована и подготовлена. Если вы не доверяете нам, поверьте доктору Рошлеру. — Говоря это, Джексон ободряюще улыбался.

— Пошли, Джордж, — сказал Уитни, — мне в высшей степени безразлично, верит он тебе или нет. Поедет как миленький! — Он схватил Питерсона за рукав, и в этом был его просчет.

Питерсон стиснул руку Уитни своей огромной лапой:

— Мистер Джексон, вы дорожите жизнью этого идиота?

Глаза Уитни расширились, кровь начала отливать от лица.

— Конечно, дорожу, — ответил Джексон. — Пожалуй, мы производим неважное впечатление, не так ли? Прошу вас, мистер Питерсон, следуйте с нами в Вашингтон и, пожалуйста, постарайтесь не покалечить мистера Уитни.

— В таком случае скажите, кто вы, мистер Джексон.

— К сожалению, не могу. На этот счет у меня совершенно точные указания. В Вашингтоне вам все объяснят.

— Что будет с Купером?

— Он полетит в Миннеаполис один. Через неделю вы встретитесь с ним. Слово чести.

Только после этого Питерсон выпустил руку Уитни. Тот прислонился к косяку двери, вытер выступивший на лбу пот. Питерсон разразился громким добродушным смехом:

— С ума сойти! Слово чести! Хорошо, хорошо, Джексон, будь по-вашему...

— Ну, тогда пошли. — Он открыл дверь.

Питерсон положил руку мне на плечо:

— Как вернусь, позвоню. И помните: все будет хорошо.

Они ушли. Я смотрел им вслед. До отправления моего самолета оставался еще целый час. Я пошел выпил кофе, побродил по залу, разглядывая чучела животных и всякую дребедень, которую обычно родители привозят детям в доказательство того, что они побывали в Нью-Йорке. Но у меня не было детей, а в Нью-Йорке я не задержался.

Когда я прилетел в Миннеаполис, было уже поздно. Людей в зале оказалось мало, и в полупустом помещении гулко звучали их шаги. Я подумал, что надо взять такси, и тут услышал свою фамилию.

— Мистер Джон Купер, пассажир Джон Купер, вас просят подойти к справочному бюро авиакомпании «Норсвест эйрлайнз». Джон Купер, вас просят подойти к справочному

бюро авиакомпании «Норсвест эйрлайнз»!—объявили по радио.

Усталого вида мужчина в справочном бюро вздел очки с кончика носа на переносицу, принялся шарить под стойкой и выудил оттуда обычный белый канцелярский конверт, на котором толстым черным карандашом печатными буквами была выведена моя фамилия.

Я взял конверт. В одном месте его чувствовалось утолщение. От усталости, от нервного напряжения руки у меня дрожали. В конверте не было никакой записки, только ключи от «линкольна», которые я оставил вместе с машиной в гараже в Куперс-Фолсе, и листок бумаги, на котором было написано: «Ряд 9, место 5». Очевидно, там стояла моя машина. Но ведь о моем приезде никто не знал. Хотя теперь мне было все равно. Пусть все идет к черту! Что-нибудь понять я уже не пытался.

Я получил свою сумку, спустившись на этаж ниже, где почти не было людей. Улица встретила меня сыростью и холодом. Умытые дождем, ярко сияли звезды. С ревом и свистом взмыл вверх реактивный лайнер. Громадный, красно-белый, он без видимого усилия преодолевал высоту. Я вернулся в свою страну, и теперь все будет хорошо. Теперь все пойдет как надо.

Машина была как новенькая: свежеевыкрашенная в серебристый цвет, отполированная, без вмятины на боку. Крупные дождевые капли сверкали на ее блестящей поверхности. Все теперь будет замечательно. Я набил трубку, закурил и стал ждать, пока прогреется двигатель.

Меня охватило ощущение полного благополучия, которое, как я хорошо знал, люди испытывают после чрезмерного напряжения. А поскольку я не мог изменить это состояние, то решил: бог с ним, пусть мне будет хорошо. В таком благодушном настроении я выехал со стоянки, неторопливо двинулся по автострате навстречу огням Миннеаполиса и по знакомым дорогам, пронизывая темень ночи с холодным и сырым весенним ветром, устремился к Куперс-Фолсу. Я ехал не по опасным неведомым дорогам сквозь ночную темень на Лендс-Энде и острове Кэт, не по горам через перевалы мимо Бад-Тольца — я ехал к себе домой.

Но вот передо мной возникли знакомые ворота, я въехал в них и по извилистой подъездной дорожке приблизился к дому. Чувствовал я себя теперь уже не так хорошо. Я вытер перчаткой вспотевший лоб и некоторое время посидел в машине, потом погасил фары, выключил мотор и опустил стекло. Стояла тишина. Я вылез из машины, сделал глубо-

кий вдох. Ярko светила луна, и тени от предметов казались четкими и мрачными. Мой взгляд упал на низкие железные перила вдоль дороги, и в какой-то миг мне послышался ужасающий скрежет и треск, когда снегоход на полном ходу налетел на них своими лыжами... Но было по-прежнему тихо, и когда я повернулся взглянуть на то место, где погиб долговязый, то не увидел ничего.

Говорят, что спокойная, размеренная жизнь по раз и навсегда установленному порядку есть средство борьбы с грозющим безумием. Именно с этой мыслью я проснулся на следующее утро во флигеле. Мне вдруг показалось, что я только вчера приехал из Бостона, чтобы встретиться с Сирилом. Но в следующую минуту я понял: я здесь не в первый раз, а во второй, а Сирила нет и не будет.

Поднявшись с постели, я принял душ, постоял под холодными струями, стуча зубами. Затем какое-то время побыл на кухне, наблюдая из окна, как падает капель с сосулек на карнизе, потом приготовил себе кофе, нашел клубничное варенье и стал есть его прямо из банки.

Лучи солнца блестели на тающем льду озера. Я оделся, вышел во двор, провел рукой по «линкольну». Ранняя весна наполнила воздух сыростью и благоуханием, дышалось легко. Еще могли быть густые снегопады, глубокие снега — так было всегда, однако сегодняшнее тепло радовало, казалось, все оживает, природа пробуждается от зимнего сна. Слой снега на влажной земле становился все тоньше.

Я вернулся в дом, ополоснул чашку, закрутил крышку на банке с вареньем, вымыл ложку и все убрал. Прошел в спальню, застелил кровать покрывалом, убедился, что угли в камине, который я, очевидно, разжег перед тем, как лечь, прогорели. Быть методичным значит быть в своем уме, и я старался действовать как можно более собранно и размеренно.

Наслаждаясь прекрасным утром, я медленно доехал до города. Здание городского управления лежало в руинах. Снег покрывал их пятнами, точно мох. На дощатом заборе, ограждающем пепелище, раскачивались городские ребятишки. Я оставил «линкольн» на стоянке и поднялся в приемную доктора Брэдли.

Доктор стоял, склонившись над журналом записи на прием. Когда я вошел, он поднял голову и взглянул на меня поверх очков.

— О, Джон! — воскликнул он и выпрямился, высокий,

сутулый, в дорогом синем костюме. — Какой сюрприз! Когда ты приехал? — Он явно был рад меня видеть.

— Вчера вечером, — ответил я.

— Олаф с тобой? — Доктор жестом пригласил меня в свой кабинет и вошел следом, оставив дверь в приемную открытой.

— Да нет, — сказал я. — У него оказались дела в Вашингтоне.

— В Вашингтоне, — произнес Брэдли, глубокомысленно кивая. — Последнее время этих ребят из Вашингтона что-то не видать, а до того их была тут целая орава. Из ФБР, из контрразведки... Упаси нас бог и помидуй. А знаешь, потом они уехали, жизнь вошла в свою колею. Только черные развалины напоминали о случившемся. Снова стало спокойно и тихо, точно беса изгнали заклинаниями. — Он опять улыбнулся. — Но ты лучше скажи, как твоя бедная головушка? Мучили головные боли?

Я успокоил его на этот счет, но, когда он спросил, чем мы с Питерсоном занимались все это время, я не знал, что ответить, и неопределенно сказал:

— Метались по Европе, только все зря.

— Узнали, кто убил Сирила?

Я отрицательно покачал головой, обдумывая ответ.

Как рассказать ему о «Шпинне», о гигантских подводных лодках, о человеке Айвора Стейнза, о таких людях, как Брендель, мой дед? И как бы реагировал Брэдли, сообщив ему о своем отце? Все тесно переплеталось, как нить гигантского, поминутно дергающегося паука. Паутина тянулась бесконечная, а описать бесконечность всегда было делом нелегким.

— Бессмысленное убийство... — начал он, потом вдруг заморгал. — Впрочем, по-видимому, не бессмысленное. Просто я не знаю, что и предположить, а если бы и знал, вряд ли это имело бы какое-то значение. — Он развернул рождественский леденец с красными и белыми разводами. — Всегда держу их для ребятишек, — сказал он, скомкав целлофановую обертку. — Но их нынче в Куперс-Фолсе раз, два и обчелся. Время летит, Джон.

— Извините, доктор Брэдли, я пришел к вам узнать, как чувствует себя Артур? Можно повидать его?

Брэдли сложил руки на груди и откинулся на спинку вращающегося кожаного кресла возле массивного письменного стола.

— Что касается Артура, случай этот весьма необычный. У человека подобных габаритов, притом в преклонном воз-

расте, — сердечный приступ. Хорошего в этом мало, особенно если учесть излишек веса и изношенность сосудов. В общем, старая история. Произошло это в отеле. Однажды он просто-напросто свалился во время обеда, рухнул лицом в свой омлет с сыром. Я предупреждал его, чтобы он исключил яйца из рациона, но он не мог отказаться от омлета, как и от своих огромных сигар. Как бы то ни было, мы положили его в больницу, и я сделал все, что положено делать в таких случаях. Но помимо всего прочего, у него оказалось еще и воспаление легких. Расхаживая вот так на морозе, ничего не стоит получить пневмонию.

— Но как он? Жив?

— О да, с ним теперь все в порядке. Он долго болел. Много дней находился без сознания, но потом пришел в себя. Я бы сказал: его организм отдыхал. Огромное стремление выжить, прекрасная сопротивляемость. Обычно люди называют это волей к жизни. Он просто лежал, борясь с недугом, потом вдруг взял и очнулся. — Брови у Брэдли взлетели вверх, он в недоумении пожал плечами. — Первые его слова, которые он произнес, наверное, удивят тебя. Очнувшись, он спросил: «Где Джон? Что с ним?» Можешь себе представить, сам едва выкарабкался, а первая мысль — о тебе...

— Интересно, почему он так беспокоился обо мне?

— По-видимому, он думал о тебе, когда его хватил инфаркт, размышлял, что же все-таки произошло до вашего с Питерсоном отъезда. Придя в себя, он продолжал домысливать то, о чем думал, когда свалился. Теперь меня, Джон, ничем не удивишь, абсолютно ничем. — Доктор снял с носа очки, выдернул из коробки на столе бумажную салфетку, аккуратно сложил ее и, подышав на стекла, принялся протирать их. — Вчера он отправился домой. Я сам отвез его. Состояние его вполне сносное, хотя, конечно, дни Артура сочтены. И он понимает это. Однако, соблюдая разумную осторожность, он может прожить еще несколько лет. — Брэдли вновь нацепил очки, закрутил дужки за уши. — Он будет рад тебе, Джон.

— Я тоже буду рад его видеть, — ответил я. — Так мало осталось, во что еще можно верить. В Артура верить можно.

Брэдли посмотрел на часы:

— Я жду одного пациента, Джон. Повреждена рука. Говорит, ему нужно болеутоляющее. По крайней мере, я так понял из его слов... А тебе ничего не нужно из лекарств? Например, валиум или что-нибудь от головной

боли? — Он встал, я тоже поднялся, и мы вышли в приемную.

— Пожалуй, валиум, — согласился я.

Он вернулся в кабинет и принес пластмассовую бутылочку.

— Инструкция на этикетке, — сказал он. — Значит, ты собираешься к Артуру? Прямо сейчас?

— Да.

— Тогда я сначала позвоню ему. Чем меньше неожиданностей, тем лучше.

Я уже сидел в машине, когда из-за угла показался человек. Рука у него была на перевязи. Кого-то он мне смутно напоминал, но прежде, чем я успел сообразить, он скрылся за дверью. Мне показалось, что я некогда знал его. Впрочем, в Куперс-Фолсе жило много людей, которых я знал, еще когда был мальчишкой.

Всю дорогу до дома Бреннера я думал об отце. Что сказал бы Артур, узнав всю правду о нем? Но наверняка нет никакого смысла рассказывать ему это... разве не так?

День стоял чудесный, радостный.

Артур Бреннер встретил меня в дверях, похудевший, с тенями под глазами, однако, как всегда, сердечный и бодрый. Он заключил мою руку в свои.

Я выложил ему все, пока мы бродили по усадебным тропкам. Ласково пригревало солнышко, ноги мягко ступали по влажной земле, источавшей запах весны и талого снега. Вошли в чащу высоких, еще голых деревьев, буйно разросшихся в усадьбе Артура. Постояли, глядя на рыхлый тонкий лед на прудах, на низины, где еще лежал серый ноздреватый снег. Все это напомнило мне о наших с Сирилом давних походах — в высоких сапогах с отворотами, со складными ножами в карманах — к ревушим и грохочущим, вечно беспокойным водопадам, которые низвергались вниз.

Молчаливая поддержка Артура поощряла меня, и я рассказал ему о предательстве отца, о его верности той самой идеологии, за что стал парией мой дед. Мне хотелось извиниться перед ним за отца, за его злоупотребление доверием Бреннера. Слушая меня, Артур невозмутимо шагал, полы его длиннющего, необъятных размеров коричневого пальто хлопали чуть не по щиколоткам, коричневая кепка была низко надвинута на широкий лоб. Никогда прежде я не видел его таким постаревшим и утомленным. Сказывался возраст. Артур потуже затянул шарф на шее.

Занятый думами о прошлом, я не осознавал, куда мы направляемся, и вдруг услышал шум — это были наши во-

допады. Мы остановились у пропасти на плоском, скользком каменном выступе. Вода стремительно падала с края уступа, и бурный поток в белых султанах ревел, с грохотом падая вниз с огромной высоты, и разбивался, образуя целое облако хрустальных брызг. Вокруг поднимались холмы, темно-зеленые остроконечные ели устремлялись ввысь. Оранжево-розовый диск солнца, сияя, катился за горизонт.

— Когда я задумываюсь о смысле жизни, — голос Бреннера явно не соответствовал его болезненной внешности, — я прихожу сюда, смотрю на водопады и думаю о том, что они возникли здесь задолго до меня и останутся после того, как меня не станет; что звук падающей воды не прекращается ни на минуту, может быть, столетия. Мы — часть природы. Все мы... — Он повернулся спиной к водопадам и устремил взгляд вдаль, через поля, к заходящему солнцу.

В душе моей стало спокойно и умиротворенно, и никакие призраки не дожимали меня. Было безлюдно, точно Артур и я — единственные, кто остался на земле. Наконец он взял меня под руку, и мы отправились по извилистой тропке назад к дому.

— Не надо извиняться за своего отца, — сказал он, когда мы медленно шли в сгущавшихся сумерках. — Никогда не извиняйся ни за кого из Куперов, Джон. Это сильная порода, более сильная, чем тебе может казаться в данный момент.

— Нацисты, Артур, — возразил я. — Это гнездо нацистов.

— Возможно, на поверку все это не так. — Голос его, исходивший из могучей груди, был по-прежнему густым и сильным. — В обряде почитания предков у восточных народов заложен некий смысл. Преемственность, Джон, принадлежность к роду... Все мы связаны одной ниточкой, и никому не удалось, разорвав ее, остаться в живых. Ощущать себя частью великого целого — в конечном счете, может быть, это и есть главное.

Казалось, что я слышу, как со мной говорят многовековые скалы, рассказывают мне о быстротечности времени, о том, что все проходит, что друзья и враги рано или поздно уйдут в небытие...

— «Все люди издавна и свято верят, — произнес я, — свободный от отчаянья и мук, есть за морем обетованный берег, где с другом вновь соединится друг».

Артур взглянул на меня, и где-то в глубине его запавших после болезни глаз мелькнула улыбка.

Когда мы добрались до дома, оба чувствовали страшную усталость. Приготовили легкий ужин — яичницу с беконом

п чай, и он уговорил меня остаться у него ночевать. Я согласился, потому что испытывал смутную тревогу за Артура.

Прежде чем подняться к себе и лечь, он повел меня в подвал, в свою мастерскую.

«Атака Флауэрдью» стояла совсем законченная, обожженная, сияющая глиняем. Она сверкала в электрическом свете — настоящее произведение искусства. Атака Флауэрдью — пример отчаянной, но напрасной доблести.

На следующее утро мы с ним сидели в светлой, веселой гостиной. Артур приготовил и подал на подносе завтрак: омлет, булочки, масло, мед и по чашке чая. Солнечный свет заливал кресла и кушетку, обитые зелено-белым ситцем, цветы в вазах радовали глаз, в камине горел огонь. Из соседней комнаты доносилась музыка Баха.

— Ты поставил меня перед трудным выбором, Джон, — начал Артур. — Это мне стало ясно после того, как я поразмыслил над твоим вчерашним рассказом. Я долго не мог заснуть, все думал.

— Мне не хотелось расстраивать вас, — ответил я и, уставившись на чашку, принялся помешивать, чтобы остудить, горячий чай.

— Нет, нет, ты меня ничуть не расстроил, но поставил перед необходимостью выбора, и я решил, что делать. Я лежал в постели, прислушивался к биению своего сердца и размышлял, как долго оно будет еще биться. А много ли мне отведено времени до того, как я тихо уйду в небытие? А еще я думал о том, какую массу сведений тебе удалось получить за время своей поездки, сколько было загублено жизней. Вспоминал бесконечное отчаяние в твоем голосе и твоих глазах. Я старик, Джон. Я знаю, что отчаяние — пустое дело, никчемная штука. Что политика, война, борьба, в которые мы вовлекаем себя, в целом не что иное, как способ занять себя, пока мы живы...

— Не понимаю, о чем вы говорите, Артур.

— Я не воззрился вдруг бога на исходе своей жизни, и у меня нет никаких доказательств существования дьявола. И даже не знаю, что есть добро, а что — зло. Довольно часто именем бога мы оправдываем свои наихудшие намерения. Бог всегда на нашей стороне. Но что же важнее всего в конечном счете? — Он отхлебнул глоток обжигающе горячего чая. Солнечные лучики прыгали по его массивной голове с выпуклыми висками, с гладко зачесанными седыми волосами. — Личные достоинства, твоя цельность, твой характер... независимо от того, какому делу ты служишь. По-

рядочность, способность видеть, что нужно сделать для всеобщего блага, каким бы это благо ни было, стремление искоренить зло и страдание...

— Ясно, — отозвался я, хотя понимал далеко не все.

— Потому-то нацизм, каким он был когда-то, потерпел полный крах, — продолжал он. — Отсутствие порядочности, цельности, здравого смысла — и чаша весов стала неудержимо склоняться в сторону зла. Вести войну — одно дело, а проиграть ее — нечто совсем другое. Однако нацисты во главе со своим фюрером ничего не смыслили в этом, чем подтвердили свою несостоятельность. — Он вздохнул, устало улыбнулся мне и тихо добавил: — Это к лучшему, что они потерпели поражение.

— Да, к лучшему, — согласился я. Мысли мои вернулись к Ли, и я увидел, как белые занавески на третьем этаже в одном из окон старого здания медленно раздвигаются, раздвигаются... До чего же мне надоели нацисты! По мне, пусть захватывают весь мир, мне все равно!

— Я думал о твоём отце, Джон. Вспоминал, каким он был. Он был великим человеком, Джон, с большим чувством чести. Ночью я лежал в своей постели, и у меня не выходило из головы, как много ты сумел узнать о нем, о других. Тебе известно почти все...

— Что это значит, Артур? Почему почти все? Вы хотите сказать, что вам известно еще что-то?

— Разумеется. Мне известно больше, чем кому-либо другому.

Он как ни в чем не бывало жевал булочку, а я вытаращил на него глаза. У меня появилось ощущение страха, как у контуженного перед обстрелом.

— Поэтому я решил, — спокойно продолжал он, — пока еще не поздно и час мой не пробил, рассказать тебе всю историю целиком. Тебе предстоит жить с этим, нести такое тяжкое бремя, однако о многом ты имеешь не совсем точное, даже просто неверное представление. А тебе надо знать правду.

Он посмотрел на меня благодушно, со спокойствием человека, уже далекого от земных забот. Ему оставалось жить недолго, и он понимал это. Но я не хотел знать правду, я слышал так много версий этой самой правды, что не желал выслушивать еще один вариант — правду Артура. Он же продолжал говорить, и я не мог его остановить.

— Твой отец был нацистом, как ты уже знаешь, но это только маленький фрагмент общей картины, Джон. Да, он был нацистом, а также патриотом своей родины, истин-

ным героем Америки, одним из тех, кто был вынужден ждать, возможно, многие годы, чтобы выполнить свою миссию, предопределенную историей.

— Что вы хотите этим сказать? Он был нацистом — и он был патриотом?..

Артур скрестил руки на широкой груди, поудобней устроился в обитом сидчем кресле.

— В тридцатые годы многие в нашей стране видели сильные стороны и даже достоинства фашизма и были потрясены таким бездарным воплощением их на практике припешниками Гитлера, ну и, конечно, им самим. Ваш дед, разумеется, принадлежал к сторонникам фашизма, а поскольку его положение было независимым, он мог открыто выражать свои взгляды. Другие не могли позволить себе этого. Но поверь мне, в тридцатые годы в нашей стране многие, притом в довольно высоких кругах, думали точно так же.

Позже, когда война приняла для немцев плохой оборот, когда мы стали оказывать значительное давление, в Вашингтоне и Лондоне родилось несколько планов, как наилучшим образом использовать сложившуюся ситуацию...

— Использовать сложившуюся ситуацию? — переспросил я. — О чем вы толкуете? Ведь мы выигрывали войну...

— Выигрывали войну, — повторил он. — Войны почти никогда не выигрывают на поле боя, Джон. Их выигрывают, как правило, в других местах — в оперативных комнатах, ставках главнокомандования и на различного рода совещаниях. И очень редко на полях сражений. Естественно, были и среди нацистов хорошие люди, способные внести порядок и разумное начало в послевоенный хаос, люди, достойные всяческого доверия в неизбежной борьбе против коммунизма.

— Вы шутите, — сказал я. — Тогда мы даже еще не разгромили немцев!

— Нет, не шучу, — ответил Бреннер.

— Да-а, — медленно произнес я. — Да, я вижу, что вы не шутите.

— В Вашингтоне решили направить вашего отца для установления связи с группировками внутри Германии, с этими способными, талантливыми людьми, которых мы считали сочувствующими. Ваш отец был нацистом, да, но им всегда руководили из Вашингтона и Лондона... иначе говоря, правительство Соединенных Штатов и правительство Соединенного Королевства, через своих высокопоставленных лиц, получавших совершенно секретные сведения от тех

деятелей, которые отдавали себе отчет в том, что Гитлер — бездарный параноик, который превратно использует в общем-то действенную систему.

Для этих лиц, Джон, цель войны заключалась в том, чтобы избавить мир от Гитлера и его своры, как, впрочем, и для всех других... э-э... рационально мыслящих людей во всем мире. — Он улыбнулся, как бы утешая меня, и налил нам еще по чашке чая. — Но не в уничтожении самого движения, улавливаешь разницу? Ядро должно было оставаться сильным, активным. Существовала главная задача: бороться против общего врага — России. Но вначале следовало использовать ее — нашего наиболее опасного противника — для уничтожения менее опасного врага. Не смотри на меня так удивленно, Джон. Поразмышляй над этим. — Он подлил в свой чай сливок, аккуратно размешал сахар, стараясь не стучать ложкой по стенкам чашки. — Мы знали, что, каким бы плохим Гитлер ни был, это не самое страшное зло. Коммунистическая Россия — вот проклятие, чума, не имеющая себе равной в истории человечества. Понимаешь ли, — сказал он, дуя на чай, чтобы не обжечь рот, — положение было несколько затруднительным: прежде всего предстояло остановить Гитлера, так как именно он в тот период руководил движением, которое мы по праву считали своим. Потом, после устранения Гитлера, у нас было бы достаточно времени заняться Россией.

— Артур, — взмолился я, — поясните мне, вы-то тут при чем?

— Я тоже нацист, Джон. Но я не предатель. Надеюсь, ты веришь, что я никогда не предал бы свою родину? — Он натянуто улыбнулся, сощурил глаза.

— Нет, конечно, нет, — сказал я. — Я не ставлю под сомнение вашу верность родине... Я просто не знаю, что и думать... — Я действительно ничего не понимал. — Что значит — вы нацист? — За окном на кончике сосульки собралась шарообразная капля, она увеличивалась, наливалась тяжестью, но висела, как бы пренебрегая законом тяготения. — Вы же работали в правительственном аппарате, все время сидели в Вашингтоне.

— То-то и оно, — сказал он. — Теперь ты улавливаешь связь, Джон? Две стороны моей жизни никогда не находились в противоречии. Вашингтон и нацистское движение — это одно и то же, Джон. Именно это я и пытаюсь втолковать тебе. — Он увидел выражение моего лица. — Я не жду, что ты сразу все это воспримешь. Но со временем, Джон, ты

поймешь... На протяжении всей войны я поддерживал контакт с нашими людьми в Европе, вернее, они со мной. Либо через Белый дом, либо через Пентагон, иногда через нашего деда, но между нами всегда существовала тесная связь. Не кто иной, как я, Джон, организовал переброску наших людей на восточное побережье на гигантских подводных лодках. Я протаскил наших агентов на ключевые посты в наше правительство, в правительства Канады, стран Центральной и Южной Америки. Повсюду у нас были свои люди. Мы определяли, кому бежать из Германии, кому войти в послевоенное правительство в Германии и в некоторых других странах Европы, кому сесть на скамью подсудимых в Нюрнберге. Понятно, мы хотели сохранить далеко не всех из них, нам не нужны были чудовища, то есть настоящие военные преступники. Таких мы либо отдавали на растерзание в Нюрнберг, либо скармливали Симону Визенталю, а позже — полковнику Стейнзу. Нам важно было уберечь толковых людей, перебросить их в безопасные места. Единственным человеком, кого не удалось вывезти, был по-настоящему нужный нам Альберт Шпеер. Мы не сумели вовремя с ним связаться, а после того, как русские засадили его в Шпандау, выручить его оттуда уже не представлялось возможным.

Во всяком случае, — продолжал он, сопроводив слова жестом огромной бледной руки, — мы успешно использовали немецких административных работников и сотрудников специальных разведывательных служб. Самый выдающийся из них — Гелен, и он был нужен Аллену Даллесу просто позарез, особенно в первые послевоенные годы, когда мы знали о работе коммунистического механизма так мало, а он — так много. Были и другие... Мы не смогли бы сдерживать коммунистов без наших немецких друзей.

Он вышел долить чайник, а я сидел в растерянности, глядя в окно. Все ли я понял из того, что он тут говорил? Система создавалась постепенно, одно звено за другим, и к настоящему моменту сложность заключалась в том, что она уже действовала. Я представления не имел, как она работает сейчас и как работала раньше. Пока я не знал об этом, все было очень просто, во всяком случае, казалось довольно простым. Но нет, простым ничего никогда не было.

Вернулся Артур с подносом и баночкой чая. Сел, отмерил порцию в ситечко, неторопливо заварил его в маленьком керамическом чайничке, налив в него кипятку из большого чайника.

— Я понимаю, Джон, — произнес он тоном терпеливого педагога, — тебе трудно представить себе, что все то, о чем

я тебе рассказал, отнюдь не бред сумасшедшего о мировом господстве...

— А абсолютно серьезный, рациональный, хорошо продуманный план завоевания мира, — подхватил я. В голове у меня вдруг наступила необычная легкость, и я уже не знал, смеяться мне или плакать. Я еще крепче сжал подлокотники.

— Не бред сумасшедшего, Джон, а политика Соединенных Штатов, — продолжил он свою мысль, внимательно глядя на меня, — преимущественная политика, но тайная. Выборные официальные лица редко вовлекались в движение, часто они просто не знали о нем. Нам не нужны были номинальные лидеры, понимаешь?.. Все, что нам требовалось, — это сотрудники специальных служб, организаторы, дипломаты, ученые и горстка конгрессменов на ключевых позициях в необходимых нам комитетах. Видишь ли, мы не действуем по четырехлетним или восьмилетним планам, то есть в зависимости от того, кто в этот период правит Белым домом... Мы методически проводим свою линию в соответствии с нашими сроками с целью остановить коммунизм и объединить всех под единой крышей власти. Цинично? — Он улыбнулся своей особенной покровительственной улыбкой и кивнул. — Действительно, многие могли бы так посчитать, знай они об этом. Однако все дело в том, что мы не видим иного пути, другого способа обороны против русских и китайцев. Вопрос однозначен: или мы, или они, Джон, и борьба предстоит долгая...

— А если вы ошибаетесь? — глухо спросил я.

— Этого мы никогда не узнаем. К тому времени нас уже не будет. Мы ставим на карту жизнь людей грядущих поколений. Что же касается нас, то мы заняты, мы при деле. Когда наступит их время, они тоже найдут для себя какое-нибудь занятие.

Помолчав, я спросил:

— Почему они хотели меня убить? Зачем убили Сирила и Полу?

— Все дело в тех документах, что хранились в коробках в библиотеке... Там полная информация для тех, кто сумеет в них разобраться. — Его брови изогнулись дугой, он развел руками. — Возник вопрос: стоило ли рисковать? Ведь если бы вся эта информация стала достоянием масс, опять началась бы эта старая пустая болтовня о фашизме. Слишком многое всколыхнулось бы, понимаешь? Поверил бы кто-нибудь? Как знать... Почти наверняка — нет. Одна-

ко снова пошли бы ненужные разговоры... И глядишь, кто-то вдруг начал бы копать во всем этом, и следы привели бы в Германию, к Бренделю и Гауптману, а тут совершенно случайно кто-то вспомнил бы и Эдварда Купера, сына Остина Купера, и так далее и тому подобное, пока не добрались бы до бедняжки Ли. Такая возможность существовала, рисковать не имело смысла. Позже, когда мы установили, что Олаф Питерсон повез эти документы правительству, пришлось нажать кое на кого там, наверху. И мы нажали. Однако наш мистер Питерсон — человек весьма сообразительный. Когда он поехал в Нью-Йорк, мы, разумеется, ни на минуту не выпускали его из виду. В итоге мы решили командировать сотрудника ЦРУ, чтобы заключить сделку с тем профессором Колумбийского университета, который крайне нуждался в деньгах для выплаты алиментов, взноса за обучение сына в Эксетере и к тому же мечтал купить новую машину, насколько я помню. Так вот этот профессор сейчас выполняет кое-какую работу по контракту для нашего шифровального центра. Теперь у него достаточно денег, чтобы покрыть свои расходы, и даже хватит на кое-какие излишества. Таким способом мы заткнули ему рот. Мы всегда попросту можем сослаться на интересы национальной безопасности, как ты понимаешь, а национальная безопасность оправдывает многое, но, конечно, не явные грехи. Таким образом, как видишь, мы полностью обезвредили приятеля Олафа, — он посмотрел на меня, поглаживая на груди свой старый джемпер.

— А убийства? — спросил я.

— Покушения на твою жизнь? Их совсем не следовало бы разрешать. — Он выглядел печальным, огорченным. — Те двое, Киппюз и Рихард, были из ЦРУ... уполномоченные Гюнтера Бренделя, который впал в панику...

— Из ЦРУ?! — взорвался я, чувствуя, как начало покалывать кожу на голове. — Неужели у Бренделя была такая власть?

— Да, Джон. Они были сотрудниками ЦРУ. И герр Брендель, к сожалению, имел достаточный вес, чтобы от править их на такое задание. Поскольку они были из ЦРУ, все данные о существовании этих двоих легко можно было ликвидировать, скрыть. На запросы из Вашингтона никаких ответов не поступало, так как перед правительством фактически встала задача вести следствие против самого себя. В результате не осталось никакой документации о существовании подобных людей вообще... Когда ты убил должговзого, то есть Рихарда, это всех встревожило. Киппюза тотчас

же отозвали и перебросили в Буэнос-Айрес, на его постоянную оперативную базу.

Солнце затерялось в небе, низко над землей повисли плоские серые облака. Деревья стояли голые, точно обгоревшие, и тающий снег падал каплейю с карнизов, словно сотня метрономов отбивала такт.

— Кто убил Сирила? Майло Кипнюз?

— Нет. — Артур тяжело задышал, потер нос тыльной стороной ладони. Сквозь его серебристые седины просвечивала розовая кожа черепа. — Нет, Сирила убил не он. И не он задушил Полу... Как только человеку там, на верху нашей маленькой пирамиды, стало известно, что Брендель по собственной инициативе натравил на тебя убийц, он моментально приостановил это и отослал Кипнюза. Что же касается Рихарда, то было уже поздно.

— Питерсон убил его в Лондоне, — сказал я.

— Не понял...

— Кипнюза.

— Ты присутствовал при этом, надо понимать?

— Да. В загаженном туалете в пивной.

— Ну и ну! Кипнюза... — В уголках рта Артура промелькнула тень удовлетворенности. — Должен признать, это меня ничуть не удивляет. Мистер Питерсон — крепкий орешек. Он вызывает у меня восхищение. Сейчас он в Вашингтоне и выслушивает приблизительно то же самое, о чем я говорю тебе.

Мне становилось все трудней и трудней дышать. Оцепенение охватывало не только тело, но и мозг. Я прекрасно сознавал, что предельно измучен и умственно, и физически, что умственное напряжение во много раз сильнее физического. От этого напряжения мои виски сжимало словно щипцами. Страх, недоумение и отвращение — все слилось. Мне казалось, что я молча просидел в своем кресле целую вечность, а когда я взглянул на часы на каминной полке, был всего лишь полдень. На улице лениво моросил весенний дождь. Снег быстро таял, оседал, обнажая мокрые, мертвые бурые листья, похожие на плоских жуков. Тиканье часов напомнило мне гостиную в доме Рошлера, и мысли мгновенно перешли на Ли.

Я вспомнил, как мы встретились с ней в заснеженном парке, как шли и говорили о фильме, о пассажирах на корабле, плывущем в небытие. Без конца перебирал в памяти другие наши встречи... как я целовал ее в губы там, в санях, как она появилась у меня в ту же самую ночь... Увижу ли я когда-нибудь ее снова?

— У тебя было трудное время, Джон, — заметил Бреннер. Он помешал кочергой в камине, с трудом нагнулся и подложил пару поленьев, пошевелил угли, пока не загорелась кора.

— Я думаю о Ли, — сказал я. Перед моим взором стоял квадрат окна, в котором вспыхнул свет, в то время когда наша машина сворачивала на улицу. Я знал, во что мне хотелось верить.

— С ней ничего не случится, — заверил он. — Обещаю тебе. О ней позаботятся. Ведь она из семьи Куперов.

— Они и в Глазго покушались на меня...

Он кивнул:

— Знаю, знаю. Еще один глупый, необдуманный шаг, опять же вызванный паническим состоянием Бренделя. К тому времени он уже знал, что ты побывал в Буэнос-Айресе, знал, что ты видел эту фотографию и беседовал с Котманом и Сент-Джоном. Котман — человек педантичный, осторожный, он был в ужасе, однако не захотел превышать своих полномочий, которые, естественно, не распространились так далеко, чтобы позволить убить единственного оставшегося в живых сына Эдварда Купера. Сент-Джон же — тип, безусловно, абсолютно аморальный — находил все это довольно забавным: что ни говори, он занимал нейтральную позицию, не связывал себя никакими обязательствами, но, отлично зная, что за нацистским движением стоит правительство Соединенных Штатов, не хотел дразнить Вашингтон... И на этот раз Брендель решил действовать по-своему, — произнес Бреннер с оттенком недовольства в голосе. — Он вновь спустил с цепи своих псов, как только узнал, что ты в Глазго и следуешь по стопам Сирила, хотя и в обратном направлении, что со временем все равно привело бы тебя в Мюнхен. Впрочем, он не думал об этом и ни с кем не советовался. Он просто хотел устранить тебя, прежде чем ты успеешь разыскать свою сестренку живой, невредимой и относительно здоровой. — Артур вздохнул тяжело, со свистом; эта длительная беседа отняла у него много сил, но он держался спокойно, уверенно и с достоинством. — Как мне потом сообщили, акция, на которую Брендель дал санкцию, бездарно провалилась. На твоё счастье, слава богу. И Брендель не счел нужным проконсультироваться с главой организации, хотя знал, что такое решение, как ликвидация сына Эдварда Купера, должно быть согласовано и утверждено на высшем уровне. Он понимал, что ему этого не позволят, а потому и не обратился к главе. Правда, он знал, что не мог связаться с этим человеком наверху, в тот момент это

было невозможно... и герр Брендель решил действовать самостоятельно.

— Но почему, — спросил я, — почему он не мог запросить человека наверху? Почему это было невозможно?

Артур долго смотрел на меня, как бы раздумывая, стоит ли мне это говорить, и наконец ответил:

— У меня был инфаркт, Джон. Я лежал без сознания.

К ужину я даже не притронулся, зато осушил два бокала вина. Ночь стояла темная, пламя свечей ограждалось на серебряных приборах на большом столе, покрытом старинной кружевной скатертью. Я сидел на стуле, прислушивался к шуму дождя, смотрел, как он хлещет по мощенному булыжником внутреннему дворику, сечет по белой кованой мебели, потом уставился на огонь в камине. Я испытывал смертельную усталость, потерял всякую волю, решимость и надежду. У меня не было будущего. Меня цепкой хваткой держало прошлое.

Артур прикурил сигару от канделябра и проглотил рюмку хереса. Перед ним стоял графин из граненого хрусталя. В мигающем свете свечей Артур выглядел старше, щеки его ввалились, глаза глубоко запали, но голос оставался сильным, ум — гибким.

— Я — Барбаросса, Джон. И всегда был им — с того самого момента, когда стало ясно, что Гитлер проиграет войну. Они обратились ко мне. Тогда я работал в правительственном аппарате, в госдепартаменте, где меня ценили и уважали. Считали «надежным», как говорили мои коллеги с Юга. Я был абсолютно нормальным, спокойным, уравновешенным человеком, судил обо всем здраво и, по общему признанию, отличался предприимчивостью. Совет организации довел до моего сведения свое общее мнение о том, что я как раз такой человек, какой им нужен.

В тот день я сидел в Вашингтоне у себя в кабинете. Им я сказал, что дам окончательный ответ к вечеру. Я понимал, на какой иду риск и что ставлю на карту. Была весна. Я покинул кабинет и долго бродил под цветущими вишнями, обдумывая, что все это может для меня значить, какие долгосрочные обязательства я на себя беру. Выбор был не из легких, но и не дьявольски трудный. Скорее, все сводилось к моей способности правильно разобраться в возможных последствиях. Вечером, помню, я сидел в своем предестинном особняке в Джорджтауне, в библиотеке с обитой кожей мебелью, пил коньяк, курил сигары. Решение было принято. Узнав о моем согласии, они пожелали мне успехов, а потом мы присоединились к дамам, чтобы составить партию в

бридж. — Он задумчиво улыбнулся. — С тех пор прошло тридцать лет, и естественно, движение приобрело совершенно иной характер. Мы не вмешивались в ход войны, ибо знали, что она нужным образом подготовит мир. Нацисты потерпели поражение и потеряли всякую надежду на господство в Европе и Азии. Им суждено было с позором исчезнуть с лица земли... — Он поднял голову и поглядел мне в глаза сквозь пелену дыма и пламя свечей. — Но умерло только название, Джон. Только название.

Однако вернемся к началу нашей беседы... Таким образом, пока я лежал с инфарктом, герр Брендель предпринимал несколько попыток отделаться от тебя. Как отвечать передо мной, да и придется ли вообще отвечать, — об этом он не беспокоился. Возможно, он считал, что моя жизнь уже висит на волоске. Одним словом, он совсем потерял голову, опасаясь, что существование нашего движения будет раскрыто. В его глазах ты представлял для него явную и притом ужасную угрозу. Тебя необходимо было остановить, неважно, последний ты из Куперов или нет. А я больше не мог тебя защитить.

Слушая Артура, я вспоминал глаза Бренделя, похожие на две плоские гальки, и серьезное лицо, на котором лишь изредка появлялась улыбка.

— Они потеряли тебя из виду, когда вы с Питерсоном уехали на остров Кэт. Мало кому из нас было известно об Айворе Стейнзе. Кстати, Брендель и Котмап понятия о нем не имели. Лично я знал о сумасшедшем полковнике. Время от времени мы даже использовали его: бросим ему приманку и ждем, наблюдаем. Он и его помощник Даусон сразу шли на запах. Герхард Рошлер в течение многих лет выполнял некоторые его поручения и завоевал доверие. Но, повторяю, таких, кто знал о нем, было немного, и одним из них был твой отец, Джон.

Стейнз никогда не мешал нам, напротив, он даже помогал, сам того не сознавая, конечно. Помогал избавить наше движение от людей, с которыми мы не хотели иметь дело. Бренделя он все это время обходил. Как бы там ни было, на Бренделе не было запекшейся крови жертв, он не принадлежал к тому типу нацистов, которые представляли интерес для Стейнза. «Неонацисты» — так называл сумасшедший полковник Бренделя и его окружение. Они его не волновали. Это ты заставил его заинтересоваться им, ты и Питерсон, вот он и обратился к Рошлеру, и тот убил его.

— Выходит, теперь вы должны убрать Рошлера? — заметил я.

— О нет, не думаю, — ответил Артур, не теряя терпения.

— Но ведь Рошлер работает на Стейнза. Он помог нам бежать от Бренделя... — Только сейчас я, кажется, начал улавливать причинную связь и последовательность событий.

— Он помог вам, потому что я ему приказал, Джон. Я приказал ему доставить тебя сюда, а Питерсона отправить в Вашингтон, где ему вправят мозги. Джон, выслушай меня внимательно. Доктор Рошлер — наш человек. Он возглавляет нашу организацию в Европе.

— А как же «Белая роза»? — Все буквально перевернулось с ног на голову. — Как же его жена-еврейка? — Я услышал свой надтреснутый голос, голос другого человека, которого я больше не знал и знать не хотел.

— Все это правда, — ответил он, — все правда. Он ненавидит старых нацистов, ненавидит за истребление евреев. Он испытывал удовлетворение, выполняя поручения сумасшедшего полковника.

— Стейнз знает про Рошлера?

— Нет-нет, подлинная роль Рошлера тщательно сохраняется в тайне, как и моя. Единственный, кто в движении выше его по рангу, — это я. Он — человек номер два, Джон.

Бреннер поднялся из-за стола, обошел его и остановился рядом со мной.

— Боже мой, Артур... боже мой!

— Понимаю, понимаю, — сказал Бреннер, положив мне на плечо свою тяжелую руку. — Я очень сожалею, что тебе пришлось узнать всю правду. Предпринято было немало усилий, чтобы скрыть ее от тебя. — Он пожал плечами. — Что поделаешь, такова жизнь. Ладно, Джон, давай выйдем на свежий воздух. Прогулка пойдет нам на пользу: пицца уляжется, а на душе станет легче. Пошли, сынок.

Мы надели пальто и вышли на улицу. Было сыро, но дождь прекратился. В безмолвии ночи, если напрячь слух, можно было уловить слабый рокот водопадов, приглушенный скалами.

— Что же будет дальше? — Я глубоко вдохнул холодный воздух и вспомнил ту, другую ночь, когда мы шли по лесу и натолкнулись на труп коленоупреклоненного Зигфрида, похожий на валун среди деревьев.

— Дальше? Я не увижу, что произойдет потом. Меня скоро не станет. Конечно, ты знаешь далеко не все. Тебе неизвестны наши сроки, неизвестны наши планы. Ты не представляешь, как мы намерены их осуществить, как мы

поступим с этой страной. Ты не знаешь ни нашего самого главного человека здесь, в Америке, ни тех, кто заменит меня и Рошлера после нашей смерти. Не знаешь, кого мы в конечном счете собираемся посадить на президентское кресло в Белом доме. О, разумеется, тебе знакомо его имя, оно всем знакомо, только никто даже не догадывается, что он наш человек. — Артур шел, опираясь на палку, засунув свободную руку глубоко в карман пальто. Я следил за ним краем глаза: он наклонялся вперед навстречу сырому ветру. Услышав его последние слова, я почувствовал, как внутри у меня все сжалось от ужаса.

— Сейчас мне хотелось бы знать одно, — сказал он, — что ты думаешь об этом, обо всем, что услышал сегодня. Я должен иметь представление о твоей точке зрения. Ты понимаешь? Мне необходимо это знать. — Он закашлялся, вынул руку из кармана, подтянул шарф к самому подбородку, поднял воротник. Непонятно, откуда только у него брались силы.

— А что, по-вашему, я могу думать, Артур? — Я судорожно вздохнул. — Все, во что я верил, что служило мне опорой в жизни, моим якорем, оказалось ложью. У меня ничего не осталось: брат убит, сестра отвергла меня из-за того, что я, стремясь отыскать ее, стал невольной причиной гибели нескольких близких ей людей. Я узнал, что мой отец — фашистский агент, а вовсе не герой войны. Рошлер, которому за время моих скитаний я действительно поверил, — тоже нацист, или, как вы предпочитаете выражаться, один из вас. — Я перевел дыхание и продолжал: — Мне авторитетно заявляют, что моя родина вовлечена во всемирный заговор, интригу или движение, словом, стала частью этого проклятого четвертого рейха, а тут еще вы, Артур, — единственный в мире человек, которому я беспрдельно верил, вы, Артур... вы тоже один из них. Что я должен, по-вашему, думать, Артур? Теперь мне все безразлично. Я больше ничего не хочу знать. Мне наплевать на все. Пожалуйста, захватывайте весь мир, меня это больше не касается. Я мертв, Артур. Я никому ничего не собираюсь рассказывать, поскольку мне все безразлично. Да и куда, черт возьми, я могу обратиться? В ФБР? В ЦРУ? Ну подумайте, куда? В «Нью-Йорк таймс»? В «Вашингтон пост»? Уж тогда лучше в «Панч». Вы говорите: такова действительность и такой она будет и впредь. И я отвечаю: прекрасно, пусть так будет. — Я взял его за рукав, и мы остановились посреди грязной дороги. Шум водопадов стал громче, но не заглушил звука автомашины, донесшегося откуда-то издалека. —

Единственное, что мне остается, — это попытаться как-то собрать из осколков свою жизнь. Вам незачем опасаться меня, в этом вы преуспели. Меня ничего больше не интересует. Все вы — это еще одна огромная корпорация. Какое мне теперь до этого дело?

— Вот если бы и Сирил думал так же, как ты...

— И что было бы тогда?

— Тогда мне не пришлось бы его убивать, Джон. Если бы он так же воспринял то, что я ему рассказал, если бы он только сказал: «Черт с ним, какое мне до всего этого дело?» Тогда никто бы не погиб, жизнь продолжалась бы...

— Артур, о чем вы говорите?!

— Но Сирил не поверил, что я могу убить его, он не поверил, что я на это способен. Он сказал, что обязан поговорить с тобой, а потом найти путь к правде. — Бреннер бросал слова куда-то в темноту, обращаясь в одинаковой мере как ко мне, так и к себе самому. Возможно, он подводил итог перед кончиной. Впрочем, теперь это не имело для меня ровно никакого значения. — Мы с ним сидели в спальне, — продолжал Бреннер. — В камине горел огонь, мы пили коньяк, и я все рассказал ему. Он пришел в ярость, не захотел увидеть в моем рассказе ни логики, ни неизбежности такого хода событий. Мы беседовали очень долго, однако разубедить его я так и не смог. Он ответил, что обратится к своим друзьям в прессе, но обязательно все вытащит на поверхность. Ты понимаешь, Джон? — Голос Артура слабел. — Собственно, у меня не было выбора. Он умер без мучений. Мне также пришлось убрать бедняжку Полу. Ты считал, что я отдыхаю у себя в гостинице, а я тем временем пошел в библиотеку и убил ее. — Он повернулся, чтобы идти назад.

Я лишился дара речи. Глаза у меня жгло огнем, все тело покрылось холодным потом. Так плохо мне никогда еще не было.

— Я даже не могу сказать тебе, как это было ужасно. Такое словами передать невозможно. Я никогда никого в жизни не убивал. — Он говорил отрешенно, все больше и больше обращаясь к себе, точно меня здесь не было. — Когда ты вошел в дом, я все еще находился там, наверху. Стоял затаив дыхание, не зная, что мне делать, если ты вдруг поднимешься. Сирил был мертв, во всяком случае, без сознания и при смерти. Я молил бога, чтобы ты поскорее ушел... И ты действительно ушел. Выждав какое-то время, я пешком вернулся в город, к себе в гостиницу. На улице валил снег, и я знал, что мои следы заметет. На пути до города мне не

встретилось ни одной живой души: было слишком холодно, и люди носа не высовывали на улицу. В гостиницу я вошел через служебный вход, никто меня не видел. Ночь выдалась темнее темного. — Он надсадно закашлялся, в горле и легких у него все клокотало. — Я знал, что простыл. Потом, когда мне пришлось побывать в библиотеке, стало еще хуже... Что же касается нападения на мой дом и взрыва, мы их инсценировали, чтобы направить тебя и Питерсона по ложному следу. Это сделали мы с Майло еще до его отъезда. Он прятался у меня в доме на чердаке. Все казалось таким абсурдным, мелодраматичным. Я чувствовал себя в идиотском положении. Боже мой, мне и в голову не могло прийти, что я вынужден буду кого-то убить... и вот я убил несчастного Сирила.

Он замолчал, уцепился за мой рукав, повиснув на мне всей тяжестью. Я покачулся. Бреннер дрожал, все его огромное тело содрогалось. Он рыдал. Я стоял и смотрел на него.

— Я убил Сирила Купера, а теперь еще ты впутался в это, но, видит бог, я хотел уберечь тебя, спасти. Я никогда не думал, что ты проявишь такое упорство, но ты оказался настойчивым. Я растерялся. Однако последнее слово в нашем движении было за мной. Я был уверен, что смогу защитить тебя, куда бы ты ни поехал. Надеялся, что ты упрешься в тупик в Буэнос-Айресе, но тут Сент-Джон показал тебе снимок из газеты... Он не знал, — Артур ловил ртом воздух, — он и понятия не имел, что натворил: связь со мной уже прервалась. Он не мог предвидеть всех последствий своего поступка. Всех подробностей не знал ни один человек. Даже я...

Бреннер шел с трудом, опираясь на меня.

Итак, эта страшная история подошла к концу. Я был физически и морально опустошен, последние силы покидали меня. Жизнь достигла своей последней черты, осталось сделать только один шаг.

Ни Бреннер, ни я не заметили черного «кадиллака», стоящего позади моего серебристого «линкольна». Мы просто не обратили на него никакого внимания. И вдруг задняя дверца автомобиля распахнулась и вспыхнули фары.

— Что такое? — произнес Артур, прикрыв глаза ладонью. — Что такое?.. Сирил! — почему-то выкрикнул он имя моего убитого брата. — Джон! Что происходит? — Ошеломленный, он отшатнулся от меня.

— В сторону, Купер! — Я не видел того, кто это крик-

нул, потому что поскользнулся, замахал руками, стремясь сохранить равновесие, и упал.

Из машины вырвалась жуткая вспышка пламени, раздался грохот, который стиснул меня со всех сторон, когда я падал наземь. «Умер, — пронеслось у меня в голове. — Слава богу, умер...»

В дугообразных лучах света надо мной промелькнули полы пальто Артура, и его огромное тело откинулось назад. Еще одна вспышка, снова грохот, и Артур повалился наземь, перегнувшись в поясе...

Я стоял на четвереньках в холодной жиже. Осколки льда вбивались мне в колени и ладони. Кто-то приближался ко мне. Свесив голову, я почти не дышал, почти ничего не ощущал, кроме боли. Я тяжело упирался руками в лед, который резал ладони, точно битое стекло.

Чудовищной силы рука сграбастала меня, подняла на ноги, повела к машине. Кто бы ни был этот тип, у него была всего лишь одна здоровая рука. Вторая покоилась на перевязи. От грохота выстрелов я совсем оглох, глаза затуманились от пота, боли и страха. Человек с рукой на перевязи с трудом затолкал меня в машину. Я распластался на заднем сиденье, в полной темноте, уткнувшись лицом в чью-то ногу, а потом, судорожно вздохнув, схватился руками за сиденье и приподнялся.

— Добрый вечер, мистер Купер.

Голос был металлическим и звучал с едва уловимой усмешкой. С переднего сиденья на меня глядел полковник Стейнз. Даусон садился за руль.

С трудом поднявшись, я сел.

— Ну, Купер, я рад вас видеть снова.

Я обернулся и увидел его.

— Олаф, — только и произнес я.

ЭПИЛОГ

Описывая Лондон, Т. С. Элиот сравнил его с «бурым туманом зимнего утра», и этот образ мне всегда импонировал. Об этом-то я и думал, притормаживая и направляя свой серебристый «линкольн» на стоянку на Малборо-стрит, куда смотрели фасады четырехэтажных городских домов, каждый из которых, казалось, с опаской взирал на свое единственное крыльцо, выходящее на тротуар. Утренний туман уже сильно поредел, и осеннее солнце выглядывало из-за облаков. Опавшие листья, янтарные и пурпурные, похрусты-

вали под ногами. Утро стояло чудесное. Было свежо, как всегда в конце октября, и я чувствовал себя отлично в теплой куртке и перчатках, в начищенных туфлях из цветной кожи, синей сорочке и вязаном галстуке в полоску. Миссис Мосс, доктор в Бостоне, которой я показываюсь три раза в неделю, уверяет, что если я буду вести нормальный образ жизни, то постепенно стану вполне здоровым человеком. Возможно, она и права, поскольку в промежутках между своим появлением в Гарвардском университете в обличье доцента, прогулками по берегу реки, работой над книгой о чудовищных убийствах во время студенческих волнений и регулярным принятием определенных доз лекарств я веду себя так же, как и любой другой человек.

Именно об этом я и размышлял, стоя на углу Арлингтон-стрит, дыша полной грудью и радуясь тому, что живу.

На противоположной стороне, у пруда, сидела на скамейке женщина в пальто из голубой ткани и читала книгу. К спинке скамьи ремешками был пристегнут маленький мальчуган. Протопав, насколько ему позволял поводок, он наклонился и с ангельской улыбкой на круглом личике принялся разглядывать листья. Эта сцена привлекла мое внимание, а доктор Мосс настоятельно просит, чтобы я сообщал ей обо всех своих наблюдениях. Это всегда вызывает у доктора Мосс одобрительную улыбку. В течение всего лета ее тревожило мое состояние: у меня не было устойчивого контакта с внешним миром. Теперь же я замечал, какая стоит погода, как кахнут листья, какими красивыми становятся деревья городских парков и садов, когда исчезает покрывавший их туман. Доктор Мосс внушает мне, что я должен стараться восстановить связь с окружающей меня средой. И я делаю все, что могу.

Я увидел его возле отеля «Ритц». Это было так похоже на него: просто взять и приехать и запросто остановиться в гостинице. Я обратил внимание на его наряд: легкий серый костюм «в елочку», белая сорочка, красно-синий фуляровый галстук, серебряная булавка на воротничке. Он обернулся, словно под воздействием телепатии, и увидел, что я направляюсь к нему. Он стоял и смотрел на меня, опустив уголок рта в полуулыбку.

— Купер, — сказал он и несколько смущенно пожал мне руку. — Ну, как жизнь?

— Ничего, — ответил я. — Мой доктор считает, что я в норме или почти в норме. Уверяет, что скоро все будет хорошо.

Питерсон буркнул что-то. Лицо у него было еще смуг-

лее, чем раньше. Надо полагать, он провел все лето под жарким солнцем.

— Что касается этой чепухи о ненормальности, тут они явно перегибают. — Он внимательно наблюдал за мной, надеясь, наверное, по моему лицу понять, все ли у меня в порядке.

— Боже, вам-то откуда знать? Вы, я думаю, за всю свою жизнь не провели ни одного дня нормально.

Мы оба рассмеялись, но не как друзья, которым выпало на долю немало пережить вместе в трудные времена. Пожалуй, так встречаются старые однополчане после того, как война, сблизившая их, наконец окончилась. Собственно, сейчас у нас не было ничего общего: то грустное и мрачное, что связывало нас, осталось там, в прошлом.

— Моя жена отправилась по магазинам со своей старой приятельницей, — сказал Питерсон. — Мы договорились встретиться днем и вместе пообедать, наверное, в какой-нибудь идиотской чайной, где столики покрыты салфеточками и где собираются божьи одуванчики в чепцах. — Мы переходили улицу. — По магазинам пошла, — проворчал он. — Слава богу, что она хоть богата, слава тебе, господи, и за это.

Трава уже стала бурой, земля затвердела, прихваченная заморозками. Но в городском саду и в парке Коммон всегда было полно народу. Я ощущал запах трубочного табака. В Бостоне вечно висит этот запах. Некоторое время мы шли молча. Я чувствовал себя совсем здоровым — никакого психического потрясения от новой встречи с Питерсоном я не испытал. Я вспомнил все, что случилось, и это было как бы проверкой для меня. Однако никакого рецидива не произошло. Доктор Мосс пришла бы в ужас, если бы узнала, что я встретился с ним. Но я оставался на высоте.

— Расскажите, как там в Куперс-Фолсе, — попросил я.

— Ну, — произнес он после длительной паузы, — все вроде в порядке. Поговаривают о новом здании на том месте, где раньше была моя контора. Городским властям нужно какое-то помещение. Ахо носится по городу, толкая импровизированные речи. То же и с библиотекой. Но вы знаете, как это теперь бывает: построят какую-нибудь застекленную коробку, наставят полек, насуют кучу современной мебели и назовут этакое сооружение «библиотекой», но это будет далеко не то.

— Да, совсем не то.

— В остальном, пожалуй... как всегда, — Он мельком

бросил на меня взгляд. Усы у него опустились, глаза блеснули, как два кусочка антрацита.

— Узнали, кто убил Сирила и Полу? И беднягу Артура?

— Нет, мы так ничего и не выяснили. Никакой зацепки, а существовавшие версии в итоге завели нас в тупик. К нам снова наведывались ребята из ФБР, но от них тоже оказалось мало толку. Словом, все выглядит как ничтожная необъяснимая сноска на одной из страниц истории. А в истории полно таких загадочных событий. Людей то и дело убивают, а убийц никогда не находят. Так чаще всего и получается.

На вершине холма играл духовой оркестр Армии спасения. Мы на минуту остановились, глядя на оркестрантов и на свои безобразные отражения с раздутыми головами на поверхности начищенной до блеска трубы. Трубач играл с закрытыми глазами. По-видимому, он знал свою партию наизусть. Лицо его побагровело от натуги. Питерсон потянул меня за рукав.

— Давайте поднимаемся туда, — он указал на скамью на самом верху подъема, откуда был виден весь парк Коммон и город Бостон, высившийся по другую сторону.

Усевшись, он достал коробку и предложил мне сигару. Я взял ее. Минуту-другую мы курили, глядя на прохожих и подставив лица солнцу.

— Есть какие-нибудь известия от наших друзей? — спросил я.

— Нет, после отъезда полковника и Даусона — никаких.

— Что было, Олаф? Мне любопытно. Вряд ли меня это взволнует. Теперь, во всяком случае.

— Хорошо, — произнес он, глядя на клубы сигарного дыма. — И на этом поставим точку.

— Возможно, мы больше не увидимся, — ответил я.

— Что ж, будь как будет. Давайте покончим с этим раз и навсегда. Если доживем до старости, тогда, может, вспомним что-нибудь, а сейчас я вкратце расскажу вам, как это было... Итак, они привезли меня в Вашингтон и рассказали примерно то же, о чем говорил вам Артур. В нужных местах я охал, ахал и не мог понять, они сумасшедшие, или я, или весь мир спятил. Оказалось, весь мир, но в данный момент это к делу не относится, правильно? Так вот, когда они кончили, я ответил, что меня это, в общем-то, не касается. Сами посудите, что, собственно, можно сказать в такой ситуации? Миром заправляют полоумные, это их проблемы. У меня есть, слава богу, женины капиталы. Живешь-то ведь

не вечно, не так ли? «Хорошо», — ответил я и послал их куда подальше. Они похлопали меня по плечу, сказали, что уверены во мне... Представляете себе? — Питерсон покачал головой. — Мне сообщили, что Артур, мол, обеспечил мое благоденствие, чуть ли не письменно поручился за меня! Я поморгал глазами, сказал, что все понял... Боже, слушая такое, можно было подумать, что во главе нашего правительства стоят братья Маркс¹. — Он помолчал, задумавшись. — Хотя как знать? Через неделю мы переизбираем президента-невидимку, летом у нас был Уотергейтский скандал, история с сенатором Иглтоном и бог весть что еще. Этим занимаются чокнутые, Купер. Ну да ладно, продолжим. — Он вернулся к предмету нашего разговора, к нашим собственным делам, с трудом оторвавшись от сенсационных сообщений прессы. — При выезде из Вашингтона за мной увязался один из людей Рошлера. Да будет вам известно, те ребята в Вашингтоне действуют не самостоятельно, в конечном счете они отчитывались перед Артуром, а Рошлер был его заместителем. Таким образом, когда люди Рошлера обвели меня вокруг пальца, я принялся анализировать события со всех сторон. Прежде всего, Рошлер следил за нами во время нашего обратного полета, потом тайно использовал свои связи в Вашингтоне. Одурачил Вашингтон, обойдя официальные каналы, и вот его людишки говорят мне, что вскоре я увижусь с одним своим старым другом, он, мол, отправляется на серьезное задание, а мне следует оказывать ему всяческое содействие. В противном случае меня немедленно прикончат, а потом доберутся и до вас... — Он поглядел на меня в упор. — А чтобы еще убедительнее подействовать на меня, они заявили, что Ли Купер — так они ее назвали — тоже наверняка умрет.

Я ответил, что с моей стороны никаких возражений нет и что, по мне, они могут делать, что им вздумается. Тем старым другом, разумеется, оказался Стейнз. Рошлер рассказал Стейнзу всю правду о Бреннере и фашистском движении, скрыв, конечно, свою причастность к нему. Рошлер убедил его, что Бреннера необходимо незамедлительно нейтрализовать, иначе будет поздно. Стейнз проглотил наживку и выехал на дело сам. А я был гидом при нем. Собственно, у меня не оставалось выбора. Стейнз сам прихлопнул Бреннера. Он считал это венцом своей работы. Все было построено, Купер.

¹ Американские киноактеры-комики,

Рошлер убрал единственного человека, стоявшего выше его в их иерархии, и никто не может уличить его в этом, поскольку все другие члены организации, которые знали о существовании Стейнза, уже на том свете. О том, что Рошлер в нужных случаях выполнял кое-какие задания Стейнза, было известно одному Бреннеру. — Питерсон одарил меня лучезарной улыбкой, точно наконец-то закончил складывать совершенно белую, без всякого рисунка, а посему необычайно трудную картинку-загадку. — Сработано отлично, не подкапашься! — Он не мог не восхищаться таким точным расчетом.

— Остается единственное, — сказал я, — Стейнз.

— Стейнза нет в живых.

— Убили? Рошлер?

— Нет, нет. Он был обречен, уже стоял на краю могилы, еще когда мы приезжали на остров Кэт. Оставалось месяцев шесть. На деле вышло четыре. Рошлер, конечно, знал, что желание как-то увенчать свою карьеру будет у Стейнза так велико, что он не упустит случая взяться за дело самому. Так оно и получилось. Теперь Рошлер на вершине этой кучи. Самый главный. Всем заправляет.

— А Даусон? Что с Даусоном?

Питерсон рассмеялся:

— Он в Мюнхене. Работает на Рошлера. Получает жалованье через бывшую фирму Бренделя, блюдет ее интересы в Англии. Здравомыслящий человек этот Даусон. Наемник. Однако надежный. — Попыхивая сигарой, Питерсон откинулся назад, довольный, что рассказ окончился.

— Выходит, все концы в воду, так я понимаю?

— Совершенно верно. Теперь нам с вами ничего не грозит. Разве что весь мир в опасности... Но, возможно, мир сумеет за себя постоять. Кто знает, дьявол его поберет?

— Что слышно из Мюнхена?

— Ничего. Лично я не жду никаких вестей. И вам не советую ждать. У нас теперь все позади, Купер.

Мы вернулись к отелю тем же путем. Питерсон взглянул на часы и пожал плечами:

— Ну, мне пора идти.

— Мне тоже, — отозвался я.

— В таком случае, до встречи, — сказал он. По улице пронесся легкий ветерок и взъерошил его парик. Питерсон интуитивно вскинул руку, пригладил волосы. — Вечно кажется, что эту паклю сдует с головы. — Он засмеялся: — Вы единственный, кто разглядел ее, прохвост вы этакий! — Он схватил мою руку. — Пока, Джон! Будьте здоровы! И по-

старайтесь забыть обо всем. — Он пожал мне руку и, щурясь от яркого солнца, отправился своей дорогой.

— Все рано или поздно умирают, — сказал я ему вслед. Не знаю, слышал ли он мои слова.

— Как-нибудь позволю, Джонни! — Питерсон на ходу помахал мне, и мы разошлись в разные стороны.

Я возвращаюсь в свою квартиру. Ту другую, где я жил прежде и где получил телеграмму от Сирила, я давно оставил. Теперь я обитаю на верхнем этаже высокого здания с окнами на реку Чарлз и бостонский небоскреб «Хэнкок», в котором от ветра то и дело вылетают стекла.

Я сижу за столом, устремив взгляд в окно, на реку, которая в лучах заходящего солнца постепенно приобретает блеск вороненой стали. Далеко внизу двигаются машины, вычерчивая фарами свои трассы.

На столе передо мной стоит фигурка из фарфора — изящное красочное изображение атаки Флауэрдью. Я единственный в мире обладатель этой оригинальной вещи и прижимаю ею листы рукописи всякий раз перед тем, как открыть раздвижную дверь на балкон.

А когда я сажусь за свой стол и оглядываю просторную комнату, то вижу огромный портрет, написанный моим отцом много лет назад. На нем изображена моя мать. Она смотрит куда-то поверх моего плеча, будто что-то интересное происходит у меня за спиной.

Однако этот портрет висит в моей комнате не для того, чтобы напоминать мне о матери. Иногда, в подходящем настроении, я смотрю ей в глаза, стараясь поймать этот ускользающий взгляд, и, если гляжу долго-долго, перед моим взором встает огромный дом на окраине Мюнхена. На подъездной дорожке гуляет ветер, стучась в оконные рамы. Дом окутывает тихая, безмолвная ночь, а внутри горит свет. У окна притаилась чья-то тень. Но возможно, ее там и нет. Впрочем, это не имеет ровно никакого значения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Пролог	13
Часть первая	15
Часть вторая	115
Буэнос-Айрес	—
Глазго	154
Лондон	172
Германия	239
Дома	327
Эпилог	353

Редактор *И. М. Кузьменков*
Художник *А. И. Сухоруков*
Редактор (литературный) *Г. В. Сакович*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *Т. Г. Пименова*
Корректор *Н. М. Опришко*

ИБ № 2675

Сдано в набор 27.04.84. Подписано в печать 29.07.84. Г-70343.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкновенная новая.
Печать высокая. Печ. л. 11¼. Усл. печ. л. 18,9. Усл. кр.-отт 19,32.
Уч.-изд. л. 21,99. Изд. № 10/8802. Тираж 65 000 экз. Зак. 555.
Цена 2 р. 60 к

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

ТОМАС
ГИФФОРД

Legation
-Bellevue